ГОЛОСА РЕВОЛЮЦИИ

1 МАРТА 1881 ГОДА

Казнь императора Александра II

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Казнь народовольцами Александра II 1 марта 1881 г. стала поворотным моментом в истории российского освободительного движения и на многие десятилетия предопределила внутриполитическое развитие страны. Сегодня настала пора воссоздать целостную и объективную картину тех драматических событий. Попытка решить эту задачу и предпринята в настоящем сборнике.

Основу книги составляют воспоминания и документы народовольцев, свидетельства очевидцев, следственные, судебные и правительственные материалы, мемуары государственных деятелей, литературные портреты погибших и казненных революционеров. Сборник снабжен вступительной статьей.

- «1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II»
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - РОКОВОЙ ЧАС
    -
    - Н. А. Морозов
    - ДНЕВНИК СОБЫТИЙ С 1 МАРТА ПО 1 СЕНТЯБРЯ 1881 ГОДА
    - А. И. Дворжицкий
    - АРЕСТ РЫСАКОВА
    - Л. Г. Дейч
    - М. Эльцина-Зак
    - О. С. Любатович
    - ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД
    - А. П. Прибылева-Корба
    - Е. М. Сидоренко
    - А. В. Якимова
    - М. Ф. Фроленко
    - А. В. Тырков
      -
      - Слежка за царем 1 марта
  - НАДЕЖДЫ И ОЖИДАНИЯ
    -
    - ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
    - ЧЕСТНЫМ МИРЯНАМ, ПРАВОСЛАВНЫМ КРЕСТЬЯНАМ И ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ
    - ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЕВРОПЕЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ
    - ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИМПЕРАТОРУ

- АЛЕКСАНДРУ III
- ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!
- А. П. Прибылева-Корба
- П. С. Ивановская
- ПОКАЗАНИЯ В. ФИГНЕР ПО ДЕЛУ 1 МАРТА
- В. И. Дмитриева
- П. А. Аргунов
- Н. С. Русанов
- Л. А. Кузнецов
- С. П. Швецов
- В. М. Флоринский
- Г. К. Градовский

○ СМЯТЕНИЕ

-
- МАНИФЕСТ АЛЕКСАНДРА III ОТ 1 МАРТА 1881 Г
- ИЗ ПИСЕМ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА АЛЕКСАНДРУ III
- А. А. Бобринский ВОСПОМИНАНИЯ
- Е. А. Перетц
- П. А. Валуев
- В. М. Феоктистов
- В. П. Мещерский
- ИЗ ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ ОФИЦЕРА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОГО ПОЛКА[44]
- Н. Лавров

○ СЛЕДСТВИЕ

-
- ИЗ ДОКЛАДОВ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА, В. К. ПЛЕВЕ, А. В. КОМАРОВА
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - IX
  - X
- ПОКАЗАНИЯ РЫСАКОВА
- ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ РЫСАКОВА
- ПОКАЗАНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ А. И. ЖЕЛЯБОВА
- ПОКАЗАНИЯ С. Л. ПЕРОВСКОЙ
- ПОКАЗАНИЯ Н. И. КИБАЛЬЧИЧА
- ПОКАЗАНИЯ ТИМОФЕЯ МИХАЙЛОВА

- ПОКАЗАНИЯ ГЕСИ ГЕЛЬФМАН
- А. В. Тырков
- ПОКАЗАНИЕ И. П. ЕМЕЛЬЯНОВА ОТ 22 АПРЕЛЯ 1881 г
- ПИСЬМО Н. И. КИБАЛЬЧИЧА К АЛЕКСАНДРУ III
- ЗАВЕЩАНИЕ ИГНАТИЯ ИОАХИМОВИЧА ГРИНЕВИЦКОГО
- ПИСЬМО С. Л. ПЕРОВСКОЙ К МАТЕРИ

○ СУД
-
- ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ,
- РЕЧЬ ЖЕЛЯБОВА
- ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ
- ПРИГОВОР
- СОБЫТИЕ 1 МАРТА И ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
- Л. Н. ТОЛСТОЙ И КАЗНЬ ПЕРВОМАРТОВЦЕВ

○ КАЗНЬ
-
- ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
- СУД И КАЗНЬ ПЕРВОМАРТОВЦЕВ
- В. И. Дмитриева
- Г. К. Градовский
- К СУДЬБЕ ГЕСИ ГЕЛЬФМАН
- Л. Плансон

○ КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
○ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ УЛИЦ, ПЛОЩАДЕЙ И МОСТОВ ЛЕНИНГРАДА
○ ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9
○ 10
○ 11
○ 12
○ 13
○ 14
○ 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

«1 марта 1881 года. Казнь императора Александра II»

…Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалека предвещало,
Что выпадет такая карта…
И этот века час дневной —
Последний — назван первым марта.

А. Блок. Возмездие

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трагедия, начавшаяся в Петербурге 1 марта 1881 г. на набережной Екатерининского канала и закончившаяся 3 апреля на Семеновском плацу, стала яркой вехой отечественной истории. Собственно говоря, эта трагедия не началась 1 марта и не завершилась 3 апреля — это лишь две даты, обозначившие хронологические рубежи одного из самых драматических эпизодов русского освободительного движения. Истоки решения, выведшего группу молодых людей с бомбами в руках на улицы Петербурга и заставившего их, жертвуя собой, встать на пути царской кареты, восходят к сложному вековому развитию русской социальной, экономической и общественной жизни. Взрывы на Екатерининском канале стали заключительным аккордом целой эпохи русского революционного движения. В нем звучали идеи декабристов и Герцена, Чернышевского и Бакунина, Ткачева и Лаврова, Тютчева и Достоевского, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Тургенева и Толстого. Переплетаясь и отталкиваясь, они в то же время составляли единое целое. Неотъемлемой частью его были и те, кто решил своей жизнью и жизнью царя заплатить за то, чтобы колесо истории резко и решительно ускорило свой бег.

К мысли о необходимости казнить Александра II, о целесообразности осуществления широкой террористической деятельности революционное народничество пришло не сразу. Этому предшествовали события 70-х гг. В начале десятилетия значительная часть русского общества была глубоко разочарована результатами реформ 60-х гг. Более того, с помощью контрреформ реакции удалось выхолостить суть некоторых из них, резко сузить роль общественности в решении государственных вопросов. Недовольно было своим положением и крестьянство. Ведь значительная часть земли осталась в руках помещиков. Все это привело к подъему народнического движения. Как отмечал В. И. Ленин, русское народничество — это «целое миросозерцание… громадная полоса общ[ест]в[енной] мысли».[1] В основе народнического мировоззрения лежали идеи о некоем особом крестьянском социализме. Зародившись в 50-х гг. XIX в., эти идеи, пройдя череду спадов и подъемов, дожили до наших дней. В дореволюционный период истории России народничество ярче всего проявилось в 60-е гг. в деятельности революционных демократов, в 70-е — начале 80-х гг. — в «хождении в народ», в работе «Земли и воли», «Народной воли». В начале XX в. это мировоззрение во многом отразилось в идейной платформе

партии социалистов-революционеров.

Часть народников сделало своим кредо терроризм как возможное и морально оправданное средство для скорейшего достижения своей цели. И хотя первое покушение на Александра II было совершено Д. В. Каракозовым еще в 1866 г., для того, чтобы идеи терроризма прочно вошли в теорию и практику народничества, должен был произойти целый ряд событий, охвативших 70-е гг.

Как каждое общественное движение, революционное народничество направило все усилия на пропаганду своих идей, идей крестьянского социализма.[2] К началу 70-х гг. в его рядах было не менее тысячи активных деятелей. В подавляющем большинстве это были молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. Все они воспитывались на идеях 60-х гг. Их настольными книгами были произведения Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Они готовы были нести в массы социальные идеи Бакунина, Ткачева и Лаврова. Под воздействием российской действительности и идей утопического социализма в молодежи скопилась энергия огромной взрывчатой силы. Эта энергия нашла свое применение на путях революционной борьбы.

Первые нелегальные организации: «Большое общество пропаганды», кружок А. В. Долгушина и другие — приступили к массовому изданию книг, брошюр, листовок и воззваний «для народа». Печатное слово призвано было стать главным оружием в борьбе с самодержавием. В стране действовали подпольные типографии и гектографии. За границей революционная эмиграция наладила выпуск большого числа специально подготовленных брошюр. Написанные народным языком, они предназначались для распространения среди крестьянства и рабочих. На границе империи были созданы пункты, через которые в страну перевозилась вся эта литература. Накопив значительный книжный арсенал, молодые неофиты революции были готовы к действию. Один из них — Н. А. Чарушин вспоминал, что зимой 1873/74 г. «молодой Петербург кипел в буквальном смысле слова и жил интенсивной жизнью, подогреваемый великими ожиданиями. Всех охватила нестерпимая жажда отрешиться от старого мира и раствориться в народной стихии во имя ее освобождения. Люди безгранично верили в свою великую миссию, и оспаривать эту веру было бесполезно. Это был в своем роде чисто религиозный экстаз, где рассудку и трезвой мысли уже не было места. И это общее возбуждение непрерывно нарастало вплоть до весны 1874 г., когда почти из всех городов и весей начался настоящий, поистине крестовый поход в российскую деревню…»[3] Подавляющее

большинство участников «хождения в народ» составила студенческая молодежь.

Несколько тысяч юношей и девушек, движимых святой верой в то, что народ готов к революции и на их долю выпала честь стать только пламенем, поднесенным к бикфордову шнуру социального заряда, двинулись в деревни. Кое-как овладев навыками крестьянского труда и захватив с собой революционные издания, они разъехались по стране. Высшая точка их активности приходится на лето 1874 г. Среди участников этого движения были люди, чьи имена получили впоследствии громкую известность в истории общественного движения России: С. М. Степняк-Кравчинский, О. В. Аптекман, П. Б. Аксельрод, Л. Э. Шишко, И. Н. Мышкин, Д. А. Клеменц, А. И. Иванчин-Писарев и многие другие. Были среди них и те, кто спустя несколько лет выйдет на поединок с самодержавием уже не с книгой, а с оружием в руках: С. Л. Перовская, А. И. Желябов, Ю. Н. Богданович, А. В. Якимова.

Все попытки немедленно поднять народные массы на борьбу «за землю и волю» закончились крахом. И работавшие в деревнях в 1874–1875 гг., и пришедшие в рабочие казармы Иваново-Вознесенска, Москвы и Тулы члены «Всероссийской социально-революционной организации» вскоре подверглись арестам. При этом зачастую на суд и расправу их выдавали те самые крестьянские общины, в которых они видели чуть ли не «ячейки социализма». Властям удалось произвести массовые аресты. В тюрьмы были заключены сотни людей. Но царизм не спешил с судебными разбирательствами. Многие революционеры провели в заключении по два года, прежде чем предстали перед судом. Неверно было бы думать, что это произошло из-за пресловутой неповоротливости государственной бюрократической машины. Долгое ожидание суда было продуманной психологической пыткой. И в этом власти преуспели: часть заключенных, совсем еще юных людей, пала духом, были случаи тяжелых психических заболеваний и самоубийств. Несколько человек смертельно заболели и умерли в неволе или оказались искалеченными на всю жизнь. В 1877 и 1878 гг. большинство из арестованных прошло через первые в России массовые политические процессы, вошедшие в историю как процессы «50-ти» и «193-х». К различным срокам заключения были приговорены десятки революционеров. Сотни других участников общественного движения в административном порядке были высланы в Сибирь и северные губернии. Эта расправа была поставлена также в счет царизму и лично императору Александру II. В глазах революционного народничества царь стал непосредственным

виновником гибели их друзей и соратников.

Александр II был старшим сыном императора Николая I. Однако он, кажется, не унаследовал от отца ни его солдафонства, ни безграничной самоуверенности. Александр получил обычное для наследника престола образование, доминирующим элементом которого было военное дело. Правда, среди его воспитателей и учителей кроме привычного перечня генералов был и поэт В. А. Жуковский. В 1841 году Александру была найдена и достойная спутница жизни. По традиции ею стала девушка, принадлежащая к гессен-дармштадтскому дому — принцесса Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария, при переходе в православие принявшая имя Мария Александровна (1824–1880). За долгие годы совместной жизни у них родилось восемь детей. На престол Александр II взошел уже в зрелом возрасте. После смерти отца, в феврале 1855 года, в разгар несчастной для России Крымской войны, он возглавил огромную страну, долгие годы, казалось, находившуюся в состоянии летаргического сна. Поражение в войне наглядно показало, что империя стоит на краю социальной бездны. Экономика и финансы были расстроены, отставание от ведущих стран Европы стало таким, что России грозила опасность оказаться навсегда вне путей мировой цивилизации. Взволнованное общественное мнение требовало перемен. Следует отдать должное новому императору — он воспринял эти тревоги, осознал нависшую над страной опасность. Вокруг него сплотилась группа энергичных, образованных государственных деятелей: братья Милютины, А. В. Головнин, А. М. Горчаков, П. А. Вакуев, С. С. Ланской, П. А. Шувалов. В кратчайший срок ими были разработаны и затем проведены в жизнь важнейшие экономические, социальные и политические реформы, позволившие спасти отечественный государственный корабль от крушения. Однако императору не хватило ни образованности, ни характера, ни убежденности для того, чтобы продолжить и углубить буржуазные реформы. Его внутренняя и внешняя политика отличалась непостоянством. Реформы сменялись контрреформами, прогрессивные и энергичные государственные деятели часто удалялись в результате придворных интриг.

Немалое значение в судьбе царя имела и его личная драма. Долгие годы он был связан с княгиней Екатериной Долгорукой. Легкая любовная интрига переросла в глубокую душевную привязанность. Рождение детей в новой семье, необходимость постоянно разрываться между долгом и любовью, сплетни и пересуды в аристократических кругах — все это тяжело отразилось на характере Александра II. Даже смерть императрицы

в 1880 году и официальное признание связи с Долгорукой, ставшей теперь княгиней Юрьевской, не ослабили его душевного напряжения. Морганатический брак только усилил глухую неприязнь между царем и наследником престола, его старшим сыном великим князем Александром Александровичем, давно уже с неудовольствием взиравшим на представлявшееся ему излишне либеральным правление отца. Иногда кажется, что руководство гигантской державой уже просто тяготило Александра II. Куда лучше он чувствовал себя в узком дружеском кругу, на охоте или в путешествиях по своей необъятной стране.

Россия была абсолютной монархией, и слишком многое в ней зависело от личности царя. Александру II не чужды были человеческие чувства, но он фактически никогда не противопоставлял себя огромному феодально-бюрократическому аппарату, который по сути и являлся тем самым абсолютным монархом, превратившим государство в собственную вотчину. При этом все делалось от имени царя, который таким образом становился объектом критики и недовольства со стороны общественного мнения. Его имя ассоциировалось со всем злом, творившимся в стране, со всеми тяготами и неурядицами российской жизни. Так, Александру II — не человеку, не личности, а императору — судьбою предопределено было стать мишенью для террористов.

Разгром «хождения в народ» привел к дальнейшей эволюции взглядов значительной части революционеров. С 1876 г. начала формироваться новая организация, получившая в 1878 г. название «Земля и воля». Она вобрала в себя остатки различных революционных кружков и организаций. Здесь были и убежденные «деревенщики», пытавшиеся продолжать по-прежнему работу среди крестьян, и сторонники идей П. Л. Лаврова, считавшие необходимым быть готовыми к долгой пропагандистской работе в различных слоях русского общества. Но, пожалуй, особенно много среди них было последователей М. А. Бакунина, готовых стать на путь непосредственной вооруженной борьбы с правительством. Все это привело к острым разногласиям. Одним из главных пунктов, приведших к расколу, был вопрос о терроре, который с 1878 г. стремительно набирал силу. В январе выстрел Веры Засулич в генерала Трепова, в августе удар кинжалом Сергея Кравчинского, поразившего начальника III отделения Мезенцова. 1879 год начался также с террористических акций — 4 февраля Григорий Гольденберг застрелил прославившегося своей жестокостью при подавлении студенческих волнений харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина, в марте Леон Мирский совершил неудачное

покушение на нового начальника III отделения Дрентельна.

В марте 1879 г. в Петербург приехал из Саратовской губернии участник «хождения в народ» Александр Соловьев. Он связался с руководством «Земли и воли» и заявил о том, что приехал для того, чтобы совершить покушение на Александра II. То, что Соловьев, человек известный как сторонник широкой, терпеливой пропаганды в народе, сам годами работавший в деревне, пришел к такому решению, произвело на руководство «Земли и воли» огромное впечатление. И все же тогда, весной 1879 г., Соловьев не получил разрешения выступить с этой акцией от имени организации. Хотя в программе «Земли и воли» было записано положение о необходимости «систематического истребления наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства», однако трактовалось это лишь как средство «самозащиты». Ряд землевольцев тем не менее оказал Соловьеву техническую помощь. В апреле на Дворцовой площади Александр Соловьев совершил неудачное покушение. Он был схвачен и 28 мая казнен.

Это событие обострило разногласия среди революционного народничества. Значительная часть активных революционеров требовала не только усиления террора, но и заявления о том, что это делается от имени партии. В мае 1879 г. в недрах «Земли и воли», втайне от своих товарищей, сторонники террора создали свою фракционную группу «Свобода или смерть». Размежевание между «деревенщиками» и «террористами» стало неизбежным.

Разногласия призван был разрешить съезд, назначенный на июнь 1879 г. Но, прежде чем собраться в Воронеже, группа делегатов, сторонников террора, 15–17 июня встретилась в Липецке, где они выработали новую программу политической борьбы с царизмом. Среди тех, кто собрался в Липецке, были практически все будущие герои кровавой схватки с самодержавием: А. И. Желябов, Н. Н. Колодкевич, А. Д. Михайлов, С. Г. Ширяев, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, А. И. Баранников, Г. П. Исаев, А. А. Квятковский. Они пришли к единому мнению: осуществить социалистические цели движения возможно только после того, как будет «сломлен деспотизм», завоеваны новые политические формы правления. Важнейшим орудием борьбы за политические изменения в стране был признан террор. С этой программой группа и прибыла в Воронеж, где 19–21 июня состоялся последний съезд «Земли и воли».

На съезде возникли яростные споры между «деревенщиками», которых представляли такие яркие личности, как Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман и М. Р. Попов, и «политиками» во главе с участниками Липецкого съезда. Плеханов и его товарищи убеждали собравшихся, что террор приведет только к усилению

репрессий со стороны правительства, к свертыванию широкой работы среди крестьянства, а если и заставит пойти на какие-то конституционные уступки, то это будет на руку только буржуазии. Со своей стороны, «политики» твердили, что террор — единственное радикальное средство, которое поможет пробудить народ от векового сна, покажет ему, что есть сила, готовая защитить его интересы.

Вот как вскоре писалось в передовой статье газеты «Народная воля»: «Правительство объявляет нам войну; хотим мы этого или не хотим — оно нас будет бить… Наш прямой расчет — перейти в наступление и сбросить со своего пути это докучливое препятствие…»[4]

В итоге на состоявшемся в августе 1879 г: съезде произошел раскол, и «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации: «Народная воля» и «Черный передел». В лице «Народной воли» в стране появилась организация, поставившая перед собой задачу свержения самодержавия. Как писал В. И. Ленин, «народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе…»[5]

В свою программу новая организация внесла следующее положение: «Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные к бою силы».[6]

Одним из важнейших мотивов террора продолжала оставаться месть за погибших соратников. Ведь только с августа 1878 по август 1879 г. правительством было казнено 14 революционеров. Один за другим погибли на виселице В. А. Осинский, Д. А. Лизогуб, С. Я. Виттенберг, В. Д. Дубровин, В. А. Свириденко, О. Бильчанский и другие. На медленную смерть в казематах Петропавловской крепости были обречены А. Б. Арончик, А. И. Баранников, А. Д. Михайлов и сотни преданных делу борьбы за счастье народа молодых людей. Из тюрем и с каторги приходили известия об издевательствах над товарищами. Недаром первым выстрелом, открывшим эпоху террора, стал выстрел В. И. Засулич в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, приказавшего высечь одного из заключенных. Актом революционного возмездия было объявлено и убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцова.

Целью «Народной воли» была провозглашена подготовка широкого народного восстания с целью захвата власти. Народовольцы считали, что условия для этого будут созданы, когда «искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10–15 человек — столпов современного правительства, — говорилось в документах этой организации, — приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения». Рассматривались и другие варианты положения, которое должно было создаться в результате массового террора. Исполнительный комитет рассчитывал на то, что «одряхлевшее правительство, не дожидаясь восстания, решится пойти на самые широкие уступки народу». Под ними подразумевались определенные конституционные реформы, которые удастся вырвать у самодержавия. Добившись этого, народовольцы планировали непосредственно перейти к подготовке к восстанию.[7] Большинство считало, что массы готовы к вооруженному выступлению против самодержавия и революционеры должны были стать лишь ударным отрядом, главной организаторской силой. Некоторые видные члены Исполкома стояли на позициях бланкизма, доказывая, что для свержения царизма достаточно только хорошо организованного военного заговора.

Итак, террор был признан основным тактическим оружием. На его осуществление были направлены практически все основные силы организации. Главным виновником всех бед России был признан император Александр II. В августе 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес ему смертный приговор.

Подготовке покушений на Александра II «Народная воля» отдала почти все свои людские и материальные ресурсы. Были подобраны несколько групп, которые и начали организацию этой акции. Зная, сколь тщательно охраняется жизнь царя, Исполком рассмотрел ряд вариантов покушения. В итоге было решено, что наиболее уязвимым местом в системе охраны является путь, по которому Александр II ежегодно совершал путешествие на отдых в Крым и обратно в Петербург. На пути следования царского поезда подготовили несколько засад: в Одессе, на случай, если царь морем направится туда из Крыма, на железной дороге Симферополь — Москва около города Александровска и в Москве. В Одессу для проведения операции прибыли В. Фигнер и Н. Кибальчич. Под именем супругов Иваницких они сняли в городе квартиру, куда вскоре приехали Н. Колодкевич, М. Фроленко и Т. Лебедева. Технической стороной дела руководил

молодой ученый, человек огромного таланта и энциклопедических знаний, Николай Кибальчич. Проникнуть на железную дорогу и заминировать ее было поручено Михаилу Фроленко и Татьяне Лебедевой. Фроленко удалось устроиться сторожем, после чего они поселились в путевой будке около станции Гниляково. Сюда постепенно стали свозить динамит. Однако вскоре пришло известие о том, что царь из Ливадии не поедет в Одессу. Работы были прекращены и группа расформирована.

Одновременно шла работа и около расположенного между Курском и Белгородом города Александровска. Здесь взрыв на железной дороге готовили А. Желябов, А. Якимова и И. Окладский. Андрей Желябов был опытнейшим подпольщиком. Выходец из крестьянской среды, он учился в Новороссийском университете, участвовал в «хождении в народ», судился по «процессу 193-х». В конце 70-х гг. Желябов пользовался славой не только убежденного сторонника террора, но и блестящего организатора и пропагандиста. Большой опыт борьбы был к тому времени и за плечами Анны Якимовой. Третьим членом группы был совсем еще молодой рабочий Иван Окладский. Возглавлявший эту группу Желябов под именем купца Черемисинова получил разрешение на строительство около полотна железной дороги кожевенной мастерской. Под видом этого строительства и началась закладка динамита. К группе присоединился еще один человек — Яков Тихонов. К 18 ноября 1879 г. все было готово, но случилось непредвиденное: в момент прохождения царского поезда мина не взорвалась. До сих пор остается не ясным, что же стало причиной неудачи — повреждение провода или неправильное его соединение.

Теперь решающим пунктом стала Москва. Еще в сентябре сюда были направлены значительные силы и большой запас динамита. На окраине города, рядом с железной дорогой, приобрела дом молодая супружеская пара Сухоруковых. Это были Лев Гартман и Софья Перовская. Из дома под полотно железной дороги каждую ночь велся подкоп. Для этого в доме тайно жили Александр Михайлов, Айзик Арончик, Григорий Исаев, Александр Баранников и Николай Морозов. Они работали в очень тяжелых условиях. Ведь, кроме того что их могла обнаружить полиция, они постоянно подвергались опасности быть заваленными в подкопе. Но работа продолжалась безостановочно. Все жившие в этом доме люди имели, несмотря на молодость, большой революционный опыт. Редко судьба сводит вместе столько людей выдающегося ума и мужества. Софья Перовская была дочерью крупного чиновника министерства внутренних дел,

представителем известной аристократической фамилии. Остальные подпольщики — выходцы из среды разночинцев. Почти все они в разное время учились в высших учебных заведениях, подавали блестящие надежды. Дальнейшая судьба их сложилась трагично. Кроме Гартмана и Морозова, всем им суждено было погибнуть на виселицах и в тюремных казематах. Гартману удалось бежать за границу и окончить свою жизнь годы спустя в далекой Америке. Долгая жизнь была уготована и Морозову. Проведя двадцать пять лет в тюрьме, он выйдет из нее не только не сломленным морально и физически, но еще будет вести энергичную общественную и научную деятельность, станет почетным академиком.

А пока все они поочередно с лопатами и кирками пробирались в туннель для того, чтобы подготовить событие, призванное, по их убеждению, изменить ход истории России.

19 ноября 1879 г. народовольцы напряженно ждали известий из-под Александровска. Все было спокойно, а значит, покушение там не удалось. Вся надежда была теперь на тех, кто собрался в доме на окраине Москвы. Мина была заложена. Ждали появления царского поезда. Революционеры хорошо знали, что, по традиции, путешествие царя в Крым и обратно было всегда многолюдно. Его сопровождала многочисленная свита и еще более многочисленная обслуга. Двигались двумя поездами. Первым всегда шел поезд, в котором ехали сопровождающие лица, а уж затем состав, где находился сам царь. Поэтому Перовская, которой было поручено дать сигнал, спокойно пропустила первый состав, следующий за ним поезд был взорван. Уверенные в успехе дела, народовольцы спешно покинули свое убежище. Но и на этот раз их ожидало разочарование. Оказывается, по каким-то техническим причинам на этот раз первым шел именно царский поезд. Взрыв обрушил под откос только лишь состав с сопровождавшими императора лицами.

Это событие привело власти в состояние необыкновенной активности. Начались массовые аресты. В результате были схвачены члены Исполнительного комитета «Народной воли» А. Квятковский и С. Ширяев, погибла типография, находившаяся в Петербурге. Однако «охота» на царя продолжалась. Новое покушение готовилось в самом сердце империи — в Петербурге, в Зимнем дворце. Туда на работу в столярную мастерскую удалось устроиться Степану Халтурину. Небольшими порциями он проносил во дворец динамит и прятал его под своей кроватью в обычный сундучок, точно такой же, с каким ежегодно приходили на заработки в столицу тысячи крестьян-умельцев. На совещаниях Исполкома решено было произвести взрыв под царской столовой

в тот момент, когда там соберется вся императорская семья. Определили и дату — 5 февраля 1880 г., день приезда принца Александра Гессенского, когда должен был состояться парадный обед. Точно рассчитав время, Халтурин поджег бикфордов шнур и покинул дворец. Не успели он и поджидавший его Андрей Желябов отойти далеко, как раздался оглушительный взрыв. Казалось, на этот раз дело сделано. Но вновь удача отвернулась от них. Царь и его семья, встречавшие принца Гессенского, задержались буквально на несколько секунд и не успели войти в столовую.

Цель опять не была достигнута, но это, казалось, лишь только придавало народовольцам новые силы. Постепенно убийство царя стало их самоцелью. Тем более что за этим поединком с напряжением следила вся Россия. Начались поиски новых возможностей, и вскоре Александр Михайлов предложил очередной вариант. Было решено произвести покушение на Каменном мосту, по которому император неизменно проезжал, возвращаясь из Царского Села в Зимний дворец. Подготовка и проведение этой акции вновь были возложены на Андрея Желябова. В его группу входили испытанные бойцы: Андрей Пресняков, Михаил Грачевский, Александр Баранников и петербургский рабочий Макар Тетерка. С помощью лодки они уложили под мостом мины. Предполагалось, что Тетерка и Желябов будут находиться под видом рабочих на плоту и, как только царская карета въедет на мост, взорвут его. В назначенный день, 17 августа 1880 г., Желябов пришел на место и стал ждать напарника. Время шло, а того все не было.

Вот показалась карета, и царь стремительно пересек заминированный мост… и только спустя несколько минут прибежал Тетерка. Оказывается, он просто опоздал, так как не имел собственных часов. Повторить акцию не удалось — с наступлением осени Александр II перестал выезжать за пределы Петербурга.

К началу 1881 г. один за другим в руки властей попали ведущие деятели «Народной воли», члены ее Исполкома: Александр Михайлов, Андрей Пресняков, Александр Баранников, Айзик Арончик, Арон Зунделевич, Николай Морозов. Круг преследований неумолимо сжимался.

После каждого покушения Исполнительный комитет обращался к властям с предупреждениями. В них говорилось, что, если правительство не согласится на введение конституции, на проведение кардинальных реформ, то террористическая борьба будет нарастать. И здесь нельзя не отметить, что в этом направлении народовольцам удалось достигнуть некоторых

успехов. Покушения на царя вызвали замешательство в верхних эшелонах власти. С середины 1879 г. на правительство усилило свое давление и общественное мнение страны. Ряд крупных органов печати, представлявших демократическое и либеральное направления, с разной степенью решительности настаивали на проведении политических реформ.

К тому же этот период был отмечен нарастанием социально-экономических противоречий. Ряд губерний был поражен неурожаем, общество потрясла серия разоблачений лихоимства представителей правящей элиты, самые широкие слои населения выражали недовольство результатами русско-турецкой войны.

На протяжении 1879–1881 гг. власти постоянно колебались и готовы были бросаться из одной крайности в другую. После покушения А. К. Соловьева был принят указ о создании генерал-губернаторств в Петербурге, Харькове и Одессе и наделении их администрации особыми полномочиями. Взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. привел к учреждению «Верховной распорядительной комиссии» во главе с облеченным диктаторскими полномочиями генералом М. Т. Лорис-Меликовым. В то же время террористические акты заставляли правительство искать и другие возможности выхода из кризиса.

В конце 1880 г. М. Т. Лорис-Меликов, ставший к тому времени уже министром внутренних дел, направил царю специальный доклад, в котором предлагал «завершить великое дело государственных реформ». Правда, в нем он сразу же оговаривал, что о какой-либо конституции, об ограничении самодержавия и речи быть не может. В своем проекте Лорис-Меликов исходил лишь из возможности создания неких временных подготовительных комиссий и включения в них представителей земств и городского населения. Эти комиссии должны были выработать законопроекты по наиболее кардинальным вопросам: крестьянскому, земскому, управлению городов. Таким образом министр хотел привлечь к разработке ряда экономических и других внутриполитических проблем более широкие круги общественности. Вносилось даже предложение о возможном участии некоторых из этих выборных представителей в работе Государственного совета. Естественно, в этом проекте не было ни слова о каком-либо ограничении самодержавия. Одновременно Лорис-Меликов начал заигрывать с либеральной оппозицией. Он немного смягчил цензурный гнет, разрешил издание ряда новых органов печати. На встречах с редакторами ведущих журналов и газет всесильный министр намекал на возможность новых реформ, проведению которых-де мешают террористы и прочие радикальные элементы. Нельзя сказать, что

этот курс Лорис-Меликова был безуспешным. Переход от диктата к диалогу, устранение из правительства наиболее одиозных личностей, ликвидация III отделения, привлечение к работе ряда более молодых, энергичных администраторов, а главное, обещание новых реформ не могли не импонировать либеральной оппозиции. Ведь она сама панически боялась «анархии». Деятельность революционного подполья, непредсказуемость последствий массовых народных выступлений должны были склонить либералов к более активным действиям.

В то же время политическая линия Лорис-Меликова наталкивалась на мощное сопротивление со стороны консервативных сил. От ближайших к царю придворных до целой армии реакционных публицистов — все атаковали кажущиеся им излишне либеральными мероприятия министра внутренних дел. Сама мысль о возможной «европеизации» России, даже такое более чем скромное привлечение к государственной жизни общественности вызывали ярость не только представителей придворной камарильи и высшей бюрократии, в едином строю с ними выступила и значительная часть националистической, славянофильской печати. Оставив рассуждения об особом, «мессианском» пути России, они с порога отвергали какие-либо попытки конституционных изменений в стране.

Таким образом, дальнейшая судьба предложенного Лорис-Меликовым проекта зависела от хода общественной борьбы. Как писал Ленин, «осуществление лорис-меликовского проекта могло бы, при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт колебания правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки».[8]

Как бы там ни было, а после ряда обсуждений этот проект в окончательном варианте был одобрен царем и на 4 марта 1881 г. назначено заседание Совета министров, на котором и должно было состояться его утверждение. Однако 1 марта история сделала еще один свой зигзаг — в ход событий вмешалась «Народная воля».

После шести неудачных попыток покушения было принято решение провести еще одну, седьмую. Вновь началась лихорадочная подготовка. В результате тщательной слежки за царем было установлено, что каждое воскресенье он

присутствовал на торжественном разводе караула в Михайловском манеже. После этого он часто заезжал на короткое время в Михайловский дворец к великой княгине Екатерине Михайловне, а затем ехал обедать в Аничков дворец к старшему сыну, наследнику престола, великому князю Александру Александровичу и после этого возвращался в Зимний дворец. Чаще всего его маршрут проходил по набережной Екатерининского канала или по Малой Садовой. Здесь и решено было нанести основной удар.

На углу Малой Садовой и Невского проспекта в первом этаже дома сняли помещение под сырную лавку супруги Кобозевы. Это были Юрий Богданович и Анна Якимова, испытанные члены «Народной воли». Отсюда, из сырной лавки, начали рыть подкоп под Малой Садовой. К этой работе были привлечены, казалось, самые верные товарищи. С ноября 1880 г. здесь попеременно работали Желябов, Колодкевич, Суханов, Баранников, Саблин, Ланганс, Фроленко, Дегаев и Меркулов. Позднее двое последних стали предателями, но в те дни, наверное, даже они сами не могли предвидеть своей судьбы. Вновь, как и некогда под Москвой, работали не покладая рук, превозмогая всевозможные трудности. К концу февраля 1881 г. работы были закончены, оставалось лишь заложить мину. Революционеры спешили как никогда, ведь их положение становилось все отчаяннее. Уже были схвачены полицией товарищи, знавшие о готовящемся покушении. Стало ясно, что власти располагают какой-то информацией, хотя и не полной, и не точной, но все же позволяющей им арестовывать то одного, то другого участника этого дела. Одновременно с подкопом под Малой Садовой было решено создать еще одну вспомогательную группу. Вооруженные бомбами террористы должны были блокировать Малую Садовую, и в случае, если взрыв пощадит царя, им надлежало атаковать его карету. Однако аресты начала 1881 г. привели к тому, что для этой второй группы уже не хватало опытных, испытанных бойцов. Поэтому Желябов составил ее из молодых, не прошедших еще серьезной проверки, революционеров. В группу вошли студент университета Евгений Сидоренко, студент Технологического института Игнатий Гриневицкий, бывший студент этого же института Николай Рысаков и рабочие Тимофей Михайлов и Иван Емельянов. Как и прежде, техническую сторону дела взял на себя Николай Кибальчич. Он изготовил несколько бомб, которые затем были доставлены на конспиративную квартиру, в которой жили Геся Гельфман и Николай Саблин.

Однако 27 февраля был арестован Андрей Желябов. Руководство операцией взяла в свои руки Софья Перовская. На

совещании Исполнительного комитета, проходившем на квартире, где жили Григорий Исаев и Вера Фигнер, было решено немедленно завершить подготовку к покушению. Были еще раз обсуждены кандидатуры метальщиков. За одну ночь Николай Кибальчич, Николай Суханов и Михаил Грачевский изготовили четыре бомбы, которые утром 1 марта были переданы Гриневицкому, Михайлову, Рысакову и Емельянову. В ночь на 1 марта Исаев заложил мину под Малой Садовой. Все покинули лавку Кобозевых. В ней оставалась лишь хозяйка — Анна Якимова, которая, стоя у окна, ждала появления кареты Александра II. Завидев ее, она должна была дать сигнал Михаилу Фроленко, который находился в соседнем помещении и взял на себя смертельную миссию — взорвать мину. Но вот появился царский выезд и… минуя Малую Садовую, проехал другим путем. По приказу Перовской метальщики перешли на набережную Екатерининского канала.

Прошло какое-то время, и царь, заехав после развода караула в Михайловский дворец, направился по Инженерной улице на Екатерининский канал. Первым навстречу ему шагнул Рысаков. Взмах руки, и под каретой поднялся столб огня. Когда дым рассеялся, все увидели, что целый и невредимый Александр выходит из кареты. Вокруг стонали раненые, и лежало несколько убитых из числа конвойных казаков и случайных прохожих. Царь хладнокровно оглядел место взрыва, а затем подошел к схваченному охраной Рысакову. Коротко взглянув на него и выслушав первый доклад о происшествии, он, подчиняясь уговорам охраны, направился обратно к карете. В этот момент вперед шагнул, казалось, стоявший до того безучастно молодой человек, который, сблизившись с царем, метнул ему под ноги бомбу. В результате нового взрыва император был смертельно ранен, так же как и совершивший это покушение Игнатий Гриневицкий. Умирающего царя доставили во дворец, и вскоре поднятый над Зимним черный флаг известил об окончании двадцатипятилетнего правления Александра II. Россия вступала в новую историческую эпоху.

Получив известие о смерти царя, Исполнительный комитет «Народной воли» подготовил и опубликовал несколько документов, разъясняющих свершившееся. В прокламации «К обществу» содержался призыв продолжать борьбу. В ней говорилось: «Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылках, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом, — Россия не может жить так долее».[9] Было отправлено письмо и к новому

царю — Александру III. В нем самодержавию был предъявлен ультиматум: амнистия всем политическим заключенным и созыв представителей народа или продолжение кровавой войны.

В своих воспоминаниях народовольцы писали о том, как сразу же после известия о смерти царя они ждали революционного выступления масс. Однако взрывы бомб на Екатерининском канале не стали сигналом к восстанию. Народ остался в целом достаточно равнодушен к происшедшему событию. Либеральная же оппозиция была лишь напугана и раздражена, так как ожидала теперь ответных действий со стороны реакции. В свою очередь правительство и консервативные силы были не только не дезорганизованы, а, наоборот, сплотились перед лицом грозящей им опасности. В самом Петербурге поднятые на ноги воинские части быстро взяли город под свой контроль. В течение нескольких дней страна была приведена к присяге новому царю. И кроме отдельных разрозненных выступлений, по большей части среди учащейся молодежи, в те дни не было зафиксировано серьезных антиправительственных возмущений.

Власти действовали чрезвычайно энергично. За короткое время в результате массовых полицейских акций петербургское ядро «Народной воли» было разгромлено. В этом огромную услугу жандармам оказал Николай Рысаков. Сегодня чрезвычайно трудно восстановить картину падения этого человека: вчера он первым бросил бомбу под карету царя — сегодня дал не только исчерпывающие показания, но и, в обмен на жизнь, предложил следствию свои услуги в качестве провокатора. Корни подобного превращения, видимо, следует искать в психике Рысакова. В отличие от большинства участвовавших в этом деле народовольцев он не имел опыта революционной борьбы. Выходец из провинциальной мещанской среды, Рысаков полностью подпал под обаяние личности Желябова. Не изведав еще ни преследований, ни горечи поражений, ни гибели друзей, он, как нам кажется, человек чрезвычайно самолюбивый, никогда до конца не воспринимал всей трагедии человека, решившегося на террористический акт. Тайные встречи, конспиративные квартиры, оружие в кармане, условный, понятный лишь избранным язык — все это воспринималось им как элементы некой увлекательной, хотя и опасной, игры. Но вот он схвачен, лишен поддержки старших товарищей и перед ним, девятнадцатилетним, маячит тень виселицы. Всякие моральные устои быстро теряют свою ценность, и следует бурное признание. Буквально на первых же допросах Рысаков выдает всех и все. И хотя он совсем недавно вошел в революционную среду, но знал

уже достаточно много. Одной из первых он выдал конспиративную квартиру, где 1 марта получил бомбу из рук Софьи Перовской. При захвате этой квартиры покончил с собой Николай Саблин, и была арестована Геся Гельфман. Затем подряд, буквально за несколько мартовских дней, были арестованы Николай Кибальчич, Тимофей Михайлов, Софья Перовская, Григорий Исаев, Николай Суханов, Аркадий Тырков, Елизавета Оловенникова, Иван Емельянов, Михаил Фроленко и ряд других активных деятелей революционного подполья. От «мартовского погрома» из Петербурга сумели бежать лишь немногие участники тех событий. Революционное подполье было потрясено размахом арестов и с горечью должно было констатировать, что убийство Александра II не только не дало ожидаемого результата, но и способствовало торжеству реакции.

С первых дней нового царствования огромную власть получил обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Он употребил все свое влияние и недюжинные способности для утверждения нового, реакционного курса. Сторонник патриархальных отношений, националист и проповедник «сильной» власти, он в первую очередь сумел добиться аннулирования уже практически принятой «конституции» Лорис-Меликова. Опираясь на самые реакционные круги, Победоносцев быстро убедил нового царя отстранить от власти не только Лорис-Меликова, но и казавшихся ему слишком либеральными министров А. А. Абазу, Д. А. Милютина, А. П. Николаи. Их сменили такие известные своим крайним обскурантизмом деятели, как II. П. Игнатьев, П. С. Ванновский, Д. А. Толстой и И. Д. Делянов.

На долгие годы в России воцарилась атмосфера полицейского террора, националистической демагогии и имперских амбиций.

Первой мишенью для реакции стало революционное движение. После 1 марта 1881 г. в течение двух-трех лет «Народная воля» была практически разгромлена, а ее руководители, не успевшие бежать за границу, один за другим арестованы. Прологом нового царствования стал процесс первомартовцев, состоявшийся в конце марта 1881 г. Перед судом предстали оставшиеся в живых организаторы и исполнители убийства Александра II: А. Желябов, С. Перовская, Т. Михайлов, Н. Кибальчич, Г. Гельфман и И. Рысаков. Все подсудимые, кроме И. Рысакова, держались на процессе с достоинством. В своих выступлениях они сумели показать нравственную силу и подлинные политические причины своей борьбы. Судьба их была предрешена. Приговор был одинаков для всех — смертная казнь через повешение. Все они были казнены 3 апреля 1881 г. в Петербурге. Лишь для Геси Гельфман, которая ждала ребенка,

казнь была «милостиво» отсрочена. Она умерла несколько месяцев спустя при родах в тюремной больнице. В дальнейшем на протяжении 1881–1883 гг. были схвачены и судимы и остальные участники событий 1 марта: Ю. Богданович, А. Якимова, М. Фроленко, В. Фигнер, Н. Суханов, Г, Исаев, М. Грачевский, Е. Сидоренко, И. Емельянов, Е. Оловенникова и другие. С момента ареста для них «часы жизни» остановились на десятилетия. Двери тюремных камер надолго отрезали их от мира. Для многих это была медленная смерть. Казнен сразу же был только Николай Суханов. В глазах царя его вина усугублялась тем, что он был офицером.

«Народная воля» продолжала существовать еще несколько лет. Однако никогда уже эта организация не была такой многочисленной и влиятельной, как на рубеже 70–80-х гг. Гибельным ударом по ней были аресты 1883–1885 гг., когда в руки властей попали последние видные революционеры той поры: Г. Лопатин, П. Якубович, В. Фишер, Б. Оржих.

В 1887 г. отчаянную попытку возобновить террор сделала группа петербургских студентов во главе с Александром Ульяновым. Но 1 марта 1887 г. они были арестованы и вскоре кто казнен, кто отправлен в Сибирь и в Шлиссельбургскую крепость.

Героическая деятельность революционного народничества закончилась крахом, гибелью многих замечательных людей. Но она оставила нам примеры высшего взлета нравственных сил, жертвенности и народолюбия. «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»[10] — так оценивал эту страницу истории борьбы с самодержавием В. И. Ленин.

Жизнь первомартовцев вдохновляла последующие поколения русских революционеров. Уже в 80-х гг. XIX в. подпольными организациями страны сотнями распространялись брошюры с биографиями С. Перовской, А. Желябова, Н. Кибальчича и других погибших народовольцев. Революция 1905–1907 гг. дала возможность начать собирание и научное изучение документального наследия «Народной воли». В прогрессивных, демократических издательствах вышли в свет первые работы о народовольчестве. На страницах революционных изданий, в журналах «Былое» и «Минувшие годы» появились воспоминания очевидцев и участников событий 1 марта 1881 г. После Великой

Октябрьской революции, на протяжении 20-х, в начале 30-х гг. практически все изучение истории «Народной воли» сосредоточилось в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев — организации, объединявшей тысячи бывших деятелей революционного движения. Они сумели подготовить и опубликовать сотни документов и материалов, освещавших эти события. Под эгидой Общества политкаторжан были выпущены сборники воспоминаний и мемуары здравствующих тогда первомартовцев: В. Фигнер, М. Фроленко, А. Корбы, А. Тыркова, Е. Сидоренко и некоторых других революционеров, непосредственно участвовавших в казни Александра II.

Наступление эпохи сталинского террора, разгон Общества политкаторжан, начало массовых репрессий, коснувшихся и бывших участников освободительной борьбы 70–80-х гг. XIX в., подмена историографии мифотворчеством на долгие годы приостановили изучение истории «Народной воли».

Новый этап в исследовании и популяризации деятельности русского народничества начался в конце 50-х — начале 60-х гг. С тех пор было издано немало крупных и глубоких исследований этой проблемы, были вновь выпущены в свет некоторые мемуары. На протяжении 60-х и в 70-е гг. в сериях «Жизнь замечательных людей» и «Пламенные революционеры» были опубликованы документальные и беллетризованные биографии многих руководителей «Народной воли». Однако в конце 70-х — начале 80-х гг. изучение истории революционного народничества, на наш взгляд, было несколько замедленно и искусственно обеднено. Происходившие в стране сложные общественные процессы привели к тому, что в 1981 г. практически никак не была отмечена столетняя годовщина первомартовских событий.

Сегодня появилась возможность услышать голоса не только активных участников событий тех дней, независимо от того, к какому политическому лагерю они принадлежали, по какую сторону баррикад они находились, но и свидетельства самых различных очевидцев и современников. С их помощью мы не только узнаем детали, но и ощутим дух эпохи.

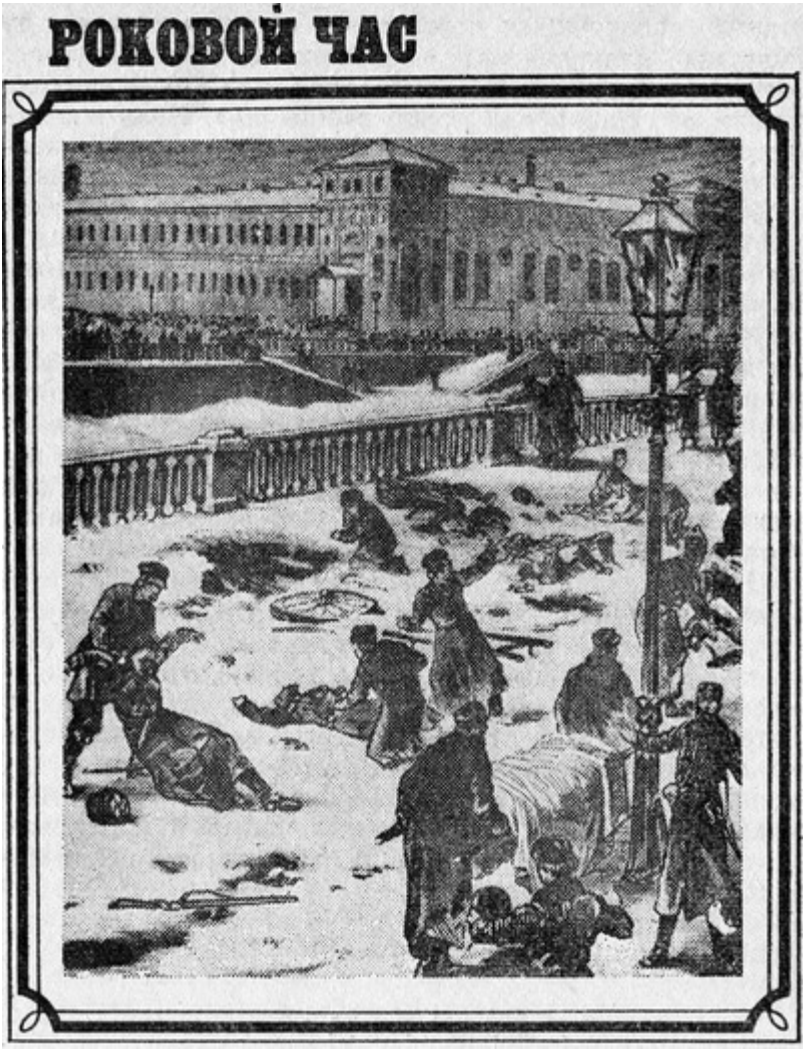
В предлагаемой читателю книге мемуары народовольцев соседствуют со свидетельствами, вышедшими из-под пера представителей либеральной оппозиции, консервативных сил и членов правящей элиты, что, несомненно, обогатит палитру восприятия того исторического процесса, одним из кульминационных моментов которого стала смерть Александра II.

В 1991 г. исполняется 110-я годовщина описываемых событий. Собранные в сборнике документы и воспоминания дадут большой фактический материал всем, кто хочет глубже вникнуть

и понять политическую историю России.

В. Е. Кельнер

РОКОВОЙ ЧАС

Н. А. Морозов
ЛИПЕЦКИЙ СЪЕЗД

<…> В начале июня 1879 года все подходящие лица были нами уведомлены, и съезд был назначен на семнадцатое число.

Я не буду здесь описывать романтической обстановки Липецкого съезда, нашего появления в городе в виде больных, приехавших лечиться, заседания на пнях и стволах свалившихся деревьев в окружающих лесах, куда мы брали для виду несколько бутылок с пивом и газетных свертков с закусками, для того чтобы придать нашим собраниям вид простых пикников. Цель настоящего очерка — изложить лишь идейное значение Липецкого съезда.

К 17 июня собралось нас в Липецке около четырнадцати человек. Это были почти все наличные силы нашей боевой группы, наводившей столько страха на современное нам самодержавное правительство стомиллионной России. Из нашего петербургского кружка «Земли и воли» приехали кроме меня Александр Михайлов, Мария Ошанина, Баранников, Квятковский, Тихомиров.

Из посторонних лиц явились Ширяев, как наиболее выдающийся член незадолго перед тем основанного нами в Петербурге самостоятельного кружка «Свобода или смерть», а из провинции — Колодкевич, Желябов, Фроленко и Гольденберг, вызванный из Киева.

На первом заседании Квятковский и Михайлов приступили к чтению уже заранее составленной нами начерно программы и устава нового общества. Сущность этого документа я помню довольно хорошо, так как переписывал его раза два, и потому уверен, что если окончательно принятый устав и программа Липецкого съезда когда-нибудь найдутся в затерявшемся архиве Исполнительного комитета «Народной воли» (который я хранил все время у покойного ныне литератора Зотова), то они будут мало чем отличаться от моего современного изложения.[11]

Вся программа состояла лишь из нескольких строк приблизительно такого содержания:

ПРОГРАММА

Наблюдая современную общественную жизнь в

России, мы видим, что никакая деятельность, направленная к благу народа, в ней невозможна вследствие царящего в ней правительственного произвола и насилия. Ни свободного слова, ни свободной печати для действия путем убеждения в ней нет. Поэтому всякому передовому общественному деятелю необходимо прежде всего покончить с существующим у нас образом правления, но бороться с ним невозможно иначе как с оружием в руках. Поэтому мы будем бороться по способу Вильгельма Телля до тех пор, пока не достигнем таких свободных порядков, при которых можно будет беспрепятственно обсуждать в печати и на общественных собраниях все политические и социальные вопросы и решать их посредством свободных народных представителей.

До тех же пор, пока этого нет, мы будем считать за своих друзей всех тех, кто будет сочувствовать нам и помогать в этой борьбе, а за врагов — всех тех, кто будет помогать против нас правительству.

Ввиду того что правительство в своей борьбе с нами не только ссылает, заключает в тюрьмы и убивает нас, но также конфискует принадлежащее нам имущество, мы считаем себя вправе платить ему тем же и конфисковать в пользу революции принадлежащие ему средства. Имущество же частных лиц или обществ, не принимающих участия в борьбе правительства с нами, будет для нас неприкосновенным.

Эта программа была нарочно составлена такой коротенькой, так как я из опыта всей своей прежней деятельности убедился, что чем больше деталей заключается в программе, тем более дает она пунктов для возражения посторонним критикам. На Липецком съезде она была принята единогласно, и было постановлено напечатать ее в первом же номере будущего органа преобразованного Исполнительного комитета.

<…> На третьем, и последнем, заседании Липецкого съезда, посвященного обсуждению будущих предприятий общества, Александр Михайлов произнес длинный обвинительный акт против императора Александра II.

Это была одна из самых сильных речей, какие мне приходилось слышать в своей жизни, хотя Михайлов по природе и не был оратором.

В ней он припомнил и ярко очертил сначала хорошие стороны деятельности императора — его сочувствие к

крестьянской и судебной реформам, а затем приступил к изложению его реакционных преобразований, к которым прежде всего относил замену живой науки мертвыми языками в средних учебных заведениях и ряд других мероприятий назначенных им министров. Император уничтожил во второй половине царствования, говорил Михайлов, почти все то добро, которое он позволил сделать передовым деятелям шестидесятых годов под впечатлением севастопольского погрома.[12]

Яркий очерк политических гонений последних лет заканчивал эту замечательную речь, в которой перед нашим воображением проходили длинные вереницы молодежи, гонимой в сибирские тундры за любовь к своей родине, исхудалые лица заключенных в тюрьмах и неведомые могилы борцов за освобождение.

— Должно ли ему простить за два хорошие дела в начале его жизни все то зло, которое он сделал затем и еще сделает в будущем? — спросил Михайлов в заключение, и все присутствующие единогласно ответили:

— Нет!

С этого момента вся последующая деятельность большинства съехавшихся в Липецк четырнадцати человек определилась в том самом смысле, в каком она стала теперь достоянием истории: ряд покушений на жизнь императора Александра II и их финал 1 марта 1881 года.

Липецкий съезд был объявлен закрытым. На другой день мы отправились в Воронеж, группами по два или три человека, подобно тому как явились неделю назад на Липецкий съезд.

Печатается по: Морозов Н. А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1965, с. 420–425.

ДНЕВНИК СОБЫТИЙ С 1 МАРТА ПО 1 СЕНТЯБРЯ 1881 ГОДА

<…> Назначив на воскресенье развод, Государь рассчитывал провести обеденную пору в Аничковом дворце у Его Высочества Наследника Цесаревича Александра Александровича. У последнего на этот день был назначен семейный обед во дворце.

Около полудня начался съезд к Михайловскому манежу лиц военного звания. Чтобы не нарушать порядка и не затруднять разъезд экипажей подле манежа, были расставлены на Манежной площади конные жандармы. Несколько человек из них были обращены лицом на Казанскую улицу, а другие — на перекресток Малой Садовой и Большой Итальянской улиц. Проезд и проход для народа оставался по Большой Итальянской вдоль садика, который устроен посередине площади, против манежа. Конечно, все эти приготовления дали понять, что на этот раз Государь сам пожалует в манеж. Народ, всегда добивающийся чести лишний раз увидать своего обожаемого Монарха и приветствовать Его, стал собираться. Большая Итальянская улица, вдоль площади, затем Малая Садовая, наконец, часть Невского проспекта, от Гостиного двора до памятника императрице Екатерине II — все это было сплошь залито народом. Полиция с большим трудом сохраняла свободным проезд.

Около часа пополудни Государь выехал из дворца. Ожидания лиц, стоявших на Невском проспекте, были обмануты. Садясь в карету, Его Величество приказал лейб-кучеру Фролу Сергееву ехать через Певческий мост, а затем через Театральный; проехав по набережной Екатерининского канала, карета повернула прямо на Большую Итальянскую. Наконец царская карета показалась вблизи Манежной площади. Государь изволил сидеть один в карете. На козлах сидел царский кучер Фрол; рядом с кучером сидел постоянный ординарец покойного Государя унтер-офицер Кузьма Мачнев. Вокруг кареты — конвой Его Величества, состоящий из шести конных казаков лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона, следовавших впереди, с боков и сзади кареты. Следом за царскою каретою ехал полицмейстер первого городского отделения полковник Адриан Иванович Дворжицкий в санях, а за ним начальник охранной стражи капитан Кох и еще несколько лиц. Радостное «ура» приветствовало Императора, который приветливо улыбался в ответ. Вскоре Государь вошел в манеж, где для развода были батальон лейб-гвардии резервного

пехотного полка и лейб-гвардии саперный батальон. Здесь же были Государь Наследник Цесаревич и брат Государя, великий князь Михаил Николаевич.

Развод прошел очень удачно. Государь Император был доволен всем происходящим и находился, по-видимому, в хорошем расположении духа. Окончился развод, и, поговорив немного с окружающими приближенными лицами, Государь вышел из манежа. Он сел в карету и, окруженный конвоем в том же порядке, изволил отправиться по Большой Итальянской улице, через Михайловскую площадь, во дворец Ее Императорского Высочества великой княгини Екатерины Михайловны…

Желая удостовериться собственными глазами, насколько удовлетворительно исполняют свою обязанность конвойные казаки, ротмистр [П. Т. Кулебякин. — *Сост.*] переменил свое намерение идти к Летнему саду. Он нанял извозчика и решился дожидаться выезда Государя из дворца, чтобы следовать за Его каретою до Зимнего дворца.

Прежде чем мы будем продолжать рассказ, надрывающий сердце каждого человека, опишем то место, на котором случилось неслыханное злодеяние.

Набережная Екатерининского канала тянется совершенно прямо от Невского проспекта до набережной реки Мойки. Если идти по набережной лицом к Мойке, то по правую руку будут две улицы: Большая Итальянская, по которой Государь проехал в манеж, и Инженерная, по которой Он возвращался из Михайловского дворца. По левую руку идущего будут Шведский переулок и Конюшенная площадь. От угла Инженерной улицы до Театрального моста расстояние невелико, всего 570 шагов; если идти от Инженерной улицы на панели, то по правой руке будет сначала высокая желтовато-красная стена, затем такого же цвета каменный дом, принадлежащий к дворцовому ведомству; рядом с ним ворота, и опять такая же стена, но короткая.

За нею следует вплоть до железоконного мостика через Мойку стена пониже, светло-желтого цвета, отделяющая дворцовый сад. В этой стене трое ворот: двое почти посередине всего расстояния от Инженерной до Мойки, а третьи против Театрального моста. Между средними воротами, со стороны сада, находится печка для таяния снега, а почти рядом сложены дрова, назначенные для этой печки. Вдоль самого канала по обеим сторонам тянется панель и решетка. По другую сторону канала, от Шведского переулка до Конюшенной площади, возвышается здание придворного конюшенного ведомства, а от площади до Мойки — придворный манеж. В летнюю пору по той стороне, где проезжал Государь Император, ходят обыкновенно конки; зимою

же конки перестают ходить, и поэтому рельсы заносит снегом и их совершенно не видно. Постаравшись точно описать местность, памятную теперь всем и каждому, обратим наше внимание на людей, которые находились на набережной во время проезда Государя Императора случайно, проходом или же по обязанностям службы.

Из лиц, которые находились на набережной по обязанностям службы, были следующие: вдоль стены Михайловского сада у ворот стояли подле лавочек вахтер дежурный и три дежурных дворника; по другую сторону проезда на панели, немного ближе к Театральному мосту, — городовой Памфил Минин с товарищем. На самом мосту стоял помощник пристава 1-го участка Казанской части Константин Петрович Максимов; на расстоянии своего участка, от Певческого до Театрального моста, г. Максимов провожал Государя Императора, когда Он изволил выехать из Зимнего дворца, а теперь ожидал возвращения Государя. Вместе с поручиком Максимовым на посту у Театрального моста находился околоточный надзиратель 1-го участка Казанской части Егор Галактионов, а в нескольких шагах — городовой Афанасьев.

Юнкер конвоя Его Величества Кайтов заведовал разъездами по Лебяжьему каналу и вдоль Дворцовой набережной, так как не было известно, по какому направлению будет возвращаться Государь из Михайловского манежа. Перед тем как Государю выехать на набережную, конвой с юнкером Кайтовым проехал мимо Театрального моста и повернул на Царицын луг вдоль балаганов.

Из лиц, которые находились на набережной от угла Инженерной до моста случайно, были следующие на различных местах: рабочий Назаров, который скалывал в одном месте лед здоровым ломом; двое обойных подмастерьев, лет по шестнадцати, Федор Дьяконов и Орест Базырин; они шли по панели с Выборгской стороны от г. Овчинникова к своему хозяину Хазову и несли еще не отделанный диванчик или кушетку. Крестьянский мальчик Николай Максимов Захаров, не более четырнадцати лет от роду; он служил на посылках в мясной лавке и нес теперь одному покупателю корзину с мясом на голове. Фельдшер лейб-гвардии Павловского полка Василий Горохов, уволенный в отпуск по случаю воскресного дня, проходил по панели возле решетки, чтобы выйти на Невский. Учитель музыки при женском Патриотическом институте, французский подданный, Юлий-Берн Кипри также подходил из-за Мойки. Солдатка Авдотья Давыдова была именинницею и шла с Петербургской стороны к своей куме в гости; эта здоровая

женщина, лет тридцати восьми, занималась стиркою белья и жила в Новой Деревне на Черной речке. Дьяконов, Базырин, Захаров и Давыдова были почти рядом, а Горохов был впереди. Наконец, двое или трое неизвестных мужчин.

Его Величество изволил выехать из ворот Михайловского дворца. Завтрак у великой княгини Екатерины Михайловны окончился, и Государь возвращался в Зимний дворец. Пробыв у своей двоюродной сестры около получаса, Государь от нее уехал уже один, сказав кучеру:

— Тою же дорогою — домой.

Карета Государя направилась по Инженерной улице и затем повернула направо, по набережной Екатерининского канала; унтер-офицер Мачнев сидел на козлах, а конные казаки ехали в следующем порядке: впереди кареты — Илья Федоров и Артемий Пожаров, у правой дверцы — Михаил Луценко, а сзади его — Никифор Сагеев, у левой дверцы — Иван Олейников, а за ним Александр Малеичев. Вслед за экипажем Государя ехал в санях, запряженных парою в пристяжку, полицмейстер 1-го отделения полковник Дворжицкий, и за ним — начальник охранной стражи отдельного корпуса жандармов капитан Кох и командир лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона ротмистр Кулебякин в отдельных санях, запряженных в одиночку. Прибавился только ротмистр Кулебякин, который порядочно отставал, так как извозчик не мог поспевать за царскою каретою. Великий князь Михаил Николаевич со своими августейшими сыновьями остался на несколько минут в Михайловском дворце, а поэтому и не последовал за Государем.

Карета двинулась к Екатерининскому каналу крупною рысью; не доезжая 150 шагов до угла, Государь обогнал возвращающийся из манежа после развода караул 8-го флотского экипажа, в числе 47 человек, под командою мичмана Ержиковича; караул отдал Его Величеству установленную честь. В то же самое время по тому же направлению, но только по Большой Итальянской, следовал с развода, под начальством поручика Кинареева, взвод юнкеров 2-й роты 1-го военного Павловского училища в составе 25 человек; юнкера, пройдя сквер через Михайловскую площадь, видели как царскую карету, так и моряков. Карета повернула направо по Екатерининскому каналу и ехала так шибко, что казачьи лошади принуждены были скакать. Все протяжение набережной Екатерининского канала, от поворота с Инженерной улицы до Театрального моста, отгорожено, за исключением дома и служб II отделения собственной Его Величества канцелярии, от Михайловского сада — каменною стеною, как мы уже говорили, а от канала — железною решеткою.

Фельдшер Василий Горохов шел по набережной и вскоре обогнал неизвестного мужчину, у которого в согнутой кверху руке был маленький белый узелок. Не обращая внимания на незнакомца, Горохов шел быстро вперед и, перегнав его шагов на пятнадцать, увидел выезжающую из Инженерной улицы карету Государя Императора, окруженную казаками. Так как карета ехала навстречу Горохову, то последний остановился для отдания воинской чести Его Величеству. При этом он заметил случайно, что человек, которого он обогнал, также остановился, не дойдя до него шагов шести; только неизвестный стал ближе к краю панели, а Горохов — подле самой решетки. Впереди Горохова шла солдатка Давыдова, которая остановилась рядом с Дьяконовым и Базыриным. Молодые подмастерья увидали карету.

— Царь едет! — сказал Дьяконов.

— Вон Государь едет! — подхватил Базырин.

В эту секунду к ним подошел Захаров. Он спустил корзину с головы и поставил ее подле себя на панель, а сам снял шапку. По его примеру Дьяконов и Базырин поставили свой диванчик тоже на панель и сняли свои шапки. По другую сторону проезда, у ворот ограды, стоял вахтер с дворниками и стоя ожидали проезда Государя, а ближе к Театральному мосту стояли двое городовых.

Кучер Фрол правил бойкими конями, и карета быстро подвигалась вперед. Однако Государь Император успевал своим орлиным взглядом замечать стоящих людей. Он видел низкие поклоны трех мальчиков и женщины и ответил милостивою улыбкою; Он видел вытянувшегося военного фельдшера и изволил отвечать на его отдание чести, сам приложив руку под козырек. Проехал Государь, и счастливые подданные, проводив Его немного глазами, обратились к своим делам: Захаров взялся за корзину, чтобы нести ее на место; подмастерья подняли диванчик; прачка Давыдова тоже повернулась лицом к Невскому, чтобы идти к куме. Горохов, дождавшись саней полковника Дворжицкого, сделал то же самое.

В это время было один час сорок пять минут пополудни.

Вдруг раздался оглушительный выстрел, как из пушки.

Этот выстрел раздался под задними колесами царской кареты. Неизвестный мужчина, стоявший в шести шагах от Горохова, на глазах дежурного вахтера Егорова бросил свой белый узелок под карету в ту минуту, когда Государь Император проезжал мимо него. В ту же секунду под каретою произошел взрыв, и поднялось довольно густое облако белого дыма, а карету подбросило несколько от земли. Взрыв был настолько силен, что он разбил заднюю стенку экипажа Его Величества, оставил глубокий след на земле и поранил лошадей полковника

Дворжицкого, который следовал тотчас же за каретою Государя Императора. О силе взрыва можно было судить по воронкообразному углублению в промерзлой земле, это углубление имело аршин глубины и аршин с четвертью в диаметре. Как только раздался взрыв, весь царский поезд сразу остановился и как бы замер.

Крик ужаса раздался по набережной.

В этот момент место злодейства представляло такую картину: один из казаков, упомянутых выше, Малеичев, лежал мертвый несколько позади кареты, близ тротуара набережной. Другой казак, сидевший на козлах возле кучера, Мачнев, склонился в изнеможении, судорожно ухватываясь за козлы. На самом тротуаре, шагах в тридцати позади, бился на земле и стонал Захаров, возле которого лежала большая корзина с мясом, — он был ранен осколком смертоносного снаряда. В нескольких шагах от него стоял, отвалившись на перила канавы, изнемогая, офицер, также раненный. Впереди падал на землю городовой. Тут же стояли, обезумев от страха, Базырин с Дьяконовым.

Облачко дыма стало расходиться, и перепуганный Горохов увидел обоих, как только повернулся лицом к карете. В то же мгновение мимо него пробежал неизвестный человек, конечно без узелка в руках, и кричал громко по временам:

— Держи! Держи!

Следом за неизвестным кинулся бежать городовой Василий Несговоров, который стоял со своим товарищем Мининым; за ним побежал и сам Горохов. В то время когда неизвестный бежал мимо Захарова, этот мальчик кинул ему по ногам свою корзину с мясом, но не попал.[13] На дороге между тем стоял рабочий Назаров, перепуганный взрывом; когда он опомнился и пришел в себя, то увидел, что мимо него бежит какой-то мужчина, а за ним гонятся городовой и фельдшер. Догадавшись, что это спасается преступник, Назаров понял, что он обязан помочь в ловле; долго не думая, он схватил свой лом и бросил очень ловко преступнику в ноги. Преступник споткнулся и упал в то время, когда городовой шагнул пошире и наступил ему на пятку. Преступник упал вперед лицом и на руки, но тотчас же стал подниматься, поворачиваясь в то же время лицом к стороне городового. Городовой в этот момент протянул руки, чтобы обхватить этого человека, а тот, в свою очередь, стал отталкивать городового и дергать за шашку. Тут наскочил Горохов и обхватил преступника сбоку повыше локтей, а городовой успел захватить его за обе руки выше кистей. Тогда Горохов своею правою рукою перехватил плотно правую руку преступника, ближе к плечу, левою рукою взял его за шиворот таким образом, что захватил все его платье и

ворот рубахи, и стал давить его книзу. В это самое время со стороны Невского проспекта подоспело несколько людей, услышавших или увидавших взрыв; двое из них, солдаты лейб-гвардии Преображенского полка Платон Макаров и Иван Евченко, бросились на помощь городовому и Горохову: один солдат схватил преступника за горло, а другой — за что попало, и все четверо нажали его так, что тот сидел в полусогнутом состоянии и не мог больше подняться. Лицом преступник был обращен к Театральному мосту.

Чувствуя в эту секунду, что его держат крепко и вырваться не представляется ни малейшей возможности, преступник быстро оглянулся и, увидя, вероятно, в собиравшейся вокруг толпе знакомое лицо, крикнул громко:

— Скажи отцу, что меня схватили!

Когда раздался взрыв, начальник охранной команды, капитан Кох, выскочил из саней в то же мгновение и остановился на секунду, чтобы осмотреться и понять, что сделалось с Государем. Завидя сквозь расходящийся дым, что Государь выходит из кареты, он бросился было к Нему, по не успел пробежать и десяти шагов, как остановился. Навстречу ему бежал преступник, преследуемый городовым. Лишь только городовой, Горохов и два преображенца схватили преступника, как капитан Кох подоспел к ним и левою рукою приподнял преступника за воротник пальто, а правою обнажил шашку, чтобы отклонить новое покушение преступника бежать и в то же время оградить его от расправы набегавшей постепенно разъяренной толпы. В это же время подоспел и ротмистр Кулебякин. Услышав взрыв, он выхватил вожжи у своего извозчика, отставшего порядочно от царского поезда, и погнал лошадь вперед. Вдруг он заметил неизвестного человека, который бежал к Невскому проспекту. Тотчас же ротмистр остановил извозчика и выскочил навстречу бегущему; но пока он выскакивал, того уже схватили и пять человек держали крепко. Удостоверившись, что преступник не уйдет из рук капитана Коха, ротмистр Кулебякин поспешил к Государю Императору.

Волною народа преступника и тех, кто держал его, почти прижало к решетке набережной канала. Между тем капитан Кох немедленно обратился к преступнику с вопросами.

— Это ты произвел взрыв?

— Я, ваше благородие, я произвел взрыв! — ответил преступник, посмотрев в его сторону.

На другой вопрос — о том, как звать его, — преступник ответил, что он мещанин Глазов, родом из Вятской губернии.

Все рассказанное нами с того времени, как раздался взрыв

под задними колесами кареты Государя, произошло не более как в продолжение двух-трех минут.

Карета, в которой Государь изволил ехать в этот роковой день, принадлежит к категории придворных экипажей, употреблявшихся покойным Императором в табельные и праздничные дни. Это двухместная карета, на четырех лежачих рессорах и одной большой поперечной под заднею частью кузова. Фасон кареты новомодный, низкий. В дверцах по одному зеркальному стеклу и два таких же стекла в передней части кареты, а в спинке небольшое окошко, с внутренней стороны закрытое подушечкою. Карета снаружи синего цвета с золотою лицовкою, причем верхняя часть кузова сзади и с боков окрашена в черный цвет. На дверцах, в небольших щитах, красуется золотой шифр покойного Императора, а над каждым фонарем — золотая императорская корона. Сзади кареты имеются запятки, а к кузову прикреплены басонные тесьмы, для стоящего на запятках лакея. Ручки в дверцах кареты позолоченные, обыкновенного образца, легко, тихо и быстро благодаря совершенству замковых пружин отворяющие и запирающие самую карету. На колесах и на станке палевые отводы с золотою цировкою. Ободья всех четырех колес обтянуты довольно толстым слоем гуттаперчи. К числу наружных украшений относится позолоченная пластинка в виде бордюра, обрамляющая кругом весь кузов, на высоте нижнего края окон в дверцах. Козлы довольно возвышены, так что сиденье кучера приходится с верхом кареты почти на одной высоте. На козлах, снабженных кожаным фартуком, удобно помещаются два человека. Внутренность кареты обита плотною узорчатою шелковою матернею темно-синего цвета. Стенка, бока и сиденье на пружинах, набиты волосом. Две подушки сидений непосредственно покоятся на раме, переплетенной камышом. Напротив сидений, с передней части, имеются приспособления для каски, папирос и пепла. Занавески у окон шелковые, темно-синего цвета, поднимающиеся нажиманием пуговок. Самый экипаж имеет совершенно новый вид, хотя находился в употреблении с 1879 года. Уже после некоторого употребления этой кареты, именно после преступных покушений 1880 года[14] на жизнь покойного Государя, было сделано распоряжение, по почину лица, непосредственно заведывающего придворными экипажами, колеса всех зимних экипажей обтянуть толстым слоем гуттаперчи, в том предположении, будто мягкая часть колеса отчасти парализует действие взрывчатых веществ. Таково было состояние царской кареты до момента катастрофы.

Ныне, после испытанного разрушения, она имеет такой вид: стекла в карете все разбиты, но в фонарях остались невредимы.

Вся передняя часть кареты при первом взгляде осталась как будто вне всякого влияния брошенного снаряда. Ни кузов спереди и с боков, прилегающий к козлам, ни самые козлы, ни крыша кузова, ни колеса, ни оси, ни рессоры, четыре продольные и одна поперечная, ни дышло не пострадали вовсе. Подверглась повреждению преимущественно задняя часть кареты. Нижние части филенок кузова совершенно отделились, обнажив внутреннее полотно пружинного матраца, большой клок волос и частички ваты, которою обмотаны пружины. Верхние же части этих филенок, составляющие почти две трети поверхности кузова, еще совершенно не отделились, но во многих местах расщеплены. Такой же вид разрушения представляет кузов с обоих боков, но только в частях, непосредственно прилегающих к задней стороне кузова. Нижние филенки в этих местах остались целы. Упомянутая выше позолоченная полоска, составляющая одно из наружных украшений, частью отделилась и изогнулась. Из наружных повреждений еще обращает на себя внимание расщепленная весьма незначительно будка кареты, то есть полукруглое пространство с внутренней стороны, между козлами и кузовом кареты. На спицах задних колес имеются незначительные царапины. Подушки остались целыми, но на них и теперь виднеются следы крови. Переплетенная камышом рама цела, но несколько изогнута. Бока ящика, на котором лежит рама, расщеплены, и кусочки щепок усыпали пол кареты. Несмотря на эти повреждения, по засвидетельствованию унтер-шталмейстера Гейшвенда, была полная возможность Государю продолжать в ней путь.

Государь Император остался невредим, приказал кучеру остановить лошадей и, прежде чем Мачнев успел соскочить с козел, сам отворил левую дверцу и при помощи его вышел из кареты. Полковник Дворжицкий выскочил из саней и бросился к карете, где встретил выходящего из нее Государя. Государь вышел и перекрестился; в понятном волнении, он немного шатался. Первым вопросом Его Величества было:

— Схвачен ли преступник?

Полковник оглянулся и, видя, что в толпе уже держат кого-то, отвечал:

— Схвачен, Ваше Величество! — и при этом добавил: — Государь, благоволите сесть в мои сани и ехать немедленно во дворец.

— Хорошо, — отвечал Государь, — но прежде покажи мне преступника.

И Его Величество направился к тому месту, где находился схваченный молодой человек. Но кроме полковника и казаков в

эту минуту к Государю подоспели еще следующие лица. Когда раздался взрыв и клубы синего дыма покрыли карету, помощник пристава Максимов и околоточный надзиратель Галактионов инстинктивно бросились бегом со своего поста к месту происшествия. Максимов обогнал Галактионова и подбежал к карете, когда покойный Государь выходил уже из нее. Максимов заменил Мачнева и, слегка поддерживая Государя, направился к толпе, окружавшей преступника. Вместе с ним подоспел и подпоручик Крахоткин. Подпоручик Митрофан Дмитриевич Крахоткин, 139-го Моршанского пехотного полка, 27 лет, женившийся всего месяц тому назад, проезжая 1 марта с Конюшенной через Театральный мост, вез на извозчике связку разных книг, числом около 40, взятых им у знакомых для подготовки к вступительному экзамену в военную академию. Как раз в это мгновение раздался первый взрыв. Поручик тотчас же выскочил из саней, оставив книги извозчику, и поспешил бегом к царской карете, отворил снаружи ее дверцы и помог Государю выйти.

Секунду спустя Государь пошел один. Бодрым и уверенным шагом входя на тротуар, Его Величество, поскользнувшись, оступился и стал падать, но конвойные Мачнев и Олейников успели поддержать Его; тогда же подошел к Государю ротмистр Кулебякин, который, видя собравшуюся около злоумышленника толпу, руководимый чувством осторожности, просил Государя вернуться к карете, но Его Величество ничего на это не ответил и продолжал идти по прежнему направлению.

В это время на место происшествия успел прибежать взвод 8-го флотского экипажа, окруживший преступника, а за моряками, шагах в 40, увидев приближающегося Государя, стал строиться фронтом, поперек дороги, взвод юнкеров Павловского училища. Множество разного звания людей, встревоженных оглушительным треском, полицейскими сигнальными свистками и криком: «В Государя стреляют!» — сбежались туда же; в числе их находились возвращавшиеся из Исаакиевского собора в свои казармы лейб-гвардии Терского казачьего эскадрона унтер-офицер Андрей Сошин и казак Петр Кузьменко. К лицам, бывшим около Его Величества, присоединились капитан Адлерберг, штабс-капитан князь Мышецкий и подпоручик Рудыковский. Государь, идя по тротуару, приблизился уже шага на три к Рысакову, находившемуся около тридцати шагов от места первого взрыва. Когда Его Величество услышал тревожный вопрос прибежавшего подпоручика Рудыковского: «Что с Государем?» — «Слава Богу, я уцелел, но вот…», — ответил он и при этом указал на раненых.

Тогда преступник со зловеще-радостною иронией заметил:

— Еще слава ли Богу?..

Впрочем, кроме подпоручика Рудыковского, никто из очевидцев этого не слышал. Капитан Кох утверждает, что Государь, приблизившись к преступнику, был от него в расстоянии не более трех шагов. Он обратился к капитану Коху, указав взглядом на преступника:

— Этот?

— Называет себя мещанином Грязновым, Ваше Величество, — ответил капитан, очевидно не расслышавший фамилии преступника.

Приблизясь еще на один шаг к преступнику, Государь твердым голосом, изобличавшим полное спокойствие и самообладание, произнес, взглянув в лицо задержанному:

— Хорош!

Квартирмейстер 8-го экипажа Иван Курышев слышал, как Государь обратился к преступнику со словами:

— Что тебе нужно от меня, безбожник?

После чего Государь поправил на себе за концы воротника шинель, и, как показалось Горохову, вместе с поправлением шинели Государь как бы погрозил преступнику указательным пальцем правой руки, а затем, повернувшись к нему спиною, пошел к своей карете по панели.

Во всяком случае, Его Величество оставался тут не более полуминуты и затем повернулся к месту взрыва. Полковник Дворжицкий шел впереди, с правой стороны Государя находился Мачнев, с левой — ротмистр Кулебякин. Полковник Дворжицкий снова стал настаивать, чтобы Государь спешил во дворец, но получил в ответ:

— Хорошо, но прежде покажи мне место взрыва.

Его Величество подошел к образовавшейся яме. На Его лице была улыбка. Он, видимо, был весь под влиянием благодарности к божественному промыслу. Кто тогда мог бы предполагать новую опасность? После взрыва Государь остался совершенно невредим, был окружен преданными людьми, готовыми за Него умереть, злоумышленник находился в руках полиции; мог ли Он думать, что именно теперь ждет Его могила? Едва только Его Величество успел сделать несколько шагов по тротуару канала по направлению к экипажу, как, по показанию крестьянина Петра Павлова и фельдшера Горохова, неизвестный человек лет 30-ти, стоявший боком, прислонясь к решетке, выждал приближение Государя на расстояние не более двух аршин, поднял руки вверх и бросил что-то к ногам Его Величества. В этот же миг (спустя не более 4–5 минут после первого взрыва) раздался новый, такой же оглушительный взрыв, взвился кверху столб из снега, мусора и

осколков. Государь и лица, бывшие около Него, упали; все на мгновение замерло, слышны были только стоны раненых и крики: «Помогите, держите в саду!»

Невозможно воспроизвести во всех подробностях ужасную, потрясающую картину, которая представилась присутствующим, когда поднятый взрывом столб рассеялся. Двадцать человек, более или менее тяжело раненных, лежали у тротуара и на мостовой, некоторым из них удалось подняться, другие ползли, иные делали крайние усилия, чтобы высвободиться из-под налегших на них при падении других лиц. Среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, эполет, сабель и кровавые куски человеческого мяса. Адская сила, произведшая эти опустошения, не пощадила и Венценосца!..

Великий князь Михаил Николаевич, находившийся в Михайловском дворце, услышав взрыв и предчувствуя что-то недоброе, немедленно поехал к месту происшествия на бывших у подъезда санях одного из дворцовых ездовых. Взводы моряков и юнкеров, подходившие по Инженерной и Большой Итальянской улицам к Екатерининскому каналу, направились бегом к стороне взрыва. Туда же поспешили член Государственного совета генерал-адъютант граф Баранов 2-й, из квартиры своей на Большой Конюшенной улице, и случайно поблизости проезжавшие и проходившие: командир лейб-гвардии Донской казачьей Его Величества батареи флигель-адъютант полковник Короченцев; начальник с. — петербургского пехотного юнкерского училища лейб-гвардии Преображенского полка подполковник Радзишевский; кадрового батальона лейб-гвардии резервного пехотного полка штабс-капитаны Новиков и Франк; кавалергардского Ее Величества полка поручик граф Гендриков; адъютант управления с. — петербургской крепостной артиллерии и окружного артиллерийского склада штабс-капитан Кюстер; воспитанники Пажеского Его Величества корпуса камер-паж Коссинский и паж Мексмонтан, проходившие в это время на другой стороне набережной воспитанники 1-й военной гимназии Давидовский и Петровский.

Впечатление рокового момента довольно подробно передавал Горохов, который, при содействии городового и солдат, продолжал держать преступника в том же положении, как было сказано раньше, и при этом до момента взрыва продолжал провожать глазами Государя. Горохов рассказывает с того мгновения, как Государь направился назад:

«Тут мне, как во сне, как бы в тумане, показалось, будто спешит сойти с тротуара на мостовую навстречу Государю какой-то молодой человек, небольшого роста, и как будто я видел у него

меховой воротник на пальто; затем, что если не от молодого человека, то, во всяком случае, от решетки канала что-то промелькнуло к самой ступне левой ноги Государя, — все это произошло в одно мгновение, после которого раздался оглушительный взрыв. Как только раздался треск, Государь, окружавшие его офицеры, казаки, молодой человек, который мне показался, и народ поблизости — все сразу упали, точно что всех сразу подкосило. За выстрелом на высоте выше человеческого роста образовался большой шар беловатого дыма, который, кружась, стал расходиться и распластываться книзу так, что у земли я его видел только после этого, да и то в малом количестве, почему было видно, что происходило передо мною. Я видел, как Государь упал наперед, склонясь на правый бок, а за ним и правее Его, точно в таком же положении, упал офицер с белыми погонами. Этот офицер спешил встать, но, еще чуть приподнявшись, потянулся через спину Государя и стал засматривать в лицо Ему. У этого офицера был сильно порван зад шинели, а шинель на Государе в верхней части сползла на землю, а низ ее казался как бы закинутым вверх к воротнику, и тут, на снегу, виднелась кровь. Когда офицер с белыми погонами старался заглянуть в лицо Государя, то Государь сам как бы желал взглянуть назад и, поворачивая лицо, чуть-чуть приподнял от земли голову, но тотчас же склонил ее на снег, как мне казалось, правою щекою».

Из слов полковника А. И. Дворжицкого, штабс-капитана Франка, подпоручика Рудыковского и казака Луценко можно заключить, что вследствие раздробления обеих ног Государь опустился на землю таким образом, что скорее присел, чем упал, откинувшись корпусом назад и инстинктивно стараясь только опереться руками о землю. От шинели Государя остался воротник и не более полуаршина верха ее; вся остальная часть шинели была разметана взрывом, который был так силен, что на газовом фонаре все стекла исчезли, и самый остов фонаря искривило. С головы Государя фуражка упала; разорванная в клочья шинель свалилась с плеч; размозженные ноги были голы, из них лилась кровь струями; на бледном лице следы крови и подтеки. При этом виде не только оставшиеся невредимыми, но и раненые бросились к Его Величеству; в числе первых, подавших Государю помощь, были полковник Дворжицкий, ротмистр Кулебякин, штабс-капитан Новиков и подпоручик Рудыковский, а также квартирмейстеры 3-го экипажа Курышев, Мякошин и Борисов и казаки Кузьменко и Луценко; десятки рук подняли Его с земли. Приблизились юнкера Павловского училища, и из них протеснились к Государю Пахомов, Пузанов, Величко, Багинский

и Окушко.

Вслед за юнкерами прибыл великий князь Михаил Николаевич. Он уехал из Михайловского дворца несколькими минутами позже Государя. Последовал второй взрыв, и великий князь нашел уже Государя распростертым на земле и плавающим в крови. Из его шинели и мундира были вырваны целые куски, разбросанные вокруг по земле. Присутствующие тут сыновья великого князя Михаила Николаевича подобрали их впоследствии. Михаил Николаевич встал на колени перед Братом, лежащим, по-видимому, без сознания, и мог только произнести:

— Ради Бога, Саша, что с тобою?

Государь, услышав столь знакомый и любимый им голос, сказал:

— Как можно скорее домой!

Вот последние слова, произнесенные Государем на набережной.

Ротмистр Кулебякин передает этот момент, полный ужаса, такими словами:

«Не прошло и одной минуты, как воздух огласился страшным ударом, от которого я на несколько мгновений потерял сознание. Придя немного в себя, но все еще оглушенный и чувствуя сильную головную боль, я побежал бессознательно по направлению к царскому экипажу, с шинелью, истерзанною в клочки, с оторванною саблею, без шапки и без неизвестно куда с мундира отлетевших орденов. Царский кучер Фрол на мой вопрос о Государе ответил: „Государь ранен“. Взглянув затем левее экипажа, глазам моим представилась следующая ужасная картина. Государь, опустив руки, как будто машинально, на плечи лиц, поддерживавших его, был мертвенно-бледен. Голова держалась совершенно прямо, но по лицу струилась кровь. Глаза открыто выражали глубокие страдания. Обе ноги были обнажены и окровавлены, кровь ручьями лилась на землю. Обезумев от ужаса, я бросился в первые попавшиеся у Театрального моста сани и полетел к графу Лорис-Меликову доложить о случившемся. У подъезда я встретил выходившего генерал-адъютанта Рылеева, который по моему окровавленному лицу, шинели, представлявшей одни клочки, и денщичьей шапке на голове догадался, что случилось нечто необыкновенное, и с ужасом выслушал роковую весть. Столь же ужасно поразила принесенная мною весть графа Лорис-Меликова, бывшего у него в это время председателя комитета министров графа Валуева и несколько встреченных мною приближенных лиц к министру».

После второго взрыва, когда раздались крики, что он сделан из сада, мичман Ержикович, взяв 21 матроса, бросился в сад в

одни ворота и вышел в другие, ближайшие к Театральному мосту. Он произвел обыск, но в саду никого и ничего не нашли.

Кроме того, показания следующих лиц выясняют еще подробности, крайне важные, этой минуты. Штабс-капитан Новиков, возвращаясь из манежа, шел с двумя товарищами вдоль Невского проспекта. Подойдя к Казанскому мосту, они услышали сильный выстрел. Господин Новиков, не отдавая себе отчета в том, что делает, бросился бежать по набережной Екатерининского канала к тому месту, откуда послышался выстрел. Ему оставалось шагов 30–35 до места, где виднелась группа людей, как поднялся густой столб снега и обломков и раздался новый выстрел. Он еще быстрее побежал. Матросы 3-го флотского экипажа держали какого-то человека и что-то крикнули, но он не слыхал ничего. Снег был взрыт, усеян осколками и ранеными. Лежал убитый мальчик, раненый конвойный, еще кто-то, и тут же на снегу Государь, без шапки, без шинели, в мундире лейб-гвардии саперного батальона. Ноги были изломаны, одежда местами изорвана; кровь текла из ног, и кровавые пятна были на снегу. Г[осподин] Новиков заплакал и бросился к Государю со словами:

— Боже мой, что сделали с Вашим Величеством?

Государь лежал неподвижно. Подошли матросы флотского экипажа, и с их помощью г. Новиков поднял Государя, обхватив правою рукою по талии и левою по груди; матросы поддерживали ноги, не выпуская из рук ружей, с которыми они шли.

В те секунды, когда Государь уходил от пойманного преступника, подпоручик Рудыковский машинально оглядывался. Он услыхал, что на противоположной стороне канала народ кричал: «Из-за забора стреляли!» Он подбежал к подходившему караулу 8-го флотского экипажа, приказал разбить ворота прикладами и осмотреть сад, что и было исполнено, а сам повернул обратно к Государю, отошедшему в это время вдоль решетки канала шагов на 20, в сопровождении полковника Дворжицкого. Подпоручик был за ним шагах в 10–12-ти. Раздался страшный треск. Масса дыма, снега и клочьев платья закрыла все на несколько секунд. Крик ужаса раздался с противоположной стороны канала.

Когда цареубийца бросился с бомбою в руках, Захаров, бывший при катастрофе, хотел отстранить его рукою; злодей кинжалом поразил его в голову и привел свое намерение в исполнение.[15] Государь упал. Одновременно с Рудыковским подбежал штабс-капитан Новиков, подбежали и моряки. Когда они приподняли Государя, оказалось, что ноги совсем голые, мясо висит клочьями, ступня одной ноги совсем оторвана.

Случайный свидетель этого рокового события, г. Шенберг

передает так свои впечатления:

«Находясь случайно в перчаточном магазине Бойе, в доме на углу Екатерининского канала и Невского, и готовясь выйти из него, я и хозяйка магазина вдруг были поражены сильным ударом, как бы из пушки: стены магазина задрожали. Я немедленно выбежал из магазина, сел на поджидавшего меня извозчика и, видя, что народ на Казанском мосту в недоумении смотрит по направлению послышавшегося выстрела, приказал извозчику ехать как можно скорее по набережной канала.

Не успел мой извозчик поравняться с углом Инженерной улицы, как громовой удар разразился перед моими глазами и густой столб дыма застлал передо мною всю местность. Лошадь извозчика кинулась в сторону, я же соскочил с саней и бросился по направлению еще не рассеявшегося дыма. Едва я сделал несколько шагов, как моим глазам представилась раздирающая картина. Навстречу мне двое лиц вели, поддерживая под мышцы, страшно изуродованного городового, с лица которого кровь лилась ручьями; ни извозчиков, ни народу в эту минуту не было. Поравнявшись с забором сада Екатерины Михайловны, я видел, как несколько юнкеров Павловского училища, обагренные кровью, бежали по направлению к Казанскому мосту. На мой вопрос, что случилось, они в отчаянии крикнули мне: „Государь… ранен… без ног!..“. Пораженный, я сделал несколько шагов вперед: передо мною, головами к решетке канала, лежали два умирающих: с левой стороны мальчик, со страшно обезображенным лицом и зияющей раною на виске, полуоткрывал и закрывал глаза; с правой — плотный мужчина с бородою, с окровавленною головою, с разбитыми ногами, без сапогов. Страшные глаза его, налитые кровью, смотрели на мальчика. (Как это выяснилось теперь, это и был злодей, бросивший второй роковой метательный снаряд.) Между ними плита панели была взорвана, и на этом-то самом месте, между невинною жертвою, привлекшею милосердное внимание Царя-человека, и гнусным извергом, пал наш Отец, наш Освободитель. По положению тела умирающего убийцы, которое у меня ясно запечатлелось, вернее всего предположить, что он подошел к Государю сзади (следовательно, он во время первого взрыва находился у забора сада великой княгини, в то время как Рысаков находился у решетки канала). Когда Император, осенив себя крестным знаменем, подходил к раненому мальчику, тут только злодей бросил под ноги Царя адский снаряд, которым и его самого отбросило к решетке, между тем как Император упал, обливаясь кровью, между преступником и мальчиком. В то время, когда я и прибежавшие околоточные с некоторыми из присутствующих

бросились за извозчиками, чтобы отвезти раненых, мальчика и мужчину, которых мы сами и укладывали, я заметил на льду канала несколько лиц, одетых дворниками, с метлами, которые потом куда-то все исчезли.[16] Впопыхах полиция не обратила на них внимания. Отправив раненых, мы начали складывать поднятые нами вещи. Распространено мнение, что карета Государя не особенно пострадала и что в ней можно было ехать дальше; куски кареты, которые я едва мог удержать обеими руками, показывают неверность этого слуха. Около умирающего убийцы я наткнулся на металлическую оправу изящного портсигара, совершенно растрепанного, причем самая оправа совершенно изогнута. Кому принадлежал этот портсигар, конечно, неизвестно, но какова была сила взрыва, вырвавшего из-под сюртука и мехового пальто или шубы такой маленький предмет! От человека, которому принадлежал этот портсигар, вероятно, и следов не осталось.

Спустя некоторое время к месту катастрофы подоспел комендант ген[ерал]-майор Адельсон. В его сани мы помогли сесть Крахоткину, молодому офицеру, который, будучи контужен, совершенно оглох. Вслед за комендантом приехал светлейший князь Суворов. Растроганный до слез, он не мог смотреть на злополучное место и прямо направился во дворец. Только час спустя после катастрофы пришел взвод павловцев и оцепил место, ставшее с этого дня историческим и священным для памяти благодарного народа».

Подпоручик Крахоткин стоял в момент взрыва в двух шагах от Его Величества. Немедленно он почувствовал, что приподнят на воздух и, умирая, несется прямо на небо, что в известной степени порождало в нем приятное ощущение. Придя в себя, он увидел, что лежит на земле, что голова и лицо его в крови, а окружающие старались смыть и стереть эту кровь. Он встал на ноги, сделав несколько шагов к кучке людей, окружавших Государя, видел, как его подняли, с раздробленными голенями, и при этом ему странным образом почудилось, что это не Государь, а давно почивший великий князь Михаил Павлович. В это мгновение он лишился сознания и, придя в себя, уже очутился в санях рядом с городовым, который повез его в Мариинскую больницу. Голова его была обвязана несколькими платками, так как шапка его, а также и книги до сих пор не найдены. Три часа спустя его посетил доктор Вреден и определил следующие следы контузии: повреждение верхней части левой ушной раковины маленьким осколком бомбы и звездообразный разрыв левого барабана, причинивший кровоизлияние, полная глухота левого уха и ослабление слуха в правом. Вообще его состояние

устраняло опасение о возможных последствиях сотрясения мозга, но глухота левого уха останется, а воспалительное состояние его причинит еще немало страданий этой жертве.

Максимов упал одновременно с Государем и полковником Дворжицкий. Он потерял сознание, а когда он очнулся через некоторое время, то увидел кругом суматоху, но не может забыть окровавленных, изувеченных ног Государя. Он подполз к перилам набережной и с усилием встал на ноги; но тут один преображенский офицер взялся его отвезти в придворный госпиталь, как оказалось, по приказанию великого князя Михаила Николаевича. Галактионов ранен в левую руку и лишился левого глаза.

Последний свидетель, приводимый нами, г. Капри, давал в тот день урок во дворце принца Ольденбургского. Выйдя из дворца, он направился пешком вдоль казарм лейб-гвардии Павловского полка и на углу дома Афросимова, один фасад которого выходит на Марсово поле, а другой на Екатерининский канал, услышал сильный взрыв по направлению к Казанскому мосту, а со стороны сада великой княгини Екатерины Михайловны показался дым. В то же время стоявший у Театрального моста на посту Максимов направился бегом к месту, где виден был дым. Г[осподин] Капри последовал за ним, идя по тротуару канала. Скоро с левой стороны ему представилась карета Государя; кучер сидел на козлах, дверцы были открыты. Г[осподин] Капри внимательно взглянул на экипаж, который показался ему в целости. За каретою, в двух или трех шагах от нее, лежал убитый казак. Немного далее г. Капри встретил группу людей в партикулярном платье, направляющихся к экипажу. Когда он находился всего в двух шагах от группы, то заметил, что они следовали за Государем. Государь шел вдоль тротуара очень тихим шагом. Он был бледен, задумчив, и взор Его был направлен вперед. Господствовала гробовая тишина. Впереди себя г. Капри увидел человека среднего роста. В ту минуту, когда был брошен второй снаряд, человек этот должен был занимать такое же место, как г. Капри. Последний обернулся, чтобы взглянуть на Государя. Следовательно, неизвестный стоял спиною к каналу и лицом к саду. В то время, когда г. Капри снимал шляпу, чтобы поклониться Государю, он почувствовал сильный удар в голову и немедленно потерял сознание, так что не слыхал взрыва. Придя в себя, он заметил, что лежит по другую сторону набережной, у сада. Чувствуя себя раненным и в крови, он обратился за помощью к городовому, потом к неизвестному ему господину, но тот и другой оставили мольбы его без внимания. Наконец один офицер, оказавшийся впоследствии

капитаном Адлербергом, усадил г. Капри на извозчика, который доставил его на квартиру г-жи Прозоровой, где ему была оказана самая заботливая помощь. На г. Капри оказались 42 раны. Шуба его была разорвана в клочки. Г[осподин] Капри полагает, что его шуба спасла ему жизнь. Будь он в коротком пальто, ему, наверное, оторвало бы одну или обе ноги.

Тотчас после второго взрыва пристав Степанов от дома министра внутренних дел (от Цепного Пантелеймоновского моста) был послан градоначальником, на лошадях его, узнать, что случилось. Г[осподин] Степанов прибыл на место происшествия в тот самый момент, когда раненого Государя Императора на санях полковника Дворжицкого везли шагом через Театральный мостик. Быстро повернув лошадей, он поскакал обратно, чтобы доложить. Но у Летнего сада он встретил уже шедшего к нему навстречу градоначальника, который, выслушав его, поспешил к месту происшествия. Г[осподин] Степанов пересел на извозчичьи сани и бросился вслед за ним. Прибыв на Театральный мостик, он увидел полковника Дворжицкого, окруженного толпою. Многие женщины плакали. Дворжицкий стоял у извозчичьих саней без шапки; шинель свалилась на одно плечо, лицо и губы были забрызганы кровью, из-за левого уха и из затылка сильно сочилась кровь, а правая рука в кисти и вся перчатка совершенно были залиты запекшейся кровью. Ухватившись за задок саней, он силился сесть в сани, но не мог, потому что правою рукою не владел. Подбежав к г. Дворжицкому, Степанов надел на него шинель, окутал и усадил в сани; сняв с себя шапку, накрыл ею его голову. Степанов сам схватил шапку с какого-то подбежавшего к нему околоточного надзирателя. После этого Степанов повез полковника домой. Едва все двинулись с места, как тот крикнул извозчику:

— Пошел в Аничков дворец, нужно доложить Цесаревичу, — но, сильно застонав, проговорил: — Нет, не могу, рука ломит, везите меня скорее домой.

После этого с ним сделалось дурно, но под влиянием свежего встречного ветра он скоро пришел в себя, и они приехали в его квартиру, в Казанскую часть, где, как на смех, не оказалось дома ни одного из поблизости живущих врачей. Со смотрителем части Салановым Степанов успел промыть большие раны и наложить на них холодные компрессы.

<…> Прошло несколько времени в нерешимости: нести ли Государя на руках или везти в экипаже? Заметив, что силы Его Величества слабеют, великий князь Михаил Николаевич приказал поместить своего Августейшего Брата в карету, о чем умолял и лейб-кучер Фрол Сергеев; видя, однако, невозможность устроить

там Государя с удобством, Его Высочество послал юнкера Окушко привести сани. Последний, вместе со своими товарищами, Пахомовым и Эммаусским, бросился к извозчику, стоявшему впереди кареты; лошадь его была до такой степени испугана, что, несмотря на все усилия, не тронулась с места. Тогда штабс-капитан Франк, юнкер Кабанов и другие лица побежали к саням полковника Дворжицкого, находившимся близ Театрального моста, и привели их. Государя несли к саням и положили на них вышеупомянутые бывшие около Него лица и присоединившиеся к ним флигель-адъютант полковник Короченцев, подполковник Радзишевский, штабс-капитан Кюстер и мичман Ержикович, а также боцманмат Раздобурдин и матросы Маков, Афанасьев, Васильев, Колобов, Ушаков и Наместников. На санях спереди стал ротмистр Кулебякин, рядом с кучером и спиною к лошадям, поддерживая ноги и нижнюю часть туловища умирающего; кроме того, в санях поместились казаки Кузьменко и Луценко и рядовой лейб-гвардии конного полка Василий Прокудин, а на правом полозе саней — штабс-капитан Кюстер, который между Театральным и Конюшенным мостами, при движении саней сильною рысью, упал с них. Когда несли Государя к саням, квартирмейстер Курышев покрыл голову Его Величества платком; при усаживании в сани кто-то, вместо упавшего или брошенного платка, надел каску с султаном; поручик граф Гендриков, опасаясь, что она может беспокоить, заменил ее своею фуражкою; тогда же штабс-капитан Кюстер, сняв свою шинель, укрыл ею Государя при помощи других лиц.

Полковник Дворжицкий, раненный с Государем Императором, приподнявшись на земле, услышал едва внятно произнесенное слово Государя «помоги» и, вскочив, подбежал к нему вместе со многими другими лицами. Из числа 24-х юнкеров Павловского военного училища, прибывших, как выше сказано, на место тотчас после второго взрыва, при первом опросе пять человек показали, что Государь спросил:

— Жив ли Наследник? — Затем произнес: — Холодно.

Поручик Кинареев и семь юнкеров слышали только слово «холодно». Остальные ничего не слышали, хотя часть их удостоверяет, что Его Величество шевелил губами. При вторичном спросе те же юнкера показали, что лицо Государя, когда Он еще лежал на земле, было спокойно, губы что-то шептали, но слов не было слышно, глаза как будто кого-то искали… И действительно, через несколько секунд Государь тихо, но ясно сказал:

— Жив ли Наследник?

И когда наклонившиеся над Его Величеством юнкера

Пузанов, Пахомов и Эммаусский ответили: «Жив», то сделал движение рукою, желая, по-видимому, сотворить крестное знамение. В это же время юнкера увидали глубоко расстроенного великого князя Михаила Николаевича, спросившего взволнованным голосом:

— Жив ли Государь?

Его Величество, обратив взоры на великого князя, слабым голосом проговорил:

— Холодно, холодно.

Вполне достоверно известно, что великий князь, подойдя к правому плечу своего Августейшего Брата, уже несомого на руках, спросил:

— Слышит ли Его Величество?

На что Государь тихо ответил:

— Слышу.

На дальнейший вопрос Его Высочества о том, как Государь себя чувствует, Его Величество сказал:

— Скорее домой… Скорее домой.

А затем, как бы отвечая на услышанное Им предложение штабс-капитана Новикова — внести Его в ближайший дом для подания первоначальной помощи, — Его Величество произнес:

— Несите меня во дворец… там… умереть…

3-го флотского экипажа квартирмейстер Курышев передает, что когда Его Величество после второго взрыва понесли к экипажу, то Государь сказал:

— Накройте меня платком, — и на замечание Курышева, что его платок грязен, вторично произнес: — Накройте.

Казак Кузьменко говорит, что Государь уже в санях спросил ротмистра Кулебякина:

— Ты тоже ранен?

Но он, оглушенный взрывом, не слышал этих слов. Рядовой Прокудин, находившийся в санях, показал, что он сказал Государю:

— Ваше Императорское Величество, Отец Православных, чувствуете ли Вы себя?

На что получил будто бы ответ:

— Немножко…

<…> Сани полковника Дворжицкого тронулись наконец в путь, увозя во дворец раненого Государя в полубесчувственном состоянии. Великий князь Михаил Николаевич приказал юнкерам и матросам окружить их, а четырем конным казакам ехать впереди; юнкера и матросы следовали через Театральный мост, по набережной Мойки, до Конюшенного моста; но здесь сани поехали по Мошкову переулку полною рысью, почему им

пришлось отстать. За Государем ехали: великий князь Михаил Николаевич вместе с унтер-шталмейстером Кобелевым, в санях последнего — флигель-адъютант полковник Короченцев и подполковник Радзишевский, взявший у Конюшенного моста в свои сани штабс-капитана Кюстера. Генерал-адъютант граф Баранов 2-й шел сначала пешком, а потом сел в сани вместе с директором телеграфного департамента тайным советником Людерсом и на Дворцовой площади опередил поезд с целью предупредить прислугу, чтобы в кабинете Его Величества была приготовлена постель.

Сани с Августейшим страдальцем, следуя от Мошкова переулка по Миллионной, остановились у собственного Его Величества подъезда, внутри тамбура. Прибывший в то же время великий князь Михаил Николаевич приказал унтер-шталмейстеру Кобелеву ехать в Аничков дворец для извещения о случившемся Государя Наследника Цесаревича. Наследник Цесаревич, было как уже упомянуто, отправился прямо с развода в свой дворец и сидел с семьею за завтраком, когда раздались один за другим оба взрыва. Наследник и Цесаревна не могли себе разъяснить их причины, но сразу почувствовали какое-то тяжелое предчувствие, которое несколько минут спустя еще усилилось при виде прискакавшего во двор Аничковского дворца шталмейстера Государя. Оба поспешили ему навстречу, но он не мог в первую минуту произнести ни слова от волнения и только после отчаянной просьбы Их Высочеств ему удалось проговорить:

— Он ужасно ранен.

Этих слов было достаточно, чтобы понять ужасную действительность. Наскоро заложили сани, и Их Высочества поспешили в Зимний дворец, куда прибыли первыми после Михаила Николаевича.

Когда Его Величество был поднят у подъезда на руки, то оказалась в санях такая масса крови, вылившейся из ран, что ее пришлось потом выливать. Все сопровождавшие Государя, вместе с лицами, бывшими в санях, и конвойными, при помощи дворцовых служителей понесли Его Величество, но у входа остановились, так как швейцар не мог отворить другой половины правой боковой стеклянной двери; кто-то крикнул:

— Дерни сильнее, ломай!

Швейцар дернул, тогда посыпались стекла, но дверь не поддавалась. Наконец отворили обе половинки средней двери и, пройдя в нее, направились по коридору, ведущему к подъемной машине; но, увидя невозможность уложить Государя на машину, которая, кроме того, более одного человека не могла поднять, Его Высочество приказал идти по парадной лестнице, а штабс-

капитану Кюстеру поручил закрыть двери подъезда и никого постороннего не пускать. <…>

Место первого взрыва представляло собою ямку в 40 дюймов в диаметре и глубиною на снегу в 8 дюймов. Она находилась в 11 шагах от каменного забора сада великой княгини Екатерины Михайловны и в 9 шагах от решетки набережной. В ямке найдены кусок пробки, кусок красного сургуча, два кусочка жести, золотой браслет с женским медальоном. Вокруг ямки были разбросаны клочки волос, куски материи, щепки дерева от экипажа и стекла от каретных фонарей.

В 15 шагах от этой ямки, по направлению к Театральному мостику, — место второго взрыва. Здесь, на пространстве 30 шагов, разбросаны были клочки сукна и разной материи, а в стороне, у забора, — сложенные вещи пострадавших. В числе этих вещей следующие оказались принадлежащими покойному Государю: а) фуражка инженерного ведомства на ватной шелковой серого цвета подкладке, без кокарды, козырька и части околыша; б) верхняя часть военной инженерного ведомства шинели с бобровым воротником и лацканами; нижняя часть шинели изорвана в клочки; под воротником, с левой стороны, оторван клапан; в) кусок серебряной портупеи; г) два батистовых платка с метками А. Н.; на одном буквы вышиты рядом, на другом — одна на другой, накрест; д) части кожи от раздробленного сапога. Сверх того, тут же в куче находились: два письма, на имя Паля и Володи, башлык, куски дерева и материи от кареты. В двух местах — большие следы крови. Изорванные края шинели обагрены кровью.

У самого тротуара канавы свалили груду разных вещей самого тяжкого вида, оцепленную несколькими рядовыми Павловского полка. Здесь, возле кровавой лужи, валялись: офицерская серо-синяя шинель с меховым воротником, обломок нижнего конца шпаги, шапка околоточного надзирателя, какие-то деревянные обломки, куски черного сукна (вероятно, от шинели казака). Тут же стояла большая, так называемая бельевая, корзина с мясом. Несколько поодаль — небольшой диванчик без обивки.

На месте катастрофы стали подбирать раненых. Всего их оказалось 20 человек, из которых 11 отправлены были на излечение в придворный госпиталь.

А. Смертельно раненные: 1. Казак лейб-гвардии Терского эскадрона собственного Его Величества конвоя Александр Малеичев. Перенесен в госпиталь в предсмертных страданиях. При осмотре раненого оказалось: колотая рана правой бедренной артерии, под пупартовою связкою, причем кровотечения из

артерии уже не было, и колотая рана между 6-м и 7-м ребрами правой половины груди, и подобные же 4 раны находились в правом подреберье, ближе к белой линии живота. Умер спустя десять минут по доставлении в госпиталь. 2. Крестьянин Николай Максимов Захаров, 14 лет, мальчик из мясной лавки. Доставлен в бессознательном состоянии, с прободающею раною черепа в левой височной области, с повреждением средней мозговой артерии и ткани мозга; разорванные ранки пальцев правой ручной кисти и кровоподтеки левого предплечья и нижних конечностей. В продолжение 40 часов раненый находился в полном бессознательном состоянии, по временам появлялись судороги верхних конечностей. Умер 3 марта в 12 часов пополудни. 3. Мужчина неизвестного звания, около 30 лет. Доставлен в полном бессознательном состоянии со следующими повреждениями: на лбу и на лице много кровоточивых ранок, ушиб обеих век с кровоизлиянием под соединительную оболочку глаз; правый глаз не чувствительный к свету; глубокие ушибы правой верхней конечности, ссадины и кровоподтеки левого предплечья и поверхностные раны 4-го и 5-го пальцев правой кисти. Вся правая голень покрыта 20 ранами, проникающими в коленный сустав, толщину мышц; кости правой голени раздроблены в средней и Нижней третях, причем раны круглого очертания, величиною от 1 до 2,5 сантиметров, с кровоподтеком, и местами раны проникают толщу костей голени. На тыльной поверхности правой стопы, у сочленения пальцев с плюсневыми костями, замечается поперечная рана в 7 сантиметров, проникающая в суставы. Внутренняя поверхность левой голени покрыта ссадинами кожицы линейного очертания. Кожа наружных половых органов представляет местами легкие ранки и кровоподтеки. Дыхание раненого поверхностное; пульса нет. На неоднократные вопросы о звании раненый не отвечал и только в 9 часов вечера на тот же вопрос отрывисто сказал: «Не знаю». Умер в десять с половиною часов вечера 1 марта.

Б. Тяжело раненные: 4. Полицмейстер 1-го отделения С.-Петербурга полковник Дворжицкий. Получил до 70 ран, от полусантиметра в поперечнике до булавочной головки; из них некоторые довольно кровоточащие, одна повредила сухожилие мышцы, сгибающей кисть правой руки, а другая — мышцу икры правой ноги. Остальные (большинство в спину и три в затылок у левого уха) представляли мелкие поранения, произведенные как бы дробью. Состояние здоровья было удовлетворительное, и лихорадки не было. Насчет того, какого свойства был снаряд, произведший взрыв и поранение, была полная неопределенность. Необъяснимы в особенности были эти многочисленнейшие

мелкие раны, зондирование которых не открыло ничего. Крупные же раны считали неосторожным зондировать. В 10,5 часов утра полковник Дворжицкий давал показания лицам, производившим следствие. 5. Командир лейб-гвардии Терского эскадрона собственного Его Величества конвоя ротмистр Кулебякин. Ранен в правую руку выше локтя, в левый глаз, который совершенно поврежден, и в левую часть головы. Находился в лазарете лейб-гвардии конного полка на излечении. 6. Помощник пристава 1-го участка Казанской части Константин Максимов. Контужен и ранен в левую руку и левую ногу; правая рука испещрена мелкими легкими ранами, как бы наколами иглы; лицо также изранено; глаза остались целы, но у правого сильный подтек; вся одежда, в которой он был во время катастрофы, разорвана на клочки, шашка с эфесом сплющена. 7. Околоточный надзиратель 1-го участка Казанской части Егор Галактионов. Прободающая рана левого глаза с истечением стекловидной влаги и поверхностная ссадина левой ручной кисти. 8. Ординарец Его Величества унтер-офицер лейб-гвардии 2-го Кубанского эскадрона собственного Его Величества конвоя Кузьма Мачнев. Ранение взрывчатым метательным снарядом правой щеки, век глаз, левого глаза, преимущественно левого верхнего века, где на внутренней поверхности замечается в полсантиметра длиною ранка; далее раны правого плеча, предплечья, среднего пальца руки, правой стороны груди, надчревной области, где находится до 17 поверхностных ран. Правая и левая голени покрыты разной величины ранками. Разрыв левой барабанной перепонки. 9. Унтер-офицер лейб-гвардии Терского эскадрона собственного Его Величества конвоя Андрей Сошин. Ушиб головы, повлекший за собою глухоту и слабость зрения левого глаза от кровоизлияния в сетчатую оболочку и ограниченной отслойки последней. Разрыв левой барабанной перепонки и кровоизлияние в лабиринт.

В. Легко раненные: Лейб-гвардии Терского эскадрона собственного Его Величества конвоя казаки: 10. Петр Кузьменко. Ушиб головы и небольшие ранки левой щеки. 11. Алексей Луценко. Ушиб головы; полная глухота от разрыва левой барабанной перепонки и кровоизлияния в лабиринт, незначительное ранение левого бедра, голени и левой ручной кисти. 12. Никифор Сутеев. Ушиб правого глаза и правой скуловой кости, незначительные ранки левой нижней конечности; глухота левого уха от разрыва барабана и кровоизлияния в лабиринт. 13. Иван Олейников. Четыре глубокие раны правой голени; разрыв правого барабана. Крестьяне: 14. Федор Дьяконов. Незначительное ранение лица, ушибы левого бедра со значительными кровяными подтеками. 15. Орест Базырин.

Незначительные ссадины кожицы левой ягодицы и спины. 16. 8-го флотского экипажа квартирмейстер Николай Борисов. Ранен в голову и левую руку, находился на излечении в Калинкинском военном госпитале. 17. Учитель музыки с. — петербургского Патриотического института французский подданный Жюль Капри. Ранен в ногу, лицо и глаз, лечился на квартире в доме № 26, кв. № 25, по Английскому проспекту. 18. Пажеского Его Величества корпуса камер-паж Коссинский ранен в левую ногу. 19. Городовой 1-го участка Адмиралтейской части Памфил Минин. Незначительный ушиб лица, был отпущен на квартиру с освобождением от службы. 20. Солдатка Евдокия Давыдова ранена в правую руку. На излечение она была помещена в Мариинскую больницу; там было сделано ей три операции, но медицинская помощь оказалась бесполезною. 10 мая она умерла, оплакиваемая мужем, отставным рядовым лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона, и двумя детьми. Несчастный муж, убитый горем, за отсутствием собственных средств, чтобы похоронить свою жену, сделал заем у разных лиц, в количестве 25 рублей, и на эти деньги предал земле умершую страдалицу. Адрес семейства Давыдова: Новая Деревня, Новодеревенский переулок, д. № 12.

Кроме раненых, показанных в настоящем списке, были оглушены вторым взрывом: весьма сильно — капитан отдельного корпуса жандармов Кох и подпоручик 139-го пехотного Моршанского полка Крахоткин; несколько слабее — капитан лейб-гвардии Преображенского полка Адлерберг; с. — петербургский плац-адъютант, гвардии штабс-капитан князь Мышецкий и Пажеского Его Величества корпуса паж Мексмонтан; и легко контужены — мичман 8-го флотского экипажа Ержикович, воспитанник с. — петербургской 1-й военной гимназии Давидовский и матросы 8-го флотского экипажа Василий Архипов, Василий Синельников и Александр Юдин.

Кстати, приводим здесь *список свидетелям-очевидцам* вечно памятного события 1 марта. 1. Его Императорское Высочество великий князь Михаил Николаевич, главнокомандующий Кавказскою армиею. 2. Член Государственного совета генерал-адъютант граф Баранов 1-й. 3. Командир лейб-гвардии Донской казачьей Его Величества батареи, флигель-адъютант полковник Короченцев. 4. Полицмейстер 1-го отделения С.-Петербурга полковник Дворжицкий. 5. Начальник С.-Петербургского пехотного юнкерского училища, лейб-гвардии Преображенского полка подполковник Радзишевский. 6. Командир лейб-гвардии Терского эскадрона собственного Его Величества конвоя ротмистр Кулебякин. 7. Лейб-гвардии Преображенского полка капитан

Адлерберг. 8. Начальник охранной Его Императорского Величества стражи, отдельного корпуса жандармов капитан Кох. 9. С.-петербургский плац-адъютант гвардии штабс-капитан князь Мышецкий. 10. Адъютант управления петербургской крепостной артиллерии и окружного артиллерийского склада штабс-капитан Кюстер. Кадрового батальона лейб-гвардии резервного пехотного полка: 11. Штабс-капитан Новиков. 12. Штабс-капитан Франк. 13. Подпоручик Рудыковский. Кавалергардского Его Величества полка: 14. Поручик граф Гендриков. 1-го военного Павловского училища: 15. Поручик лейб-гвардии Егерского полка Кинареев. 139-го пехотного Моршанского полка: 16. Подпоручик Крахоткин. 8-го флотского экипажа: 17. Мичман Ержикович. 18. Унтер-шталмейстер двора Его Императорского Величества, статский советник Кобелев. 19. Младший берейтор дворцовой конюшни, коллежский секретарь Шашин. 20. Учитель музыки с.-петербургского Патриотического института французский подданный Жюль Капри. Пажеского Его Величества корпуса: 21. Камер-паж Коссинский. 22. Паж Мексмонтан. Воспитанники с.-петербургской 1-й военной гимназии: 23. Давидовский. 24. Петровский. 25. Ординарец Его Императорского Величества лейб-гвардии 2-го Кубанского эскадрона унтер-офицер Кузьма Мачнев. Лейб-гвардии Терского эскадрона казаки, сопровождавшие Его Величество на конях: 26. Илья Федоров. 27. Иван Олейников. 28. Михаил Луценко. 29. Александр Малеичев. 30. Никифор Сагеев. 31. Артемий Пожаров. Возвращавшиеся из Исаакиевского собора: 32. Унтер-офицер Андрей Сошин. 33. Казак Петр Кузьменко. 34. Младший медицинский фельдшер лейб-гвардии Павловского полка Василий Горохов. 35. Лейб-гвардии Конного полка рядовой Василий Прокудин. Рядовые лейб-гвардии Преображенского полка: 36. Платон Макаров. 37. Иван Евченко. Лейб-гвардии Семеновского полка: 38. Рядовой из вольноопределяющихся Николай Котов. Кадрового батальона лейб-гвардии резервного пехотного полка: 39. Ефрейтор Харлампий Зинченко. 40. Рядовой Эдуард Шванк. 41. Околоточный надзиратель Литейной части Василий Павлов. Городовые: 42. Василий Несговоров и 43. Терентий Афонасьев. 44. Отставной рядовой Петр Павлов. Крестьяне: 45. Павел Кузьмин и 46. Василий Карпов. 47. Мостовой сторож конно-железной дороги крестьянин Михаил Назаров. 48. Вольнонаемный кучер двора Его Императорского Величества Фрол Сергеев. 49. Швейцар подъезда Его Величества Иван Дедовидченко. 50. Помощник его Петр Катов. 51. Камер-казак Его Величества Яков Лабода. 52. Служащий при подъемной машине, запасной фельдфебель лейб-гвардии саперного батальона Алексей Игнатьев. Дворцовой служительской команды запасные

унтер-офицеры лейб-гвардии Преображенского полка: 53. Барабаш и 54. Соболев. 55. Служащий на дворцовой конюшне магазей-вахтер Толмазов. Михайловского дворца дворники, крестьяне: 56. Митрофан Савельев. 57. Александр Семенов и 58. Ермолай Александров. 59. Сторож — отставной рядовой Алексей Егоров. Кроме того, свидетелями-очевидцами были: 1-го военного Павловского училища: 24 юнкера и 1 барабанщик; 8-го флотского экипажа: 46 нижних чинов и 1 барабанщик, охранной Его Величества стражи 7 человек. <…>

Печатается по: Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года. Спб., 1882, с. 1—16, 19–22.

А. И. Дворжицкий
1 МАРТА 1881 ГОДА

<…> В девять часов утра ужасного дня 1 марта 1881 года градоначальник генерал Федоров собрал к себе в квартиру всех полицмейстеров и участковых приставов и объявил нам, что все идет хорошо, что главные деятели анархистов Тригони и Желябов арестованы и только остается захватить еще двух-трех человек, чтобы окончить дело борьбы с крамолою, и что Государь Император и министр внутренних дел совершенно довольны деятельностью полиции. Несмотря на такую веру градоначальника в успешность подавления анархии, многие из нас остались в большом недоумении. Я лично, нисколько не разделяя высказанного нам градоначальником убеждения на основании тех обстоятельств, которые ему постоянно докладывались, счел обязанностью тотчас после речи генерала Федорова поехать к знакомому мне камергеру графу Перовскому, как человеку, близко стоящему к Их Императорским Величествам князьям Владимиру и Алексею Александровичам.

Сообщив графу о кажущемся мне тревожным положении в столице и рядом с этим о непонятном для меня спокойствии моего начальства, я просил графа Перовского доложить великому князю Владимиру Александровичу, что при настоящем кажущемся мне положении дела нельзя ручаться за безопасность Государя. Граф дал мне слово исполнить все в тот же день, но, к несчастью, через три часа двадцать минут мое заявление уже не имело более значения.

На 1 марта приказом по полиции на меня было возложено, независимо от обычных сопровождений Государя, еще наблюдение за порядком у Михайловского манежа. Прибыв к манежу в 11½ часов, я разместил наряд полицейских чинов и жандармов по постам и в 12¾ часа был уже у Зимнего дворца, т. е. тогда, когда граф Лорис-Меликов уезжал из дворца. Войдя вовнутрь подъезда, я встретил министра графа Адлерберга, который в разговоре со мною с грустью отозвался о тяжелом времени вследствие деятельности анархистов. Во время этого разговора мы услышали радостное «здравия желаем» караула на приветствие Его Величества; вслед за сим Государь вышел в закрытый подъезд, поздоровался, по обыкновению, со всеми тут находившимися лицами, сел в экипаж и сказал кучеру: «В манеж через Певческий мост».

По окончании развода Государь вместе с великим князем

Михаилом Николаевичем изволил отправиться в Михайловский дворец великой княгини Екатерины Михайловны.

Из названного дворца Государь вышел в два часа десять минут и, садясь один в экипаж, сказал кучеру: «Той же дорогою домой». Проехав Инженерную улицу и повернув на Екатерининский канал, Его Величество поздоровался с караулом от 8-го флотского экипажа, возвращавшегося с развода. По набережной канала кучер пустил лошадей полным ходом, но не успел проехать и ста сажен, как раздался оглушительный взрыв, от которого сильно был поврежден экипаж Государя и ранены два конвойных казака, мальчик-крестьянин и мои лошади. Проехав после взрыва еще несколько шагов, экипаж Его Величества остановился; я тотчас подбежал к карете Государя, помог ему выйти из кареты и доложил, что преступник задержан. Государь был совершенно спокоен. На вопрос мой Государю о состоянии его здоровья он ответил: «Слава Богу, я не ранен». Видя, что карета Государя повреждена, я решился предложить Его Величеству поехать в моих санях во дворец. На это предложение Государь сказал: «Хорошо, только покажите мне прежде преступника». Кучер Фрол тоже просил Государя снова сесть в карету и ехать дальше, но Его Величество, не сказав ничего на просьбу кучера, повернулся и направился к тротуару, прилегавшему к Екатерининскому каналу.

Государь следовал по тротуару; влево от него — я, позади — казак Мачнев, бывший на козлах экипажа Его Величества, за Мачневым четыре спешившихся конвойных казака с лошадьми в поводу. Пройдя несколько шагов, Государь поскользнулся, но я успел его поддержать.

Преступник Рысаков находился от места взрыва шагах в двадцати; его держали четыре солдата, и тут же находился начальник охранной стражи капитан Кох. Подойдя к преступнику, я, по указанию державших его солдат, вынул у него из-за борта на левую сторону застегнутого пальто револьвер и взял от солдата небольшой кинжал с позолотою, который он нашел в левом кармане пальто преступника. То и другое оружие я представил Государю. Узнав, что преступник мещанин, Его Величество не сказал ни слова, повернулся налево (Государь стоял спиной к решетке канала) и медленно направился в сторону Театрального моста. В это время Его Величество был окружен с одной стороны взводом 8-го флотского экипажа, а с другой стороны конвойными казаками. Тут я вторично позволил себе обратиться к Государю с просьбою сесть в сани и уехать, но он остановился, несколько задумался и затем ответил: «Хорошо, только прежде покажи мне место взрыва». Исполняя волю Государя, я повернулся наискось к

месту взрыва, но не успел сделать трех шагов, как был оглушен новым взрывом, обожжен, ранен и свален на землю. Вдруг, среди дыма и снежного тумана, я услышал слабый голос Его Величества: «Помоги!» Собрав оставшиеся у меня силы, я вскочил на ноги и бросился к Государю. В первый момент я не мог уяснить себе его положения; Его Величество полусидел-полулежал, облокотившись на правую руку. Предполагая, что Государь только тяжко ранен, я приподнял его с земли и тут с ужасом увидел, что обе ноги Его Величества совершенно раздроблены и кровь из них сильно струилась. Не имея сил держать на руках Государя, уже дышавшего тяжело и потерявшего сознание, я крикнул о помощи. При содействии подбежавших лиц мы понесли Государя к его карете. В это время подбежал только что приехавший к месту происшествия великий князь Михаил Николаевич. Он спросил меня, что с Государем. Я ответил, что от первого взрыва Бог его спас, а вторым взрывом тяжело ранен. В карету оказалось невозможным положить Государя, почему он был положен в мои сани и в сопровождении великого князя Михаила Николаевича отвезен в Зимний дворец. Окончательная потеря моих сил лишила меня возможности сослужить последнюю службу Государю Императору — довезти его до дворца.

Печатается по: Исторический вестник, 1913, т. 1, с. 126–128.

АРЕСТ РЫСАКОВА
Из показаний фельдшера Горохова

Когда мы опомнились после второго взрыва, то один из преображенцев с сердцем ударил по голове преступника, которого мы держали, сказав в это время вроде таких слов:

— Вот что вы, мерзавцы, делаете!

На это преступник сказал примерно такие слова:

— Не бейте, пожалуйста, ради Бога не бейте! Что это делается, после узнаете: вы ведь люди темные.

Как только тронулись сани, отвозившие Государя, к нам подошел городовой и сказал, чтобы мы вели преступника в участок, который находится тут же поблизости, на канале, но какой-то офицер сказал, что следует его вести прямо к градоначальнику. Мы поставили преступника на ноги и повели его к Театральному мосту, причем я держал его, как перехватил вторично, а остальные трое больше держали его руки.

Вели мы его посередине улицы, так как и у решетки канала и у стены Михайловского сада было страшное смятение. Еще с момента, когда Государя усаживали в сани, публика в разных местах стала на кого-то накидываться, кого-то бить, и раз кто кого ударит, то на него же накидывались другие и били его; таким образом, пока мы шли к мосту, видели кучи три-четыре народа, где падал один битый, на него падали бившие его, а тех в свою очередь били вновь подбегавшие.

С самого начала нашего движения кто-то ударил ведомого преступника в живот, тут мы стали его охранять, но подбегавшие из публики все-таки подскакивали сзади и ударяли его по спине; преступник не мог оглядываться, так как мы его крепко держали, и постоянно просил, чтобы его не били. Перейдя мост, мы кликнули стоявшего неподалеку извозчика и посадили преступника, не отнимая от него своих рук, и сами также поместились с ним в санях: я — с правой стороны преступника, преображенец — с левой его стороны, а городовой с другим преображением поместились на санях впереди, спиною к извозчику. Тотчас же к саням подскочил с окладистою бородою, по-видимому, кучер и ударил по спине преступника, что повторил несколько раз на бегу, когда извозчик поехал. Тут мы стали кричать, чтобы извозчик ехал как можно скорее, и бивший преступника кучер отстал от нас.

Когда мы привезли преступника к градоначальнику, то нам указали, в какую комнату ввести его. Сюда пришел чиновник в

вицмундире и, узнав, где и как пойман преступник, приказал обыскать его. Мы вместе с чиновником стали раздевать и обыскивать преступника. На нем было одето драповое пальто, на шее маленькая косынка серая с синими клетками, кажется, шелковая, затем черные суконные сюртук, жилет и брюки, на ногах ботики, а из белья рубашка, которая по вороту, на концах рукавов и на груди была вышита малороссийским рисунком. На теле был надет suspensorium.[17]

При обыске из одного кармана брюк вынули кошелек, в котором была трехрублевая ассигнация и несколько мелких монет, а из другого кармана вынули паспорт, несколько сложенных бумаг, писанных чернилами и красным карандашом, оборванную сигнатуру и завернутые в маленькую бумажку несколько кристаллов, темных, с синеватым отливом, по-видимому, как мне казалось, из железистых препаратов, затем больше ничего при нем не нашли. <…>

После осмотра преступнику помогли одеться, и мы же отвели его в другую комнату, где остались караулить у окна и за дверями. Тут преступника стали спрашивать, он сначала было назвался не тем, кто он есть, Глазовым, а потом скоро сознался и стал рассказывать о своих родных и своей жизни. Между прочим, он сказал, что за неделю до этого дня он виделся с товарищами, которые ему объяснили, что через неделю, в воскресенье, он должен будет стрелять в Государя, знал также, что для той же цели будут назначены еще другие, но кто — того ему не было известно. Около часу он пошел по набережной Екатерининского канала и, по ожидающим городовым, увидел, что еще рано; ходить же по набережной он побоялся, а потому перешел Театральный мост и пошел вокруг Круглого рынка. Тут ему встретилась молодая, лет 17-ти, девица, красивая и прилично одетая, которая его знала и которую он также знает в лицо, но фамилии ее не знает. Девица эта передала ему узелок, сказав, что он должен будет бросить его, отчего последует сильный взрыв, но не сказала, что находится в узелке, так что он не знал, стеклянный или какой другой сосуд в нем и чем он наполнен. Получив узелок, преступник подождал еще некоторое время у Круглого рынка и затем тихо пошел на набережную канала. На Театральном мосту стояли те же околоточные и городовые, почему преступник, не желая им показываться, поднял воротник пальто, а когда прошел мост, то снова опустил его и пошел тихо. Во время допроса преступника угощали папиросами, а когда он заявил, что с утра ничего не ел, то ему подали ужин из нескольких блюд.

Печатается по: Дневник событий с 1 марта по 1 сентября

1881 года, с. 15–16.

Л. Г. Дейч
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

…Анализируя теперь прошлое, можно, мне кажется, разделить революционную среду того времени на три категории: на лиц, охваченных чувством возмущения и негодования против правительственного террора, на сторонников красного террора, как наиболее целесообразного при данных условиях способа для изменения политического строя России, и, наконец, на любителей таинственной обстановки, сильных ощущений и т. п. Представители этих категорий были, конечно, и среди членов партии «Народной воли» и Исполнительного ее комитета.

Когда я в конце лета 1879 г., приехав в Петербург, встретился с Софьей Перовской, то нашел в ней самую яркую представительницу первой из указанных выше категорий. Она олицетворяла собою возмущенное чувство русского передового человека: она всегда повторяла, что нельзя оставлять без ответа преследования правительства.

Небольшого роста, с очень выразительным лицом, проникнутая бесконечной симпатией ко всем «униженным и оскорбленным», Софья Львовна никогда не выражала резкими эпитетами своих чувств и взглядов. Тихим, мягким, почти детским тоном отстаивала она необходимость террора. Но в этом тоне чувствовалось твердое убеждение, непоколебимая решимость.

В течение некоторого времени она не присоединялась ни к организации «Черного передела», ни к «Народной воле», так как разделяла воззрения первой относительно необходимости действовать в крестьянской среде, но, с другой стороны, желала принимать личное участие в терроре.

К этому же времени относится и мое знакомство с Желябовым. Это была очень сложная и богато одаренная от природы натура. Сын крестьянина, он унаследовал физические свойства своих родителей — земледельцев. Высокого роста, прекрасно сложенный, с широкой грудью и крупными чертами лица, Желябов, которому тогда было под тридцать лет, на вид казался значительно старше этого. Уже одной внешностью он выделялся в нашей среде и при первом взгляде обращал на себя внимание.

Моя первая встреча с ним произошла у Перовской. Нас было десять человек; кроме Перовской и ее сожительницы Сергеевой, вышедшей впоследствии замуж за известного Льва Тихомирова, в

тот памятный для меня вечер были также: Засулич, Зунделевич, Александр Квятковский, Александр Михайлов, Желябов, Плеханов и Стефанович. Шел оживленный, горячий спор о терроре и его значении. Громче всех других раздавались голоса Желябова и Плеханова. Первый несколько глухим, но очень полным, если не ошибаюсь, басом спокойно, но убежденно и решительно доказывал необходимость сосредоточить главное внимание на терроре. Не считая в то время возможной деятельность в крестьянской среде, он наряду с террором признавал тогда только деятельность среди прогрессивной части общества. Довольно определенно отстаивал он необходимость добиваться политической свободы, что, как известно, отрицалось нами, народниками.

Во время этой беседы, а также и других, происходивших у меня с ним потом в Харькове и затем вновь в Петербурге, он производил впечатление политического радикала, стремящегося объединить или, по крайней мере, привлечь на сторону революционеров либеральные элементы общества. Он любил ссылаться на газетные известия и сообщения, подтверждавшие его мысль, что в нашем обществе уже в достаточной степени назрела потребность в политической свободе; а революционеры, по его мнению, обязаны были явиться застрельщиками в борьбе за нее. «Не может быть, — говорил он, — чтобы наше общество, терпящее от гнета самодержавия, задавленное и приниженное, не отозвалось энергично, если бы увидело, что его дети, не отрываясь от него, несут все, включая и жизнь свою, на дело освобождения России от самодержавного гнета, на дело борьбы за политическую свободу».

Желябов говорил убежденно, плавно и красиво, но на многих из нас, его товарищей, аргументы его не производили желаемого им впечатления: чувствовалось что-то чуждое, несвойственное нашим тогдашним взглядам. Неудивительно поэтому, что не менее его красноречивому, но к тому же обладавшему большой эрудицией, находчивостью и остроумием оратору — Плеханову легко удавалось разбивать аргументы Желябова.

В спорах Желябов никогда не прибегал к резкостям и не становился на личную почву. Несомненно, он был искренно убежденным человеком, не боявшимся нареканий в отступлении от социализма. В то время нужно было обладать значительной долей смелости, чтобы проповедовать необходимость борьбы за политическую свободу. Если в течение всего нескольких месяцев довольно резко изменились взгляды значительной части тогдашней революционной молодежи, то в этом, кроме внешних условий, главную роль сыграл, несомненно, Желябов.

Он обладал почти всеми данными, необходимыми для крупного политического деятеля, — ему недоставало только большей теоретической подготовки, обязательной для руководителя политической партии. К сожалению, время и условия, при которых пришлось жить этому выдающемуся человеку, не дали ему возможности развернуться вполне. <…>

…Желябов играл самую крупную, выдающуюся роль в новом направлении, возникшем среди русских революционеров после покушения Соловьева. Его огромной энергии и умственным его способностям обязаны были сторонники политической борьбы тем, что это направление быстро сделалось господствующим. Он был неутомим, необыкновенно предприимчив и инициативен. Ему же принадлежала мысль организовать покушение на царя посредством подкопов с динамитом в разных местах по железнодорожному пути, по которому император Александр II должен был возвращаться осенью того года из Ливадии в Петербург. Желябов перелетал из города в город, организуя ряд этих покушений, тут же по пути вел он усиленную пропаганду необходимости политической борьбы, завязывал сношения с представителями общества и пр. Но то не была лихорадочная деятельность, а более или менее планомерная, настойчивая и решительная тактика. Только с присоединением Желябова к революционной деятельности террор принял систематический характер. Но в первое время он, повторяю, смотрел на него как на главное средство, возможное у нас для изменения политического строя России.

С Николаем Ивановичем Кибальчичем мое знакомство было более продолжительно, чем с вышеназванными двумя участниками в деле 1 марта. Он был олицетворением простоты, скромности и доброты. Кибальчич вовсе не был завзятым революционером и менее всего походил на фанатика. Террор он признавал лишь как неизбежное для русских революционеров зло в данную эпоху. Спокойный кабинетный ученый, до изумительности способный увлечься любой специальной наукой, Кибальчич был мирным социалистом-пропагандистом, и, как это видно из сделанных им на суде заявлений, он, по основным своим воззрениям, остался таковым до последнего момента жизни. Если он примкнул к террору, то лишь потому, что убедился в невозможности иным путем принести пользу своей родине. На самом себе он испытал весь ужас господствовавших у нас, благодаря самодержавию, порядков.

Кибальчич видел, что для честного человека совершенно закрыты все пути к мирной общественной деятельности. Уже

один тот факт, что такой миролюбивый и скромный человек примкнул к террору, служит наилучшим доказательством, что последний был неизбежен. В другой стране Кибальчич несомненно стал бы выдающимся ученым. Разве не в высшей степени характерно, что даже в тот момент, когда воздвигалась для него виселица, он в последнем слове на суде говорил о чертежах и выкладках, касающихся изобретенного им летательного снаряда. Поистине ужасен тот строй, в котором таких людей возводят на эшафот!

Я знал также, с давних времен — с весны 1875 года, и Гесю Гельфман. Она жила тогда в Киеве, занимаясь шитьем, и оказывала нам, пропагандистам, разные мелкие услуги. Простая, малоинтеллигентная девушка, она, конечно, больше по чувству, чем вследствие теоретического понимания, тяготела к социализму. Затем я потерял ее из виду: будучи арестованной по «делу 50-ти», она приговорена была на два года заключения в рабочем доме. Преследования правительства сделали и ее, скромную, тихую девушку, террористкой. О безграничной преданности ее революционному делу, о ее готовности на всякие самопожертвования свидетельствует вся ее жизнь, полная всевозможных мучений и страданий.

Печатается по: К 25-летию 1881–1906 гг.: Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и других. Спб., 1906, с. 407–414.

М. Эльцина-Зак
ИЗ ВСТРЕЧ С ПЕРВОМАРТОВЦАМИ

Всякий раз как приближается 1 марта по старому стилю, годовщина «казни» Александра II, в моем воображении встают образы деятелей 1 марта 1881 года: с некоторыми из них я встречалась в течение зимы 1880–1881 гг.

Я тогда была студенткой-медичкой, жили мы — я и еще две подруги — в квартирке, состоящей из двух комнат с передней и кухней, на Конногвардейской ул. (теперь она называется Слоновой ул.), недалеко от Военно-Николаевского госпиталя, где находились тогда первые медицинские курсы.

К нам часто захаживали Геся Гельфман, которую я знала еще из Киева, и Саблин. Геся Гельфман с первого взгляда производила впечатление невзрачной еврейской мещанки-полуинтеллигентки: небольшого роста, плотного сложения, с темным цветом лица, с большими темно-карими глазами; но при ближайшем знакомстве все внешнее уходило в Лету, и она очаровывала добротой, мягкостью и лаской, сквозившими из всего ее облика. Мы видели в ней воплощение всего высокого, прекрасного, альтруистического и идейного, она была самоотверженной в великих и малых делах. Вечно о ком-нибудь или о чем-нибудь пекущаяся, вечно озабоченная, занятая, деловая, она никогда не приходила к нам бесцельно, посидеть, поговорить: то ей нужно было позанять деньжонок, то нужно получить платье для кого-нибудь, то оставить какой-нибудь пакетик, который нужно было спрятать, то предложить устроить вечеринку для сбора денег в пользу революционного Красного Креста и т. д. Мы знали, что она народоволка, террористка, но не подозревали ее участия в убийстве Александра II. Мы, конечно, шли ей навстречу, так как все были сочувствующие. Она снабжала нас нелегальной литературой — «Народной волей» и другими изданиями, книжками для народа. По ее просьбе мы отдали в ее распоряжение нашу кухню; нам она была не нужна, так как мы обедали в кухмистерской. В кухне что-то мастерили, работали, стучали, как будто молотками, что-то затевалось, но в чем дело, мы не знали и считали нескромным спрашивать, понимали, что это лишнее. Я не предполагала тогда, что в нашей кухне готовилось смертоносное орудие для террористического акта 1 марта.

В день первого марта вечером Геся прибежала к нам запыхавшаяся, взволнованная и сообщила об убийстве

Александра II, о необходимости убрать все компрометирующее из квартиры, в первую голову из кухни, очистить ее от оставшегося «материала», который состоял из листов свинца. Мои подруги принялись выбрасывать куски свинца подальше от квартиры в снег; тогда была снежная зима, и в эту пору было много снегу; они рассказывали потом, что с поспеху выбрасывали даже на лестницу. Я же, больная ногой, должна была уничтожать все компрометирующее в наших комнатах: затопить печку и сжечь нелегальную литературу, некоторые письма и т. д. В этот вечер мы видели Гесю Гельфман в последний раз.

Саблин приходил к нам как будто без определенной цели, просто посидеть, поболтать, чаю напиться, отдохнуть. Это был человек среднего роста, крепкого сложения, красивой внешности, лет под тридцать, с правильными чертами лица, окладистой русой бородой, большими серыми глазами, несколько навыкате. Он тоже часто приносил нам нелегальную подпольную литературу. Раз как-то он спросил у меня, как понравилось мне одно стихотворение в какой-то книжке для народа. Со свойственной молодости откровенностью и безапелляционностью я ответила быстро и резко: «Совсем не нравится»; он удивленно и недоуменно посмотрел на меня и сказал улыбаясь: «Я прочитаю его вам». Я, конечно, выразила согласие. Он прочитал стихотворение с уменьем и выразительно, и в его чтении оно значительно выиграло, оно показалось мне иным и лучшим. Окончив чтение, он спросил меня опять с улыбкой: «А теперь понравилось вам?» Я ответила утвердительно. Потом только я узнала, что он был автором этих стихов и вообще считался поэтом и пописывал стихи. После этого он часто декламировал нам свои и чужие стихи. Одно его стихотворение врезалось мне в память. Это — «Малюта Скуратов»; не знаю, было ли оно напечатано, нам он читал его наизусть. Малюта Скуратов ожил и просит разрешения показать ему тюрьмы и узников; его проводят по камерам: тут идет ряд описаний жутких картин томящихся и мучимых в тюрьмах мужчин и женщин, стариков, юношей, девушек; страдания их разрывают сердце. По выходе из тюрьмы Малюта делает следующий вывод: настоящие пытки сильней и жесточе пыток времен Грозного, потому что тогда мучили только тело, теперь мучают и тело, и душу. Это стихотворение он продекламировал нам по настоятельной нашей просьбе. Он любил декламировать в полуосвещенной комнате, чтобы быть самому в тени. Читал он совершенно ровным, как будто однотонным голосом, без повышения и понижения, без пафоса, конечно, но тем не менее так выразительно и проникновенно и производил такое сильное впечатление, что помню еще и теперь,

как у меня мороз пробегал по коже.

Мы знали, что в конце концов их ожидает, чему они себя посвятили, и, понятно, окружали их ореолом уважения и поклонения. Они сами тоже знали, каков будет их удел. Саблин говаривал, что он в руки полиции живым не отдастся. И это, как мы знаем, не было с его стороны фразой. Когда после 1 марта полиция нагрянула на конспиративную квартиру по Тележной ул., где жили Саблин с Гесей Гельфман, дверь их квартиры долго не открывалась, затем послышался выстрел. Когда открылась дверь и вошла полиция, она нашла Саблина мертвым, плавающим в своей собственной крови.

Желябова я видела только два раза в своей жизни в 1880 г., приблизительно за полгода до 1 марта. Я тогда жила в семейной квартире у своих подруг. У нас скрывался бежавший из Сольвычегодска сосланный туда в ссылку из Киева В. Серпинский, друг моего, детства, теперь покойный. К нему, собственно, и приходил Желябов. Я помню его сидящим в нейтральной комнате, в столовой, где стояло пианино; одна из подруг играла, а он под шумок этой музыки вел конспиративную беседу с Серпинским. Ни одно его изображение, ни одна фотография не дает верного представления о его внешности. Это был крепкий, хорошо сложенный, осанистый мужчина, высокого роста, с широким лицом, а не овальным и худым, каким он всюду рисуется, с темно-каштановыми волосами и такого же цвета окладистой бородой, с небольшими глубоко сидящими искрящими карими глазами, а может быть и серыми, показавшимися, вечером темными, одним словом, одно из славных русских лиц. На устах его была добродушная, снисходительная улыбка, и он обдавал нас ласковым взглядом. Потом от Серпинского я узнала, что он был вождем народовольцев.

Такими-то мягкими и сердечными казались мне эти люди высшего порядка, которые обывателям представлялись воплощением всего грубого, жестокого и зверского.

Печатается по: Каторга и ссылка, 1923, № 12, с. 126–128.

О. С. Любатович
АНДРЕЙ ЖЕЛЯБОВ

Совсем другой тип (чем Лев Тихомиров) представлял собою Желябов. Это был характер, и характер сильный. Встреча моя с ним в Лесном и Петербурге была не первой встречей; я знала его еще в 1875 году в Одессе, где он жил тогда, отпущенный на поруки после дознания по делу, получившему впоследствии наименование «процесса 193-х». Мы встречались тогда изредка — за ним могли следить — и обменивались подпольной литературой; иногда он заглядывал в переплетную Эйтнера, где я одно время жила и где собирались иногда члены Южнорусского рабочего союза (Заславского). Но все это было урывками. Теперь (летом 79 г.) я встретилась с ним уже не мельком, а как товарищ по организации, которого мне так восторженно рекомендовали многие. Действительно, Желябов словно вырос за это время отдыха; в самом деле, он возмужал умственно и физически. Это был высокий, стройный брюнет с бледным лицом, прекрасной окладистой темной бородой, большим лбом и выразительными глазами. Речь его была горяча и порывиста, голос приятный и сильный; в нем были все задатки народного трибуна, но в нем не чувствовалось той глубины проникновения в душу человеческую, какая присуща была в такой высокой мере Сергею Кравчинскому и Валерьяну Осинскому; может быть, ему недоставало этого потому, что в то время Желябов еще мало страдал, но и его страдания были близки, очень близки, и ему пришлось их выпить полную чашу до дна. В описываемую же минуту все существо его было проникнуто каким-то радостным светом и великой надеждой. Его возмущал разрыв чернопередельцев, ссылавшихся на то, что террористическая борьба с правительством, принятая как система на Липецком съезде, повредит будто бы деятельности в народе. «Я покажу им, что они просто не хотят действовать; я покажу, что „Народная воля“, занятая борьбой с правительством, будет работать и в народе». И действительно, Желябов сумел организовать рабочие боевые дружины даже в такое время, когда большая доля его энергии была посвящена захватывающей борьбе с правительством. Но на это нужна была именно его энергия, а такая энергия присуща очень немногим.

Такой же непоколебимой верой и любовью к простому люду была проникнута и Перовская.

Печатается по: Былое, 1906, № 6, с. 113–115. В. Н. Фигнер

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД
Февральские дни

15 февраля, в воскресенье, император, ездивший по воскресеньям в Михайловский манеж, и всегда по разным улицам, проехал по Малой Садовой. Подкоп к этому времени был уже кончен, но мина не заложена.

Когда мы узнали об этом, то возмутились медленностью техников. Следующего проезда приходилось ждать, быть может, целый месяц.

Негодуя, Комитет на заседании постановил, чтобы к 1 марта все приготовления были кончены, мина и разрывные снаряды готовы. Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным! Главной частью был взрыв из магазина сыров. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Емельянов — с двух противоположных сторон на обоих концах Малой Садовой должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело.

С тех пор мы жили тревожной, лихорадочной жизнью: наступал третий месяц существования магазина сыров в доме Менгден. Хозяева магазина, Богданович и Якимова, с внешней стороны удовлетворяли всем требованиям своего положения — рыжая борода лопатой, широкое лицо цвета томпакового самовара, как смеясь говорил о себе Богданович, речь, сдобренная шуткой, меткая и находчивая (за словом в карман не полезет), делали Богдановича извне настоящим заурядным торговцем, а Якимова с ее демократической наружностью, с подстриженной «челкой» на лбу и вятским выговором на «о» была как нельзя больше ему под пару. Но насчет коммерции оба были слабы, и соседние торговцы сразу решили, что новопришельцы им не конкуренты. К тому же денег в январе — феврале у нас было мало, и закупка сыров была скудная. Как невелики были наши средства на это колоссальной важности дело, показывает, что когда в критическую минуту я достала 300 рублей на покупку товара, то это было счастьем. Однако скудность запасов на первый взгляд не бросалась в глаза, как я удостоверилась, застав Баску [А. В. Якимова. — *Сост.*] в ее роли за прилавком,

уставленным разными сортами сыра, когда под видом покупательницы рокфора я подъехала к магазину по поручению Комитета и спустилась в полуподвальное помещение, в котором он находился, чтобы предупредить, что за магазином «следят» и к Суханову подле магазина пристал шпион, от которого он спасся, взяв лихача.

Хотя прилавок имел приличный вид, но бочки для сыров стояли пустые: они наполнялись землей из подкопа под улицу. Неумелость торговцев, как таковых, а быть может, слежка за кем-нибудь из тех, кто по ночам работал в подкопе (вероятно, за Тригони, который, как оказалось, жил в шпионской квартире на Невском), но только полиция обратила наконец внимание на это заведение.

27 февраля вечером к Тригони, занимавшему комнату на Невском у г-жи Миссюра, явилась полиция и арестовала как его, так и Андрея Желябова, сидевшего у него. Известие об этом несчастье, громом поразившее нас, было принесено Сухановым утром 28 февраля к нам на квартиру у Вознесенского моста. В то же время по городу разнесся слух, что полиция считает себя на следах чрезвычайного открытия, и назывался тот самый участок, в котором находился магазин Кобозева. Молодежь передавала о подслушанном разговоре дворника дома Менгден с полицейским о каком-то обыске в этом доме, а явившийся Кобозев рассказал о посещении лавки какой-то якобы санитарной комиссией под руководством инженера Мравинского. Дело висело на волоске. «Это что за сырость?» — спросил пристав, указывая на следы влажности подле одной из бочек, наполненных сырой землей. «На масленице сметану пролили», — ответил Богданович. Загляни пристав в кадку, он увидел бы, какая сметана была в ней. Мравинский подошел к деревянной обшивке под окном, прикрывавшей ход в подкоп. Он подергал ее… она не поддалась! «Зачем эта обшивка?» — спросил он. «От сырости», — ответил Богданович. (Магазин был в полуподвальном этаже.)

В задней комнате, в которой было складочное место, по углам лежала большими кучами земля, вынутая из подкопа. Сверху ее прикрывали солома, кокс, рогожа и был наброшен половик. Достаточно было приподнять их, чтобы открытие было сделано. Мравинский даже толкнул кокс ногой. Но все миновало, и этот осмотр, подробности которого были какой-то счастливой игрой в «быть или не быть», по словам Богдановича, даже легализовали магазин, так как подозрительного в нем ничего не было найдено. Но мы, слушатели, были поражены как громом. Было ясно, что дело, давно задуманное, с трудом и опасностью доведенное до конца, дело, долженствовавшее закончить

двухлетнюю борьбу, связывавшую нам руки, может накануне своего осуществления погибнуть. Все можно было перенести, только не это.

Не личная безопасность тех или других из нас волновала нас. Все наше прошлое и все наше революционное будущее было поставлено на карту в эту субботу, канун 1 марта — прошлое, в котором было шесть покушений на цареубийство и 21 смертная казнь и которое мы хотели кончить, стряхнуть, забыть, и будущее, светлое и широкое, которое мы думали завоевать нашему поколению. Никакая нервная система не могла бы вынести долгое время такого сильного напряжения.[18]

Между тем все было против нас: нашего хранителя — Клеточникова — мы потеряли; магазин был в величайшей опасности; Желябов, этот отважный товарищ, будущий руководитель метальщиков и одно из самых ответственных лиц в предполагаемом покушении, выпадал из замысла: его квартиру необходимо было тотчас же очистить и бросить, взяв запас нитроглицерина, который там хранился; квартира на Тележной, где должны были производиться все технические приспособления по взрыву и где сходились сигналисты и метальщики, оказывалась, по заявлению ее хозяев, Саблина и Гельфман, сделанному накануне, небезопасной — за ней, по-видимому, следили, и в довершение всего мы с ужасом узнаем, что ни один из четырех снарядов не готов… А завтра, 1 марта, воскресенье, и царь может поехать по Садовой… Мина в подкопе не заложена.

Среди этих-то обстоятельств 28 февраля мы, члены Исполнительного комитета, собрались на квартире у Вознесенского моста. Присутствовали не все, так как для оповещения не было времени. Кроме хозяев квартиры, меня и Исаева были Перовская, Анна Павловна Корба, Суханов, Грачевский, Фроленко, Лебедева; быть может, Тихомиров, Ланганс — наверное не помню. Взволнованные, мы были одушевлены одним чувством, одним настроением. Поэтому, когда Перовская поставила основной вопрос, как поступить, если завтра, 1 марта, император не поедет по Малой Садовой, не действовать ли тогда одними разрывными снарядами, все присутствовавшие единогласно ответили: «Действовать! Завтра во что бы то ни стало действовать!» Мина должна быть заложена. Бомбы должны быть к утру готовы и наряду с миной или независимо от нее должны быть пущены в ход! Один Суханов заявил, что он не может сказать ни да ни нет, так как снаряды еще никогда не были в действии.

Было около трех часов дня субботы.

Исаев был немедленно отряжен в магазин зарядить мину;

квартира Желябова и Перовской с помощью Суханова и военных была очищена, и Софья Львовна перешла к нам. Не успели оповестить не только всех членов, но даже сигналистов Садовой улицы, но роли последних, как и метальщиков, были заранее определены, и свидание на воскресенье со всеми ними уже условлено.

С пяти часов вечера три человека должны были явиться на нашу квартиру и всю ночь работать над метательными снарядами. Это были Суханов, Кибальчич и Грачевский. До восьми часов вечера на квартиру беспрестанно заходили члены Комитета то с известиями, то по текущим надобностям; но так как это мешало работе, то к восьми часам все разошлись, и на квартире остались, считая меня и Перовскую, пять человек. Уговорив измученную Софью Львовну прилечь, чтобы собраться с силами для завтрашнего дня, я принялась за помощь работающим там, где им была нужна рука, хотя бы и неопытная: то отливала грузы с Кибальчичем, то обрезывала с Сухановым купленные мной жестянки из-под керосина, служившие оболочками снарядов. Всю ночь напролет у нас горели лампы, и пылал камин. В два часа я оставила товарищей, потому что мои услуги не были более нужны. Когда в восемь часов утра Перовская и я встали, мужчины все еще продолжали работать, но два снаряда были готовы, и их унесла Перовская на квартиру Саблина на Тележной; вслед за ней ушел Суханов; потом я помогла Грачевскому и Кибальчичу наполнить гремучим студнем две остальные жестянки, и их вынес Кибальчич. Итак, в восемь часов утра 1 марта четыре снаряда были готовы после 15 часов работы трех человек. В десять часов на Тележную пришли Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Тимофей Михайлов. Перовская, все время руководившая ими вместе с Желябовым, дала им точные указания, где они должны стоять для действия, а потом, после проезда царя, где сойтись.

1 марта

По распоряжению Комитета 1 марта я должна была остаться до двух часов дня дома для приема Кобозевых, так как Богданович должен был выйти из магазина за час до приезда государя, а Якимова — после сигнала (который она должна была дать), что царь показался на Невском; сомкнуть же электрический ток должно было третье лицо, которое могло выйти из лавки в качестве постороннего человека в том случае, если бы ему не было суждено погибнуть под развалинами от взрыва, произведенного его рукой. То был М. Фроленко.

В десятом часу он пришел ко мне. Я с удивлением увидела,

что из принесенного свертка он вынимает колбасу и бутылку красного вина на стол, приготовляясь закусывать. В том возбужденном состоянии, в каком я находилась после нашего решения и бессонной ночи, проведенной в приготовлениях, мне казалось, что ни есть, ни пить невозможно. «Что это?» — почти с ужасом спросила я, видя материалистические намерения человека, обреченного почти на верную смерть под развалинами от взрыва. «Я должен быть в полном обладании сил», — спокойно ответил товарищ и невозмутимо принялся за еду. Пред этим отсутствием мысли о возможной гибели, пред этим единственным помышлением, что для выполнения взятой на себя обязанности надо быть в полном обладании сил, я могла лишь безмолвно преклониться.

Ни Богданович, ни Якимова к нам не явились; вернулся Исаев и с ним несколько членов с известием, что царь мимо лавки не проехал и из манежа проследовал домой. Упустив совершенно из виду, что они не следили за обратным маршрутом государя, я ушла из дома, думая, что покушение не состоялось вследствие каких-нибудь непредвиденных причин.

На деле царь действительно не поехал по Садовой, но Перовская выказала тут все свое самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно, будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план, чтобы действовать уже одними бомбами. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который даст, махнув платком.

В начале третьего часа один за другим прогремели два удара, похожие на пушечные выстрелы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкого сокрушила императора; смертельно раненные, и царь, и метальщик через несколько часов были бездыханны.

Когда после возвращения Исаева я вышла из дома, все было спокойно; но через полчаса после того, как я зашла к Г. И. Успенскому, к нему пришел Иванчин-Писарев с известием, что были какие-то взрывы, на улицах идет молва, что государь убит, а в церквах уже присягают наследнику.

Я бросилась к своим; на улицах повсюду шел говор, и было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о крови и смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие: тяжелый кошмар, на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников —

все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России.

В этот торжественный момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины.

Через короткое время приехал Суханов, радостный и возбужденный, обнимавший и поздравлявший всех по поводу этого будущего. Редактированное нами через несколько дней письмо к Александру III достаточно характеризует общее настроение петербургских членов партии в период, последовавший за 1 марта. Оно составлено с умеренностью и тактом, вызвавшими сочувствие во всем русском обществе. Опубликованное на Западе, оно произвело сенсацию во всей европейской прессе; самые умеренные и ретроградные органы заявили одобрение требованиям русских нигилистов, находя их разумными, справедливыми и значительной частью своей вошедшими давным-давно в повседневный обиход западноевропейской жизни.

3 марта Кибальчич принес на нашу квартиру весть, что открыта квартира Гельфман (на Тележной улице), что Гельфман арестована, а Саблин, с виду всегда беззаботный весельчак, вечно игравший в остроумие, застрелился. Он рассказал также о вооруженном сопротивлении человека, явившегося в дом после ареста Гельфман и оказавшегося рабочим Т. Михайловым. Первою мыслью лиц, знавших состав посетителей квартиры Гельфман, имевшей специальное назначение и потому для большинства агентов неизвестной, было, что она указана Рысаковым. Ввиду этого соображения Комитет отменил свое решение, чтоб Кобозевы оставили свою лавку лишь после того, как мина будет очищена от динамитного заряда: они должны были не только в тот же день бросить магазин, но и выехать вечером из Петербурга.

В три часа к нам зашел Богданович, чтобы проститься со мной перед отъездом, — он выезжал первым. С тех пор я не видалась с ним до октября и ноября того же года, которые я провела в Москве, где находился и он. Это было в последний раз, потому что, когда в марте 1882 года я приехала в Москву, он был уже арестован.

Вечером 3 марта на квартиру зашла Якимова, чтобы перед отъездом переменить костюм: она заперла лавку, чтобы уже не возвращаться. В тот же день Комитет удалил из Петербурга еще некоторых членов.

Прошло не более недели, и мы потеряли Перовскую, предательски схваченную на улице. Вслед за ней погиб

Кибальчич, как говорят, по доносу хозяйки, а у него был арестован Фроленко, попавший в засаду. Потом был взят Иванчин-Писарев. Белый террор открыл свои действия.

Тогда мы считали, что у правительства был человек, знавший многих агентов Исполнительного комитета в лицо и указавший их на улице. Теперь, после открытия полицейских архивов, обнаружилось, что одним из предателей был рабочий Окладский, осужденный на каторгу по процессу А. Квятковского в 80-м году. Ввиду опасности пребывания в Петербурге некоторые из нас по предложению Комитета должны были выехать, в том числе и я. Но все мы были одушевлены желанием воспользоваться горячим временем для организационных целей партии: мы видели вокруг себя сильнейший энтузиазм; смиренно сочувствовавшие люди, пассивные и индифферентные, расшевелились, просили указаний, работы; всевозможные кружки приглашали к себе представителей партии, чтоб войти в сношения с организацией и предложить свои услуги. Если бы честолюбие было руководящим мотивом членов партии, то теперь оно могло бы насытиться, потому что успех был опьяняющий. Тот, кто не пережил с нами периода после 1 марта, никогда не составит себе понятия о всем значении этого события для нас как революционной партии. Понятно, что удаление в такой момент из Петербурга было тягостно для всякого человека, верящего в свои силы и думающего, что интересы дела требуют его присутствия даже вопреки требованиям благоразумия. Поддерживаемая Сухановым, я представила Комитету такие аргументы в защиту моего желания остаться на месте, что Комитет разрешил мне это, но, к сожалению, ненадолго. 1 апреля Григорий Исаев не вернулся домой: он был схвачен, как потом я узнала, каким-то предателем на улице, подобно некоторым другим товарищам, погибшим в течение марта месяца. Так как во избежание беспокойств и недоразумений мы придерживались правила, что хозяева общественных квартир не имеют права проводить ночь вне дома, если предварительно не уговаривались об этом, то в 12 часов ночи 1 апреля я уже не сомневалась, что Исаев арестован.

В то время наша квартира в силу разных обстоятельств мало-помалу превратилась в склад всевозможных вещей: после ликвидации рабочей типографии к нам был перенесен шрифт и прочие ее принадлежности; когда закрылась химическая лаборатория, Исаев привез к нам всю ее утварь и большой запас динамита; Перовская передала нам же динамит и все другое, что сочла нужным вынести из своей квартиры; после ареста Фроленко мы получили половину паспортного стола; в довершение всего вся литература, все издания шли из типографии «Народной воли»

к нам и наполняли громадный чемодан, найденный потом в нашей квартире пустым. Такое богатство не должно было погибнуть, я решила спасти все и уйти из квартиры, оставляя ее абсолютно пустой.

2 апреля, вместо того чтобы искать кого-нибудь из своих, я решила ждать прихода к себе и принялась приводить революционное имущество в удобовыносимый вид. Был уже час дня, когда на квартиру зашел Грачевский. Он сообщил мне, что товарищи считают меня уже погибшей, так как с раннего утра дворники дефилируют в градоначальстве перед арестованным накануне молодым человеком, отказавшимся назвать себя и указать свою квартиру. По описаниям дворников, уже побывавших у градоначальника, никто не сомневался, что это Исаев. Тем не менее Грачевский одобрил мое желание спасти вещи; я просила его дать знать об этом Николаю Евгеньевичу Суханову, как человеку столь энергичному и решительному, что самое невозможное кажется ему всегда возможным.

Через несколько часов Суханов явился в сопровождении двух морских офицеров и с обычной распорядительностью в течение двух часов удалил с квартиры все, что нужно; остались два узла с вещами, не представлявшими особой ценности. Это было уже в 8 часов вечера. Тогда он потребовал, чтоб я тотчас же ушла из дома; но я не видела никакой нужды уходить до утра, потому что была уверена, что Исаев квартиры не назовет, а непоявление до сих пор полиции объясняла тем, что дворники нашего дома еще не собрались пойти на призыв; я думала (ошибочно), что ночью Исаеву дадут покой, и потому не видела риска, оставаться у себя. После этих аргументов Суханов оставил меня, обещав наутро прислать двух дам за остальными вещами. Поутру 3 апреля, когда я вышла осмотреть окрестности, в воротах стояло щедринское «гороховое пальто», делавшее внушение дворникам: «Непременно до 12 часов! Непременно до 12 часов!» Было ясно, что дворников зовут в градоначальство. Тогда я выставила условный сигнал, что квартира еще безопасна; в нее почти тотчас вошли Ивановская и Терентьева и унесли последние узлы, прося не медлить уходом. Дождавшись женщины, которая приходила убирать нашу квартиру, и под приличным предлогом выпроводив ее, я вышла, заперев свое опустевшее жилище. Говорят, жандармы прибыли на нашу квартиру, когда самовар, из которого я пила чай, еще не остыл: они опоздали на час или полтора. <…>

Перовская

Софья Львовна Перовская по своей революционной деятельности и судьбе, как первая русская женщина, казненная по

политическому делу, представляет одно из немногих лиц, которые перейдут в историю.

С точки зрения наследственности и влияния окружающей среды любопытно, что эта аскетка-революционерка была по происхождению правнучкой Кирилла Григорьевича Разумовского, последнего гетмана малороссийского, внучкой губернатора в Крыму в царствование Александра I и дочерью губернатора Петербурга, раньше служившего в Пскове.

По случайному стечению обстоятельств ее обвинителем в Особом присутствии Сената по делу 1 марта 1881 г. являлся человек, бывший в прошлом ее товарищем детских игр.

В Пскове родители их были сослуживцами и жили рядом, так что дети постоянно встречались.[19] Обвинитель в своей речи переступил границы прокурорских обязанностей и, кроме обычных в этих случаях упреков в кровожадности, бросил слово: «безнравственность». Это был Н. В. Муравьев, впоследствии министр юстиции, страж закона, попиравший этот закон, просвещенный юрист, говоривший о судебных уставах 1864 г., что их основы — наилучшие из до сих пор выработанных во всем цивилизованном мире, и тем не менее потрясавший эти основы. Это был Муравьев-законник, которого русское правительство посылало в Париж, чтобы добиваться от свободной республики нарушения права убежища, гарантированного законом этой свободной республики: выдачи Л. Гартмана, виновника взрыва царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. Тот Муравьев — служитель нелицеприятного правосудия, — о котором в его бытность министром шла широкая молва как об одном из крупнейших взяточников того времени.

Условия детства заронили в душу Перовской никогда не потухавшие лучи человечности и чувства чести. В поколении, отцы которого пользовались крепостным правом, крепостнические нравы, с их неуважением к человеческой личности, вносимые и в семейные отношения, нередко развивали в детях, в противовес отцам, протест и отвращение к деспотизму. Так было и с Перовской. Ее отец, Лев Николаевич Перовский, был крепостник из крепостников, оскорблявший мать своих детей не только самолично, но и принуждавший ребенка-сына оскорблять действием эту мать, типичную для той эпохи женщину скромной душевной красоты и кротости. В тяжелой атмосфере семьи Софья Львовна научилась любить человека, любить страдающих, как она любила страдавшую мать, с которой до последних, трагических дней жизни не прерывала сношений. Во время суда надо мной надзирательницы Дома предварительного заключения рассказывали мне, что во время процесса Перовской, на

свиданиях с матерью, призванной из Крыма, Софья Львовна мало говорила. Как больное, измученное дитя, тихая и безмолвная, она все время полулежала, положив голову на колени матери. Два жандарма, день и ночь сидевшие в камере Перовской, находились тут же.

Едва начав жить сознательной жизнью, Перовская решила покинуть семью, оставаться в которой морально ей было невыносимо. Но отец не хотел дать ей отдельного паспорта и в случае ухода грозил вернуть в отчий дом через полицию. Перовская не отступила и ушла от родителей, скрывшись у своих подруг по Аларчинским курсам[20] — сестер Корниловых. Вместе с одной из них — теперешней Александрой Ивановой Мориц — она судилась потом по «процессу 193-х». Быть может, унаследовав от матери нежную душу, Перовская, как член кружка чайковцев, [21] к которому принадлежали и Корниловы, весь запас женской доброты и мягкости отдала в качестве народницы трудящемуся люду, когда, обучившись фельдшерству, соприкоснулась в деревне с этим людом. В воспоминаниях свидетелей ее тогдашней жизни говорится, что было что-то материнski-нежное в ее отношении к больным, как и вообще к окружающим крестьянам. Какое нравственное удовлетворение ей давало общение с деревней и как трудно было ей оторваться от этой деревни, убогой и темной, показывает ее поведение на Воронежском съезде и колебание при распадении общества «Земля и воля» на «Народную волю» и «Черный передел». Тогда мы обе — она и я, — только что оторвавшиеся от деревни, всеми силами души были еще связаны с нею. Нас приглашали к участию в политической борьбе, звали в город, а мы чувствовали, что деревня нуждается в нас, что без нас — темнее там. Разум говорит, что надо встать на тот же путь, на котором уже стояли наши товарищи, политические террористы, упоенные борьбой и одушевленные успехом. Но чувство говорило другое, настроение у нас было иное, оно влекло в мир обездоленных. Конечно, мы не отдавали себе отчета, но впоследствии это настроение было правильно определено как стремление к чистой жизни, к личной святости. Однако, если на Воронежском съезде о нас, смеясь, товарищи говорили, что мы сидим между двух стульев, то после некоторого раздумья мы победили свое чувство, свое настроение и, отказавшись от морального удовлетворения, которое давала жизнь среди народа, твердо стали рядом с товарищами, политическое чутье которых опередило нас.

С тех пор во всех террористических замыслах Исполнительного комитета партии «Народной воли» Перовская занимает первое место. Это она является приветливой

простушкой-хозяйкой убогого домишки на московской окраине, близ полотна Московско-Курской жел. дороги, откуда ведется подкоп для взрыва царского поезда. Лев Гартман, на имя которого за 600–700 руб. куплен дом, играет роль ее мужа — мелкого железнодорожного служащего, а она, с естественной простотой, морочит опасных своей любознательностью кумушек-соседок. В решительный момент это она остается со Степаном Ширяевым в домике, где должен быть сомкнут электрический ток при приближении царского поезда. О том, что царь едет, имеется достоверное сведение. Перовская вовремя даст сигнал, Ширяев сомкнет ток, и крушение поезда совершится…

…Весь горящий огнями, поезд мчится. Перовская, всегда бдительная, всегда готовая, дает сигнал. Но Ширяев! Ширяев — растерялся ли, был ли недостаточно внимателен и расторопен — Ширяев сомкнул провода лишь тогда, когда вслед за ярким поездом последовал другой, обыкновенный. В нем были только служащие: царь Александр II остался невредим.

Затем, уже после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., взрыва, произведенного рабочим Халтуриным, Перовская летом 1880 г. приезжает вместе с Саблиным в Одессу; они устраивают мелочную лавочку на Итальянской улице и вместе с другими членами Исполнительного комитета ведут подкоп, чтобы заложить мину в ожидании несостоявшегося проезда Александра II из Крыма в Петербург.

Наконец, в 1881 г. подготовляется седьмое покушение Исполнительного комитета, подготовляется 1 марта, когда император погибает от двух бомб, брошенных террористами.

Конечно, как при всяком сложном замысле, со многими участниками, трудно разграничить, что каждым внесено в общее дело, — все же, думается, будет только справедливостью сказать: не будь Перовской, с ее хладнокровием и обдуманностью, факт цареубийства мог и не пасть на этот день.

Мы жили тревожной жизнью в предшествующие дни: наступал третий месяц существования магазина сыров на Малой Садовой, в доме Менгден. Хозяева магазина, Богданович и Якимова, с внешней стороны удовлетворяли самым строгим требованиям: рыжая борода лопатой, лицо широкое, простонародное, цвета тумпакового самовара, как смеясь говорил о себе Богданович, безыскусственная речь, склонная к шутке, меткая и находчивая (за словом в карман не полезет), делали Богдановича извне настоящим рядовым торговцем, а Якимова, с ее демократической наружностью, подстриженной «челкой» на лбу и говором на «о», была как нельзя больше ему под пару. Но насчет коммерции оба были слабы: соседние торговцы сразу

решили, что новопришельцы им не конкуренты. К тому же денег в январе — феврале было мало, и закупка сыров была скудная. Однако эта скудость на первый взгляд не бросалась в глаза, как я удостоверилась в этом, когда под видом покупательницы рокфора по поручению Исполнительного комитета приехала однажды предупредить хозяев, что за магазином «следят». Но бочки под сырье стояли пустые: они наполнялись землей из подкопа, проводившегося под улицей, по которой по воскресеньям государь ездил в Михайловский манеж. Неумелость торговцев, как таковых, а может быть, слежка за кем-нибудь из тех, кто по ночам работал в подкопе из магазина, но только полиция обратила наконец внимание на это заведение. Оно находилось в полуподвальном этаже, и полиция пришла под предлогом санитарного осмотра магазина. Дело висело на волоске. «Это что же, сырость?» — спросил пристав, указывая на следы влажности подле одной из бочек, наполненных сырой землей. «Масленица — сметану пролили», — ответил Богданович. Загляни пристав в кадку, он увидал бы, какая сметана в ней была. В углу на полу лежала большая куча вынутой из подкопа земли. Сверху ее прикрывала рогожа, и был наброшен половик. Достаточно было приподнять их, чтобы открытие было сделано. Но все миновало, и осмотр как будто даже легализировал магазин: ничего подозрительного в нем не найдено. Между тем тревожные слухи стали разноситься: полиция — в ожидании каких-то событий, за чем-то следят… Нашего хранителя — Клеточникова, который, по должности помощника делопроизводителя в III отделении, мог предупреждать нас об опасностях, мы уже потеряли: он был арестован еще в начале февраля на квартире Баранникова. И несчастье случилось: 27 февраля в меблированных комнатах на Невском был арестован член Исполнительного комитета Тригони и у него взят Желябов, тот Желябов, которому была назначена одна из самых важных, ответственных ролей в предполагаемом покушении на Садовой. Исполнительный комитет постановил, что взрыв заложенной мины будет главным ударом. Его произведут не хозяева магазина, которые должны своевременно удалиться: другой, особо назначенный член Комитета [М. Ф. Фроленко. — *Сост.*] явится в магазин, чтоб сомкнуть провода электрической батареи. На случай, если взрыв опередит карету государя или опоздает и пропустит ее, Желябов, вооруженный кинжалом, стоя на улице, должен кончить дело, независимо от 4-х бомбометальщиков, расположенных для обеспечения задуманного на той же улице, в некотором расстоянии от магазина, в тайну которого, однако, они не были посвящены.[22]

Итак, один из главарей, энергичный, надежный товарищ и

руководитель метальщиков, выпадал из замысла, и самый магазин, благодаря аресту Тригони, каждую ночь посещавшего его для работы в подкопе, подвергнут величайшей опасности.

Среди этих обстоятельств 28 февраля, на другой день после ареста Тригони и Желябова, мы, члены Исполнительного комитета, наспех собрались на моей квартире у Вознесенского моста. Присутствовали не все, так как для оповещения не было времени. Кроме меня и Исаева — хозяев квартиры — были: Перовская, Анна Павловна Корба, Суханов, Грачевский, Фроленко, Лебедева; быть может, Тихомиров, Ланганс — наверное не помню. Всего не менее 10 человек. Была суббота. Наутро 1 марта, в воскресенье, государь поедет в манеж; подкоп готов, но магазин в опасности, Желябов арестован, мина в подкопе не заложена, а бомбы не снаряжены. Если не действовать завтра, магазин каждую минуту может быть открыт полицией и все рухнет. Мину Исаев сейчас же может заложить, но как действовать, не подкрепив ее вспомогательными средствами — кинжалом и бомбами, которые не готовы? Вопрос поставлен, и мы, без колебаний, единодушно говорим: *«Надо действовать. Завтра, во что бы то ни стало завтра действовать».*

Мина *должна* быть заложена, бомбы *должны* быть готовы к утру, и, наряду с миной или *независимо* от нее, они *должны* быть пущены в ход.

Было около 3-х часов дня субботы.

Эту ночь напролет у нас на квартире горели лампы, и пылал камин. Не покладая рук работали Суханов, Кибальчич и Грачевский. К 8-ми часам утра все 4 бомбы были готовы; две первые унесла Перовская, ночевавшая у нас, две другие унес Кибальчич. Их унесли на Тележную улицу, на квартиру Геси Гельфман и Н. Саблина — место обычной воскресной встречи метальщиков. Перовская, вместе с Желябовым руководившая ими и раньше, дала точные указания, где должны встать Рысаков, Гриневицкий, Емельянов и Тимофей Михайлов — метальщики.

В 10-м часу ко мне пришел тот, который был избран для того, чтобы при проезде царя сомкнуть в магазине электрический ток. Я с удивлением увидала, что из принесенного свертка он вынимает колбасу и бутылку красного вина и ставит на стол, приготовляясь закусывать, В том возбуждении, в каком я находилась после нашего решения и бессонной ночи, проведенной в приготовлениях, мне казалось, что ни есть, ни пить невозможно. «Что это?..» — почти с ужасом спросила я, видя материалистические намерения человека, обреченного почти на верную смерть под развалинами от взрыва. «Я должен быть в полном обладании сил», — спокойно ответил товарищ и,

невозмутимый, принялся за еду. Пред этим отсутствием мысли о возможной гибели, пред этим единственным помышлением, что для выполнения взятой на себя обязанности надо быть в полном обладании сил, я могла лишь безмолвно преклониться.

Царь не поехал по Садовой. Тут Перовская выказала, в свою очередь, полное самообладание. Быстро сообразив, что путем, по которому государь поедет обратно, будет набережная Екатерининского канала, она изменила весь план, чтоб действовать уже одними бомбами. Она обошла метальщиков и поставила их на новые места, условившись о сигнале, который она даст. В начале 3-го часа один за другим прогремели два удара, похожие на пушечные выстрелы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкого сокрушила императора: смертельно раненные, и царь, и метальщик через несколько часов были бездыханны.

День спасла Перовская и заплатила за него жизнью.

Я познакомилась с Софьей Львовной в 1877 году в Петербурге, когда она, как подследственная по «делу 193-х», находилась на поруках. Ее привела ко мне Корнилова и оставила ночевать. Ее наружность обратила на себя мое внимание: она походила на молодую крестьянскую девушку, в сорочке деревенского покроя, с небольшой русой косой, светло-серыми глазами и по-детски округленными щеками. Во всем ее белом, миловидном личике было много юного, простого и напоминающего ребенка. Этот элемент детского в лице сохранился у нее до конца, несмотря на трагические минуты, которые она переживала в мартовские дни. Глядя на простоту всей ее внешности, никто не подумал бы о среде, в которой она родилась и провела детство и отрочество, а общее выражение лица, с мягкими линиями, совсем не говорило о сильной воле и твердом характере, которые ей достались, быть может, с отцовской стороны. Вообще в ее натуре была и женственная мягкость, и мужская суровость. Нежная, материнski-нежная к людям из народа, она была требовательна и строга по отношению к единомышленникам, а к политическим врагам — к правительству — могла быть беспощадной, что приводило почти в трепет Николая Евгеньевича Суханова: его идеал женщины никак не мирился с этим. Когда кончился «процесс 193-х», ее квартира была центром, в котором сходились товарищи по суду, но только «протестанты», не признававшие этого суда и не присутствовавшие поэтому на заседаниях его. Сильная личность Мышкина с его знаменитой речью на суде произвела на нее такое впечатление, что мысль об освобождении его из централа Харьковской губ[ернии] сделалась ее idée fixe.[23] Много энергии

отдала она на попытки осуществления ее. Самыми близкими и любимыми товарищами Перовской были люди, выдающиеся по своим духовным качествам, но совершенно непохожие друг на друга, — один полный блеска, другой — совершенно лишенный его: Желябов и Фроленко — «Михайло», как она и все товарищи звали его. На Воронежском съезде я впервые встретилась с этими двумя, и Перовская, знавшая их и до этого, много говорила мне об их превосходных качествах, но можно было заметить, что, как ни ценит она «Михайлу», Желябов прямо восхищает ее.

Перовская, согласно идеалам нашей эпохи, была великой аскеткой. В один из мартовских дней она обратилась ко мне: «Найди мне рублей 15 взаймы. Я истратила их на лекарства — это не должно входить в общественные расходы. Мать прислала мне шелковое sortie de bal,[24] портниха продаст его, и я уплачу долг». До такого ригоризма у нас, кажется, еще никто не доходил. В те же памятные дни я познала всю ее деликатность и бескорыстную заботу о товарищах. Дело состояло в следующем: после ареста Желябова 27 февраля квартира его и Перовской была тотчас же очищена от нелегального имущества и покинута. С этого дня и до 10 марта, когда Перовскую арестовали близ Аничкина дворца, она ночевала то у одних, то у других друзей. При тогдашних обстоятельствах такое неименье своего угла было особенно тягостно и совершенно не вызывалось необходимостью, так как мы имели несколько своих общественных квартир, где каждый товарищ мог считать себя равноправным хозяином и быть как у себя дома. Вот разгадка: в то время, время диктатуры Лорис-Меликова, не уберегшего императора от руки террористов, в Петербурге среди полиции, как и среди жителей, поднялась паника. Полиция, недосмотревшая, должна была оправдать себя и подняла все на ноги для отыскания крамолы. Самые зловещие слухи ходили в перепуганной публике: говорили о повальных ночных обысках не только целых домов, но и целых кварталов. А мы, народовольцы, одного за другим теряли своих членов, которых арестовывали неожиданно, на улице или на квартирах, без признаков какого-либо слежения, как будто по чьему-то невидимому указанию.

«Верочка, можно остаться у тебя ночевать?» — спросила меня Перовская за день или два до ее ареста. Я смотрела на нее с удивлением и упреком: «Как это ты спрашиваешь? Разве можно об этом спрашивать?» — «Я спрашиваю, — сказала Перовская, — потому что, если в дом придут с обыском и найдут меня, тебя повесят». Обняв ее и указывая на револьвер, который лежал у изголовья моей постели, я сказала: «С тобой или без тебя, если придут, я буду стрелять».

Такова была душа Перовской, частица души ее, потому что только частица ее была приоткрыта мне: в то спешное время мы слишком поверхностно относились к психологии друг друга: мы действовали, а не наблюдали.

Она была женщина: ей могло быть больно, физически больно. Когда в черном арестантском халате во дворе Дома предварительного заключения ее возвели на колесницу, посадив спиной к лошади и повесив на грудь доску с надписью «цареубийца», то руки ее скрутили так туго, что она сказала: «Отпустите немного: мне больно».

— После будет еще больнее, — буркнул грубый жандармский офицер, наблюдавший за всем поездом.

Это был тюремщик Алексеевского равелина, где немного спустя медленной смертью умерщвляли наших народовольцев, он же — последний комендант нашего Шлиссельбурга — Яковлев. На Семеновский плац привезли таким же образом остальных четырех первомартовцев: Желябова — крестьянина, создателя бомб — сына священника Кибальчича, рабочего Тимофея Михайлова и студента мещанина Рысакова. На эшафоте Перовская была тверда всей своей стальной твердостью. Она обняла на прощанье Желябова, обняла бы Кибальчича, обняла бы Михайлова, если б было можно. Но не обняла бы Рысакова, который, желая спастись, выдал Тележную улицу и погубил Саблина, застрелившегося, погубил Гесю Гельфман, умершую в Доме предварительного заключения, погубил Т. Михайлова, которого привел на эшафот.

Так умерла, Перовская, верная себе в жизни и в смерти. <…>

Печатается по: Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Т. 1. М., 1964, с. 262–272, 273–280.

А. П. Прибылева-Корба
ИВАН ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ ЕМЕЛЬЯНОВ

<…> В 1880 году, во время моих посещений приветливой и славной семьи Анненских, оба говорили мне про своего воспитанника Емельянова, жившего у них. Однажды они рассказали мне историю его появления в их доме. Он был сыном псаломщика, проживавшего где-то на юге России. Семья была очень бедная, и отец по просьбе своего брата, служившего в Константинополе при русском посольстве, решился отдать ему маленького Ваню на воспитание. Так как дядя Емельянова не стеснялся в деньгах, то он захотел дать племяннику хорошее воспитание, непременно в Петербурге, под руководством добросовестных и интеллигентных людей.

Кто-то из русских в Константинополе был знаком с Анненскими и посоветовал обратиться к ним. С ними списались, и они дали согласие на принятие к себе на воспитание Емельянова, который был привезен к ним в виде маленького турка — в шароварах, куртке и красной феске. Первоначально Емельянов был помещен в Петербурге в реальном училище, но так как он был плохо подготовлен к систематическому учению, то его взяли из реального и поместили в ремесленное училище, которое пришлось Емельянову по сердцу, так как он имел большую склонность к физическому труду и в ручных работах проявлял большое искусство. Воспитывался он на средства дяди и в училище считался одним из лучших учеников. Когда он кончил курс учения, ремесленное училище на свой счет послало его за границу для усовершенствования в работах по дереву. Насколько мне помнится, специальностью Емельянова была резьба по дереву. За границей он пробыл довольно долго и вернулся хорошо подготовленным мастером.

В 1880 г. Емельянов по-прежнему жил у Анненских, и, бывая у них в эту зиму, я видела молодого человека, недавно переставшего быть мальчиком. Анненские говорили мне, что он узнал о революционном движении в России, может быть, даже у них в доме, где нетрудно было заразиться духом времени. Николай Федорович никогда не был обеспечен от обыска и даже ареста. Его квартиру обшаривали много раз, и довольно часто его уводили в тюрьму. Но так как в революционных делах он не принимал непосредственного участия и не мог быть уличен в чем-нибудь противозаконном, то его выпускали опять на свободу, к большой радости Александры Никитичны и воспитанника.

Преследования, которым подвергался Николай Федорович, не оставляли Емельянова равнодушным; он возмущался и негодовал. Чтение передовых газет и журналов тоже содействовало политическому развитию молодого человека. Позднее, когда он видел нелегальную литературу в квартире Анненских, то просил, чтобы ее давали ему на прочтение.

В 1880 году Емельянову было лет 20. Когда я приходила к Анненским в его присутствии, он с интересом прислушивался к тому, что я говорила; его мне представили как молодого народовольца. Анненский, шутя, при нем показал мне его первую работу на поприще конспирации. Полено дров было расколото надвое, в нем выдолблено ложе, в которое Емельянов уложил кинжал, затем обе половинки полена были так искусно склеены, что, не зная секрета, нельзя было догадаться о нем.

Емельянов был пылкий юноша. Он скоро заявил Николаю Федоровичу, что посвящает себя террору и хочет участвовать в террористическом акте. Николай Федорович посоветовал ему прежде всего ознакомиться с деятельностью «Народной воли», и если партия примет его в свои ряды, то участвовать в общей ее работе. Я поддерживала Николая Федоровича в его совете и обещала, со своей стороны, снабжать Емельянова литературой и достала для него программу для чтения книг с целью самообразования, умственного развития и выработки правильного мировоззрения. Емельянов пользовался советами, которые мы давали ему, но в душе сохранил свое стремление к участию в террористическом акте. Меня он просил непременно иметь его в виду, если явится необходимость выступить в каком-нибудь деле с оружием в руках. Тайно от всех он упражнялся в стрельбе и занимался гимнастикой для развития своей мускульной силы.

Летом 1880 г. Анненский был арестован и отправлен в Вышний Волочек в ожидании ссылки. Жена последовала за ним. Емельянов уехал куда-то из Петербурга. Когда он вернулся осенью, он поторопился возобновить сношения со мной и опять просил иметь в виду его в случае открытого выступления партии.

В январе 1881 года Желябов набирал свою боевую дружину. Он просил нас, членов Комитета, рекомендовать ему людей, хорошо известных, заслуживающих доверия. Я долго молчала относительно Емельянова, находя его все еще чрезмерно молодым. Но Желябов был настойчив. Он волновался и терял терпение. «Если мы не наберем нужного количества людей, мы не сможем организовать нападение в должных размерах», — говорил он. Потом он обратился к каждому из нас с вопросом, нет ли между нашими знакомыми людей, пригодных для группы

метальщиков. Я не считала себя вправе больше молчать об Емельянове и сказала о нем Желябову, предупреждая его о молодости Емельянова и о том, что он человек неиспытанный. Я советовала не брать его в метальщики, если можно будет обойтись без него. Желябов познакомился с Емельяновым и был поражен его необычайно высоким ростом, говорил, что у него двойной человеческий рост, и назвал его тотчас же «сугубым». На одном из ближайших после этого заседаний Комитета Желябов сказал мне, что Емельянов держит себя молодцом, не трусит и очень хорошо владеет собой. Словом, Желябов признал его пригодным для роли метальщика.

Незадолго до 1 марта я сообщила Емельянову способ отыскать меня в случае, если встретится в этом крайняя необходимость.

Действительно, вследствие арестов, с одной стороны, и спешных отъездов из Петербурга, с другой, Емельянов оказался в одиночестве. Правда, после мужественно исполненного им долга он спокойно и благополучно отнес снаряд, который остался у него на руках, на квартиру на Тележной улице; но вопрос, что ему делать дальше, стоял перед ним во всем огромном и важном своем значении. Емельянов вызвал меня через третье лицо, которое я ему указала. Я настаивала на необходимости для него тотчас выехать из Петербурга куда-нибудь в глухую провинцию, так как уже было известно, что Рысаков дает пространные и предательские показания, но Емельянов нашел какие-то причины для отсрочки своего отъезда, которые в моих глазах не имели значения по сравнению с тем риском, которому он подвергался, оставаясь на месте.

Для Емельянова обстоятельства после 1 марта вообще сложились очень неудачно. В суматохе, наступившей после 1 марта, невозможно было изготовить ему подходящий паспорт. Не было свободного человека, который мог бы ему купить билет на железнодорожной станции, и некому было сопровождать его в дороге. Сам же он не был подготовлен к наступившим трудным обстоятельствам.

У меня с ним состоялось одно свидание. Оно произошло в Гостином дворе по Садовой линии. Приближалась пасха, и Гостиный двор был запружен покупателями. Я шла с Невского, Емельянов — со стороны Сенной площади. Едва я вступила в галерею, как увидала вдали Емельянова, который ровно на голову возвышался над толпой. Сравнительно с длинным туловищем голова у него была небольшая, мелкие черты лица, цвет кожи смуглый, глаза маленькие, серые, а рот очень большой. Благодаря своему росту Емельянов не мог скрыться ни в какой толпе, и для

меня была совершенно очевидна опасность, которой он ежеминутно подвергался.

Мы вышли из толпы и направились в малопосещаемые улицы. В этот день я вручила ему деньги на отъезд и требовала, чтобы он сидел дома и не показывался на улице. Паспорт мог быть готов только через два дня, и тогда должна была состояться наша последняя встреча. Но Емельянов не явился в назначенное время и место. Я боялась, что именно это свидание его сгубило, но гораздо позднее из обвинительного акта «процесса 20-ти», я узнала, что его проследили на Невском и арестовали дома, на его собственной квартире. На допросах, как видно тоже из обвинительного акта, Емельянов держал себя стойко и с большим самообладанием. На первом допросе он отрицал всякую прикосновенность к революционным делам, и так как улик против него не было, то Добржинский и Муравьев думали, что полиция ошиблась, арестовав его. Но Добржинский бросился к показаниям Рысакова и прочел там приметы третьего метальщика 1 марта, по имени Иван, с прозвищем «Сугубый», по происхождению сын псаломщика, как это было указано Рысаковым. Очевидно, случайно или в шутку, кто-нибудь из знавших Емельянова обратился к нему в присутствии Рысакова, назвав его по имени и прозвищу, или в другой раз обратился к нему с возгласом — «сын псаломщика». Эти показания Рысакова погубили Емельянова. В Карийской тюрьме он рассказал товарищам по заключению, что на том же листе, на котором он отрицал всякую прикосновенность к революционным делам, теперь, по прочтении показаний Рысакова, он написал, что 1 марта он был третьим метальщиком, что с бомбой под рукой он первый подошел к раненому и лежавшему на земле императору и подал ему первую помощь.

На суде Емельянов вел себя вполне корректно и добросовестно. Он и Терентьева были самыми молодыми из 20 подсудимых. Но Терентьева провела в революционной среде долгое время и чувствовала себя в ней, как дома среди близких и любимых родных, тогда как Емельянов не знал никого из своих сопроцессников и никто из них не знал его. Он должен был чувствовать себя, как молоденькая сосна чувствует себя среди мачтового леса. Но не только года клали непроходимую грань между молодым человеком и более опытными его товарищами по суду. Недосягаемое расстояние лежало между его натурой и большинством представителей «Народной воли» на «процессе 20-ти».

Емельянов был честный, очень порядочный и культурный человек, но, чтобы быть выдающимся революционером, ему

недоставало сложности натуры да и, пожалуй, многих других качеств. Но самая строгая критика не может обвинить его в низких или предосудительных поступках на суде. И только молодостью надо объяснить тот ошибочный шаг его, которым, надо признать, он вредил себе. Эта ошибка его состояла в том, что, как это видно из отчета о «процессе 20-ти», «неожиданно для всех Емельянов заявил, что берет назад все свои показания, данные им на предварительном следствии о своем участии в деле 1 марта в качестве метальщика».

Заявление это было сделано в конце судебного разбирательства, когда большинство подсудимых было опрошено, а сам Емельянов признал на предварительном следствии, что он член партии «Народная воля», сочувствовал ее террористической деятельности, 1 марта был третьим метальщиком, и подробно описал, в чем выразилось его участие в этом деле.

Неизвестно, какие побуждения толкнули Емельянова на подобное заявление. Пришла ли ему мысль спастись от опасности, или он действовал под влиянием своего талантливого защитника Александрова, которому по собственной неопытности не сумел противодействовать.

Особое присутствие Сената не обратило внимания на заявление Емельянова, и единственным результатом его ошибочного шага было то, что ему пришлось лгать на суде очень много и долго о своем случайном знакомстве с Кибальчичем, Саблиным и Рысаковым, так как последний в своих показаниях указал на эти знакомства Емельянова.

15 февраля 1882 года сенатский суд вынес свой знаменитый приговор, которым 10 человек приговаривались к повешению, в числе 10-ти был и Емельянов. Он мужественно ожидал смерти; это видно из того, что он не подал прошения о помиловании. А ждать и жить под страхом смерти пришлось очень долго. Только 17 марта, т. е. через месяц и 2 дня, Александр III удосужился утвердить приговор, причем всем осужденным смертная казнь заменялась бессрочной каторгой, исключая Суханова, которому повешение было заменено расстрелянием. На этом расправа царя с народовольцами не окончилась. 10 человек, видных представителей партии «Народная воля» по «процессу 20-ти», после «помилования» были отправлены в страшный Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где большинство из них умерло в течение двух первых лет. Так расправлялся Александр III со своими врагами.

Емельянову, как несовершеннолетнему, было оказано снисхождение: его оставили отбывать каторгу в Трубецком бастионе. Это заключение происходило при невообразимо

тяжелых условиях, и все же оно было во много раз легче, чем заключение в Алексеевском равелине. Емельянов прожил в Трубецком бастионе приблизительно 2 года и 3 месяца, после чего был отправлен в Сибирь для продолжения отбывания своего каторжного срока в Карийской политической тюрьме.

Печатается по: Прибылева-Корба А. П. «Народная воля»: Воспоминания о 1870–1880 гг. М., 1926, с. 87–91.

Е. М. Сидоренко
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О 1 МАРТА 1881 Г

Подготовительные меры к покушению 1 марта начались еще зимой 1880 года. С самого начала, под непосредственным руководством С. Л. Перовской, было установлено систематическое ежедневное наблюдение за выездами Александра II из Зимнего дворца, с целью определить время, направление и посещаемые им места. Шестикратные предшествовавшие покушения на жизнь царя понуждали власть к крайней осторожности и предусмотрительности в организации этих выездов, касавшейся как способов передвижения, так и самой обстановки его, насколько это было возможно в условиях нахождения царя под открытым небом и вне обычной защиты стен, караула и вообще всяких преград. Так, например, выезд всегда совершался из Зимнего дворца со стороны, обращенной к Главному военному штабу, из дворцового подъезда, защищенного особой глухой деревянной пристройкой, имевшей двое глухих ворот с противоположных сторон своих. Закрытая карета, охраняемая четырьмя вооруженными конвойными в черкесках, по данному сигналу въезжала через левые ворота внутрь пристройки и через некоторое время, взяв седока, выезжала через правые ворота для следования по назначению. Засим один и тот же маршрут подряд никогда не повторялся. В пути было мобилизовано значительное количество тайных и явных охранителей, а в местах постоянного посещения царя — оцепления и разъезды конвойных и проч. В организацию по наблюдению за выездами царя входило шесть человек: 1) Н. Рысаков, 2) студент Гриневицкий, 3) А. В. Тырков, 4) Е. Н. Оловенникова, 5) студент Тычинин и 6) автор сего сообщения, фамилия которого не была до сих пор оглашена. Эти лица ежедневно собирались в разных местах для доклада С. Л. Перовской о своих наблюдениях и выработки дальнейшего плана собирания материала. С первых же недель наблюдения выяснилось, что выезды царя вообще немногочисленны и ограничивались 2–3 местами (Летний сад, манеж, жилище кн. Ек. Мих. Долгоруковой), причем, несмотря на постоянные изменения маршрута, позднее обнаружилась повторяемость самих изменений. Наблюдения производились более 2 месяцев. Из вышеупомянутых лиц кроме С. Л. Перовской непосредственное участие в покушении 1 марта принимали лишь Рысаков и Гриневицкий.

В момент покушения я находился на Невском проспекте, где взрыв первой бомбы, брошенной Рысаковым, был принят гуляющими за обычный двенадцатичасовой выстрел пушки с Петропавловской крепости, так что многие из публики стали проверять свои часы, хотя время, сколько помнится, явно не совпадало. Отсюда первая тревога и некоторое движение среди публики, превратившееся скоро (за вторым взрывом) в необычайное возбуждение, вызвавшее на месте происшествия, т. е. на Екатерининском канале и прилегающих к нему улицах, колоссальное скопление взволнованной массы народа, не расходившегося до ночи. После второго взрыва, через некоторое время, по Невскому промчался, в направлении от Зимнего дворца к Аничкину, одинокий донской казак, выкрикивавший диким голосом какие-то слова, которых нельзя было разобрать. Через несколько минут в том же направлении, в сопровождении 2 донских казаков, пронеслась на маленькой лошадке огромная фигура с несоответственно длинными ногами, оказавшаяся вблизи Александром III. В это время на самом месте взрывов, у Екатерининского канала, непроницаемая масса людей, теснимая гвардейскими солдатами с ружьями, совершенно запрудила узкое пространство набережной канала, образовав пробку. Мостовая набережной представляла из себя кучки грязного снега, смешанного с мусором.

Через непродолжительное время после вышеизложенного в скромную кофейню, расположенную в одной из боковых, пересекающих Невский проспект, улиц, вошла С. Л. Перовская и подсела к уединенному столику, занятому ранее мною. Подавляя с трудом овладевшее мною волнение, усугублявшееся от неизвестности насчет результатов события, я едва справлялся со своим стаканом кофе: лицо же Софьи Львовны было непроницаемо и могло быть названо спокойным; и только через несколько секунд, когда она, улучив минуту, нагнулась в мою сторону, я услыхал сдавленный шепот ее прерывающегося и как бы захлебывающегося голоса: «Схватили… убили…», вызвавший мгновенную, резнувшую по нервам, но неопределенную ассоциацию. Стесняемые присутствием публики и подавленные наплывом разных чувств и мыслей, мы оба молчали и вскоре, после краткого разговора, не имевшего связи с происшествием, расстались навсегда, так как Софья Львовна через несколько дней была арестована.

Печатается по: Каторга и ссылка, 1923, № 5, с. 50–53.

А. В. Якимова
ПОКУШЕНИЕ НА АЛЕКСАНДРА II

<…> Со времени события 1 марта 1881 г. прошло более 42 лет, и молодое поколение, мало знакомое с историей революционного движения, и в частности с делом 1 марта 1881 г., потому может быть легко вводимо в заблуждение рассказами о разных небылицах.

Ввиду этого я считаю нелишним кратко восстановить в памяти это событие.

Это предприятие Исполнительного комитета, направленное к цареубийству, было седьмым по счету; ему предшествовали покушения под Александровском, Екатеринославской губ., на Лозовско-Севастопольской жел. д., под Одессой на жел. д., около Москвы (осень 1879 г.), 5 февраля в Петербурге в Зимнем дворце, весною того же года в Одессе (подкоп на Итальянской улице), летом в Петербурге (закладка мины под Каменным мостом, через Екатерининский канал по Гороховой ул.), и, наконец, осенью начались приготовления к новому предприятию слежкою за выездами царя из Зимнего дворца и обратно, чтобы определить время выезда, путь и посещаемые места. Для слежки была организована С. Л. Перовской группа из 6-ти лиц: Гриневицкий, Тырков, Тычинин, Сидоренко, Елиз. Ник. Оловенникова и Рысаков, которые и принялись за выполнение данного им поручения. Исполнительным комитетом решено было устроить подкоп и заложить мину под одной из улиц, по которым царь имел обыкновение проезжать, хотя надо сказать, что царь никогда почти не ездил два раза подряд по одной улице.

Подходящее для этой цели свободное помещение оказалось на М. Садовой ул., в доме Менгдена, где и решено было открыть торговлю сыром. Исполнительным комитетом поручено было быть хозяевами лавки Юрию Николаевичу Богдановичу и мне, А. Я. Якимовой. Мы под фамилией Кобозевых, мужа и жены, поселились 22 ноября 1880 года в меблированных комнатах на углу Невского пр. и Новой ул., дом № 75/14, как только что приехавшие в Петербург и желающие заняться здесь торговлей. 2 декабря был заключен контракт с управляющим домом графа Менгдена за 1200 р. в год на подвальное помещение под торговлю. Но прежде чем поселиться там, нужно было ждать окончания ремонта, так как асфальтовый пол помещения потрескался, а само оно было залито водой, — это-то и было причиной освобождения помещения нашими предшественниками.

Когда ремонт был окончен, нужно было приспособить помещения для торговли и для жилья нам самим рядом с лавкой. Оба эти помещения выходили окнами на Малую Садовую. Более удобным вести и замаскировать подкоп представлялось из жилой комнаты, потому наружная стена ее, под предлогом сырости, была до окна заделана досками и оклеена обоями. Мы поселились в магазине 7 января. Паспорт наш был дубликат настоящего паспорта мещанина с женой. Вскоре после нашего поселения на Малой Садовой, как улице, по которой проезжал царь из Зимнего дворца в Михайловский манеж, что заставляло полицию внимательно следить за вновь появившимися людьми, паспорт наш был проверен справкой в Воронеже. Однако это нами предвиделось при приобретении дубликата паспорта, и все оказалось в порядке.

Дубликаты получались таким образом. Если кто-нибудь из своих людей был на службе в таком учреждении и месте, где через его руки проходили паспорта служащих, то он снимал копии с тех паспортов, какие находил подходящими. Если нужен был паспорт рабочего или работницы, то делалось объявление, что требуются рабочие или служащие для того-то; у приходящих брали паспорта и назначали срок прийти для окончательного ответа; когда они приходили, им возвращали паспорт, сняв с него предварительно копию, и объясняли, что почему-либо не нуждаются в их услугах.

Подкоп велся под окном нашей комнаты ночью, для чего окно тщательно завешивалось, чтобы с улицы нельзя было видеть света; окна же магазина были открыты, и с улицы, при слабом освещении от лампадки перед иконой Георгия Победоносца на белом коне, можно было видеть кое-что в магазине. Перед началом работы деревянная обшивка стены снималась. Она была так приспособлена, что легко выдвигалась, когда было нужно, и после работы так же легко ставилась на место, но в закрытом состоянии при нажиме снаружи была неподвижна; на месте соединения обшивки обои каждый раз подправлялись незаметным образом. Самое трудное было пробить без шума цементированную стену, вслед же за тем дело пошло более или менее быстро, пока работающие не наткнулись на железную водопроводную трубу, но и тут они довольно скоро обошли ее, немного изменив направление, так как водопроводные трубы были довольно тонкими; затем вскоре, через три сажени от начала подкопа, наткнулись на водосточную деревянную трубу, ширина и вышина которой была приблизительно 1 ар. на l ар. Это представило серьезное препятствие и вызвало задержку ввиду того, что обойти трубу снизу нельзя было без риска погрузиться в воду, потому что подпочвенная вода находилась очень близко, а

подняться вверх нельзя было, так как мог произойти обвал мостовой. Ввиду этого, удостоверившись в том, что труба наполнена только на половину своей вместимости, работающие решили сделать в ней вырезку для прохода бурава и для продвижения сосудов с динамитом при закладке мины. Как только прорезали трубу, распространилось такое ужасное зловоние, что работавшие, при всяких предохранительных средствах, даже надевая респираторы с ватою, пропитанною марганцем, могли пробыть там лишь самое короткое время, не рискуя упасть в обморок. После необходимой вырезки в трубе она была тщательно заделана, и потом уже до конца, до середины улицы, работа шла без всякой задержки. Приходилось только все время производить работу наивозможно без шума, так как очень близко был пост городового, а в моменты, когда звуки неминуемо усиливались, приходилось следить за городовым и ждать, когда он отойдет подальше. Работа в подкопе требовала участия нескольких лиц, приходивших каждый день заблаговременно до закрытия магазина, потому что работа буравом требовала большого физического усилия и работы посменно. Работали в подкопе: Колодкевич, Желябов, Суханов, Баранников, Исаев, Саблин, Ланганс, Фроленко, Дегаев и Меркулов.

С внешней стороны все шло гладко, хорошо, и только один раз днем зашел к нам управляющий домом. Это было в отсутствие Кобозева. Он спросил, не дал ли новый асфальт трещины, и хотел сам пройти в наше помещение, чтобы посмотреть. Я сказала ему, что там я только что развесила белье и что мы сами заинтересованы в том, чтобы нас не залило водой, потому мы внимательно следим за целостью асфальта. Он этим заявлением удовлетворился и ушел. В это время в задних помещениях уже была сложена вынутая из подкопа земля, прикрытая сеном и каменным углем, которым отапливалась печурка в нашей комнате.

В конце февраля — числа 24—25-го — работа в подкопе была окончена, и все было готово для закладки мины, но ее решено было заложить только перед самым предполагаемым днем проезда царя.

27 февраля Суханов заметил, что за ним следили, когда он вечером вышел из магазина (обратили внимание, когда он вошел к нам, как это выяснилось на суде); он взял извозчика-лихача, за ним погнался шпик, но Суханову удалось избавиться от него и сойти с извозчика, не доезжая своей квартиры. 27 февраля были арестованы Желябов и Тригони на квартире последнего. На суде по процессу 1 марта (Желябова, Перовской и др.) дворники дома Менгдена показывали, что они 27-го числа заметили двух

молодых людей, входивших и выходивших в разное время из магазина, и признали их в Желябове и Тимофее Михайлове, но этот последний не знал даже о существовании магазина и никогда не бывал у нас. Возможно, что слежка началась с Тригони, работавшего в подкопе и жившего под своей фамилией, и не без участия предателя Окладского, как мне думается теперь. По словам околоточного надзирателя 1-го уч[астка] Спасской части на суде над первомартовцами, «до 26 февраля по всем негласным наблюдениям оказалось, что Кобозева никто из подозрительных не посещал».

28 февраля инженер Мравинский в присутствии пристава и помощника пристава произвел осмотр нашего помещения под видом технических и санитарных целей, что указывает на то, что у них не было серьезных подозрений относительно лавки и осмотр делался только для очистки совести, на случай проезда царя, иначе они не постеснялись бы сделать настоящий обыск. Осмотр был в мое отсутствие. В магазине, около задней стены, была устроена деревянная обшивка в виде ящика с плотно заделанным досками верхом, на которой помещались выложенные из бочки сыры; осмотрев ее, Мравинский заметил, что крошки сыра могут падать в щели и там разлагаться. В лавке стояли большая бочка и кадка с землей, сверху хорошо прикрытые сырами. Мравинский удовлетворился заявлением Кобозева, что они наполнены сыром. После поверхностного осмотра помещения лавки, где он видел, что наружные стены на улицу вполне целы, а под полом — вода и вести подкоп нельзя, он направился в нашу комнату, где уже внимательно осмотрел стены, спросил: «Зачем деревянная обшивка от пола до окна?» — и удовлетворился объяснением Кобозева, что это сделано в предохранение от сырости; после этого пошли осмотреть задние помещения, выходившие на двор и служившие складочным местом для тары от сыров и сена, для каменного угля и прочих хозяйственных принадлежностей. Мравинский полюбопытствовал о назначении сена и пнул даже ногой сено и уголь, которым, кстати сказать, была прикрыта земля. Пошли обратно, и в нашей комнате Мравинский остановился, посмотрел из окна на улицу, плотно облокотившись на деревянную обшивку и удостоверившись в ее крепости и неподвижности, как показалось Кобозеву, довольный вышел в лавку, где подвернулся ему наш кот, которого он ласково погладил, затем он попрощался с Кобозевым и удалился, говоря, что нужно еще на Малой Садовой осмотреть один подвал, что и сделал, как оказалось потом.

Я вернулась, кажется, через час после этого визита. При входе кого-либо в магазин всегда раздавался звонок (помещение не

отапливалось, мы сидели в комнате и выходили только при звонке), при звуке которого и в этот раз Кобозев, увидев меня в окно двери, выскочил из комнаты вприпрыжку и вприпляску мне навстречу, говоря: «У нас был обыск». Я думала, что он сошел с ума, так странно было видеть его пляшущим и говорящим об обыске. «Если бы это был обыск, ты бы теперь не плясал тут», — сказала я ему. Рассказав мне подробно обо всем случившемся, он отправился на Вознесенский проспект, в квартиру Исаева и В. Н. Фигнер, сообщить о происшедшем.

Немедленно было созвано собрание тех членов Исполнительного комитета, которых можно было быстро известить, и решено назавтра, 1 марта, действовать во что бы то ни стало, при взрыве на Малой Садовой или без него, одними только метательными снарядами. Исаев был командирован в лавку на Малую Садовую, чтобы ночью заложить мину; Кибальчич сначала должен был произвести с метальщиками пробу запаса метательных снарядов, что ими и было проделано за Смольным монастырем, в пустынном месте за городом; а потом Кибальчич, Суханов и Грачевский должны были приготовить метательные снаряды (взрывчатый материал, гремучий студень и пр. заранее давно уже готовы были) на квартире Исаева и Фигнер по Вознесенскому проспекту, д. 25/76. К восьми часам утра 1 марта были готовы четыре метательных снаряда, из которых два были принесены Перовской и два Кибальчичем на Тележную ул., д. № 5, в квартиру Саблина и Геси Гельфман, где должны были собраться метальщики, получить снаряды и указания от Перовской — где кому находиться при проезде царя в манеж и обратно. Метальщиков было четыре: Николай Рысаков, Игнатий Гриневицкий, Тимофей Михайлов и Иван Емельянов. Все метательные снаряды были окончательно приготовлены на квартире по Вознесенскому проспекту с посильною помощью В. Н. Фигнер. Снаряды состояли из жестяных коробок цилиндрической формы с гремучим студнем, весом фунтов 5–6, и системою запалов. Кибальчич жил на Лиговке, д. 83, кв. 1, но там мастерской не было. Мина на Малой Садовой состояла из черного динамита в двух сосудах — жестяного и бутыли — с запалом из капсюли с гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитанных нитроглицерином, всего весом с посудой 89 фунтов. Запал был соединен с проводами, которые в нужный момент должны были быть соединены с гальванической батареей. В лавке на время проезда решено было остаться мне, как хозяйке, на случай прихода кого-либо из полиции или шпиков; вместе с тем я должна была следить из окна магазина за появлением кареты царя на Малой Садовой и дать знать об этом товарищу, который

должен был быть при батарее у окна соседней комнаты для смыкания проводов. Для этой цели выбор пал на Михаила Федоровича Фроленко, как постороннего лавке человека, который в момент после взрывной суматохи, если бы остался цел, мог бы выйти через задний ход со двора. Кобозев за час до проезда царя должен был уйти из лавки. Метальщики в условленное время собрались в квартире на Тележной улице, где от Перовской получили инструкции, кому где в какое время стоять, причем при проезде царя в манеж по обоим концам Малой Садовой должны были стоять по 2 метальщика. Перовская сказала им: «Там (т. е. на Малой Садовой) уже ждут»; в случае неудачи они должны с обоих концов спешить на помощь. Метальщики не знали о существовании магазина, но знали, что что-то должно произойти помимо их. По словам Рысакова, «говоря о способах совершения покушения, Кибальчич, по-видимому, возлагал надежды на мину, так как считал „большой иллюзией“ мысль, что придется действовать метательными снарядами».

Обыкновенно приготовления к проезду царя начинались с 12 часов дня; к этому времени на обоих концах Малой Садовой появлялись конные жандармы, мало-помалу замирало движение и проезд по улице совсем прекращался, а по мере приближения царя позы жандармов на конях становились все напряженнее, и, наконец, они совсем как бы окаменевали. Так было и на этот раз. Фроленко совсем готов был сомкнуть провода с батареей, которая некоторое время и действовала, а я все свое внимание устремила на жандармов… Но вот они почувствовали себя свободными, стали двигаться и говорить; это означало, что царь проехал по другой улице. Окончилось и наше напряжение, и мы решили, что я пойду до конца улицы по направлению к манежу, чтобы узнать, в манеже ли царь. Я пошла. По всем внешним признакам видела, что он там. На всякий случай решили мы еще подождать, хотя из манежа царь имел обыкновение ездить совсем другим путем, что скоро и заметили мы по исчезновению жандармов. Наша роль кончилась. Метальщики в это время перешли на набережную Екатерининского канала, как им утром было указано Перовской. Царь выехал из Зимнего дворца около 1 часа дня; три четверти второго он выехал из Михайловского манежа во дворец великой княгини Екатерины Михайловны, пробыл там полчаса и в 2¼ был смертельно ранен взрывом бомбы, брошенной Гриневицким, который тоже при этом был смертельно ранен. При проезде царя по набережной Екатерининского канала первый метательный снаряд был брошен Рысаковым под царскую карету, левая задняя часть которой была повреждена взрывом. Царь вышел из кареты и захотел посмотреть задержанного уже Рысакова. Подойдя, царь

спросил: «Это тот, который бросил?» — «Так точно, Ваше Императорское Величество», — ответили мы все в один голос, как говорил на суде один свидетель. Царь пошел обратно, и тогда Гриневицкий на очень близком расстоянии бросил свой снаряд, которым ранил смертельно и царя, и себя. Александр II умер в 3 часа 35 минут, а Гриневицкий — вечером того же дня в Конюшенном придворном госпитале.

Исполнительный комитет думал оставить подкоп на Садовой улице для Александра III, но утром 3 марта узнали об аресте со 2-е на 3-е квартиры Саблина и Геси Гельфман на Тележной ул., что можно было объяснить только предательством Рысакова; при таких условиях опасность могла грозить и нашей лавке, хотя Рысаков и не знал о ней, но имел указания на Малую Садовую, потому было решено оставить магазин в тот же день, а нам с Богдановичем уехать из Петербурга. С дневным поездом уехал Богданович, а я, заперев лавку вечером в обычное время и оставив ее снаружи в таком же виде, как прежде, т. е., зажегши перед Георгием Победоносцем лампадку и оставив на прилавке деньги с запиской, что эта сумма полагается мяснику за мясо, забранное для кота, вышла с маленьким узелком через задний ход в ворота двора, у которых дремал дворник. На квартире Исаева и Фигнер я преобразила свой внешний вид и через Смоленск уехала в Москву. 4 марта было обнаружено исчезновение Кобозевых. Приходили покупатели, а магазин все закрыт и закрыт; наконец дворники дали об этом знать полиции. При осмотре магазина полицией и судебным следователем во всех помещениях оказалась масса земли, даже в турецком диване жилой комнаты, тут же были найдены и орудия производства: лом с загнутой лопатой, приспособленной для выломки кирпича, буравы, лопатки и пр. Количество обнаруженной в помещении земли, по мнению экспертов, вполне соответствовало количеству земли, вынутому из галереи подкопа, так что «из лавки земля никуда не выносилась». Отняли деревянную обшивку из-под окна жилой комнаты и обнаружили в стене расширяющееся отверстие, в котором оказалась корзина с батареей Грене, которая, по мнению экспертов, была совершенно приготовлена для взрыва и несколько времени уже работала; там же были новые провода, а далее виднелась галерея. Саперами на улице были произведены раскопки и 5 марта извлечена мина. О всех новых открытиях сейчас же летели телеграммы во все концы. Дорогой я много разговоров слышала о Кобозевых, а по приезде в Москву нашла все газеты переполненными всякими баснями о них и об их магазине. Чего-чего только не было в этих газетах! Оказывалось, что чуть ли не все догадывались, что это были поддельные

торговцы, так как и торговать-то не умели, и торговля была плохая, а Кобозев чересчур был боек и грамотен, имел красивый почерк; Кобозева вела несоответствующий образ жизни, курила папиросы, читала французские романы (французского языка я даже совсем не знала), а лучше всего то, что Кобозева была чуть ли не красавица. Вот на основании показаний очевидцев красоты Кобозевой, на суде, когда нас в первый раз вводили в залу суда, обернувшись к двери, ожидали увидеть красивую мадам Кобозеву, а входит… противоположность этому, и один адвокат так был поражен неожиданностью, что не смог скрыть своего впечатления и при взгляде на меня громко фыркнул. Столь же правдоподобны были и многие другие басни о Кобозевых.

На всех непосредственных участников исполнения дела 1 марта в более или менее непродолжительном времени обрушилась кара правительства, за исключением одного только Сидоренко, который оставался неизвестным как участник дела 1 марта до последнего времени и в первый раз назвал сам себя в воспоминаниях о 1 марта 1881 г., помещенных в историко-революционном вестнике «Каторга и ссылка» № 5. <…>

Печатается по: Якимова А. В. Покушение на Александра II. М., 1927, с. 5–16.

М. Ф. Фроленко
1 МАРТА

<…> Дело было так. К 1 марта успели и приготовить бомбы, и заложить мину под М. Садовой. Поэтому утром некоторые из революционеров отправляются ко дворцу следить за выездом царя, чтобы дать знать, какой дорогой он поедет. Перовская идет к метальщикам, чтобы направить их туда, где они понадобятся.

В сырной лавке на М. Садовой остаются лишь хозяйка Якимова и Фроленко, который должен замыкать ток.

Наступает время проезда. В комнате хозяев лавка помещается напротив окна, у стола — Фроленко. На столе стоит сосуд с раствором, дающим ток, когда будет опущен в раствор и другой полюс.

Фроленко смотрит в окно и держит руку на шарике, чтоб опустить стержень в раствор и тем замкнуть ток. Царь что-то долго не едет. Якимова, бывшая в лавке, выходит узнать, в чем дело, и, возвратившись, кричит: «Поехал на канал!» Лавка делается ненужной. Фроленко уходит и уже на улице слышит взрыв бомбы, сначала одной, потом другой.

На канале же было так. Когда Александр II выехал на канал, то его встретил первый метальщик и бросил бомбу. Бомба попала в переднюю часть кареты, но царя не тронула. Он выскочил и подошел к раненному бомбой прохожему. К нему подвели и метальщика — Рысакова, которого успели схватить. «Хорош, нечего сказать! — заметил царь. — Слава богу, что не удалось!»— добавил он. «Ну, еще кто его знает, слава ли богу!» — будто сказал Рысаков (так откуда-то идет молва про его ответ). Но дело не в этом, а в том, что в это время подошел второй метальщик — Гриневицкий и, встав вблизи царя, бросил бомбу между собой и царем; бомба упала у ног царя и взорвалась; и царь, и Гриневицкий упали, у них обоих ноги были оторваны.

Царя подхватили и стали тащить на сани. Тогда третий метальщик, забыв, что у него под мышкой бомба в виде портфеля, бросился помогать усаживать царя в сани [И. П. Емельянов. — *Сост.*]. Не перевязав раны, Александра II повезли во дворец, а когда привезли, он, оказалось, уже умер. Доктора потом утверждали, что если бы ему перевязали раны вовремя и не дали бы истечь кровью, то он остался бы жив. В тот же день умер в больнице и Гриневицкий, а Рысаков скоро начал выдавать. Благодаря этому жандармы открыли квартиру, где собирались метальщики, и там арестовали хозяйку Гельфман, хозяин же

Саблин сам застрелился; арестовали на той же квартире и метальщика Михайлова — он почему-то не попал на канал, — а вскоре и Кибальчича. Их судили ускоренным судом и всех, кроме хозяйки квартиры, приговорили к смерти и повесили.

Тут необходимо добавить, что в их лице повешены были представители всей России: Желябов — сын крестьянина, в детстве был крепостным; Перовская — дочь бывшего губернатора, представительница высшего сословия; Михайлов — мещанин; Кибальчич — сын священника; Гриневицкий — разночинец; Рысаков — крестьянин. Словом, повесили представителей низшего, среднего и высшего сословий.

Так закончилось 1 марта 1881 года, но в 1882 г. еще был суд и еще приговорили 10 человек к смерти, из них повесили только одного — Суханова, остальных же якобы помиловали, но из помилованных остались в живых только двое, а прочих всех очень скоро убила тюрьма. Такова была милость царская.

Печатается по: *Фроленко М. Ф. 1881 год. М., 1925, с. 14–16.*

А. В. Тырков
К СОБЫТИЯМ 1 МАРТА 1881 ГОДА

Мое знакомство с народовольцами началось в конце 79 года. Связи с обществом в Петербурге, насколько мне известно, были ограничены. Ближе всего они стояли к учащейся молодежи. В этой среде мне, как студенту, и можно было только с ними познакомиться. Большая часть революционной молодежи была захвачена тогда народовольческим течением. «Черный передел» представлял собою скорее партию теоретиков, которая не могла дать сейчас же никакого дела. Пропаганда социализма среди крестьян на почве их туманных представлений, почти мечтаний об общем переделе и праве на землю не могла дать никакого практического результата, особенно взвесив отношение между несколькими десятками, даже сотнями деятелей и теми миллионами, к которым предстояло обратиться с речью, и вдобавок — при отсутствии свободы слова. Лучше могла бы быть поставлена пропаганда среди рабочих. Но главное-то — политика, борьба с правительством отодвинулась черноперелельцами куда-то на очень отдаленный план. Между тем правительство всем своим режимом не только закрывало перед нами перспективы честной, открытой общественной деятельности, но своими жестокостями, казнями, учреждением генерал-губернаторств слишком задевало, раздражало и вызывало желание дать ему немедленный отпор. И те, у кого душа болела, невольно шли к народовольцам. На эти элементы их пример действовал очень решительно. Я не говорю о влиянии того или другого лица. Я не мог бы, например, сказать, кто именно на меня влиял. Влияли дух партии и вся атмосфера жизни. Народовольцы слишком ярко выделялись на общем фоне равнодушия или добрых намерений. В их устах весь перечень хороших слов: служение народу, любовь к правде и т. д. — получал могучую силу живых двигателей. В этом причина их личного влияния на молодежь, не знающую компромиссов, ищущую исхода своему непосредственному чувству общественности.

Я уже говорил, что при условии конспиративных знакомств с людьми их личные черты не так-то легко открываются. Нужно стоять ближе к делу, чем это было со мною, и дольше работать вместе, чтобы уяснить себе характер и особенности мировоззрения каждого.

Те, кого я знал, были люди трезвые, уравновешенные. В них не было ни экзальтации, ни преувеличенных надежд, но они

считали своим долгом вести работу, не отступая.

Слежка за царем 1 марта

Взаимные отношения членов центральной организации не могли, конечно, быть плохими. Все они давно и хорошо знали друг друга. Трудность осуществления той задачи, которую они себе поставили, способы борьбы требовали дружных отношений. Мелким счетам не могло быть места. Наконец, нравственный подъем духа был таков, что все мелкое само собой исчезало и подавлялось. Всех соединяло чувство духовного братства. Все — мужчины и женщины — были между собой на «ты».

Мое знакомство с радикальным студенчеством и с некоторыми членами партии, не помню теперь с которыми, перешло в известные деловые отношения. Я начал оказывать партии разные мелкие услуги. Осенью 80 г. я принял участие в серьезном деле, именно в подготовительных работах к взрыву 1 марта.

Однажды, в начале ноября 80 г., ко мне зашел Л. Тихомиров и предложил принять участие в наблюдениях за выездами царя. Наблюдениями должны были заняться несколько человек. Тихомиров предполагал пригласить кроме меня Елизавету Николаевну Оловенникову и, кажется, Тычинина. Партия, по его словам, одобрила этот выбор, и дело за нашим согласием. Мы все трое согласились. Очень скоро было назначено заседание наблюдательного отряда, т. е. кружка Лиц, которые должны были наблюдать за выездами царя. На этом заседании присутствовали Тихомиров, Перовская, Гриневицкий, Рысаков, Оловенникова, Тычинин, я и еще студент Петербургского университета С. [Е. М. Сидоренко. — *Сост.*], оставшийся неоткрытым. Рысаков был для некоторых из нас человеком новым. Его познакомили с нами под кличкой «Николай».

Фамилии Оловенниковой и Тычинина скоро стали известны Рысакову, так как в их квартирах преимущественно происходили наши собрания. Меня Рысаков знал или, скорее, должен был знать тоже под какой-то кличкой. Но как-то раз Перовская по ошибке назвала меня моим настоящим именем, и Рысаков это заметил.

На первом заседании Рысаков вел себя странно: нервничал, смеялся совершенно некстати. Видно было, что ему не по себе, что он волнуется. Я обратил внимание Перовской на его состояние, но она отвечала, что это вполне верный человек, что за него ручается Тарас (Желябов). Потом Рысаков вел себя спокойнее, так что речь о нем больше не заходила.

Наш отряд должен был определить, в какое время, по каким

улицам и насколько правильно царь совершает свои выезды и поездки по городу. Наблюдения решено было вести каждый день двум лицам, по установленному наперед расписанию. Каждый из этих двух должен был наблюдать до известного часа, после чего на смену ему выходил бы его товарищ. Пары наблюдателей должны были чередоваться каждый день. Эта система пар с постоянной сменой очереди и порядка имела в виду замаскировать наблюдения. Тихомиров на дальнейших заседаниях не бывал. На нескольких присутствовал Желябов. Он хотел, вероятно, на основании наших слов составить себе более ясное представление о всей обстановке выездов. Заседания отряда происходили раз в неделю. Главная роль принадлежала Перовской, которая записывала результаты наблюдений. Первое время наблюдать было трудно, т. к. не было еще известно, когда государь выезжает, поэтому приходилось дольше следить за дворцом. Но скоро мы определили время и обычное направление поездок. Обыкновенно, царь выезжал из дворца около половины второго и направлялся в Летний сад. Он ездил в карете, окруженный шестью всадниками из конвоя е[го] в[еличества], на великолепных лошадях, очень быстро. Двое из этих всадников прикрывали собою дверцы кареты. Из Летнего сада он или возвращался прямо во дворец, что бывало редко, или заезжал куда-нибудь без соблюдения правильности. Таков был маршрут по будням. По воскресеньям государь ездил в Михайловский манеж на развод. Путь его лежал обыкновенно по Невскому, а оттуда по Малой Садовой. Время выездов соблюдалось с пунктуальной точностью. Первый из нас наблюдал обыкновенно от дворца до Летнего сада или манежа, второй — от Летнего сада или манежа до возвращения царя домой. По его пути расхаживала многочисленная охрана из каких-то штатских, вероятно сыщиков.

Перовская не только отбирала от нас сведения, но и сама участвовала с нами в наблюдениях. Из манежа царь возвращался домой мимо Михайловского театра по Екатерининскому каналу. Перовская первая заметила, что на повороте от Михайловского театра на Екатерининский канал кучер задерживает лошадей и карета едет почти шагом. Рассказывая нам об этом на ближайшем заседании, она прибавила: «Вот удобное место». Для меня ее замечание стало понятно только в день 1 марта. План нападения не всем был известен, так как, по требованию конспирации, в него не посвящали тех, кому незачем было о нем знать.

Наблюдения продолжались без перерыва приблизительно до двенадцатых чисел февраля. Они послужили основанием для определения места закладки мины и нападения метальщиков.

По плану Исполнительного комитета покушение на царя

должно было произойти или из лавки Кобозева на Малой Садовой путем взрыва мины, заложенной под мостовою, или ручными бомбами. Местом для нападения был намечен именно тот сворот на Екатерининский канал, на который Перовская обратила внимание. Метальщики должны были выйти на Екатерининский канал к известному часу и появиться в известном порядке, т. е. самая очередь метания бомб была приблизительно намечена заранее. Так, по крайней мере, передавал мне один из метальщиков, Емельянов, с которым мне пришлось познакомиться в первый раз уже в Московской пересыльной тюрьме. Он же говорил, что первую бомбу должен был, согласно очереди, бросить Тимофей Михайлов, а Рысакова предполагали поставить на последнее место, т. е., как говорил Емельянов, ему хотели дать понюхать пороху. Вспоминаю теперь, что Перовская указывала еще на пустынность Екатерининского канала. Здесь, следовательно, представлялось меньше всего шансов задеть взрывом прохожих.

В самый день 1 марта Перовская назначила мне свидание в маленькой кофейной, на Владимирской улице, близ Невского, чуть ли не в известной теперь под названием «Капернаум». Свидание было назначено в начале четвертого часа. Не помню почему, но в этот день я прислушивался на улице. Вероятно, был сделан кем-нибудь намек, что именно в этот день нужно ждать развязки. К назначенному часу я шел на свидание издалека, от Таврического сада. В тех краях еще ничего не было известно о том, что творится на Екатерининском канале. Но на Итальянской, недалеко от Литейной, я встретил офицера, мчавшегося чуть не стоя, на извозчике. Он громко и возбужденно кричал, обращаясь к проходившей публике. Я не мог разобрать, что он кричал, но видно было, что человек чем-то сильно потрясен, Я, конечно, понял, в чем дело. Придя в кофейную, я прошел в маленькую заднюю комнату, в которой и раньше встречался с Перовской. Комната эта бывала обыкновенно пуста. Я застал в ней студента С, члена наблюдательного отряда. Он тоже ждал Перовскую. Вскоре дверь отворилась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ее лицу нельзя было заметить волнения, хотя она пришла прямо с места катастрофы. Как всегда, она была серьезно-сосредоточенна, с оттенком грусти. Мы сели за один столик, и хотя были одни в этой полутемной комнате, но соблюдали осторожность. Первыми ее словами было: «Кажется, удачно; если не убит, то тяжело ранен». На мой вопрос: «Как, кто это сделал?» — она ответила: «Бросили бомбы сперва Николай, потом Котик (Гриневицкий). Николай арестован; Котик, кажется, убит».

Разговор шел короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелая. В такие моменты испытываешь только зародыши чувств и глушишь их в самом зачатке. Меня душили подступавшие к горлу слезы, но я сдерживался, так как во всякую минуту мог кто-нибудь войти и обратить внимание на нашу группу. Студент С., очень скрытный и сдержанный человек, не проронил за все время ни слова.

Перовская передала мне потом маленькую подробность о Гриневицком. Прежде чем отправиться на канал, она, Рысаков и Гриневицкий сидели в кондитерской Андреева, помещавшейся на Невском против Гостиного двора, в подвальном этаже, и ждали момента, когда пора будет выходить. Один только Гриневицкий мог спокойно съесть поданную, ему порцию. Из кондитерской они пошли врозь и опять встретились уже на канале. Там, проходя мимо Перовской, уже по направлению к роковому месту, он тихонько улыбнулся ей чуть заметной улыбкой. Он не проявил ни тени страха или волнения и шел на смерть с совершенно спокойной душой.

По словам Емельянова, Тимофей Михайлов должен был бросить первую бомбу, но он будто бы почувствовал себя не в силах это сделать, и у него хватило характера вернуться домой, не дойдя до места. Вследствие этого номера метальщиков перепутались, и около кареты царя первым очутился Рысаков.

Про себя Емельянов рассказывал, что за несколько дней до 1 марта он изучал расположение и внутреннее устройство плавучих прачешен-купален на Екатер[ининском] канале. Он говорил, что, если бы ему пришлось бросить бомбу и его захотели бы арестовать, он постарался бы скрыться в одной из купален, забаррикадироваться и защищаться до последней возможности, так как не намерен был добровольно отдаваться в руки жандармов. Когда Гриневицкий упал, он подскочил к нему, желая узнать, жив ли он и нельзя ли его спасти в суматохе, но было уже поздно. Тогда Емельянов подошел к царю и помог уложить его в сани.

После 1 марта я виделся часто с Перовской. 27 февраля был арестован Желябов, лично близкий ей человек. Сама она, как говорили, была больна все эти дни и с трудом ходила. Она переживала целый ряд крупных потрясений и личных и общественных, но оставалась все такой же тихой, сдержанной и спокойной на вид, глубоко храня в себе свои чувства. Кажется, 3 марта мы шли с ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщение о событиях дня: «Новая телеграмма о злодейском покушении…» — и т. д. Около них собралась толпа и раскупала длинные листки.

Мы тоже купили себе телеграмму. В ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябов заявил, что он организатор дела 1 марта. До сих пор можно было еще надеяться, что Желябов не будет привлечен к суду по этому делу. Хотя правительство и знало, что он играет крупную роль в делах партии, но для обвинения по делу 1 марта у него не могло еще быть улик против Желябова. Из телеграммы было ясно, что участь Желябова решена.

Даже в этот момент, полный страшной для нее неожиданности, Перовская не изменила себе. Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Она шла, не выпуская из нерешительно опущенной руки телеграммы, с которой она как будто не хотела расстаться. Я тоже молчал, боялся заговорить, зная, как она любит Желябова. Она первая нарушила молчание. На мое замечание: «Зачем он это сделал?» — она ответила: «Верно, так нужно». Не знаю, в этот ли день или раньше у нее явилась мысль спасти Желябова. Намерение, разумеется, несбыточное, но в Перовской говорила страсть, и, как человек, не привыкший опускать руки, она хотела испробовать все средства. Она искала лазейки в Окружной суд, где должно было происходить заседание суда. Мы искали свободной квартиры около III отделения на Пантелеймоновской. Тут она имела в виду устроить наблюдательный пункт и, вероятно, при выезде Желябова из ворот здания III отделения надеялась организованным нападением освободить его. Не помню, что она еще придумала. Нигде ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно — она все равно стала бы делать по-своему. В этих поисках и суете она хоть немного забывалась. Поэтому я беспрекословно исполнял все ее поручения, ходил с ней всюду, куда она меня вела.

Тогда говорили: «Соня потеряла голову». Она действительно потеряла всякое благоразумие. Ее уговаривали уехать из Петербурга, скрыться куда-нибудь на время. Она никого не хотела слушать. Она вилась, как вьется птица над головою коршуна, который отнял у нее птенца, пока сама не попала ему в когти.

Гельфман, арестованную на Тележной улице, в квартире, где хранились бомбы, я видел чуть не накануне ареста, во всяком случае уже после катастрофы 1 марта. Обыкновенно веселая и приветливая, она была пасмурна, расстроена, мало говорила. Я встретил ее у знакомых курсисток, у которых скопилась нелегальная литература. Полиция обыскивала тогда целые дома, особенно населенные студенчеством. Они боялись обыска и хотели сбыть куда-нибудь литературу. Гельфман взяла себе весь сверток со словами: «Ну, у меня этого добра так много, что мне

все равно». Мы вышли с ней вместе и скоро разошлись. При прощании она крепко пожала мне руку и с тяжелым чувством сказала: «Прощайте. Увидимся ли?»

Я не знал, что у нее в квартире бомбы, и не понимал, почему она волнуется больше других. Помимо этого она готовилась, как потом обнаружилось, сделаться матерью, и в ней зарождалось совсем новое для нее чувство, которое заставляло ее беспокоиться за себя. При аресте ей пришлось быть свидетельницей сцены нервного, торопливого самоубийства Саблина. На суде она вела себя с достоинством, как говорилось в заграничных отчетах. Но она не выдержала потери ребенка. Я слышал, что к ней в камеру, в Дом предварительного заключения, вошли неожиданно жандармы, взяли ребенка и унесли. Вскоре после этого она умерла.

Всякий, кто знал Гесю, скажет, что роль террористки была совсем не по ней. Не потому, что террор требовал какой-то свирепости, которой вовсе не было и в других, но все-таки таких простых, самоотверженных и добрых людей, какой была Геся, эта шапка должна слишком давить.

После 1 марта Исполнительный комитет выпустил ряд прокламаций к крестьянам, рабочим, обществу. Было организовано целое бюро, располагавшее грудой адресов, по которым оно рассылало эти прокламации во все концы и закоулки России. В самом Петербурге прокламации расклеивались на улицах: в центральных кварталах — с обращением к обществу, в рабочих — к рабочим.

В этом бюро работала и Перовская. Как-то она приходит и рассказывает о настроении рабочих, с которыми она вела сношения. Рабочие ей говорили: «Что нам теперь делать? Веди нас куда хочешь». Перовская была, может быть, и довольна их обращением, но была поставлена в большое затруднение. Что им было в самом деле ответить!

Печатается по: *Былое, 1906, № 5, с. 144–152.*

НАДЕЖДЫ И ОЖИДАНИЯ

НАДЕЖДЫ И ОЖИДАНИЯ

ОТЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА

Сегодня, 1 марта 1881 года, согласно постановленію Испол нительнаго Комитета отъ 26 августа 1879 г., приведена въ исполненіе казнь Александра II двумя агентами Исп. Ком.

Имена этихъ мужественныхъ исполнителей революціоннаго правосудія Исп. Ком. пока не считаетъ возможнымъ опубли ковать.

Два года усилій жел[illegible] жер[illegible] снѣхомъ. Отчаян[illegible] Р[illegible] ное и упор ное [illegible] Рох[illegible] . В[illegible] слы[illegible] умерша го [illegible] вѣко[illegible] че[illegible] ство[illegible] ся есте мат[illegible] лилъ впе Онъ [illegible] литику, м[illegible] съ [illegible] сл[illegible] прес жіи[illegible] ру исполн[illegible] ъ [illegible] Обращ[illegible] ндру III съ на поминаніем [illegible] вуетъ и для нег[illegible] родомъ, мнующе[illegible] ано тера ющая [illegible] на каторгѣ, въ семьяхъ [illegible] вынужденномъ суще ствующимъ [illegible] ъ жить такъ да лѣе. Она требуетъ простора, она [illegible] возродиться согласно своимъ потребностямъ, своимъ желаніямъ, своей волѣ.

ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Сегодня, 1 марта 1881 г., согласно постановлению Исполнительного комитета от 26 августа 1879 г., приведена в исполнение казнь Александра II двумя агентами Исп[олнительного] ком[итета].

Имена этих мужественных исполнителей революционного правосудия Исп[олнительный] ком[итет] пока не считает возможным опубликовать.

Два года усилий и тяжелых жертв увенчались успехом. Отныне вся Россия может убедиться, что настойчивое и упорное ведение борьбы способно сломить даже вековой деспотизм Романовых.

Исп[олнительный] ком[итет] считает необходимым снова напомнить во всеуслышание, что он неоднократно предостерегал ныне умершего тирана, неоднократно увещевал его покончить свое человекоубийственное самоуправство и возвратить России ее естественные права. Всем известно, что тиран не обратил внимания на все предостережения, продолжая прежнюю политику. Он не мог воздержаться даже от казней, даже таких возмутительно несправедливых, как казнь Квятковского. Репрессалии продолжаются. Исп[олнительный] ком[итет], все время не выпуская оружия из рук, постановил привести казнь над деспотом в исполнение во что бы то ни стало. 1 марта это было исполнено.

Обращаемся к вновь воцарившемуся Александру III с напоминанием, что историческая справедливость существует и для него, как для всех. Россия, истомленная голодом, измученная самоуправством администрации, постоянно теряющая силы сынов своих на виселицах, на каторге, в ссылках, в томительном бездействии, вынужденном существующим режимом, — Россия не может жить так долее. Она требует простора, она должна возродиться согласно своим потребностям, своим желаниям, своей воле. Напоминаем Александру III, что всякий насилователь воли народа есть народный враг… и тиран. Смерть Александра II показала, какого возмездия достойна такая роль.

Исп[олнительный] ком[итет] обращается к мужеству и патриотизму русских граждан с просьбой о поддержке, если Александр III вынудит революционеров вести борьбу с ним.

Только широкая энергичная самодеятельность народа, только активная борьба всех честных граждан против деспотизма может вывести Россию на путь свободного и самостоятельного развития.

Исп[олнительный] ком[итет], 1 марта 1881 г. Типография

«Народной воли», 2 марта 1881 г.

Печатается по: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в Т. 2. М. — Л., 1965, с. 232–233.*

ЧЕСТНЫМ МИРЯНАМ, ПРАВОСЛАВНЫМ КРЕСТЬЯНАМ И ВСЕМУ НАРОДУ РУССКОМУ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уже много лет терпит народ русский от малоземелья, голодов, тяжелых податей, кривосудья и всякой неправды. Покойный царь Александр Второй не заботился о своем народе, отяготил его невыносимыми податями, обделил мужиков землей, отдал рабочего на разорение всякому грабителю и мироеду, не слушал слезных мужицких жалоб. Он защищал только одних богатых и сам пировал и роскошествовал, когда народ помирал с голоду. Он погубил сотни тысяч народу на войне, которую затевал без всякой надобности. Другие народы он будто бы защищал от турок, а свой народ отдал на разорение урядникам, становым и полицейским, которые хуже турок мучили и убивали крестьян. Мирских людей, которые стоят за народ и за правду, царь вешал и ссылал на каторгу да в Сибирь. Мирских ходоков к себе не допускал и мирских прошений не принимал. За все это страшная смерть покарала его. Великий грех на душе царя, когда он не заботится о своем народе. Великий грех и на его советниках, министрах да сенаторах: окружили они царя и не допускают до него мужицких слез.

Ныне вступает на престол новый царь Александр Третий. Он должен загладить грех своего отца и облегчить несносную народную тяготу.

Православные крестьяне! Подавайте всем миром Государю прошения, посылайте к нему ходоков, откройте Государю, как на Руси мужик мается хуже, чем в татарской неволе. Собирайтесь всем миром и пишите прошения.

Прошения такие:

I. Пусть Государь прикажет новую нарезку земли без всякого выкупа.

II. Пусть уменьшит подати.

III. Пусть в мирские дела не вступаются ни чиновники, ни полиция.

IV. Пусть Государь призовет в Сенат для совета и указания выборных мирских людей от деревень и от всего народа, чтобы впредь царскими советниками были не господа, а крестьяне; и пусть без совета этих выборных царь ничего не делает — ни

податей не назначает, не ведет войн.

Православные! Когда царь уважит эти ваши прошения, воссияет правда на земле, исчезнут кривда и горе.

Сие объявление читать всем миром на сходах и препятствия сему отнюдь не чинить. Решение же мирское посылать с надежным человеком на имя Государя Императора в Санкт-Петербург.

Дано в С.-Петербурге, марта 2-го дня 1881 г.

Комитет «Народной воли»

Печатается по: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2, с. 233–234.*

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЕВРОПЕЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

1 марта совершена была по постановлению Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии казнь над русским императором Александром II.

Долгие годы тиранического правления завершились достойной карой. Исп[олнительный] ком[итет], отстаивающий права личности и права русского народа, обращается к общественному мнению Западной Европы с разъяснением по поводу совершившегося события. Проникнутая идеалами человечности и правды, русская революционная партия долгие годы стояла на почве мирной пропаганды своих убеждений; ее деятельность не выходила из границ, допускаемых для частной и общественной деятельности во всех без исключения государствах Европы.

Поставив себе первою обязанностью труд вместе с русским рабочим и крестьянином, развитие сознания и подъем экономического благосостояния русского народа, рус[ская] револ[юционная] партия закрывала глаза на политический гнет и бесправие, царившие в ее родной стране, и окончательно игнорировала политические формы, политический вопрос. Русское правительство ответило на такого рода деятельность страшными гонениями. Не отдельные личности, не десятки и сотни, а тысячи лиц замучены в тюрьмах, ссылке и каторге, тысячи семей подвергнуты разорению и брошены в омут безысходного горя. Параллельно с этим русское правительство размножило, усилило до невероятных размеров бюрократию и рядом мер, направленных против народа, дало широкое развитие плутократии. Народное обнищание, голод, развращение народа примерами легкой наживы и изменение этим путем народного мировоззрения, основанного на труде, на эгоистически-стяжательное мировоззрение плутократии — все это вместе со страшным пригнетением народного духа было результатом политики правительства.

Везде, во всех странах, гибнут личности, но нигде они не гибнут по таким ничтожным поводам, как в России; везде интересы народа принесены в жертву господствующих классов, но нигде эти интересы не попираются с такой жестокостью и цинизмом, как в нашей стране. Гонимая, подвергнутая травле, поставленная при существующих условиях в невозможность проводить свои идеи, революционная партия медленно повернула

на путь активной борьбы с правительством, ограничившись сначала отражением с оружием в руках нападений правительственных агентов.

Правительство ответило на это казнями. Жить стало невозможно. Пришлось выбирать между гибелью нравственной или физической. Пренебрегая постыдным существованием рабов, русская социально-революционная партия решилась или погибнуть, или сломить вековой деспотизм, задушающий русскую жизнь. В сознании правоты и величия своего дела, в сознании вреда системы российского самодержавия — вреда не только для русского народа, но и для всего человечества, над которым эта система висит угрозою истребления всех прав, вольностей и приобретений цивилизации, — рус[ская] соц[иально]-рев[олюционная] партия приступила к организации борьбы с основами деспотического строя. Катастрофа с Александром II есть один из эпизодов этой борьбы. Исполнительный комитет не сомневается, что мыслящие и честные элементы западноевропейского общества понимают все значение этой борьбы и не отнесутся с осуждением к той форме, в какой она ведется, так как эта форма была вызвана бесчеловечием русских властей, так как другого исхода, кроме кровавой борьбы, нет для русского человека.

Исп[олнительный] ком[итет], 8 марта 1881 г. Типография «Народной воли», 10 марта 1881 г.

Печатается по: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2, с. 235–236.*

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое Вы испытываете в настоящую минуту, Исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего происшедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной, и в этом ее глубокий смысл, который обязан понять человек, поставленный судьбою во главе правительственной власти. Объяснить подобные факты злоумышлением отдельных личностей или хотя бы «шайки» может только человек, совершенно не способный анализировать жизнь народов. В течение целых 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то что правительство покойного императора жертвовало всем — свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, — безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в отчаянную, партизанскую войну с правительством.

Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойного императора нельзя обвинять в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых «вожаков» переловлены, перевешаны. Они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло. Да, Ваше Величество, революционное движение не такое дело, которое зависит от отдельных личностей. Это процесс народного организма, и

виселицы, воздвигаемые для наиболее энергичных выразителей этого процесса, так же бессильны спасти отживающий порядок, как крестная смерть Спасителя не спасла развратившийся античный мир от торжества реформирующего христианства.

Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессалий: неудовольствие, напротив, растет от этого. Поэтому на смену истребляемых постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные. Эти личности в интересах борьбы, разумеется, организуются, имея уже готовый опыт своих предшественников; поэтому революционная организация с течением времени должна усиливаться и количественно и качественно. Это мы видим в действительности за последние 10 лет. Какую пользу принесла правительству гибель долгушинцев, [25] чайковцев, деятелей [18]74 г.? На смену их выступили гораздо более решительные народники. Страшные правительственные репрессии вызвали затем на сцену террористов [18]78 —[18]79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальских, Дубровиных, Осинских, Лизогубов. Напрасно оно разрушало десятки революционных кружков. Из этих несовершенных организаций путем естественного подбора вырабатываются только более крепкие формы. Появляется, наконец, Исполнительный комитет, с которым правительство до сих пор не в состоянии справиться.

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера повторяться все более обострённо; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное

потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка.

Чем вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите этого за фразу. Мы лучше, чем кто-либо другой, понимаем, как печальна гибель стольких талантов, такой энергии на деле разрушения, в кровавых схватках, в то время когда эти силы при других условиях могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитие народа, его ума, благосостояния, его гражданского общежития. Отчего же происходит эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у нас настоящего правительства в истинном его смысле не существует. Правительство по самому своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю. Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской шайки гораздо более, чем Исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает все в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, несвободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, невластны даже в своих мирских, общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор: самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный «порядок»? Неужели это не шайка, неужели это не проявление полной узурпации?

Вот почему русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как цареубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно.

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только верховная власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести, Вы можете смело прогнать позорящих правительство шпионов, отослать конвойных в казармы и сжечь развращающие народ виселицы. Исп[олнительный] комит[ет] сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем Вашим слугам, и которое практикуется нами только из печальной необходимости.

Мы обращаемся к Вам, отбросивши всякие предубеждения, подавивши то недоверие, которое создала вековая деятельность правительства. Мы забываем, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народ, сделала ему столько зла. Обращаемся к Вам как гражданину и честному человеку. Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в Вас сознания своих обязанностей и желания знать истину. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от Вас.

Мы не ставим Вам условий. Пусть не шокирует Вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены

совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходок, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия, со своей стороны, безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием.

Итак, Ваше Величество, решайте. Перед Вами два пути. От Вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу, чтобы Ваш разум и совесть подсказали Вам решение, единственно сообразное с благом России, с Вашим собственным достоинством и обязанностями перед родною страной.

Исп[олнительный] ком[итет], 10 марта 1881 г. Типография «Народной воли», 12 марта 1881 г.

Печатается по: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в., Т. 2, с. 235–236.*

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

Царь убит! Убит мещанином Рысаковым с товарищами. Не в первый раз поднимают руку на царя. Хотели убить его крестьяне Тихонов, Ширяев, рабочие Халтурин и Пресняков, бывший народный учитель Соловьев и другие.

За что же убили царя? Ведь он освободил крестьян от помещиков? Да. Дал царь мужику землю, да так пригнул, что пришлось на душу без малого что по одной ступне, а более половины кровной мужицкой земли отдал барам. Дал он мужику и волю самую настоящую: волю с голоду помирать, волю идти в кабалу к барам, купцам, своему брату кулаку; волю — урядникам да чиновникам костылять шею мужичью!

Подивился мужик воле, которую дал ему царь-батюшка; подивился, пораскинул умом да и порешил: баре-де с чиновниками волю подменили, не настоящую, не царскую волю объявили… Где же это видано, чтоб мужичью землю, его потом-кровью политую, в руки барам отдали!

И послал мужик ходоков к царю разузнать волю доподлинно. Точно, разузнали: кто в Сибирь пошел, кого по этапу домой прислали!

Вот и узнали они волю настоящую!..

Неужели ж чиновники ходоков мужичьих без ведома царского в Сибирь посылали?! Неужели ж у царя случая не было мужика повидать?! Коли баре к мужику его не пускали, так видал же он солдат, а солдат — тот же мужик!

Нет! Сам царь в 1879 г. велел объявить мужикам, что земли им не будет! Сам-то царь — над барами барин, купец над купцами, мироед над мироедами, чиновник над чиновниками.

Нашлись на Руси люди, что говорили народу, как раздобиться ему настоящей мужицкой волюшки… Да, видно, правда-то царю с барами не по нутру пришлась: стали они тех людей по тюрьмам морить, ссылать без счету в Сибирь на каторгу, вешать да расстреливать. Вот за эти-то жестокости да за то, что царь народ обманул, и убили они царя.

От нового царя тоже не дождаться тебе ничего хорошего! Не отберет он у бар земли и не даст мужику, *настоящей воли* не даст! Не обидит себя да свою панскую братью! Барина, чиновника подарить — это он может. Вот старый-то царь своим братьям, великим князьям, да чиновникам, да господам разным и барыням разным из твоей земли два миллиона десятин раздарил; а у мужика нет как нет земли!..

Коли хочешь земли да воли, так силой бери!..

Только за дело это нужно всем сразу взяться: послать ходоков по всей земле русской, от села к селу, ох деревни к деревне и в города к рабочим. Чтобы волю добыть, *надо всем сговориться. Народ — сила: что захочет, то и будет!*

Первое дело — забрать свою землю, податей царю не платить и рекрутов не давать! Пусть сядет он как рак на мели! Тогда с барами своими вместе против мужиков ничего не поделает!

Стой крепко друг за дружку, жизни не жалеючи!.. Не придется тогда никому лебеду да кору жевать да по миру ходить! Добивайся, мужик, правды мужичьей, земли своей, воли настоящей!

Станем же все, как один человек, за правду, *за землю и волю!!*

14 марта 1881 г., Лет[учая] тип[ография] общ[ества] «Земля и воля». С.-Петербург.

Печатается по: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2, с. 160–161.*

А. П. Прибылева-Корба
1 МАРТА

1 марта, часа в четыре пополудни, Исполнительный комитет собрался на конспиративной квартире у Вознесенского моста. Все были глубоко взволнованы важностью только что совершившегося исторического события и тех задач, которые предстояло немедленно выполнить Комитету.

Предстояло тотчас опубликовать извещение о факте 1 марта. Тихомиров, который исполнял, так сказать, роль статс-секретаря Комитета, удалился в соседнюю комнату, где им была написана прокламация Комитета, помеченная 1 марта.

В то время как он писал, Комитет обсуждал вопрос о воззвании к народу. Обсуждение продолжалось и после того, как Тихомиров прочел прокламацию и она была одобрена Комитетом и отправлена для напечатания в типографию «Народной воли».

После того как были выяснены основы воззвания к народу и намечены главные пункты его, составить его взялись совместно несколько лиц; насколько я помню — Перовская, Исаев и Богданович.

2 и 3 марта Исполнительный комитет для своих совещаний собрался на той же квартире у Вознесенского моста. Кроме неотложных практических дел ему в эти дни приходилось решать дальнейшие вопросы о выпуске воззваний. Прокламация к крестьянству, известная впоследствии под сокращенным названием «Ко всему народу русскому», была принята Комитетом в одном из ближайших собраний и помечена 2 марта.

Возник вопрос об обращении к обществу, в котором должны были быть выяснены сложные мотивы, приведшие к событию 1 марта, и вслед за тем явилась мысль заменить подобное воззвание обращением к новому правительству. Оно должно было дать правительству ясное представление об ошибочности политики, практиковавшейся в царствование Александра II, и вместе с тем открыть ему путь для замены прежнего образа действия иным, мирным и светлым, результатом которого было бы народовластие и свобода России.

Немедленно в собрании Комитета поднялся вопрос, стоит ли обращаться к правительству, есть ли малейшая надежда на то, что предложения Комитета будут им приняты. Никто из членов Комитета не питал такой уверенности; всем упорство русского правительства было хорошо известно; все знали, что отречение от византийства можно вырвать у него только силой. Тем не менее

Комитет решил обратиться к правительству, открывая для него возможность с честью закончить борьбу, завязавшуюся между ним и русской революционной партией, за которой стояли если не самолично все жители страны, то, несомненно, жизненные интересы всего народа. Обществу же, таким образом, доставлялся случай стать судьей обеих борющихся сторон.

Поручение Комитета взялись исполнить два лица — Грачевский и Тихомиров. Чтение обоих произведений в Комитете состоялось на конспиративной квартире в Коломне. Собрание происходило днем 7 или 8 марта. На нем присутствовали: С. Л. Перовская, Суханов, Т. Ив. Лебедева, Исаев, Грачевский, Фроленко, Тихомиров и хозяева квартиры — С. Златопольский и я. В. Н. Фигнер в этот день не могла прийти, так как дела задержали ее дома.

Присутствовавшие не одни составляли тогдашний Исполнительный комитет. Некоторые из его членов находились в то время в Москве и других городах России.

Первым читал свой проект обращения к правительству Грачевский. У него изложение причин, приведших к 1 марта, было выполнено обстоятельно и недурно. В Общем же проект его не получил одобрения Комитета.

Тихомиров придал обращению к правительству форму письма, которая была найдена удачною, самое изложение большинством присутствовавших было признано удовлетворительным, и выбор Комитета окончательно остановился на произведении Тихомирова. Во время прений, однако, были указаны поправки, которые нужно было внести в текст, и сделаны некоторые возражения, касавшиеся, между прочим, требований, выставленных в конце письма. Особенно горячее участие в прениях принимали Перовская и Суханов.

На этом же собрании Комитет поручил Тихомирову прочесть письмо Н. К. Михайловскому, как одному из редакторов партийного органа «Народной воли». Существенных изменений без согласия Комитета Михайловский не мог внести в текст письма, да он их и не предложил. По словам Тихомирова, Николай Константинович дал лестный отзыв о рукописи и сделал в ней лишь одну или две стилистические поправки, которые были охотно приняты Комитетом при втором чтении письма, которое состоялось на другой день (или через день) после первого чтения, на квартире у Вознесенского моста, где происходили заседания Комитета в первых числах марта и хозяевами которой были Гр. Исаев и В. Н. Фигнер. Эта квартира имеет свою громкую историю благодаря значению, которое выпало на ее долю в тревожные дни начала 1881 года.

При втором чтении кроме вышеперечисленных лиц, бывших при первом чтении, присутствовала также Вера Николаевна Фигнер, но не было Перовской. Ее арест произошел утром 10 марта; этим днем помечено «Письмо Исполнительного комитета к Александру III».

На втором собрании Комитетом была принята окончательная редакция, после чего Грачевский отнес рукопись в типографию «Народной воли» (на Подольскую улицу), хозяином которой он состоял. С тех пор типография работала день и ночь, печатая в большом количестве как письмо, так и воззвание «Ко всему народу русскому».

Один экземпляр письма был особенно тщательно отпечатан на веленевой бумаге и вложен в конверт, на котором значились титул и имя Александра III. Письмо было опущено в почтовый ящик, находящийся у здания думы по Невскому.

Печатается по: *Прибылева-Корба А. П. «Народная воля»: Воспоминания о 1870–1880 гг. М., 1926, с. 57–59.*

П. С. Ивановская
ПЕРВЫЕ ТИПОГРАФИИ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

<…> 27 февраля 1881 г. А. И. Желябов был задержан на квартире Тригони. Жил он в 1-й роте Измайловского полка, № 37, под фамилией Слатвинского, с сестрой Войновой, С. Л. Перовской, покинувшей квартиру на другой день после ареста А. И.

Возвратившийся вечером домой М. Грачевский, немного заикаясь и волнуясь, сообщил про новую партийную утрату. Он принес ключ от квартиры С. Л. [Перовская. — *Сост.*], с тем чтобы немедленно очистить ее. Исполнить это поручение было легко и радостно, а опасности — ни малейшей, да и трудности не было, ибо наше помещение находилось в самом близком расстоянии от них, притом же чистота нашей квартиры подтверждалась всеми.

Мы скопом, всей семьей, при свете едва мерцавшей свечи, прошли не замеченными никем в так хорошо знакомую покинутую квартиру, забрали самые опасные предметы и, окинув прощальным взглядом жилище, тихо замкнули за собой дверь. Все было так тихо, спокойно. Эта чистка, удачное возвращение нагруженными наполнили нас чувством глубокого удовлетворения.

Уходя от нас 28 февраля рано, Грачевский дружески попрощался, советуя не ждать его раньше следующего утра. При выходе из квартиры он немного задержался, как бы припоминая, не забыто ли им чего, потом сказал:

— Как знать, кому выпадет счастливый жребий; быть может, завтра нас никого не останется.

Эти твердо сказанные слова не носили следов грусти или тревоги, они звучали уверенно.

Значительные аресты крупных центральных работников опьяняли правительство. Предупреждающий голос не был услышан ни им, ни царем, вернее — они не хотели его слышать. Через 30 часов по уходе Грачевского раздались громовые один за другим два удара, потрясшие всю страну и сказавшие ей, что смертный приговор царю, вынесенный 26 августа 1879 г., приведен в исполнение. Вряд ли будет ошибочно сказать, что, если бы раньше, до убийства, арестованы были все, но остался бы хоть один, только один член Исполнительного комитета, — и тогда приговор был бы исполнен. Это было неизбежно, этого требовала честь всей страны, честь партии.

1 марта, часов в 10, вернулся М. Ф. [Грачевский. — *Сост.*],

похожий на пьяного, с мутными глазами, еще глубже ушедшими в орбиты; он осунулся, побледнел, позеленел. Молча, слегка пошатываясь, прошел он к своей постели, не раздеваясь опустился, да так и остался неподвижен до утра 2 марта.

Вечером Г. Исаев принес немедленно отпечатать прокламацию о казни Александра II и письмо Исполнительного комитета Александру III.

С огромным интересом набиралось это письмо, и требование на него все росло. Первый выпуск состоял из 10 000 экз., потом печатались еще и еще новые оттиски. Отовсюду в течение долгого времени поступали требования на него.

Посещение и работа Г. Исаева в типографии кончились 1 апреля. Его арестовали на улице. Для обнаружения его места жительства, его квартиры, в градоначальство, где в первые за арестом дни содержался Г. Исаев, вызывался весь персонал дворников. Со 2 апреля началось уже с 9 часов утра движение дворников из нашего участка. Мы наблюдали, как наш грузный старший с младшими подручными своими неторопливо отправлялись опознавать, не жил ли в их доме задержанный неизвестный. Нечего и говорить, с каким тревожным нетерпением ожидали мы возвращения их. Лилочка [Л. Д. Терентьева. — *Сост.*] то и дело придумывала разнообразнейшие поводы спуститься во двор, то и дело заглядывала в дворницкую. Наконец они возвратились, сняли свои праздничные наряды, бляхи и принялись за домашнюю работу. Скоро постучался в дверь кухни младший дворник с дровами. Извиняясь за опоздание, он не удержался поделиться с Лилочкой необычайной важности событием. Вызывали всех дворников участка в градоначальство, не узнает ли кто из них в предъявляемом человеке своего жильца или не известна ли им эта личность.

— Ну и что же? — нетерпеливо спросила Лила.

— Кто его знает! Из нашего участка никто не признал, вполне незнакомый господин. А народ, что стадо на водопой, так и прет, так и прет, даже ужасти… любопытствует…

Потом стало известно, что до обеда пускали всех с улицы «поглядеть». Григорий Исаев осатанел, начал высмеивать, зло вышучивать подходивших к нему добровольцев. Вот двигается к столу купецкое степенство с видом каракатицы.

— А, здравствуйте, здравствуйте! — приветствует его Исаев. — Как поживаете?

Каракатица изумленно таращит глаза:

— Не помните ли, книги-то запрещенные приносил вам прятать, забыли?!!

Две курсистки, знакомые Григория, подошли вплотную к

столу и лишь обменялись с ним выразительными взглядами. После рассказывали, что он среди комнаты стоял на столе,[26] утомленный, изнемогший, а к вечеру настолько плохо держался на ногах, что его два человека поддерживали под мышки, почти висящего.

Эти смотрины тянулись до полудня 3 апреля, когда в очередь пришли дворники Вознесенского участка.

3 апреля — день, оставшийся навсегда памятным для каждого русского человека: мы вошли в квартиру Исаева, с величайшей настойчивостью отыскиваемую охранкой. В одной из комнат на полу было сложено в узлы все, что необходимо требовалось унести. Мы имели адрес и пароль «от Синенькой», куда и кому сдать вещи. Взяв два больших узла, поодиночке, один за другим, вышли из квартиры. Большой двор, точно вымерший, был пуст и спокоен, улицы безжизненны, движения ни малейшего. На Захарьинской или Сергиевской улице (точно не помню), надо думать, были предупреждены, ибо на звонок дверь быстро отперла сама хозяйка. Совсем неожиданно она оказалась знакомой по курсам. Любезно, без малейшей тени смущения, приняла она вещи и нас, очень сердечно предложила отдохнуть немного. Разговор тотчас же коснулся недавно окончившегося процесса первомартовцев. Величайший восторг, изумление перед беспредельным величием поведения на суде Кибальчича, которого она знала раньше и которого сегодня будут вешать, потряс ее глубоко. Обхватив руками голову, она неудержимо горько разрыдалась. В те дни наступившей ненадолго весны город снова был сильно взбудоражен. До крайности пробужденный интерес вращался вокруг недавно окончившегося процесса первомартовцев, отдельных его лиц, участников цареубийства 1 марта. Подъем был чрезвычайный и общий, каждый, разумеется, отражал события на свой лад, как зеркала разной формы отражают предметы различно. Но и то радостно было, что событие заставило каждого думать, очнуться от долгой и глубокой летаргии, пусть даже возмущаться событием — все же это было проявлением своей совести.

На обратном пути домой, когда под влиянием всего пережитого мы медленно шли по Царскосельскому, мы внезапно заметили двигающиеся нам навстречу толпы. Народ покидал Семеновский плац. Солдаты возвращались с ухарскими песнями и бравурной музыкой. Стало все ясно. Закрыв глаза рукой, Лилочка сказала голосом жгучей тоски:

— Я хотела бы больше всего умереть вместе с ними, вон там! — указала она движением головы на Семеновский плац, место казни первомартовцев.

Третьего апреля от имени Исполнительного комитета вышла прокламация по поводу смертной казни цареубийц. В ней извещалось, между прочим, что партия будет продолжать борьбу, и все общество призывалось помочь ей в этой борьбе.

Пассивное, запуганное общество не отозвалось на этот призыв Исполнительного комитета, предоставляя партии право быть съеденной без остатка. Не поддержанная, партия своими одиночными и с каждым днем иссякающими силами кончила борьбу. Физически, разумеется, она гибла; но в этой неравной борьбе для каждого становилось ясным, что кроме царя, охранок и чиновников в России еще существует какое-то сообщество, именующее себя социально-революционной партией, и что нравственная победа осталась за ней. Последняя означала, что задачи, которые ставила партия, цели, к которым она стремилась, были верны и исторически неизбежны. Ударом своим в центр партия «Народная воля» не только на всю Россию, но и всему миру громко крикнула: «России и русскому народу нужна политическая свобода и полное раскрепощение страны!»

Как только разрушение началось, оно росло и росло с быстротой брошенного с горы камня. Кругом все падало, люди гибли, рвались бомбы, взламывались двери. Прошел март, прошел апрель, с ужасающими беспрерывными арестами самых крупных членов центра партии.

Порой наше положение начинало казаться несколько загадочным, странным: ведь большинство уже арестовано, а мы невредимы, точно завороженные. Однако всему наступает конец, наступил и наш черед. 2 мая, пообедавши, Лилочка ушла из дома. Она никогда не нарушала часа, в который все мы собирались у своего очага, но на сей раз не вернулась. Мы перебрали всякого рода правдоподобные случайности. Было уже поздно, всевозможные для ее возвращения сроки прошли — очевидно, она арестована… Жестокий сумрак спустился над нами…

Говорили после, будто ее арестовали на улице, смешав с А. В. Якимовой, но вряд ли дело произошло так. Перед самым арестом М. Н. Тригони Л. Терентьева относила ему литературу и при выходе от него была замечена шпиком, хорошо запомнившим ее фигуру и черты лица. Возможно, что она была встречена этим шпиком. Необходимо было принимать меры. Раньше всего Грачевский пошел предупредить и посоветоваться с оставшимися еще в живых, но снимавшимися уже со своих мест. Он скоро вернулся с определенным указанием немедленно бросить квартиру. Спасти типографию не представлялось возможным. Медлительный в своих движениях Грачевский начал разбирать бумаги. Все самые важные рукописи, тетради с показаниями

предателей шли в портфель, остальные накопленные груды бумаг сжигались в разведенной печи. Требовалась осторожность, чтобы огненные листы не взметались из трубы на крышу и не были бы замечены пожарными. Молча, тихо, как в доме умершего, двигались мы по темным, сразу ставшим мрачными и холодными комнатам. С тоской думали о страшной потере, гибели людей, крушении так прочно налаженной машины.

В ранний час, когда обычно у нас еще никто не пробуждался, с парадного хода раздался резкий, пронзительный звонок. Грачевский, немного помешкав, сам опросил и отпер дверь, впустив младшего, всегда обслуживавшего нашу квартиру, дворника. Он был в некотором смущении, что не по поводу домашних работ, а для другого явился к нам.

— Так что, — начал он, — должен вас спросить, все ли у вас дома?

— А куда же мы денемся? — в свою очередь спросил Грачевский. — Дома, дома, вон и жена, — показал М. Ф. в открытую дверь моей комнаты, через которую меня было видно. Успокоенный дворник объяснил свое раннее посещение полученным от градоначальника приказом проверить во всех квартирах жильцов, все ли налицо.

Спустя два часа по проверке мы покинули свою типографию, свое опустевшее, разоренное гнездо. Из всех работников этой нелегальной квартиры всего только мы двое выходили отсюда по своей воле. Другие, с нами разделявшие часто долгие ночи труда и опасностей, захваченные где попало в самый бурный момент борьбы, навсегда пленниками потонули в глубочайшем мраке. Для них о жизни был покончен вопрос.

Не промедлив ни минуты, Грачевский снял в цирюльне бороду, усы, брови и с первым отходящим поездом уехал в Москву.

Печатается по: *Каторга и ссылка, 1926, № 24, с. 53–57.*

ПОКАЗАНИЯ В. ФИГНЕР ПО ДЕЛУ 1 МАРТА

По распоряжению Комитета 1 марта я должна была оставаться до 2 часов дня дома для приема Кобозевых, так как она должна была выйти из магазина за час до проезда государя, а он — вслед за сигналом, что царь показался на Невском; сомкнуть же электрический ток должно было третье лицо, которое могло выйти из лавки в качестве постороннего человека, в том случае, если б ему не было суждено погибнуть под развалинами взрыва, произведенного его рукой. Но ни Богданович, ни Якимова к нам не явились; воротился Исаев и с ним несколько сигналистов с известием, что царь мимо лавки не проехал и что из манежа он проследовал домой. Упустив совершенно из виду, что они не изучали и не следили за последующим маршрутом государя и что они не оповещены о последнем решении комитета — действовать на определенном месте обратного пути бомбами, я ушла из дому, думая, что покушение не состоялось вследствие каких-нибудь непредвиденных причин.

Когда я шла по улицам, то все было покойно; но через полчаса после того, как я зашла к знакомым, к ним явился человек с известием, что были какие-то два удара, похожие на пушечные выстрелы, и что на улицах идет молва, что царь убит, и что происходит уже и присяга наследнику.

Я бросилась к своим; на улице повсюду шел говор и было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о смерти, о крови. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как многие другие: тяжелый кошмар, давивший в течение десяти лет, на наших глазах, молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников — все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч — реакция должна была кончиться, чтоб уступить место обновлению России.

В этот торжественный момент все наши помыслы были сосредоточены на надежде в лучшее будущее родины. Через короткое время приехал Суханов, радостный и возбужденный, обнимавший всех с поздравлениями по поводу этого будущего. Редактированное через несколько дней письмо к Александру III достаточно характеризует общее настроение петроградских членов партии в период, последовавший за 1 марта. Оно составлено с умеренностью и тактом, вызвавшим сочувствие во

всем русском обществе. Опубликованное на Западе, оно произвело сенсацию во всей европейской прессе; самые умеренные и ретроградные органы заявили одобрение требованиям русских нигилистов, находя их разумными, справедливыми и значительной частью свежей вошедшими давным-давно в повседневный обиход западноевропейской жизни.

3 марта Кибальчич принес на нашу квартиру весть, что открыта квартира Гельфман (на Тележной ул.), что она арестована, а Саблин, беззаботный весельчак, вечно игравший в остроумие, застрелился. Он рассказал также о вооруженном сопротивлении человека, явившегося в дом после ареста Гельфман и оказавшегося рабочим Михайловым. Первою мыслью лиц, знавших состав посетителей квартиры Гельфман, имевшей специальное назначение и потому для большинства агентов неизвестной, было, что она указана Рысаковым. Ввиду этого соображения Комитет отменил свое решение, чтоб Кобозевы оставили свою лавку лишь после того, как мина будет очищена от динамитного заряда: они должны были не только бросить ее в тот же день, но вечером же выехать из Петербурга. В три часа зашел Богданович, чтоб проститься со мной перед отъездом, — он выезжал первым. С тех пор я не видалась с ним до октября и ноября того же года, которые я провела в Москве, где находился и он: это было в последний раз, потому что, когда я явилась в конце марта 82 года в Москву, то он был уже арестован. Вечером 3 марта на квартиру зашла Якимова, чтоб переменить костюм перед выездом: она заперла лавку, чтоб уже не возвращаться. В тот же день из Петербурга были высланы Комитетом еще некоторые агенты. Прошло не более недели — и мы потеряли Перовскую, предательски схваченную на улице. Вслед за ней погиб Кибальчич, как говорят, по доносу хозяйки; у него был арестован Фроленко. Потом был взят Иванчин-Писарев.

Тогда мы считали, да и теперь считаем, что у правительства был человек, знавший многих агентов в лицо и указавших их на улице [В. А. Меркулов. — *Сост.*]. Поэтому многие из нас, по предложению Комитета, должны были выехать, в том числе и я. Но все мы были одушевлены желанием воспользоваться горячим временем для организационных целей партии: мы видели вокруг себя сильнейший энтузиазм; смиренные агенты, люди пассивные и индифферентные, расшевелились, просили указаний, работы; всевозможные кружки приглашали к себе представителей партии, чтоб войти в сношения с организацией и предложить ей свои услуги. Если бы честолюбие было руководящим мотивом членов партии, то теперь оно могло бы насытиться, потому что успех был опьяняющий. Тот, кто не пережил с нами периода после 1 марта,

тот никогда не составит себе понятия о всем значении этого события для нас как революционной партии. Понятно, что удаление в такой момент из Петербурга было тягостно для всякого человека, верящего в свои силы и думающего, что интересы дела требуют его присутствия, даже вопреки требованиям благоразумия. Поддерживаемая Сухановым, я представила Комитету такие аргументы в защиту моего желания остаться на месте, что Комитет разрешил мне это, но, к сожалению, не надолго. 3 апреля Григорий Исаев не вернулся домой: он был схвачен, как потом я узнала, каким-то предателем на улице, подобно некоторым другим агентам, погибшим в течение марта месяца. Так как во избежание беспокойств и недоразумений мы придерживались правила, что хозяева общественных квартир не имеют права проводить ночь вне дома без предварительного уговора об этом, то в 12 часов ночи 3 апреля я уже не сомневалась, что Исаев арестован.

В это время наша квартира в силу разных обстоятельств превратилась мало-помалу в склад для всевозможных вещей: после ликвидации рабочей типографии к нам был перенесен шрифт и прочие ее принадлежности; когда закрылась химическая лаборатория, Исаев привез к нам всю ее утварь и большой запас динамита; Перовская передала нам же все, что сочла нужным вынести из своей квартиры; после ареста Фроленко мы получили половину паспортного стола; в довершение всего, вся литература, все издания шли из типографии «Народной воли» к нам и наполняли громадный чемодан, найденный пустым в нашей квартире. Такое богатство не должно было погибнуть, я решила спасти все и уйти из квартиры, оставляя ее абсолютно пустой.

4 апреля, вместо того чтоб искать кого-нибудь из своих, я решилась ждать прихода к себе и принялась приводить революционное имущество в удобовыносимый вид. Был уже 1 час дня, когда на квартиру зашел агент.[27] Он сообщил мне, что товарищи считают меня уже погибшей, так как с раннего утра дворники дефилируют перед арестованным накануне молодым человеком, отказавшимся назвать себя и указать свою квартиру. По описаниям дворников, уже побывавших у градоначальника, никто не сомневался, что это Исаев. Тем не менее он, пришедший, одобрил желание спасти вещи; я просила его дать знать об этом Николаю Евгеньевичу Суханову, как человеку столь энергичному и решительному, что самое невозможное кажется ему всегда возможным.

Через несколько часов Суханов явился и, со своей обычной распорядительностью, в течение двух часов удалил с квартиры все; остались два узла с вещами, не представлявшими особой

ценности. Это было уже в 8 часов вечера. Тогда он потребовал, чтоб я тотчас же ушла из дома; но я не видела никакой нужды уходить до утра, потому что была уверена, что Исаев квартиры не назовет, а непоявление до сих пор полиции объясняла тем, что дворники нашего дома еще не собрались пойти на призыв; я думала, что ночью Исаеву дадут покой, И потому не видела риска оставаться у себя. После этих аргументов Суханов оставил меня, обещав наутро прислать двух барынь за остальными вещами. Поутру 5 апреля, когда я вышла осмотреть окрестности, то в воротах стояло щедринское «гороховое пальто», делавшее внушение дворникам: «Непременно до 12 часов! Непременно до 12 часов!» Было ясно, что дворников зовут на осмотр! Тогда я подала условный сигнал, что квартира еще безопасна, и в нее тотчас же вошли две знакомые и унесли последние узлы, прося меня не медлить уходом. Дождавшись и спровадивши под приличным предлогом женщину, которая приходила убирать нашу квартиру, я вышла, заперев свое опустошенное жилище. Говорят, что власти прибыли на квартиру, когда еще не остыл самовар, из которого я пила чай; они опоздали на 1 или полтора часа. Прогресс громадный в сравнении с Самарой и с Саратовом. [28] Этот день, 5 апреля, был днем казни наших цареубийц. Когда я вышла из дома, то народное зрелище уже кончилось, но всюду шел говор о казненных, и в то время, как сердце сжималось у меня от воспоминаний о Перовской и Желябове, мне пришлось в вагоне конножелезных дорог видеть искаженные лица и слышать исступленные речи того, что Суворин и Катков называют народом и что мы именуем Сенной площадью и Охотным рядом. После 5 апреля я оставалась в Петербурге еще до конца месяца, когда я уехала на юг.

Печатается по: *Былое, 1917, № 4, с. 70–75.*

В. И. Дмитриева
МАРТОВСКИЕ ДНИ

<…> Это был странный и страшный день. Воскресенье. Утром зашел ко мне Караулов и пригласил идти с ним в Измайловский полк на сходку, где должна была собраться сочувствующая «Народной воле» молодежь. Отправились. Было солнечно и тепло. На улицах копошилась обычная праздничная толпа. Невский был полон гуляющими. Звонили колокола в церквах. Шли мы пешком, — как у меня, так и у Караулова было хроническое безденежье. К двенадцати часам добрались до места. Не помню ни улицы, ни дома, где происходила сходка; помню только, что, когда мы пришли, народу собралось уже человек пятьдесят, большая комната была битком набита, табачный дым стоял столбом, а публика все еще продолжала прибывать. Знакомых мне лиц почти здесь не было, исключая Личкус, Караулова и еще одного студента из их кружка, украинца, наружностью очень похожего на еврея. Мы с ним уселись на подоконнике и мирно разговаривали, удивляясь, почему так долго не начинают. Очевидно, кого-то ждали, потому что при каждом звонке все головы поворачивались к дверям и разговоры на минуту смолкали. Но так и не дождались. Прозвенел звонок, и вместо ожидаемого лица в комнату не вошел, а ворвался студент-технолог и прерывающимся голосом произнес:

— Царя убили. Взрывы… Там, сейчас… На Невском…

В один миг все перепуталось и смешалось. Одни окружили студента и стали расспрашивать его о подробностях; другие устремились в переднюю, разбирали свою одежду, куда-то бежали.

— Пойдемте, — сказал Караулов.

— А сходка не состоится? — спросила я.

Караулов ничего не ответил и тащил меня в переднюю. Мы вышли, студент-украинец присоединился к нам.

— Пойдемте в Технологический, там узнаем, — предложил Караулов.

Не знаю, что чувствовали другие, но меня пробирала дрожь. Казалось, что вот сейчас должно что-то начаться… революция, баррикады… надо что-то делать, куда-то бежать, спешить… И мне показалось очень странным, когда в столовой Технологического института, куда мы пришли, я застала обычную картину: звяканье тарелок и стаканов, толкотню у стола, где продавались марки на кушанья, жующих людей… Еще более странным было то, что

украинец тоже купил марки, и нам подали борщ и какие-то битки с луком. Царя убили… и битки с луком…

Появление раскрасневшегося, растрепанного технолога несколько нарушило будничное течение жизни столовой. Он только что прибыл оттуда, с места взрыва, и торопливо, задыхаясь, рассказывал подробности.

— На стол! На стол! — закричали ему.

Он влез на стол и начал рассказывать. Что царь убит — несомненно. Брошены две бомбы на Екатерининском канале. Один метальщик тоже убит на месте, другой схвачен. Вся мостовая изрыта взрывом, карета царская в обломках. Он там и был и видел… Теперь это место оцеплено, никого не пускают.

— Пойдемте, пойдемте туда, — торопила я своих спутников.

Но Караулов сказал, что ему надо куда-то спешить; мы с украинцем ушли вдвоем.

На Загородном и Владимирской было пусто, зато Невский кишел народом. Все бежали туда, по направлению к Зимнему дворцу. На лицах было написано удивление, смешанное с испугом. Кто-то сказал: «Жалко, театры, наверное, теперь закроют».

Когда мы около Екатерининского канала протискивались сквозь толпу, по нашему адресу послышались враждебные возгласы:

— Это всё жиды да студенты. Избить бы их, этих стриженых…

Мой спутник принял эти возгласы на свой счет и сказал нерешительно:

— А знаете что, не повернуть ли назад? Изобьют, пожалуй, черти.

Я воспротивилась; я все еще чего-то ждала и тащила его все дальше и дальше.

Мы прошли к Дворцовой площади через Александровский сад и влились в молчаливую толпу, густыми шпалерами опоясавшую все огромное пространство перед дворцом. Толпа была настроена молчаливо и загадочно; не было слышно ни разговоров, ни соболезнований, ни смеха; все стояли плечо к плечу, тупо смотрели на дворец с развевающимся на нем штандартом, на проносившиеся по площади экипажи с военными в плюмажах и тоже чего-то ждали. Всколыхнулись лишь тогда, когда под аркой Главного штаба что-то произошло и туда поскакали конные жандармы. Должно быть, оттуда разгоняли, потому что из-под арки кучками выбегали люди и устремлялись в нашу сторону.

— Что там такое? — слышались тревожные возгласы.

— Ничего, студента били.

— А может, из ихних кто.

— Кто его знает. В красной рубахе…

Украинец съежился и еще глубже нахлобучил свою шапку.

— Пойдемте, что ль. Ничего не будет.

Но в эту минуту толпа опять всколыхнулась.

— Флаг, флаг спущают… Кончился, должно…

Мы подняли головы; действительно, штандарт медленно спускался со шпиля. По толпе пронесся вздох, некоторые снимали шапки, крестились; чей-то бабий голос жалостно закричал:

— Кончился наш голубчик, царство ему небесное, Доконали злодеи…

Никто не отозвался на этот вопль. «Народ безмолвствовал», не выражая ни особенной скорби, ни радости — ничего, кроме самого обыкновенного обывательского любопытства. Я думаю даже, что отдельные случаи избиений студентов в этот день являлись не выражением народного гнева против цареубийц, а просто носили провокационный характер. Народ проявил полное равнодушие к факту цареубийства, и, когда спуск штандарта возвестил ему о кончине освободителя, он начал спокойно расходиться.

Больше ничего не было — ни баррикад, ни революции… И глухая тоска о несбывшемся черной тучей вползала в сердце…

Вечер прошел в такой же тишине и тоске. Театры были закрыты, улицы безлюдны, город молчал. Только у меня за стеной друг хозяйки ругал цареубийц и придумывал для них всевозможные казни.

Потянулись мрачные, суровые дни. Газеты в траурных рамках были полны подробностей о свершившемся. Сообщали о многочисленных арестах. Были арестованы Желябов, Перовская, Кибальчич, Гельфман, Тригони… Застрелился Саблин. Полный разгром… Никто ничего не понимал, пока не выяснилось, что выдает Рысаков… Тяжело переживалось это время. Но вот вышел манифест «Народной воли» — немного отлегло от сердца. Значит, еще не все кончено.

Караулов вызвал меня на квартиру одного из членов своего кружка, фамилию которого я забыла, и мы с ним весь день и всю ночь запечатывали в конверты народовольческий манифест, надписывали адреса земских, губернских, уездных и должностных лиц, наклеивали марки, а потом потихоньку уносили их и разбрасывали по почтовым ящикам в разных концах города. Целая кипа их всегда хранилась у меня во внутренних карманах пальто и за обшлагами рукавов, я разбрасывала эти тоненькие, длинные листочки, пахнущие типографской краской, где только могла: в библиотеках, в столовых, под приборами, на улицах в людных местах, приклеивала на заборах в фабричных кварталах,

совала в карманы верхнего платья посетителей кухмистерских, однажды даже ухитрилась — это уже просто из-за мальчишеского озорства — засунуть за обшлаг шинели жандармского офицера, который ходил обедать в немецкую столовую на Литейном.

Что эти посылки доходили иногда по назначению, в этом я убедилась, когда года через два после того мне пришлось побывать на своей родине, в селе Завьялове Балашовского уезда. Дедушки уже не было на свете, но там еще жил дядя, Иван Гаврилович Печаткин, и вот он мне рассказал, какой переполох вызвала в селе полученная из Питера бумажка от партии «Народной воли» — крестьяне называли ее «волшебной». В волостном правлении сначала не поняли, в чем дело: смутило заглавие «Манифест», и она была громогласно прочитана на сходе. Потом лишь сообразили и уничтожили бумажку, но Завьялово еще долго волновалось и обсуждало событие на все лады, так что даже приезжал становой разъяснять мужикам злодейский умысел бунтовщиков, убивших царя-освободителя, и успокаивать их возбужденные умы. То же самое, говорят, было и в соседнем селе, Турках, возможно, и в других селах, известных мне по моему учительству, куда я направляла свою корреспонденцию.

И все-таки ничего больше не было. Брошено было только семя, которое взошло лишь много лет спустя.

Печатается по: *Дмитриева В. И, Так было. М., 1930, с. 203–294.*

П. А. Аргунов
В ДНИ ГЛУБОКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ
(Из воспоминаний о 1881 г.)

В 1881 г. я был в последнем (8-м) классе. Наш немноголюдный класс помещался в верхнем этаже, выходил на обширную площадку лестницы. Была «большая перемена» (получасовой перерыв между уроками); я с товарищами стоял на площадке, когда в нижнем этаже, где расположено было большинство классов, началось какое-то особенное движение, как будто тревога, которая, оборвавшись, сменилась тишиной. К нам по лестнице влетел помощник классных наставников (надзиратель) и объявил «горестную весть», только что полученную генерал-губернатором, о гибели царя…

Мы были ошеломлены. Разговоры смолкли. Некоторые, в том числе и я, чтобы скрыть свое волнение, отвернулись в сторону лестницы и, опершись на перила, бесцельно смотрели в пространство. Как будто хотелось в этой толпе остаться одному и передумать и перестрадать в одиночку это потрясающее известие…

С тех пор прошло пятьдесят лет, но я отчетливо помню все подробности этого дня.

С кем-то из товарищей, стоявших поблизости, после некоторого молчания я обменялся первыми думами. Нас мучил вопрос о цели этого террористического акта, сопряженного с такими жертвами для революционеров.

— Ну, убили одного, вступит другой… Стоит ли это жертв?

Но на этом, можно сказать, обывательском сомнении уже и тогда я не мог остановиться: именно самоотверженность террористов и их тяжкие жертвы и заставляли предполагать, что дело совсем не в устранении «одного», а в чем-то более сложном и важном. В чем именно — тогда я еще не мог понять и, сам наблюдая полный переполох вокруг, не догадывался, что хорошая встряска застоявшегося российского болота всегда входила в расчеты русских революционеров.

Занятия в гимназии, конечно, были прерваны, и нас всех отправили на церковную церемонию. К вечеру, по обыкновению, ученики должны были готовить уроки, но старшие были выбиты из колеи, и о занятиях никто не думал.

Я сидел с одним из товарищей в зале, служившей для пенсионеров столовой. Мы были одни, но от откровенной беседы воздерживались, так как поблизости была дверь в квартиру

воспитателя. Но со своим повышенным, как бы вздернутым настроением мы уже не могли совладать. В нем было что-то вызывающее. «Горестное известие» дало толчок к протесту, давно затаенному, против всего отвратительного режима гимназии и против этого общего, столь лицемерного, похоронного уныния. Мы с товарищем нарочито громко говорили, хохотали, пробовали петь, наконец я взял гитару, бывшую в нашем распоряжении, и начал наигрывать веселые мотивы…

Наш воспитатель, может быть давно таившийся за дверью, не выдержал. Весь красный от волнения, он направился к нам и стал читать мне нотацию:

— В такой день вы позволяете себе веселиться, играть и чуть ли не плясать!..

В сношениях с начальством я был сдержанным («характера сдержанного» — такую характеристику мне дало потом и гимназическое начальство при окончании курса), но тут вдруг я почувствовал, что перестаю владеть собой. Не дослушав нотации воспитателя, я выпалил ему свою контрпретензию, в которой резко заговорил о наветах, о сыске, доносительстве и прочих методах нашего воспитания. Речь свою, довольно бессвязную, я не успел окончить, потому что почувствовал себя дурно… Спазмы сдавили горло, и я бросился в спальный зал, сопровождаемый воспитателем. Едва я добежал до своей кровати, как упал на нее в сильной истерике. Рыдания потрясали меня, и слезы полились в таком изобилии, точно меня кто-то поливал водой. Воспитатель в недоумении смотрел на эту сцену, но догадался оставить меня в покое. Я вообще не был «плаксой», но никогда до этого и никогда после я так не плакал, хотя мне не раз приходилось переживать тяжкие моменты.

Конечно, я имел основание после этого ожидать неприятных для себя последствий: через три-четыре месяца я должен был получить «аттестат зрелости», и мое поведение, столь не соответствующее официальному моменту, могло быть истолковано очень невыгодно для моей «зрелости». Но, по-видимому, начальство нашло не совсем удобным накануне выпуска подвергать каре одного из лучших учеников, для которого даже заготовлена была заблаговременно медаль (ее я потом и получил на торжественном акте).

С тех пор много-много воды утекло, и вот теперь, уже в старости, воскрешая в своей памяти подробности дня, я вижу, какое потрясающее впечатление и сколько глубоких переживаний событие 1 марта 1881 г. дало юноше, обычно уравновешенному, и каким могучим толчком оно явилось для его «образа мыслей» и

всей последующей жизни.

В августе 1881 г. я был уже студентом Московского университета. Здесь, в среде радикальной молодежи, собравшейся со всех концов тогдашней России, акт 1 марта обсуждался с таким живым интересом, точно он совершен был не полгода назад, а только на днях. Помню, на тайных сходках, где дискутировались программные вопросы революционных групп, первым неизменно ставился вопрос: как отнестись к событию 1 марта?

И я не помню, чтобы тогда этот вопрос вызывал сколько-нибудь серьезные разногласия. <…>

Печатается по: *Каторга и ссылка, 1931, № 3, с. 142–144.*

Н. С. Русанов
СОБЫТИЯ 1 МАРТА И НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ШЕЛГУНОВ

<…> Я припоминаю один вечер у Шелгунова, Когда он жил уже вместе с семьей в большой квартире. Собралось довольно много литераторов-социалистов, офицеров, студентов и студенток и два крупных нелегальных народовольца, которых полиция тщетно пыталась словить. Один из них был покойный Ланганс; другой — ныне здравствующее лицо, которое мне придется, по некоторым соображениям, скрыть под тогдашним его политическим псевдонимом — Николая Александровича Зыбина. Роль Зыбина заключалась в пропаганде народовольческих идей и в вербовке сторонников среди «общества», главным же образом в литературных сферах. И эту роль он исполнял с редким мастерством… Дело было в половине февраля 1881 года. Много пили, много танцевали и еще больше говорили о политике. Хорошее это было время: даже тот, кто не верил в близость социальной революции, ждал с часу на час политического переворота. Довольно большое число из гостей Шелгунова знали о том, что «Народная воля» поставила решительный ультиматум правительству: смерть абсолютизму или скорая смерть царю. И кое-кто из нас знал, что катастрофа была ближе, чем думали в публике. За ужином живой как ртуть Зыбин, лихо отхватив перед тем мазурку и закончив ее трепаком, сказал несколько горячих слов о значении современного момента и поднял бокал за «разрушение старой России». Все оживились, и Шелгунов в пылу разговоров провел очень удачную параллель между цивилизаторской деятельностью Петра I и революционной деятельностью народовольцев. Замечу, что Шелгунов, пламенный западник, вообще очень любил Петра: это был в некотором роде герой его исторического романа. «Мне совсем не нравится Петр как царь, — сказал он на этот раз, — но я преклоняюсь пред ним как пред диктатором. В чем была сила его? В том, что он разбил старые формы Московской Руси и ускорил естественный ход вещей, в двадцать лет сделав то, что московские цари тяпали бы да ляпали целых двести. Теперь же я готов кричать „ура“ народовольческой диктатуре: дело русских социалистов-революционеров — разбить устарелые для нашего времени нормы петербургской империи и вытащить на свет божий новое общество».

Две недели спустя Шелгунов зашел ко мне в воскресенье —

дело было 1 марта 1881 года, — и мы отправились с ним пройтись на Невский. Мы были на углу Екатерининского канала… Вдруг раздался какой-то необычный гул, и мимо нас с гиком, со свистом, давя прохожих, промчалась бешеным галопом сотня казаков, копья вперед, шашки наголо. Обоих нас, точно электрический ток, пронизала одна мысль: должно быть, покушение. Мы не ошиблись. Казаки были вызваны по телеграфу к Зимнему дворцу. Навстречу нам бежал народ, рассыпаясь по улицам, по переулкам, торопясь сообщить что-то друг другу, встречным знакомым и незнакомым, и все это с каким-то таинственным видом. Местами образовывались кучки; слышалось: «Убили… Нет… Спасен… Тяжело ранен…» Я до сих пор не могу забыть выражения лица Шелгунова. Его глаза смотрели напряженно вдаль, точно старались разглядеть, что делалось за извилиной канала. Тонкий нос, острый подбородок, казалось, впивались в пространство. Бледен он был смертельно. Я понимал его: неужели новое неудачное покушение и, может быть, новая ненужная кровь и новые ненужные жертвы?..

Нам безумно хотелось бежать вперед, все вперед, туда, где совершался великий акт русской трагедии. Не знаю, как Шелгунов, но мне казалось, что я с ума сойду, если сейчас же не узнаю, чем кончилось там. Мы пробежали с ним несколько шагов, как нам навстречу попался знакомый редактор либерального «Церковного вестника», Поповицкий. На его лице было написано какое-то мучительное и пугливое недоумение. Он бежал, как оказалось после, предупредить своих домашних и, тяжело дыша в енотовой шубе, махал меховой шапкой. Должно быть, он упал перед этим: по его лицу катились капли пота, верноподданнические слезы и маленькие ручейки от приставшего к лицу и растаявшего грязного снега. «Сейчас увезли… очень ранен… государя убили, наверно, убили… Сам видел; другого арестовали, а тот сам убил себя», — лепетал плачущий либерал без шапки. Мы сели на извозчика и доехали до квартиры Шелгунова вместе. О том, что государь тяжело ранен, знали уже почти все прохожие. По улицам бежали городовые и гвардейцы и запирали наскоро портерные, кабаки, харчевни: правительство боялось бунта и думало, что покушение было только сигналом восстания. Один извозчик закричал другому, везшему одного моего приятеля из «Отечественных записок»: «Ванька, дьявол, буде тебе бар возить: государя на четыре части разорвало…»

В шесть часов вечера я был у Шелгунова, где собралось несколько близких друзей его из литераторов и кое-кто из революционеров. Шелгунов был сдержан, но, очевидно, внутренно доволен, и если не показывал большой радости, то по

врожденному чувству такта. Но он был гораздо более озабочен, чем его друзья, по большей части младшие по возрасту. Он задавался уже вопросом: «Что же дальше, что делать, что предпринять, на что рассчитывать?» Большинство литературной братии отдавалось, напротив, всецело чувству радости и строило самые радужные планы. Старик Плещеев и соредактор Николая Васильевича по «Делу» Станюкович особенно врезались мне своим оптимизмом в памяти. Странное дело: революционеры представляли на этом собрании единственно серьезный критический элемент и напирали на то, что, мол, нельзя же только ликовать да ликовать, нужно и поразобрать промеж себя работу для возможного давления на правительство в печати, покамест не ушло время. Кстати сказать, даже такой на редкость умный человек, каким был Михайловский, еще несколько дней спустя утверждал, что «на этот раз на нас идет революция». И ему вторил своими картинными выражениями веселый, как никогда, Глеб Успенский. Но возвращусь к беседе у Шелгунова. Николай Васильевич в своем несколько скептическом, но действенном отношении к событиям был согласен скорее с революционерами, чем с записными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движению. К тому времени принесли уже правительственную телеграмму в первом, неисправленном еще издании, которая начиналась курьезными словами: «Воля Всевышнего свершилась; Господу Богу угодно было призвать к себе возлюбленного монарха». Телеграмма была встречена с большим оживлением; кто-то сострил даже: «Народная воля — воля божия…»

Увы, и на этот раз, и с этой узловой точки Россия двинулась в сторону реакции. Восстания не происходило, общество лишь «сочувствовало», пока наконец Александр III не заявил своим манифестом от 29 апреля, что он решил «стать бодро на дело управления… с верою в силу и истину самодержавной власти». В эти два месяца Шелгунов употреблял все усилия, чтобы пресса настойчиво заявила о необходимости нового политического режима. И отчасти благодаря его стараниям, которые опирались на подобную же тактику писателей-социалистов и чистых народовольцев, составлявших тогда радикальную коалицию «Дела», «Слова» и «Отечественных записок», литераторы социалистического и революционного направления временно разобрали между собою в печати роли либерального репертуара. В «Деле» кроме Шелгунова, Станюковича и еще кой-кого из молодых писателей красного оттенка видное место в выработке плана этой кампании играл Тихомиров, писавший под псевдонимом «И. Кольцов», иногда просто «И. К.», и тогда в публике эти инициалы истолковывались так: «Исполнительный

комитет». «Отечественные записки» защищали позицию народовольцев в лице самого Михайловского, который писал в то время и в органе партии: я говорю о много читавшихся его письмах, помещенных в «Народной воле» под псевдонимом Гроньяра. «Слово» было совершенно в руках уже упомянутого мною Николая Александровича Зыбина; и этот журнал, благодаря хорошему подбору статей и преобладанию среди сотрудников людей крайнего направления, носил очень определенный социалистический и революционный характер. Опираясь на это ядро более или менее спевшихся толстых журналов, Шелгунов был в числе самых ревностных пропагандистов уже упомянутого плана воздействия на общественное мнение и давления на правительство в печати. Было решено, что так как русские либералы, в силу своей тогдашней политической неразвитости, не умели как следует выразить свои требования, то радикальные и революционные писатели придут к ним на помощь. Не компрометируя себя писанием статей под своими собственными именами, они должны были надеть на себя временно маски «таинственных незнакомцев» чисто либерального лагеря. В результате получился тот знаменательный факт, что лучшие статьи в газетах этого направления, заговоривших тогда о конституции, были написаны социалистами и кое-какими нелегальными. Так, энергичная передовица в «Стране», ясно говорившая о необходимости дать России свободные политические учреждения, принадлежала перу покойного И. Н. Харламова.

Но жизнь, как Шекспир, пускает трагичное вперемежку с комичным, и иного рода воспоминания из этого и хорошего и страшного времени связаны у меня с Шелгуновым. Подобно прочим квартирантам, я был избирателем в знаменитый «бараний парламент», названный так по имени выдумавшего его фигляра и самодура Баранова. В противность обычным порядкам, здесь не избиратель шел к урнам, а к избирателю урны в образе полицейских; гражданам внезапно было предписано весь день сидеть дома и дожидаться полицейских с опросом: «Кого вы желаете выбрать?» Как была понята эта процедура мелкими полицейскими сошками и дворниками, не говоря уже о большинстве населения, видно из следующего. Утром в день выборов прибегает ко мне ни жив ни мертв дворник и лепечет: «Господин, потрудитесь убрать все запрещенные книжки, коли ежели имеются, и ждать полицию: сегодня приказ произвесть повальный обыск, и об этом начальство извещает для верности заранее». Должно быть, я улыбнулся. «Не верите, господин, — вскричал дворник, — ей-богу-с, так! Вон и лавочник все время

катает сельдяные бочки да ищет: все боится, что ему скубенты книжку по злобе подбросят». Несмотря на строгое запрещение выходить из дома, многие из нас, знавшие Шелгунова, старались произвести избирательную агитацию в его пользу и ходили по друзьям и знакомым с просьбой давать имя Шелгунова. Николай Васильевич добродушно улыбался, видя наши старания, но отказываться не отказывался. «Считаю долгом заявить избирательному комитету, — говорил он шутя нам, — что программа у меня будет простая: на первом же заседании полицейского парламента я заявлю, что нужно распустить его и приступить к выборам в Земский собор». Избран Шелгунов, конечно, не был. Но начальство, как говорят, очень переполошилось, узнав, что Николай Васильевич на одной Пушкинской улице, где была его квартира, получил шестьдесят голосов…

Здесь не место говорить, почему и отчего не удалось 1 марта. На Шелгунова это сильно подействовало, и когда, после поездки в центральную Россию, я увидался с ним в октябре месяце 1881 года, я нашел его страшно похудевшим, страшно нервным, и его мефистофельская физиономия приняла скорбное выражение. Но в то время как другие начинали примиряться с входившей во вкус да в аппетит реакцией, Шелгунов все оставался на своем посту верным своим идеалам. Тогда я заметил лишь в нем одну новую черту: он значительно скептичнее стал смотреть на роль интеллигенции, чем прежде, и будь в это время мало-мальски возможная деятельность среди рабочих или даже среди крестьян, он уделил бы в своем представлении о революционной диктатуре очень почетное место народным массам. Но, повторяю, бодрым и верующим он оставался неизменно, и в этом его не успела разочаровать тридцатилетняя борьба с русским строем. В последнем письме его, — не помню, ко мне или к одному из моих приятелей, — помеченном Берлином, где Шелгунов был весною 1884 года перед возвращением из короткого путешествия по заграницe, он говорит, между прочим: «Через несколько часов переезжаю границу — странное ощущение: точно я снова ученик, идущий на строгий экзамен; и, как во дни своей молодости, машинально я вычистил сюртучок и застегнулся на все пуговицы. Впрочем, мне это дело привычное». Экзамен оказался строже, нежели думал Николай Васильевич: с границы его прямо отправили в Петропавловку, и одним из мотивов его ареста было знакомство с террористами и печатание в «Деле» статей, которые писались нелегальными, в особенности статей Тихомирова, он же упомянутый И. Кольцов «Дела», он же Иван Григорьевич Каратаев либеральных домов Петербурга. Упоминанием об этой иронии

судьбы позволю себе закончить мои воспоминания…

Как бы мне хотелось, чтобы хоть раз с этих бледных страниц глянул на моих читателей живой образ Николая Васильевича, дорогого, милого Николая Васильевича, такого, одним словом, каким я знал его: человека светлого ума и золотого сердца!

Печатается по: *Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. Т. 1. М., 1963, с. 352–360.*

Л. А. Кузнецов
ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО
(Отклики 1 марта 1881 г. в Московском университете)

Через несколько дней после 1 марта 1881 г. два студента Московского университета, Заянчковский и гр. Уваров, кажется, филологи, предложили товарищам подписку на венок Александру II и стали собирать подписи и деньги. Собрали что-то около 100 руб. Кто давал свои фамилии и деньги, а кто и отказывался. Когда случаи отказов стали преобладать, собиравшие подписи вздумали завести второй лист, куда стали заносить фамилии отказавшихся. Запахло полицейским сыском. Подписной лист попал студенту-филологу IV курса Смирнову. Последний раскрыл перед товарищами некрасивую подкладку записи и торжественно порвал оба листа. Через несколько дней в «Московских ведомостях» появилась громовая статья Каткова… «Правда ли, — писал он, — что в Московском университете нашелся свободный мыслитель, который публично порвал подписку на венок царю-мученику? Правда ли?..» и т. д. Смирнов был арестован.

Начались сходки. На сходке Заянчковский пытался убедить товарищей в необходимости посылки венка, чтобы отклонить от студенчества обвинение в солидарности с деятелями 1 марта. За эту речь и на той же сходке постановлено было привлечь его к университетскому товарищескому суду. Он был освистан и лишен права участвовать в студенческих собраниях. Явившийся на сходку проректор С. А. Муромцев (впоследствии председатель I Государственной думы), прилагавший все усилия, чтобы настоять на отправке венка, был также освистан. Сходка под председательством студента-медика V курса (кажется, П. П. Кащенко) вынесла резолюцию: «Никаких венков не посылать». Было это 10 марта 1881 г. В ту же ночь Кащенко и ряд говоривших на сходке ораторов были арестованы. Начались волнения и многолюдные сходки (12 и 31 марта) с обычными последствиями: исключениями и новыми арестами. Исключению подверглись 234 человека; 1 апреля было исключено еще 78 чел. Исключали кого на год, кого на два, кого совершенно без права обратного поступления в университет. Пошли и жандармские обыски и аресты. Волнения отразились и в других университетах.

Об этой истории Победоносцев сделал подробный доклад Александру III, причем проф. С. А. Муромцев был выставлен

главным инициатором волнений, что и послужило поводом к его отставке. Сообщение Победоносцева заканчивалось словами: «Вот результаты сходок, введенных министрами Сабуровым и Д. А. Милютиным». На этом донесении Александр III собственноручно отметил на полях: «Если это действительно было так, то это непростительное безобразие и оставить это дело так невозможно».

Депутация, все же отправленная в Петербург попечителем учебного округа с венком, якобы от имени университета, не была допущена в собор Петропавловской крепости и вернулась обратно. В то время Александру приписывали слова, что он никогда не простит Московскому университету такого оскорбления памяти отца.

Победоносцев в сущности был прав: общественное мнение интеллигенции (в университете тогда было до 3 тысяч студентов), как только явилась возможность высказаться, высказалось против самодержавия и подчеркнуло свою солидарность с деятельностью партии «Народная воля». Мартовская история была политической демонстрацией, а не обычными академическими волнениями.

Печатается по: *Народовольцы после 1 марта 1881 г. М., 1928, с. 26–27.*

С. П. Швецов
1 МАРТА 1881 ГОДА В СУРГУТЕ

Первое марта 1881 года меня захватило в Сургуте.

Как ни глух был Сургут того времени, но тем не менее вести о начавшейся смертельной схватке между «Народной волей» и царским правительством проникали и сюда, в глухие остяцкие урманы, хотя и в весьма своеобразной форме.

Моя квартирная хозяйка как-то в беседе со мною рассказала мне о событии 5 февраля 1880 г. в Зимнем дворце, в котором в этот день произошел известный взрыв, произведенный Степаном Халтуриным.

— К царице, — рассказывала она, — сродственники приехали из немецкой земли. Ну обнаковенно, угощать нужно дорогих гостей. Сварили обед, какой требовалось. Пришли гости, сели за стол. Всё честь честью, как нужно. Всё так хорошо было, по-настоящему: царь-то с царицей очень рады были дорогим гостям! Ну ладно. Только зачали пировать, матушка-царица взялась уже за лопату да в печку — пирог достать, а в эту самую минуту ка-ак в-д-руг что-то в-да-рит! — это, значит, взрыв-то царского дворца, — пол-от, где за столом сидели, так коробом и подняло… Царица-матушка как была нагнувшись с лопатой к печке, так вся и замлела: ни рукой, ни ногой шевельнуть не может!.. Очень уж испужалась.

Рассказывалось это спокойно, эпическим тоном, за которым трудно было уловить отношение к передаваемому эпизоду самой рассказчицы. Для нее все это случилось где-то там, за гранью известного ей мира, в какой-то скорее сказочной, чем реальной стране, из которой время от времени доносятся какие-то странные, не всегда понятные, слухи. Волноваться не из-за чего было, и можно было оставаться эпически спокойной.

Представления о царе были очень неясны. Все знали, что где-то там, далеко-далеко, есть большой город Москва, а за Москвой, еще дальше, — другой город — Питер, в котором живет «белый царь» Лександра, который властен в животе и смерти каждого. Это знали очень твердо. Дальнейшие представления о царе у большинства сургутян моего времени, думаю, связывались с представлениями, порождавшимися обрывками русских сказок, что сохранились еще в их памяти, да любимым сургутским развлечением: зимою, не то в рождественские вечера, не то на масленой неделе, не помню точно, молодые ребята ходили по домам и разыгрывали сцены, кем-то занесенные в Сургут, «Царя

Максимилиана и его непокорного сына Адольфа». Дальше этого образца, по-моему, представления о царе, как о чем-то реально существующем, не шли.

Может быть, еще более смутно представляли себе сургутяне того времени правительство в его высших органах. Где-то поблизости «белого царя» есть Сенат, в котором заседают «господа сенаторы», и есть министры, подчиненные Сенату, являющемуся как бы посредствующим органом между царем и его министрами. Министры «всем правят» и «держат ответ» перед царем и «господами сенаторами», которые, как и царь, в случае надобности могут, по своему усмотрению, их казнить. По части «вышнего правительства» это, пожалуй, и все. Я по крайней мере ничего другого от сургутян в этом направлении не слыхал, и мне именно так рисуются их представления о «царском правительстве».

Отчетливее у них были представления о местной, сибирской власти предержащей, от западносибирского генерал-губернатора в Омске до полицейского служителя в самом Сургуте, и чем эта власть была ближе территориально, тем и представление о ней было отчетливей, конкретней. Неудивительно: исправник всегда на глазах торчал.

Что где-то там не все благополучно с царем, сургутяне могли судить не только по тому, что до них доходили слухи, как царица угощала пирогом своих немецких «сродственников», но и по тому, что за последнее время в Сургут начали присылать каких-то невиданных ранее людей, прозывавшихся «политическими» и «государственными». Сургутяне помнили ссыльных поляков, появление которых в нем казалось для его обитателей понятным — их ссылали за «мятеж»; о бывших когда-то в нем декабристах — Шахиреве и Тизенгаузене — сургутяне так плотно забыли, что не имели о них ни малейшего понятия. «Политические», не стесняясь, высказывали свои мнения о царе и правительстве, свидетельствовавшие, что тут не совсем что-то ладно. Но разбираться «что к чему» в этих делах, по-видимому, у сургутских обывателей живого желания не было, — «нам это ни к чему». И отношения сургутян к нам, «государственным», устанавливалось по личным впечатлениям от каждого, в общем же, они были далеко не дурные.

Но скоро блаженное неведение сургутян было неожиданно подвергнуто некоторому испытанию.

Как-то я возвращался от товарищей к себе домой. По-сургутски, была глухая ночь, в действительности же — около десяти часов вечера. В эту пору обычно Сургут спал поголовно и видел, вероятно, уже не первый сон. Встретить в такой час кого-

либо на улице было делом довольно мудреным, точно так же как и заметить где-нибудь в окне огонек, если это не был домик, где проживал политический ссыльный. В этот поздний час в приполярном поселке, безнадежно затерявшемся в беспредельных снежных пространствах, стояла всюду «тишина немая в улицах пустых» и не было «слышно лая псов сторожевых»: мороз сковывал, казалось, и собачьи глотки. Но на этот раз, чувствовалось, сон почему-то еще не успел овладеть всем городом безраздельно. Пока я шел, две-три тени промелькнули мимо меня; в доме мещанского общества, мимо которого приходилось проходить, во всех окнах был свет, а через замерзшие стекла можно было видеть, что в комнатах много народа; у моих хозяев тоже светился огонь. Странно. Но я как-то слабо реагировал на все эти необычайности; мысль моя, очевидно, была занята чем-то другим, и, когда мне отворила наружную дверь хозяйская дочь, я не поинтересовался спросить ее, почему у них не спят, и прошел к себе в комнату, разделся и тотчас же лег в постель, с книгою в руках.

За дверью в соседнюю комнату, занимаемую хозяевами, слышались сдержанные, полушепотом, голоса. Обычно, когда я возвращался домой, из-за хозяйской двери слышался только богатырский храп нескольких человек, с присвистом и какими-то хитрыми переливами. Прошло полчаса, когда я услышал обращенный ко мне голос хозяйки:

— С. П., шел мимо общества, там еще есть свет?

— Как же, во всех окнах свет виден.

— Ну, значит, — заметила хозяйка, — еще не кончилось, потому и хозяина все еще нет дома…

На вопрос, что ее муж делает ночью в мещанском обществе, она мне ответила вопросом же:

— А разве ничего не слыхал?

— Нет, не слыхал, а что?

— Может ли быть?

Я ее заверил, что решительно ничего не слыхал. Она довольно долго молчала, так что мне пришлось повторить свой вопрос.

— Да не знаю, как уж и сказать… Из Тобольска вечером нарочный приехал. Без остановки ехал день и ночь… Бумагу привез: завтра всех погонят к присяге в церкву…

— К какой присяге? По какому случаю? — воскликнул я, вскочив с постели.

— Сказывают, в прошшонное воскресенье в Петербурге царя убили, ноги, говорят, напрочь оторвали…

— Кто же убил? — крикнул я ей вне себя, спешно натягивая

сапоги.

— А уж этого я не знаю, кто убил. Сказывали даве только, что убил из бонбы какой-то и ноги оторвали… А кто убил, о том разговору не было. Да ты куда, парень? — услыхав, что я отворяю дверь в сенки, воскликнула она.

Но я ее не слушал и уже несся по улице что было сил, по пути доканчивая свой туалет, к своим.

«Царь убит!»

В этих двух словах, казалось бы таких простых и ясных, для меня вдруг сконцентрировался весь мир и я сам со всей своей личностью, со всем прошлым и будущим.

«Царь убит!»

Я точно споткнулся о какой-то порог и стремительно куда-то летел вниз головой, не отдавая себе отчета, куда лечу и зачем лечу.

«Царь убит!»

Впереди вспыхнуло что-то ослепительно яркое и разлилось нестерпимым светом; горячая волна прилила к сердцу, дух захватывало от нахлынувшего восторга.

«Наконец-то, свершилось. Победа! Революция!»

Мне казалось, что я теряю рассудок от переполнявшего меня жгучего ощущения чего-то сверхсильного, случилось что-то неповторяемое и непередаваемое. Не чувство счастья испытывал я в эти минуты — далеко нет, счастье непременно требует личного элемента, здесь же его не было, — но чего-то близкого к нему, глубокого и вместе бурного, подымающего куда-то ввысь, вливающего в грудь новые, казалось безграничные, силы.

На другой день мне пришлось слышать от сургутян, что меня видел бегущим какой-то казачишка, которого мой вид «оскорбил в лучших его чувствах», и он говорил по этому поводу:

— Хотел я ему ноги поленом перешибить, да побоялся: больно здоров, дьявол!

Я не помню, как я влетел к своим в комнату, где Дм. Дм. Лейвин и Лев Андр. Иванов уже лежали в постелях, как я сообщил им великую новость, так глубоко потрясшую меня, как они восприняли ее, — ничего не сохранила моя память, и понятно: тогда я был как в бреду. Я не знаю даже, ушел ли я потом от них к себе домой или так и остался там до утра. В моей памяти сохранилось отчетливо лишь одно: после долгих шумных разговоров, восклицаний, отдельных фраз, звеневших в воздухе, вдруг наступило общее долгое молчание, не нарушаемое ни звуком. Все мы трое точно застыли на какой-то охватившей нас всех мысли, и каждый из нас остался неподвижен, глубоко ушел в себя и задумался.

О чем мы думали? Вероятно, даже тогда я затруднился бы ответить и о самом себе, не говоря уже о товарищах. Каждый по-своему, в самом себе перерабатывал свершившийся факт, о котором до нас только что успели достигнуть первые краткие известия. И еще думаю, что каждый из нас, когда стряхнул с себя охватившее его раздумье, почувствовал себя другим человеком, чем он был за несколько минут перед тем… В таких случаях часто человек в несколько минут, а то и секунд, переживает столько и так, как, может быть, в другое время он не пережил бы и в десяток лет, а то и во всю жизнь. Такие минуты разом старят человека.

На другой день в Сургуте наблюдалось небывалое движение: все мужчины потянулись в церковь для принесения присяги Александру III, как это было потребовано из Тобольска привезенной нарочным бумагой.

Этим, в сущности, и закончилось бы выражение отношения сургутян к совершившемуся факту величайшего значения, потрясшему весь мир. Я даже особых разговоров между сургутянами как-то не припоминаю по поводу смерти Александра II; поговорили вначале, да скоро и оставили разговоры, причем их собственное отношение к факту убийства царя, перемене царствования и проч. при этом как-то отчетливо не выявлялось, по крайней мере для меня это осталось чем-то очень неопределенным и неясным. В те времена я от кого-то, может быть в Сургуте же, слышал такую фразу о смерти Александра II: «Ну, убили — и убили, о чем тут толковать еще?» И если я ее слышал в Сургуте, то, по моему мнению, она довольно точно отражала отношение к цареубийству сургутян, по крайней мере внешнее, наружное. Я думаю даже больше: это чисто внешнее отношение находилось в определенной гармонии и с их внутренним, интимным отношением к тому же событию. И в самом деле: царь и все, что с ним связано, так далеки были для каждого сургутянина, он так мало их интересовал, что для них каких-нибудь проявлений своего активного отношения к факту его устранения, хотя бы и кровавому, решительно не было поводов. «Ну, убили — и убили». И в самом деле: «О чем еще тут толковать?» Мало ли на свете убивают людей, — «нам-то что!» А о том, что этот акт революционный, имеющий исключительное историческое значение, сургутяне того времени не могли иметь никакого, даже и самого отдаленного, представления. Если они что-нибудь и узнали в этом направлении, то только от нас — политических ссыльных, и не могли не узнать, так как выражением своих политических мыслей, вообще говоря, мы не стеснялись. Но я не припоминаю, чтобы мы вообще или кто-нибудь из нас в частности занимались специальным

использованием факта 1 марта в смысле пропаганды среди сургутян. В это время сургутяне и самый Сургут нас менее всего занимали, мы жили мысленно там, за Уралом, на берегу Невы, Москвы-реки и т. п., а Сургут, — да какое же он мог для кого-нибудь из нас иметь значение и в каком смысле мог бы привлекать наше внимание в эти минуты?

После присяги казачий начальник, жалкий и убогий прапорщик, но тем не менее злой и вредный, собрал казачий сход, на котором и сказал какую-то речь «патриотического» характера, направленную против нас — политических ссыльных. Какая его муха укусила — не знаю, вероятно, несчастный прапорщик просто хотел выслужиться перед начальством и нашел, что это подходящий случай. Не знаю. Факт тот, что сход постановил не держать на квартирах политических ссыльных — цареубийц, о чем им и объявить, при этом поставить их в известность, что кто из них после назначенного часа останется еще в казачьем доме на квартире, тот будет силою из нее «выброшен вместе с барахлом». Нам это было сообщено через квартирохозяев.

В пояснение следует сказать, что казаки в Сургуте составляли девять десятых, если не больше, всего городского населения. Помнится, было три крестьянских да домов двадцать мещанских, остальные — все казаки. Таким образом, запрещение казакам держать у себя на квартире политических ссыльных могло, при известных условиях, поставить последних в очень трудное положение.

В данном же случае этого не было, и казачье постановление могло рассматриваться исключительно как политическая демонстрация, направленная против нас, но для нас почти безвредная. Из пяти политических ссыльных — В. Я. Мрочковского, Н. Я. Фалина, Л. А. Иванова, Д. Д. Лейвина и меня — только двое жили в казачьем доме — Иванов и Лейвин; Мрочковский жил в доме крестьянина, Фалин и я — у мещан. Иванов и Лейвин жили вместе в одной квартире. Таким образом, непосредственно постановление схода задевало лишь двоих из нас, которые, конечно, в случае надобности могли бы куда-нибудь перебраться; совсем иное, если рассматривать вопрос с принципиальной точки зрения: мы не могли допускать проведения казачьего постановления в жизнь.

Обсудив между собою, мы решили, что подчиняться какому-то казачьему сходу не будем, о чем сказали квартирохозяевам: никакого-де казачьего схода мы не знаем, а если казаки считают себя вправе делать относительно нас какие-либо постановления, то пусть со своими постановлениями обращаются к тому самому

правительству, которое нас прислало в Сургут, — оно, очевидно, знало, что делало, — с квартир уходить не будем. Нам еще раз было передано:

— Если не уйдете добром, в воскресенье в двенадцать часов будем выбрасывать ваши вещи!

— Ладно, посмотрим!

Как курьез, может быть, нелишне упомянуть пана Овсяны, поляка, сосланного по польским национальным делам. В 1849 г. он был сослан в Забайкалье, едва ли не в каторгу; затем амнистирован и возвратился в Царство Польское. Около 1878–9 г. в Варшаве была раскрыта попытка национально-революционной организации, ставившей себе целью независимость Польши. Было, по словам Овсяны, образовано нечто вроде тайного правительства, в котором пану Овсяны принадлежало положение «варшавского воеводы». Дело окончилось административным порядком, в Сибирь было сослано человек восемь, в том числе и Овсяны, Из других я припоминаю одного лишь А. Шиманского, сосланного в Якутию, не лишенного дарования беллетриста, кончившего, однако, весьма печально (впоследствии был разоблачен как осведомитель).

Когда стало известно, что казачьим сходом поставлен приговор относительно политических ссыльных, пан Овсяны решил отмежеваться от нас и забегал к разным властям — к исправнику, жандармам, казачьему офицеру — и всем разъяснял, что он, пан Овсяны, не имеет ничего общего с нами: мы — государственные преступники, идущие против своего царя и правительства, а он — политический преступник, добивающийся независимости своей родины, и только, с царем политические борьбы не ведут. Поэтому казачье постановление может относиться только к нам, государственным, а не к нему, политическому, хотя он живет в казачьем доме. Сургутяне, слушая эти «тонкие дипломатические рассуждения», только посмеивались, мы же прекратили с Овсяны сношения уже без всякой «дипломатии». Других результатов для почтенного пана этот эпизод не имел.

Как и следовало ожидать, гора родила мышь: в дело вмешались жандармские унтера. В то время как полиция в лице исправника Трофимова и его помощника растерялась и не знала, что предпринять, старший жандармский унтер отправился к казачьему прапорщику и потребовал вторично собрать сход, а когда тот собрался, обратился к нему тоном грозного начальства, совершенно игнорируя плюгавого прапора. Смысл его грозной филиппики был тот, что раз правительство сослало сюда государственных преступников, то, следовательно, так и следует

и никто не смеет противиться этому. «А вы что сделали: оказываете сопротивление распоряжениям правительства? И какой болван вас надоумил?» и т. д. «Да знаете ли вы?» и т. д. Нашумел, накричал, грозно посверкал глазами и удалился со схода, не удостоив «начальника» и взглядом.

Тем дело и окончилось. Мы, конечно, никто этой речи не слыхали, но слышали о ней от казаков, бывших на сходе. Эпизод был исчерпан и быстро забыт. Для сургутян вместе с тем было исчерпано и самое событие 1 марта 1881 г.: о нем поговорили, присягнули новому царю, еще поговорили — и забыли. Нужно полагать, навсегда. Внешний мир сургутян интересовал в весьма малой степени, как что-то чужое и чуждое, их не касающееся.

Этим я мог бы и кончить, но мне хочется сказать два слова еще об одном обстоятельстве, имевшем некоторое отношение к 1 марта.

Весной я перебрался на другую квартиру, хозяйка которой — старушка — ко мне была очень расположена. Я занимал отдельную комнату, и мне у нее было очень хорошо.

Как-то хозяйка пришла ко мне в комнату со словами: «Вот тебе от меня!» — прибила гвоздиками к стене, над изголовьем моей постели, первую телеграмму об убийстве Александра II, изданную в Тобольске.

Как я ни просил ее убрать телеграмму, мне совершенно ненужную, она стояла на своем.

— Нет, пусть висит! Пусть! — повторяла она упрямо.

Я прожил у нее еще месяца два, до самого отъезда, а листок с фамилией «злодея» Рысакова продолжал висеть у меня над изголовьем… Так я и не понял, что это такое: своеобразное выражение симпатий хозяйки ко мне или не менее своеобразная демонстрация против меня? Не знаю.

Печатается по: *Каторга и ссылка, 1931, № 3, с. 130–138.*

В. М. Флоринский
ВОСПОМИНАНИЯ

<…> 2 марта Казань, как и вся Россия, принимала присягу новому воцарившемуся Государю Александру Александровичу. И в этом случае наш университет не мог обойтись без крупного скандала. Почти все студенты, в числе не менее 700 человек, собрались в актовом зале и устроили здесь колоссальную сходку. На приглашение ректора пожаловать в церковь (рядом с актовым залом), где должна была совершиться присяга, они ответили, что присягать не будут. Тем временем на кафедру взошел один из студентов, медик 5-го курса Н., и обращается к товарищам с такой речью: «Господа! Старая пословица говорит: de mortuis aut bonum, aut nihil.[29] Это глупая пословица. В жизни нужно говорить только одну правду, невзирая на то, хороша она или дурна. Такую правду я и намерен вам сказать про покойного Государя». В это время в актовом зале была налицо вся университетская инспекция, с ректором и проректором во главе, и многие из профессоров, привлеченные необыкновенною сходкой. Успел приехать и попечитель Шестаков, которому было дано знать о беспорядке. Увещания прекратить сходку не имели никакого успеха. Лишь только попечитель или ректор заведут об этом речь, начинаются свистки и крики: «вон». Даже оратору университетские власти не имели силы запретить его речь с кафедры. Она продолжалась в порицательном духе истекшего царствования, причем доказывалось, что монархическое правление в России отжило свой век и в настоящее время нужно позаботиться о другом государственном порядке. Все это мы слушали, видели всех сочувствующих таким речам и не имели силы ничего сделать. Когда «правда» оратора стала уже переходить всякие границы приличия, декан медицинского факультета Виноградов, любимец студентов, бывший, по обыкновению, «навеселе», взошел на кафедру и провозгласил, что он будет продолжать речь, и просил II. уступить ему место. Толпа закричала: «Хотим слушать Виноградова!» Тот заплетающимся языком в шутливом тоне произнес несколько бессвязных фраз. Толпа захохотала, закричала «браво!», и этим сходка закончилась.

По этому образчику можно видеть, в каком положении находятся наши университеты. Тяжело и стыдно заносить такую повесть на страницы дневника, но это необходимо для характеристики времени. Здесь обращает на себя внимание не сама сходка (к ним мы уже привыкли), а повод к ней и отношение

к ней местных властей. Возмутительная дерзость студентов, которой трудно приискать название, обращена была в какую-то глупую шутку. О ней не только не сообщили министерству, но не сделали даже никакого замечания более выдающимся участникам и коноводам. Как будто все это произошло в порядке вещей. Оратор Н. в том же году благополучно окончил курсы и, как стипендиат, получил место врача в одном из областных городов Западной Сибири. Пройдет ли у него с годами и с более зрелым разумом прежний юношеский чад? Вероятно, пройдет, и он когда-нибудь, может быть под старость, в глубине своей совести устыдится своего неуместного красноречия. Но до того времени сколько посевов своего незрелого разума он распространит на жизненном пути и сколько юных, таких же неразумных, голов совратит с пути истинного!

Кроме сходки казанские студенты проделали и другую, не менее дерзкую, выходку. После получения телеграммы о кончине Александра II они скупили в магазине канцелярских принадлежностей купца Печаткина всю почтовую бумагу, налитографировали на ней множество экземпляров возмутительных прокламаций и в первую же ночь расклеили их на всех фонарных столбах и на других видных местах, где обыкновенно расклеиваются городские афиши. Утром полиция, конечно, сорвала все эти воззвания к народу и тут же без труда расследовала, у кого и кем была куплена такая масса почтовой бумаги. Оказалось, что ее купили студенты. Легко было узнать по почерку литографированных листков, кто именно занимался этим художеством, но такие расследования не признали нужным производить. Губернатором в Казани в это время был генерал Гейне, человек очень мягкий и добрый, сочувствовавший молодому поколению. И на это дело посмотрели сквозь пальцы, как на невинную шутку.

В связи с прокламациями произошел один забавный случай в соборе во время панихиды по усопшему Государю. На полу соборного храма полиция подняла заряженный револьвер. В первое время подумали, не есть ли это признак какого-нибудь злого умысла, по потом разъяснилось, что револьвер принадлежит бывшему генерал-губернатору Восточной Сибири, барону Фредериксу (жившему в Казани после своей отставки). Барон, напуганный прокламациями, вообразил, что в городе может вспыхнуть мятеж, и, отправляясь в собор на молебствие, захватил с собою на всякий случай огнестрельное оружие, положив его в боковой карман шинели. Лакей, которому была передана эта шинель, нечаянно вытряхнул из нее револьвер и таким образом был причиною некоторого смущения полиции…

Печатается по: *Русская старина, 1906, № 6, с. 613–615.*

Г. К. Градовский
1 МАРТА 1881 Г

<…> Я возвращался через Дворцовый мост. Погода была ясная, солнечная, воздух мягкий, снегу много. Дышалось легко, в приятном сознании законченной работы и воскресного отдыха.

Около Зимнего дворца было пусто; пустыней отдавала и Дворцовая площадь, с ее монолитной колонной и торжественной колесницей на арке Главного штаба. Какою мощью, какими победами и лаврами гласит эта молчаливая площадь! Сколько величия и красоты виднеется в Зимнем дворце, созданном гениальным зодчим, умевшим сочетать громады здания с легкостью воздушных колонн и украшений!.. По обширности и красоте дворец вполне отвечает великому народу и тысячелетнему государству.

Площадь казалась пустынной, но против подъезда Государя виднелась рота юнкеров Павловского училища. Они стояли вольно, с ружьями к ноге, с глазами, обращенными к дворцу.

«Зачем они тут и чего ждут?» — подумалось мне. Обыкновенно после парада их немедленно ведут в училище.

Они свернули под арку, повернули на Невский. У Полицейского моста тесно, оживленно. Чем дальше, тем теснее; приходится ехать почти шагом. Многие направляются к Дворцовой площади; другие наполняют тротуары. Полиция суетится, освобождает дорогу. Навстречу быстро едет наследник цесаревич с цесаревной, кажется, с конвоем казаков. На лицах какое-то недоумение, озабоченность. Все смотрят через мост, вдоль по каналу. Я привстал в санях и тоже смотрю, но, кроме народной толпы в направлении Михайловскому театру, ничего не видно.

— Должно быть, лед провалился или затонул кто в проруби, — заметил извозчик, тоже любопытствуя и почти остановившись.

— Ну, пошел, чего стоишь! — раздался окрик городового.

Действительно, стоять нечего, а пускаться в расспросы не всегда удобно.

От толпы лучше всего держаться подальше. Около Аничкова моста было уже свободнее. Извозчик нагонял потерянное время и быстро привез меня к знакомым, где я был зван на обед. Выходит швейцар, откидывает полость и спрашивает:

— Правда ли, что Государь кончился?

— Как кончился, откуда вы слышали? — спрашиваю в свою

очередь.

— Так что, говорят, убили, бомбу бросили… Сюда даже слышно было. <…>

На том же извозчике я отправился в редакцию «Молвы». Там уже имелись более точные сведения. Было покушение, Государь ранен; но есть еще надежда. Зять В. А. Полетики, полковник М., бывший лейб-гусар, близко знавший Государя, крайне встревоженный, собирался ехать на место покушения, чтобы разузнать подробности. Он предложил мне ехать вместе. Военный мундир открывал дорогу.

Мне тоже много раз случалось видеть царя и даже встречаться с ним, начиная со студенческих времен.

Мы подъехали к переулочку, отделяющему Михайловский театр от сада бывшего дворца великой княгини Елены Павловны, тоже немало содействовавшей преобразованию 60-х годов.

Пришлось выйти из саней и пройти к набережной Екатерининского канала. Народу было много, полиция имела, казалось, смущенный вид и тихо сдерживала толпу. Обычных грубостей и окриков не слышалось. Около гранитных плит тротуара, где пал царь, стояли часовые.

На набережной, шаркая ногами в снегу, многие искали и подбирали клочки шинели и другие обрывки. Находившие желали видеть в этих клочках остатки одежды царя, чтобы сохранить их на память. Нашлись и продавцы. Нам предлагали купить кусочек серой офицерской шипели; но один из полицейских предупредительно пояснил, что это остатки шинели пристава, ехавшего за каретой царя. От такой реликвии мы отказались. Столько полиции и охраны, так много своеволия властей и всевозможных стеснений для всего населения, и всегда один и тот же отрицательный ответ: Nous arrivons toujours trop tard.[30]

Восстания и бунты благополучно приготовляются под покровом полиции; «крамола» образуется и ширится при ее благосклонном и неуклонном содействии. Из мухи делают слона, а царя не смогли охранить, несмотря на конвой… Нет, полицейской ладанки не надо.

Ничего точного мы не узнали. Царь был увезен в санях, окруженных подоспевшими из манежа павловцами. Никто не догадался хотя бы перевязать раны, задержать кровотечение. Оставалась еще слабая надежда…

Часам к 7-ми вечера на улицах продавались четвертушки бумаги с кратким известием; оно началось странными, неуместными словами: «Воля всевышнего свершилась…» Выходило, будто преступники были исполнителями божьего

веления. Закоренелая привычка злоупотреблять именем бога, примешивая его ко всем действиям правительства, сказалась и в данном переполохе. Хотели возвестить высокопарно, но официального витийства не хватило на несколько строк, скудных и нескладных. Извещение это потом отбиралось и было иначе и приличнее изложено на другой день. Истина быстро облетела всю столицу, всю Россию, весь мир.

Царя-освободителя не стало.

Поздно вечером главнейшие редакции, знакомые и незнакомые, объезжал генерал Е. В. Богданович (просят не смешивать с военным историком, покойным М. И. Богдановичем). Он имел озабоченный вид и с приподнятостью мелодраматического лицедея заявлял:

— Все спокойно, революции не будет… Трактиры и кабаки закрыты, все меры приняты.

— Да никакой революции никто и не боится, — ответил В. А. Полетика, — кабацкий разгул всегда полезно предупреждать; ну а насчет спокойствия, — это будет видно.

— Уверяю вас, тревожиться нечего… Но извините: я спешу в «Голос»…

И генерал Богданович спешно, с деловым видом, исчез выполнять свою миссию. Никто не поверил, чтобы она была на него возложена. Есть такие добровольцы, которые всегда суетятся и примазываются, когда жареным запахнет.

— Воронье начинает уже кружиться над прошлым царствованием, — заметил кто-то.

«Революция» происходила разве только в верхних бюрократических сферах. Надо было использовать катастрофу в желанном направлении.

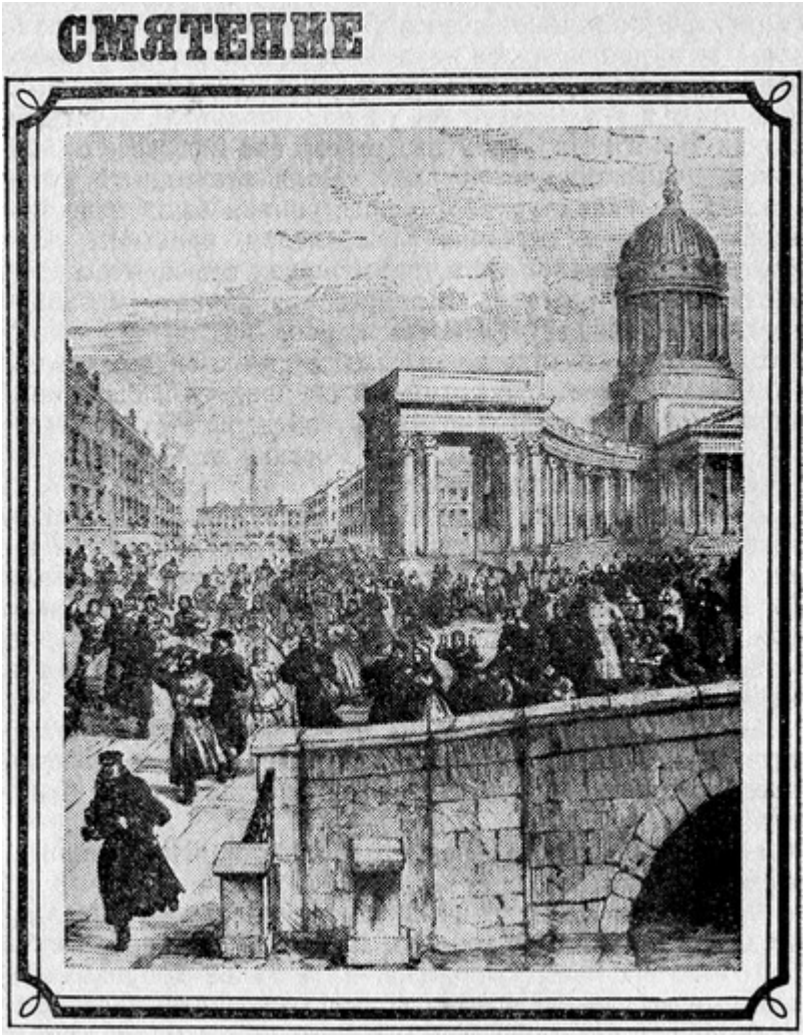
«Новые веяния» получили тяжелый удар, и притихшая было на несколько месяцев реакция воспрянула с удвоенной силой.

«Довольно реформ, пора назад и домой!»

В этой формуле выразилось восторжествовавшее направление.

Печатается по: *Градовский Г. К. Итоги. Киев, 1908, с. 75–79.*

СМЯТЕНИЕ

МАНИФЕСТ АЛЕКСАНДРА III ОТ 1 МАРТА 1881 Г

Божиею милостью Мы, Александр Третий, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая, объявляем всем верным Нашим подданным:

Господу Богу угодно было в неисповедимых путях Своих поразить Россию роковым ударом и внезапно отозвать к Себе ее благодетеля Государя Императора Александра II. Он пал от святотатственной руки убийц, неоднократно покушавшихся на Его драгоценную жизнь. Они посягали на сию столь драгоценную жизнь потому, что в ней видели оплот и залог величия России и благоденствия Русского народа. Смиряясь пред таинственными велениями Божественного Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы об успокоении чистой души усопшего Родителя Нашего, Мы вступаем на Прародительский Наш Престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Подъемлем тяжкое бремя, Богом на Нас возлагаемое, с твердым упованием на Его всемогущую помощь. Да благословит Он труды Наши ко благу возлюбленного нашего отечества, и да направит Он силы Наши к устроению счастия всех Наших верноподданных.

Повторяя данный Родителем Нашим Священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по завету Наших предков всю жизнь Нашу попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, мы призываем Наших верноподданных соединить их молитвы с Нашими мольбами пред Алтарем Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Дан в С.-Петербурге, в 1-й день марта, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят первое, Царствования же нашего в первое.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДР.

Печатается по: *Манифест. Петербург, 1881.*

ИЗ ПИСЕМ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА АЛЕКСАНДРУ III

…Простите, Ваше Величество, что не могу утерпеть и в эти скорбные часы подхожу к Вам с своим словом: ради Бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для Вас решительное значение, не упускайте случая заявлять свою решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: «Я так хочу, или я не хочу и не допущу».

Гнетет меня забота о Вашей безопасности. Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце.[31] Мысль эта вкоренилась в народе.

Смею еще напомнить Вашему Величеству о Баранове. Это человек, преданный Вам, — я знаю, — и умеющий действовать, когда нужно. Его ждут сюда из Ковно послезавтра.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Константин Победоносцев. 3 марта 1881.

* * *

Ваше Императорское Величество.

Измучила меня тревога. Сам не смею явиться к Вам, чтоб не беспокоить, ибо Вы стали на великую высоту. Не знаю ничего, — кого Вы видите, с кем Вы говорите, кого слушаете и какое решение у Вас на мысли. О, как бы я успокоился, когда бы знал, что решение Ваше принято и воля Вашего Величества определилась.

И я решаюсь опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Или теперь спасать Россию и себя, или никогда.

Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель

России и Ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить не трудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного Государя, Вас, самих себя, всех и все на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники.

Нет, Ваше Величество: один только и есть верный, прямой путь — встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет Вашего властного на это решения, и, как только почует державную волю, все поднимется, все оживится, и в воздухе посвежеет.

Народ возбужден, озлоблен; и если, еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы.

Последняя история с подкопом приводит в ярость еще больше народное чувство. Не усмотрели, не открыли; ходили осматривать и не нашли ничего. Народ одно только и видит здесь — измену, — другого слова нет. И ни за что не поймут, чтоб можно было теперь оставить прежних людей на местах.

И нельзя их оставить, Ваше Величество. Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет, — что я сам ему высказывал неоднократно. И он не патриот русский. Берегитесь, ради Бога, Ваше Величество, чтоб он не завладел Вашей волей, и не упускайте времени.

А если не он, то кто же! Ваше Величество, — я их всех вижу и знаю, каких грошей они стоят. Изо всех имен смею назвать Вам разве гр. Николая Павл. Игнатьева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения — между простыми людьми. Возьмите его на первый раз, но кого-нибудь верного надобно взять

немедленно.

Петербург надобно было с первого же дня объявить на военном положении: в Берлине после покушения тотчас сделали это и умели распорядиться немедленно.

Это — проклятое место. Вашему Величеству следует тотчас после погребения выехать отсюда в чистое место, хотя бы в Москву, — и то лучше, а это место бросить покуда, пока его еще очистят решительно. Пусть здесь остается новое Ваше правительство, которое тоже надобно чистить сверху донизу. Здесь, в Петербурге, люди найдутся авось. Завтра придет сюда Баранов; еще раз смею сказать, что этот человек может оказать Вашему Величеству великую службу, и я имею над ним нравственную власть.

Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного.

Сабуров не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед, и с каждым днем больше делает. В приискании ему преемника было бы не так много затруднений. Из называемых кандидатов всех серьезнее барон Николаи: но в ожидании прочного назначения есть возможность немедленно поручить управление Делянову, которого знает все ведомство очень близко и человек здравого духа.

Ваше Величество. Простите меня за откровенную речь. Но я не могу молчать, — долг мой говорить вам; если не ошибаюсь, Вам никогда не было неудобно слушать меня. Вы, конечно, чувствовали, при всех моих недостатках, что я при Вас ничего не искал себе, и всякое слово мое было искреннее. Бог меня так поставил, что я мог говорить Вам близко, но верьте, счастлив бы я был, когда бы не выезжал никогда из Москвы и из своего маленького домика в узком переулке.

Страх берет меня, когда думаю, что Вы одиноки и не на кого Вам опереться. Ради Бога, если бы Вы пожелали ближе поговорить о том, что я пишу, прикажите мне явиться, — я каждый час и каждую минуту на службе Вашей. Сам собою я теперь не вправе явиться к Вам. Позовите к себе старика С. Гр. Строганова: он человек

правды, старый слуга Ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее Вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы об Вас и об России.

Боже, Боже! Спаси нас!

Но мы люди божии и должны действовать. Судьбы России на земле — в руках Вашего Величества. Благослови Боже Вам сказать слово правды и воли, и вокруг Вас соберется полк истинно русских, здоровых людей вести борьбу на жизнь и на смерть за благо, за всю будущность России.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Константин Победоносцев. 6 марта 1881.

* * *

Ваше Императорское Величество.

С каждым днем больше убеждаюсь в основательности того, что писал вам 6 марта, и вновь горячо прошу вникнуть в тогдашние слова мои.

Именно в эти дни нет предосторожности излишней для Вас. Ради Бога, примите во внимание нижеследующее:

1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери — не только в спальне, по и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из Ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от Вас, в этих же комнатах.

5. Все ли надежны люди, состоящие при Вашем Величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его.

Дней через десять, через пятнадцать многое может

разъясниться; но до тех пор, ради Бога, будьте осторожны на каждую минуту.

Бог да хранит Вас со всем Вашим домом. Много простых душ за Вас молятся.

Вашего Императорского Величества верноподданный

К. Победоносцев. 11 марта 1881.

Печатается по: *Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1925, с. 315–319.*

А. А. Бобринский ВОСПОМИНАНИЯ

1 марта 1881 г.

Пять часов после полудня

Около 3 часов одни из слуг мне говорит, что швейцар придворного врача Боткина, который живет напротив, сказал ему, что Боткин со всей поспешностью уехал во дворец. Произошло новое покушение на императора на канале, император не тронут. Вынесли лошади.

Я одеваю пальто; расспрашиваю швейцара Боткина, который подтверждает помянутые слова. Я бегу узнать новости к княгине Мещерской. По дороге я встречаю моих родителей, которые еще не знают ничего. Княгиня Мещерская также ничего не знает, но велит поспешно закладывать. Я возвращаюсь к себе. По дороге вижу баронессу Фредерике, объясняющую что-то, жестикулируя, мадам Половцевой, остановившейся перед ней в карете. Дома проходят 10 минут, прибегает мой брат Саша, гвардейский гусар, с ужасными новостями. Брошены были две бомбы. Карета разбита. У императора раздроблены обе ноги. Один казак убит. Император весь в крови и без сознания. На его жизнь мало надежды. Саша это узнал от толпы, стоящей и плачущей перед дворцом.

Я поспешно одеваю мундир и лечу во дворец. Толпа. Каретам не позволяют приблизиться. Группы обеспокоенных людей стоят вдоль тротуаров. Толпы осаждают двери. Пешком я подхожу к Салтыковскому подъезду. Лорд Дюфферен выходит из кареты и продвигается со мной. Все бело-бледные, лица взволнованные, на глазах слезы. Перед Салтыковским подъездом я узнаю, что надежды больше нет. Два злоумышленника бросили две разрывные бомбы. Первая наповал убила двух казаков и разбила карету, поэтому лошади понесли. Император успевает выйти из кареты и, говоря об убийцах, спрашивает: «Что, задержали?» Потом он возвращается к раненым казакам. В этот момент разрывается вторая бомба и разбивает ему обе ноги. Император, раненный, кроме того, в грудь, падает без сознания в море крови. Молодой кавалергард, граф Тендряков, поднимает императора, и его руки совершенно окровавлены. Он берет каску императора и надевает ему свою фуражку. Императора перевозят во дворец, сперва в санях, потом в карете, встреченной по дороге.

Вот какие подробности нам сообщают.

Мы ждем около двери, на улице, под выступом балкона. Там я вижу: старый граф Сергей Строганов, греческий министр, Крейтц, m-me Соловой, старый Озеров, Штюрмер, Треповы, г-н…

из французского посольства и масса других.

Входная дверь охраняется двумя часовыми с ружьями в руках, которые никого не пропускают. Один Дюфферен прокладывает себе дорогу. Всеобщее беспокойство.

Выходит адъютант Белосельский, недавно назначенный к наследнику, выходит совсем бледный: «Где министр народного просвещения? Пропустите министра народного просвещения!..» Но Сабуров здесь не находится. Потом выходит Нигра, итальянский посол, весь белый: «Очень мало надежды… Делают ампутацию одной ноги». Другие рассказывают, что придворный духовник Бажанов был привезен на тройке во весь опор.

Пять беспокойных минут. Потом выходит Баранцев в каске и рыдающий. «Император скончался!» — говорит он нам и бросается к кому-то на шею.

Все устремляются к нему. Ужасный момент. «Надо проверить», — говорят некоторые голоса. Увы, новость не замедлила подтвердиться. Снимают шляпы. Плачут. Крестятся. У всех на глазах слезы. Вдали в тишине звонят колокола. Большой колокол Исаакия печально зовет людей к вечерней молитве.

Подъезжает Елена Шереметева, дочь великой княгини Марии, заливается слезами и молча уезжает. Повсюду кареты, которые останавливаются, оттуда выходят люди с беспокойными лицами, внезапно узнают ужасную новость и уезжают ошеломленные.

Толпа огромна. Эскадрон казаков малой рысью оттесняет толпу к дороге Главного штаба. Толпа бежит. Мы возвращаемся к себе совершенно подавленные, распространяя повсюду печальную новость. Гусары позваны в Царское. Группа офицеров перед конногвардейскими казармами.

Так кончилось царствование императора России Александра II!

Вечер. Четверть девятого.

Вот некоторые подробности. За завтраком император был в очень хорошем настроении духа. Накануне он причащался. Озабоченный все это последнее время, со вчерашнего дня он вновь повеселел. Вечером, за обедом, когда Дондуков попросил позволения до принятия своего нового поста в Одессе поехать помолиться на могилу своего отца, император сказал ему: «Вы совершенно правы. Я хорошо понимаю это почитание памяти отца. Так и я почитаю своего. Однажды мой отец показывал мне место своей могилы. „Когда у тебя будут заботы, — сказал он мне, — вот место, куда следует прийти помолиться“. Итак, всякий раз, когда у меня бывает тоска, я иду молиться на могилу моего отца».

Император поехал повидать вел. княгиню Екатерину и возвращался вдоль Екатерининского канала, около решетки сада Михайловского дворца. Разрывная бомба разбивает карету. Император выходит. «Не выходите, Ваше Величество, — говорит кучер, — довезу». Но император направляется к раненому казаку. Там бросают вторую бомбу. Император падает. Гендриков, кавалергард, поддерживает его и таким образом несет в сани. Говорят, что эти сани принадлежали начальнику полиции Федорову и что вел. кн. Михаил тотчас же прибыл для оказания помощи императору.

Четверть первого ночи.

Вот еще подробности. Когда вел. кн. Михаил приблизился к императору и сказал ему: «Саша, это я, узнаешь меня, Саша?» — император ответил только: «Вези меня скорее домой».

На руках перенесли императора до его кабинета. Там его положили.

Княгиня Мещерская, предупрежденная мной, но не знающая всей опасности, бежит во дворец, проникает через маленькую дверь и поднимается на лифте… в апартаменты своей сестры. Ее поражает и пугает запах гофманских капель. Наверху она видит рыдающую горничную своей сестры. «Что случилось?» — «Опасно ранен…» Затем она входит в комнату, где лежал император. Сначала она не видит ничего, кроме груды мяса и крови. Император лежал раздетый, бледный; он еще дышал. Княгиня Юрьевская видела его за завтраком. Она приготовлялась послать к императору свою собаку в Летний сад, когда ей доложили, что «с Государем дурно». Она бежит и встречает императора, которого вносили. Он еще дышал. Она бросается к нему: «Это я, узнаешь ты меня?» Но император уже потерял сознание и оставался весь бледный, с восковым лицом, с легкой раной над бровью. На обеих ногах кости были совершенно раздроблены и держались только за мясо, представляя бесформенную массу.

2 марта 1881 г.

Несколько минут после полуночи 1 марта.

Когда княгиня Мещерская вошла, она увидела еще докторов, которые окружали императора, давая ему разные вещи для вдыхания: кислород и проч.

Дондуков ей говорит: «Очень плохо». Адлерберг выходит: все кончено. Все опускаются на колени. Священник читает «отходную».

Императорская семья присутствовала в полном составе. Наследник много плакал. Цесаревна, казалось, была ужасно

потрясена. Они были очень добры к княгине Юрьевской и ее сестре. Княгиня Юрьевская совсем обезумела от горя. Император лежал обнаженный. Ранение достигало даже яичек, из которых одно было окровавлено. Был окровавлен также бандаж, который император носил против грыжи.

Когда великий князь, наследник, сел в карету, чтобы вернуться в Аничков дворец, толпа устремилась к карете, испуская неистовые крики «ура». Присутствовавшие в этот момент рассказывают об ужасном впечатлении от этого крика: le roi est mort, vive le roi.[32] Бедный новый император должен был провести ужасно тяжелые минуты. Потом толпа устремилась на двух человек, которые будто бы засмеялись при известии о смерти Его Величества.

Бутурлин, капитан и адъютант, находился у окна в квартире графа Гейдена, следя за отъездом наследника, который, несмотря на сотню казаков, окружавших его карету, только с трудом прокладывал себе путь. Толпа их сжимала, все крича «ура». Беспокоились за каждую остановку кареты императора. Кто гарантировал бы, что не будут брошены новые бомбы? Потом из окон гр. Гейдена (в Главном штабе) видят толпу, устремляющуюся на человека средних лет еврейского типа в форме студента-медика или ветеринара. Его схватывают, бьют, влекут, приводят к фонарю; находят лестницу; находят веревку, обматывают вокруг шеи студента, и толпа приготовляется его вешать.

Тут эти господа покидают свои окна и устремляются в толпу; но казаки и жандармы прибыли уже ранее для того, чтобы освободить студента, что им удается не без труда, и его запирают в карцер писарей Штаба. Однако толпа хотела его опять схватить и даже ломилась в большие ворота Главного штаба, но все-таки далее их не проникла.

Потом толпа остановилась перед дворцом. Слышали, как она нападала на молодых людей подозрительного вида, которые в нее вмешались: «Это студенты. Их бы бить… весить!» (sic[33]). Один моряк рассказывал: «Наш взвод проходил в самое время. Взводного нашего ранили. Семнадцать ран у него!»

Я покинул дворец, и вместе с отцом мы печально вернулись домой. Я плакал. Отец также. Сегодня все плакали. Дома мы видим княгиню Мещерскую, Бутурлина, Булычева, Лину Гагарину и ее сына Николая, гвардейского гусара, которые и сообщили нам вышеупомянутые подробности.

Сверх того узнали, что кроме казаков были еще ранены два пажа и одна женщина, убит один ребенок и т. д. и т. д.

Два пажа — это Красинский, кажется, и какой-то Мандель;

один из них тяжело ранен — первый, который бросился вперед; другой больше ничего не слышит, оглушенный взрывом.

За столом мы получаем еще известие от Жюля Капри, учителя фортепианной игры и друга дома, что он также ранен. Капри шел пешком по направлению к Михайловской улице, как вдруг слышит грохот, который он принимает за пушечный выстрел, и говорит сам себе, что это стреляют у Казанского собора в честь какого-нибудь праздника. Но какой же это праздник? Потом он замечает на улице канала как будто бы дым. Дойдя туда, видит толпу и черную массу на земле: казака, лежащего неподвижно и кажущегося мертвым. Потом — приближающуюся к казаку толпу людей и много полиции. Капри говорит сам себе: «А, убили этого казака, и полиция на ходу, чтобы схватить преступников». Кроме полиции были солдаты с ружьями (это взвод моряков, с которыми я только что говорил). Приближаясь к толпе, шедшей к нему навстречу, Капри оказался лицом к лицу с кем-то, кто преградил ему путь и не мог также сам идти вперед из-за Капри. Через мгновение Капри узнал, что перед ним император. Капри внимательно смотрит на него, не видав его в продолжение долгого времени, потом с лицом, повернутым к императору, подносит руку к шляпе для приветствия. В этот момент он получает страшный удар в затылок и теряет сознание. Потом, когда он приходит в себя, то говорит себе: «Я смертельно ранен; в меня выстрелили из револьвера в упор; но так как я думаю, то, следовательно, я не мертв». Тогда Капри хочет перейти улицу и замечает, что весь истекает кровью. Понимая опасность и ужасно испуганный, он пытается бежать. Полиция задерживает его: «Вы кто?» — «Оставьте меня, — говорит несчастный и взывает к одному офицеру, подъехавшему в санях: — Сударь, скажите им, чтобы кто-нибудь свел меня на Михайловскую площадь к Прозоровым. Посмотрите, в каком я положении». — «С удовольствием», — говорит офицер, который оказывается Адлербергом — преображением. Он сажает Капри в свои сани и привозит его к его знакомым на Михайловскую площадь. Посылают за медицинской помощью и специально за окулистом. Я видел этого бедного Капри. Все его лицо покрыто ранами в форме маленьких дырочек, пробуравленных, так сказать, и окровавленных. Один глаз в крови и обезображен. Доктор Обермюллер надеется, что этот глаз поправится. Шуба внизу вся разорвана, но благодаря шубе Капри остался жив. Бедный человек! Страдать для кого, для чего?

Обермюллер (доктор, ген[ерал]-инспектор госпиталей) говорит, что он видел сегодня свыше шести раненых. Все имеют тот же внешний вид ранения: красные ямки. У Капри в глазу

осколок гранаты.

Жена одного из наших слуг видела тела убитых казаков, там, на месте. У одного из них вырваны из тела все внутренности. У солдата, который рассказывал о происшествии, шинель была вся в крови.

Кучер и лошади императора остались целы и невредимы.

Сегодня в 9 часов вечера была заупокойная служба. Я одел мундир и пошел во дворец. Но никого не пускали, кроме придворных, генерал-адъютантов и адъютантов императора. Таким образом, я вернулся.

Перед дворцом и Александровской колонной стояла толпа. Длинная черная полоса, окруженная полицией и жандармами. Дворец окружен полицией. У дверей стоят часовые…

2 марта 1881 г.

Все проснулись, как и я, думая, что это был ночной кошмар. Утренние газеты подтверждают новость. «Правительственный вестник» публикует очень достойный манифест императора Александра III.

Газеты сообщают некоторые подробности, между прочим, например, что покойный император за два дня перед этим получил взрывчатые пилюли…

В 10½ часов утра я отправляюсь в Дворянское собрание. Там собрались наши предводители. Мы назначаем панихиду у нас на завтра.

В городе, несмотря на утренний час, группы людей, покупающих и читающих манифест. Почти каждый встречный имеет в руках листок. Манифест этот продают на всех углах. Множество сановников проходит во всевозможных мундирах.

В час дня мы собираемся в Зимнем дворце. Казаки по двое разъезжают по Невскому проспекту с опущенными пиками; усиленная полиция.

Огромная толпа во дворце. Масса дам. Все в парадных платьях и мундирах без траура. Лица у всех печальны. Затем появляется кортеж. Во главе — император под руку с императрицей, — тоже без траура. Императрица в брильянтах и в ленте Св. Екатерины. Император и императрица с сокрушенными лицами, совсем красными от слез. Позади них маленький наследник престола. Затем вся императорская фамилия. Император остановился перед офицерами и сказал им несколько слов: он получил очень тяжелую ношу, он рассчитывает на их преданность… на то, что они будут ему служить, как служили его отцу… Волнение прерывает слова императора, и он плачет. Зал склоняется в молчании. Потом, когда император проходит перед

почетным караулом кавалергардов, они, отвечая на приветствие императора, кричат «ура». Тогда весь зал отзывается неистовым единодушным криком. Бросают и машут касками и фуражками. Офицеры взбираются на стулья. Многие рыдают. Великолепная и волнующая картина. «Ура» передается из зала в зал и замирает у церкви. Туда устремляется толпа, отталкивая дам, толкая все. Читают формулу присяги. Все поднимают руку. Потом дьякон громовым голосом провозглашает «многолетие» новому Императору Александру Александровичу и супруге его, благоверной Государыне Императрице Марии Федоровне, наследнику его цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу.

Это производит потрясающий эффект, Слушают с серьезными, бледными лицами. Потом двор возвращается с парада через все залы, и каждый выходит, отчаянно толкаясь локтями среди множества прибывших на эту церемонию. Те, которые могут, устремляются к перьям, чтобы подписать свою присягу.

После этого город принимает свой обычный вид. За исключением групп лиц вокруг продавцов манифестов и около портретов нового императора, выставленных в витринах эстампных магазинов, за исключением разговоров, а также печальных и озабоченных лиц большинства прохожих, — город принимает свою обычную наружность.

Меня уверяют, что распространялись секретные прокламации. Листы эти будто бы говорили: «Наш суд совершился. Совершилось мщение за 160 убийств». Затем эти листы угрожали будто бы новому императору. Давали ему будто бы только три месяца срока на то, чтобы изменить форму правления, под страхом, что его также убьют.

Казаки продолжают разъезжать шагом и с опущенными пиками по Невскому проспекту.

Говорят, что один из убийц был убит гранатой или разрывной бомбой. Другой задержан, не признается ни в чем и ему только 17 лет. Это студент Горного института. Эти люди образовали будто бы общество из пяти человек, руководители которого будто бы были задержаны несколько дней до этого. Во главе их находился один итальянец. Говорят даже, что заговор был открыт кавалером Нигра — итальянским послом.

Разрывная бомба совсем маленькая, белая и способна взорваться при малейшем прикосновении или сопротивлении.

Княгиня Юрьевская, говорят, находится в ужасном состоянии: рыдания, истерические припадки, обмороки. Художнику Маковскому поручено нарисовать покойного императора.

Перенесение тела в крепость должно состояться в четверг. Перед этим перевезут регалии из Москвы в С.-Петербург.

Окружающие императора Александра III будто бы отсоветовали ему всякие конституционные меры: «Нельзя уступать силе!»

Осторожные люди боятся теперь только одного — нового покушения, которое может последовать за вчерашним. Беспокойство это большое и общее. Бог да защитит Государя и его бедную жену. Но чем защищаться против этой несчастной группы убийц, видимо, решившихся на все? Конституция или, по меньшей мере, народное представительство, по-видимому, есть средство защиты, указанное провидением. Дай Бог, чтобы император не дал себя ослепить ужасным положением, в каком он находится.

Бедный Капри чувствует себя довольно хорошо; но все еще боятся за его глаз. Пострадало восемь казаков, из которых двое убито. У полицейского полковника Дворжицкого сорок маленьких ран. Кровь императора текла так сильно, сказал вел. кн. Михаил, что коридор во дворце был залит его кровью. Люди мочили свои платки в этой крови августейшего мученика. Впрочем, по мнению докторов, покойный император не много страдал. Он будто бы не приходил в сознание.

Я узнал официально, что император перед своей кончиной утвердил меня в звании предводителя с. — петербургского дворянства.

3 марта 1881 г.

Газеты этого утра сообщают некоторые подробности ужасного покушения 1 марта.

Около 1 часа я отправляюсь в мундире представляться Лутковскому. С тех пор как этот человек счел долгом удалиться в конце моей речи на обеде дворянства, мы почти не виделись. Он имел вид совсем пристыженный и совсем взволнованный.

После этого я пошел представиться к Лорис-Меликову, как предводитель, утвержденный в своих функциях, но: «Дома нет!» Расписываясь в его книге для посетителей, я был поражен подписью: «Эккеспааре, предводитель эзельского дворянства» на французском языке, несмотря на русскую подпись «фон-Бок, Лифляндский предводитель дворянства».

В 3 часа наш «Te deum»[34] в Дворянском собрании. Газеты недостойно дурно объявили об этой церемонии. «Голос», который в эти дни вообще не блещет ни своей преданностью, ни тактом, поместил наше объявление на последнем листке и не четко, к большому, впрочем, негодованию всех. Несмотря на это, пришло

очень много народу. Зал был драпирован и устлан черным с белыми украшениями, — вид вполне соответствующий. Были между другими: княгиня Куракина, статс-дама, старая графиня Орлова-Денисова, ex-любовница Тимашева, и ее сын; моя мать; старый Суворов, который рыдал, как ребенок, Паскевич, Васильчиков, Щербатов и его семья и сотня других.

После службы собрание предводителей решило подождать с представлением адреса с нашей стороны, из боязни помешать новому порядку вещей, которого ожидают от нового царствования.

Вечером, в 8 часов, «вынос тела» в Зимнем дворце. Дворец, освещенный á gorno.[35] Миллион людей. Все городские дамы в черном, многие с плерезами.[36] Все имело мрачный вид. Потом процессия. Великие князья и император несут гроб. В гробу видна бледная, безжизненная голова Александра II с легкими красными шрамами. В дверях церкви ужасная давка. Мужчины и женщины буквально давили друг друга. В церкви превосходный позолоченный катафалк и страшный сквозняк из-за разбитого вверху окна.

За гробом перед императором шла княгиня Юрьевская. В церкви она занимала первое место. Во время шествия ее поддерживали Юзефович и какой-то военный врач. Она была очень расстроена и бледна. После последнего целования императорская семья вновь прошла перед нами. Тогда толпа офицеров устремилась ко гробу; неописуемый и непристойный шум лавины распущенных молодых людей. Это продолжалось более часа.

Один солдат принес палец, найденный им в снегу на месте покушения. Доктора признали его сходство с мизинцем императора. Этот палец, положенный в уксус, был принесен к княгине Юрьевской. Бедная женщина упала навзничь. Однако она его сохранила.

Идет слух, что через три или четыре дня или недели встанет вопрос о созыве совещания именитых людей (notables), трех депутатов от каждого земства. Неизвестна еще программа, какая им будет предложена, но меня хотят уверить, что бумага об этом уже подписана.

Лорис сообщил княгине Юрьевской, что он подал императору свое прошение об отставке. «Не покидай меня, Лорис, — будто бы сказал император, — теперь такое для меня трудное время». — «Знаю, Ваше Величество, да не могу! Я не могу служить Богу и Маммоне! Я до того обожал покойного Государя… Сказать вам, что я так же обожаю вас, было бы соврать! Ему я посвятил трудовые часы и здоровье».

Теперь Лорис-Меликов хочет подумать о своем собственном здоровье. Уступая настойчивым просьбам императора, он наконец согласился ждать дня погребения, чтобы подать в отставку.

5 марта 1881 г.

Вчера открытие подземной мины под Малой Садовой. Весь город в беспокойстве, и все поражены. Спрашивается, каким образом генерал Б… (такова его начальная буква подписи в рапортах), который, во главе полиции, делал освидетельствование сырного магазина,[37] откуда выходила мина, ничего не знал? Толпа народа постоянно стоит перед двойной цепью полиции, которая не пускает приблизиться к месту, где сооружают колодезь, чтобы поднять мину. Говорят, что нужно еще некоторое время, чтобы его закончить…

По какому пути будет следовать погребальная процессия? Она была назначена на завтра, а сегодня утром отложена на послезавтра. Несмотря на «мостики», приготовленные через Неву, говорят, что процессия пойдет через Николаевский мост. Вся Английская набережная украшается и одевается в черные флаги и ткани, вплоть до фонарей, которые обвешаны траурными флагами. Впрочем, и другие улицы также убраны и расцвечены черными флагами. Говорят, что это скрывание пути, выбираемого для погребальной процессии, мотивировано, полученными угрожающими предупреждениями. Император будто бы вчера также их получил. Благодаря этому он провел вчера весь день в Аничковом дворце, никуда не выходя, и только к вечеру он, а также и императрица выехали в Зимний дворец, где и поместились.

Критикуют появление княгини Юрьевской на выносе тела во дворце и особенно ее аффектированное желание заставлять вести себя перед императрицей двум лицам.[38] Напротив, Боткин и другие говорят, что бедная женщина находится в ужасающем состоянии: у нее бывают частые обмороки, продолжающиеся более часа; ее члены сводятся и холодеют; считают ее даже умершей. Доктора говорят по секрету, что у нее бывают припадки падучей; она кричит и бьется. Княгиня Мария Воронцова, в своем обычном расположении духа, прибежала во дворец справиться о здоровье княгини Юрьевской. Ей сказали, что у нее «припадок сумасшествия».

Княгиня Юрьевская придает огромную ценность всему, что касается покойного императора.

Она хранит в уксусе палец императора, отысканный в снегу; его носовой платок; всякую вещь, запятнанную его кровью; его окровавленную рубашку и т. д. Она касается его тела; поднимает

его руку, целует в губы, в щеки. «Я хорошо знаю, — говорит она, — что скоро начнут его рисовать, как обычно (чтобы сохранить лицо), это все равно, я все буду целовать его в губы, это его тело». Кажется, что, несмотря на свой возраст, покойный император был еще полон сил, скорее она была слабее его. Последнему ее ребенку, я думаю, около 2 лет.

Лорис-Меликов, отсылая m-lle Шебеко и княгиню Мещерскую, испросил на этих днях специальное свидание у княгини Юрьевской и подтвердил, что он останется министром только несколько дней.

Покойный император будто бы подписал перед своей смертью указ о созыве трех членов от каждого земства в общее совещание.

Но этот проект закона, кажется, нелепый; члены земства призываются будто бы только для обсуждения тех или иных предложенных вопросов, после чего распускаются; пусть бы еще так, но они (члены) будут не избираемые, а назначаемые (nommés) правительством. Это — немного сильно.

«Одна конституция может нынче спасти Россию!» — «Никогда в жизни!» — «Да!» — «Никогда!» (Таковы ежедневные разговоры всех и всюду.)

Великий князь Владимир назначен начальником войск С.-Петербургского военного округа. Говорят, что вел. кн. Алексей замещает своего дядю Константина как генерал-адмирала. Это доставит большое удовольствие, потому что действительно вел. кн. Константин сделался ненавистным. Некоторые прямо обвиняют его в том, что он стоял во главе убийц. Хорошенькая репутация!

Вспоминается изречение покойного наследника Николая (умер в Ницце в… 1864 г., как кажется), который будто бы сказал: «Ни мне, ни брату моему Александру не суждено царствовать, а будет на престоле брат Владимир». Я помню, слышал это предсказание еще до смерти великого князя в Ницце.

Мой брат Андрей, студент, нам сказал также, что несколько дней тому назад в университете сорвали объявление: «Остерегайтесь, будет обыск на Садовой». Это любопытно в связи, с открытием там мины. Кажется, что полиция напала на след еще других мин.

Все это внушает ужас и страх.

Печатается по: *Каторга и ссылка, 1931, № 3, с. 94–106.*

Е. А. Перетц
ИЗ ДНЕВНИКА

1 марта

В два часа приехал ко мне статс-секретарь Государственного совета Н. М. Рембелинский, совершенно встревоженный, и сообщил мне, что до него дошел с двух различных сторон слух о новом, и притом ужасном, покушении на жизнь Государя. Я немедленно поехал с ним в Зимний дворец. К несчастью, весть была справедлива. По улицам была заметна какая-то особенная суетливость; все спешили ко дворцу. Туда же шли быстрым шагом войска; около дворца разъезжали казачьи патрули. В темном коридоре дворца, находящемся около покоев Государя, застал я уже многих высших сановников и придворных, а также дам. О подробностях страшного покушения узнали мы от конвойных казаков, бывших в коридоре. Некоторые из них, несмотря на раны, наскоро перевязанные носовыми платками, не покидали своих мест. Надежды на спасение Государя не было.

В кабинете, куда Его Величество был принесен на походной кровати, была только царская семья, граф Адлерберг и граф Лорис-Меликов. В три четверти четвертого пришли нам сказать, что Государь скончался. Почти все плакали. Горе было неподдельное.

В шестом часу вышел из кабинета Государя великий князь Константин Николаевич, бледный как мертвец, но спокойный. Крепко пожав мне руку, великий князь сообщил мне прерывающимся голосом, что вид тела покойного ужасен. Нижняя часть туловища страшно обезображена: кости обнажены и раздроблены, мясо висит кусками… Его Высочество не мог окончить того, что хотел сказать, закрыл себе лицо руками и зарыдал. Это происходило в конце коридора, вдали от собравшихся во дворце.

Когда великий князь несколько успокоился, я доложил ему о необходимости созвать членов Государственного совета в чрезвычайное заседание для принесения присяги новому императору. Вместе с тем я просил дозволения приехать к Его Высочеству, хотя бы поздно вечером, если бы оказалось необходимым сделать какое-либо экстренное распоряжение.

Великий князь разрешил мне это. Затем он мне объявил, что воцарившийся Государь примет Государственный совет завтра, после выхода, в Малахитовой зале. Между тем, еще до прихода великого князя, я поручил Рембелинскому немедленно

вытребовать из архива дело о вступлении на престол Александра Николаевича для того, чтобы иметь под собой твердую почву в необходимых распоряжениях.

Когда великий князь уехал, я встретился в коридоре с Сольским, совершенно расстроенным. Он сообщил мне, что в кабинет Его Величества для поклонения праху были допущены министры. Вступивший на престол Государь, присутствовавший при этом, был в ужасном волнении. Валуев подошел к Его Величеству и напомнил о том, что надо издать манифест. Составление манифеста Государь поручил Валуеву и бывшему тут же министру юстиции [Д. Н. Набоков. — *Сост.*]. Они, со своей стороны, вышел затем в коридор, пригласили при мне для совещания князя Урусова и Сольского. Валуев приосанился, воображая, что будет снова играть первую роль.

Встретился потом с Лорис-Меликовым в коридоре. Он ужасно бледен, но, по-видимому, спокоен.

Из темного коридора пошел я в государственную канцелярию. Так как в 7 часов дела еще не было, то я уехал домой. Вернулся в канцелярию в девятом часу. По случаю воскресенья, необходимости разыскивать чиновников и общей суматохи, дело было привезено только в исходе десятого часа. Из него я увидел, что покойный Государь, по вступлении на престол, принимая Совет в полном составе, произнес ему прекрасную и очень обстоятельную речь, записанную от слова до слова. Я поехал с этой речью к великому князю. Его Высочество признал необходимым сегодня же, хотя бы ночью, передать ее графу Адлербергу для доклада императору. Я поехал к графу; не застав его дома, я отправился во дворец. Там узнал я, после долгих расспросов, что граф в кабинете покойного, где присутствует при бальзамировании тела.

Когда пошли доложить графу Адлербергу о моем приезде, в ту комнату, где я ждал, явилась дама в глубоком трауре и заплаканная. Это была княгиня Юрьевская. Узнав, что тело бальзамируют, она удалилась. Граф Адлерберг вышел ко мне почти немедленно; было 12 часов. Граф был совершенно удручен горем. Он рассказал мне, что сегодня еще утром, перед разводом, покойный Государь сказал ему, что давно так хорошо себя не чувствовал.

Речь покойного граф Адлерберг взялся немедленно представить воцарившемуся императору.

2 марта

Рано утром получил я манифест. Он совершенно приличен, но, в сущности, не говорит ничего.

Чрезвычайное заседание Государственного совета было назначено в 12 часов. В заседании этом, по прочтении мною манифеста, было положено принести присягу императору и его наследнику. Затем все мы отправились к выходу Государя. Он и императрица вышли не только заплаканные, но, можно сказать, распухшие от слез. Несмотря на очевидное волнение, императорская чета весьма милостиво раскланивалась на обе стороны.

Перейдя через концертный зал, где были высшие государственные учреждения, и приблизясь к войскам, Государь сказал им краткую речь, в которой выразил надежду, что они будут служить ему, как служили незабвенному его отцу, а в случае, если бы угрожала Его Величеству такая же участь, как покойному императору, перенесут преданность свою на наследника престола.

По произнесении Государем этих слов весь дворец огласился громким и продолжительным «ура», смолкшим только тогда, когда императорская чета вступила в дворцовый собор, куда последовали за нею кроме царской семьи члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари и высшие придворные и военные власти.

В соборе, после прочтения министром юстиции манифеста, духовник Их Величеств Бажанов прочитал во всеуслышание присягу на верность подданства, которая повторялась вполголоса всеми присутствовавшими. По произнесении присяги Государственный совет удалился из церкви и собрался в назначенной Государем для приема Совета Малахитовой комнате.

Государь вышел в 2 часа. Прежде всего он подошел к стоявшему во главе Совета великому князю Константину Николаевичу и подал ему руку. Великий князь обнял Государя, который тогда, в свою очередь, обнял его. Затем Его Величество произнес, с некоторою расстановкою и чрезвычайно взволнованным голосом, приблизительно следующее:

«Господа!

Душевно сожалею, что я лишен возможности передать вам, по поручению самого покойного Государя, его благодарность. Смерть постигла его так внезапно, что он не мог ничего сообщить мне перед кончиной. Но, зная его чувства к вам, я смело могу взять на себя выражение вам от его имени благодарности за честную и усердную службу, которою вы в продолжение стольких лет оправдали доверие незабвенного императора.

Я до сих пор не имел еще возможности заслужить любовь и доверие ваши; но надеюсь, что вы перенесете на меня те чувства, которые питали к моему родителю, что буду достоин их и,

трудясь вместе с вами, принесу пользу России. Да поможет мне бог!

Еще раз благодарю вас всех от имени моего батюшки».

По произнесении этих слов Государь подошел к великому князю Михаилу Николаевичу, горячо обнял его, пожал руку принцу Ольденбургскому и некоторым другим старейшим членам Государственного совета, поклонился всем и ушел.

По удалении Государя Государственным советом подписаны были присяжные листы и журналы чрезвычайного собрания.

Когда большинство разъехалось, Урусов сообщил мне в двух словах, что для изложения манифеста они собрались вчера вечером у Валуева и что выручил их Сольский. Сам же Дмитрий Мартынович объяснил мне вслед за тем, что Валуев заготовил проект в том смысле, что задачи нового царствования заключаются в восстановлении порядка, в репрессии за совершенное преступление, одним словом, в реакции. Кроме того, Валуев говорил в своем проекте не о русском народе, а о населяющих Россию народах. Против всего этого возражал Сольский, другие с ним согласились, и тогда, соединенными силами, наскоро набросали манифест в том виде, как он опубликован.

Печатается по: *Дневник Е. А. Перетц (1880–1883). М. — Л., 1927, с. 23–26.*

П. А. Валуев
ИЗ ДНЕВНИКА

2 марта.

Вчера в 3-м часу пополудни роковое событие совершилось. Цареубийцы достигли своей цели. Подробностей не повторяю. На то газеты.

Утром Государь прислал за мной, чтобы передать проект объявления, составленный в министерстве внутренних дел,[39] с поручением сказать о нем мое мнение и, если я не буду иметь возражений, созвать Совет Министров на среду 4-го числа.

Я давно, очень давно не видел Государя в таком добром духе и даже на вид так[им] здоровым и добрым. В 3-м часу я был у гр. Лорис-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратил проект Государю без замечаний), когда раздались роковые взрывы. Я сказал: attentat possible.[40]«Невозможно», — сказал гр. Лорис-Меликов. Через пять минут все сомнения были устранены. Гр. Лорис-Меликов уехал во дворец в санях градоначальника. Я поехал туда же, по Миллионной. Там тотчас узнал, что надежды уже не было. Государь истекал кровью и был без сознания. Члены его семейства прибывали одни за другими. Коридор наполнился разным людом. Генералы, министры, офицеры, дамы. Смятение и горе общее. Но ясной мысли и соответствующей обстоятельствам воли я ни в ком не видал. Гр. Лорис-Меликов не растерялся наружно, но оказался бессодержательным внутренне Он должен был распоряжаться, но распоряжался как будто апатично, нерешительно, даже советуясь со мною или поддаваясь моим намекам. В первую минуту можно было ожидать уличных волнений; нужно было опереться на войско для охранения порядка. Я на том настаивал; но как будто не было командующих и штабов… К счастью, все обошлось благополучно в этом отношении. Улицы были полны народа до 10 час. вечера; но потом опустело. Когда я поехал в Аничковский дворец в 11-м часу, с проектом манифеста, Невский был похож на обыкновенный Невский в эти часы. Мне было поручено написать манифест. Исполнил это при сотрудничестве Набокова, кн. Урусова и Сольского. Переписал Набоков, и он же, по званию министра юстиции, поехал со мною в Аничков и после подписания манифеста взял его с собою для дальнейших распоряжений. Государь и императрица (еще непривычно их так называть!) были вдвоем. Впечатление homely[41] — доброе, семейное. Я читал проект; он подписан. Сегодня выход

воцарения. Весь город. Государь в слезах. В Николаевской зале он сказал несколько слов генералам и офицерам. В ответ прекрасное, дружное, долго не умолкавшее и затем чрез все залы Государя провожавшее «ура!!!». Я видел слезы почти на всех глазах. Войско у нас еще здорово. Все прочее — увы! — гниль! Однако слезы были и не на военных лицах, в том числе на дамских. Но слезы — чувство, а не сила. Добрые силы только в войске.

Печатается по: Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. Ред. и примеч. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг., 1919, с. 147–148.

В. М. Феоктистов
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

<…> «Диктатура сердца»[42] завершилась страшною катастрофой 1 марта. Я говорю «страшною», но так ли это? Помню ясно ужасное, потрясающее впечатление, произведенное на всех покушением Каракозова, но с тех пор целый ряд злодейств такого же рода в связи с подробными о них отчетами, наполнявшими страницы газет, притупили нервы публики. Мало-помалу она привыкла к событиям такого рода и уже не видела в них ничего необычайного. Около 3 часов дня я узнал, что Государь тяжело ранен, а вскоре за тем пришла весть и об его кончине. Все мы дома находились в крайне угнетенном состоянии духа, хотелось знать, как произошла катастрофа, кто ее виновники, и вечером я отправился в сельскохозяйственный клуб, где собиралось обыкновенно много посетителей и можно было, следовательно, собрать какие-нибудь сведения. Странное зрелище представилось мне: как будто не случилось ничего особенного, большая часть гостей сидели за карточными столами, погруженные в игру; обращался я и к тому, и к другому, мне отвечали наскоро и несколькими словами и затем опять: «два без козырей», «три в червях» и т. д. В следующие дни такая же притупленность; некоторые высказывали прямо, что в событии 1 марта видят руку провидения; оно возвеличило императора Александра, послав ему мученическую кончину, но вместе с тем послужило спасением для России от страшных бедствий, угрожавших ей, если бы еще несколько лет оставался на престоле несчастный монарх, который давно уже утратил всякую руководящую нить для своих действий, а в последнее время очутился в рабском подчинении княгине Юрьевской.

Известно, что упразднение «диктатуры сердца» вызвано было манифестом нового Государя — манифестом, в котором было заявлено о самодержавии как коренной, незыблемой основе нашего государственного строя. К. П. Победоносцев рассказывал мне, что еще в самый день 1 марта, поздно вечером, явился он в Аничков дворец и умолял Государя уволить Лориса-Меликова. Государь не счел этого возможным. Очень понятно, что под влиянием страшного удара, разразившегося над ним, он растерялся, не отдавал себе ясного отчета в положении дел и считал возможным удержать в управлении Лориса и его друзей. Быть может, они и пользовались бы — по крайней мере на некоторое время — властью, если бы упомянутый манифест не

привел их в неистовое раздражение. По рассказам весьма сведущих лиц, они (говорю о Лорисе-Меликове, Абазе и Милютине) были убеждены, что Государь не может обойтись без них, не найдет советников, которые пользовались бы такою же популярностью, а потому подали просьбы об отставке с твердою уверенностью, что останутся на местах, но случилось иначе. Кстати о манифесте: нередко приходилось мне слышать, будто он был сочинен совместно Победоносцевым и Катковым, — что за нелепость! Во-первых, Каткова не было тогда в Петербурге, а во-вторых, он ни тогда, ни впоследствии не одобрял манифеста, автором коего был Победоносцев. И действительно, к чему было это торжественное заявление перед лицом всего народа? В предшествовавшее время было немало заявлений подобного рода, и общество изверилось в них, приучилось не придавать им серьезного значения; требовалось действие, а не более или менее пышные формы; если Государь хотел засвидетельствовать, что со вступлением его на престол порвана всякая связь с прежним правлением, то достаточно было бы просто-напросто уволить министров, которые в общем мнении служили наиболее видными представителями этого направления. Всякий бы понял смысл этой меры. <…>

Печатается по: *Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы: 1848–1898. Л., 1929, с. 196–198.*

В. П. Мещерский
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
Глава 42

<…> Придавая особенно важное значение им придуманному, сообща с политическими друзьями, плану либеральных реформ, Лорис-Меликов неоднократно с ним обращался к Государю и по странной случайности достиг в своих стараниях лишь 1 марта 1881 года… Государю был преподнесен проект правительственного сообщения. Государь начертал на нем свое согласие, повелев лишь, чтобы прежде обнародования оно было прочитано в Совете Министров, который назначался 4 марта.

Но пока Лорис-Меликов с такой ребяческою страстностью добивался от Государя его согласия на созыв в комитет земских представителей, ни он, ни поставленный им во главу Петербурга градоначальник понятия не имели о том, какая крупная и решительная мера принималась заговорщиками для осуществления цареубийства.

Чтобы судить о том, как в этом отношении был непостижимо слеп граф Лорис-Меликов, достаточно припомнить, что накануне 1 марта Государь приобщался св[ятых] тайн,[43] и когда его поздравляли, то он говорил с сияющим лицом: «Поздравьте меня вдвойне: Лорис мне возвестил, что последний заговорщик схвачен и что травить меня уже не будут!..»

Когда же говорил эту ужасную ложь своему Государю Лорис-Меликов? Как раз в то время, когда Кобозев, после долговременной работы в подвале дома на Малой Садовой, оканчивал с своими сотрудниками мину, имевшую быть взорванною в минуту проезда Государя 1 марта, и когда Перовская подготовляла к тому же дню трех человек с бомбами, имевших быть расставленными по набережной Екатерининского канала. Полиция не только не знала о двух покушениях, подготовленных к 1 марта, но не мешала Кобозеву целые ночи устраивать в двух шагах от Невского проспекта свою мину в подвале…

Первое покушение на Малой Садовой не осуществилось, так как Государь не проехал по той улице. Но на Екатерининском канале Богу угодно было дать цареубийству свершиться.

По насмешке судьбы, заговорщики знали о возможности проезда Государя по набережной Екатерининского канала, и три преступника были поставлены с бомбами в руках на свои посты,

пока Перовская на другой стороне улицы — с платком в руках давала сигналы; а полиция не только не знала о том, что три бомбы ждут русского Государя на набережной Екатерининского канала, но не могла знать и того, что Государь может проехать по этой набережной.

Перовская со своими тремя исполнителями ждала Государя на набережной, где ни одного не было полицейского!..

Несмотря на душную и тревожную атмосферу, в которой мы жили в это время, без уверенности в руководящей нами власти, катастрофа для всех нас была ужасной неожиданностью: по появляющимся прокламациям, по брожению умов в университете мы догадались, что партия террористов бодрствует, но мы не подозревали, что полиция была доведена Лорисом до такой степени бессилия и неспособности, что покушение на жизнь Государя среди белого дня стало доступно всякому первому встречному.

Во многих местах Петербурга взрыв двух бомб был слышен и принят был за одинокие какие-то выстрелы. Лорис, как мне рассказывали, во время взрыва находился в кабинете министра государственных имуществ Валуева и весело болтал: однако, услышав эти звуки взрыва, он смутился неведением их причин и немедленно уехал. Я жил в это время на Захарьевской и был дома, ничего не подозревая. Только в четвертом часу дня прибежал ко мне один из служащих с ужасною вестью, что на Государя было смертельное покушение и что его умирающим повезли в Зимний дворец…

Немедленно одевшись в галунный мундир, я поехал на площадь Зимнего дворца… Увы, при взгляде на толпы, бессознательно-тоскливо двигавшиеся на площади или стоявшие в каком-то оцепенении, при виде уже массы экипажей сомнения не могло быть: что-то случилось. Почти немедленно по приезде пришлось пережить страшное душевное сотрясение…

Раздался первый удар исаакиевского благовеста к вечерней службе, и едва он раздался, как из двери собственного подъезда Зимнего дворца с обнаженною головою вышел старик князь Суворов и сквозь рыдания сказал: «Государь скончался!..»

…С первой минуты свершающегося в наших глазах исторического события, с первого взгляда на площадь стало для каждого ясно, что народного беспорядка, как немедленного последствия катастрофы, нельзя было ждать. Негодование к преступлению, ужас совершившегося события и сострадание к несчастному монарху, павшему жертвою преступления, — эти три чувства сливались в каждом человеке в эту минуту на площади; малейший проблеск не только сочувствия преступлению, но

равнодушие в ком-либо схватывались людьми из народа как повод искать мести за пролитую кровь, и в нескольких местах площади мы видели сцены расправы народа с заподозренными личностями, народ их хватал и вел к полиции, во дворе Главного штаба образовался внезапно какой-то приемный пост, и туда народ волочил каждого, кто ему казался подозрительным. Я упоминаю об этом факте как о важном историческом свидетельстве, насколько пылкая удача задуманного преступления была безумна и бесцельна как политическое событие, рассчитанное, очевидно, на народные беспорядки… Чувства, которые испытывал народ в эти минуты, были сильны и глубоки, но даже под влиянием подозрения, вдруг зарождавшегося в нем к тому или к другому лицу, народ не позволял себе дать волю своим чувствам и вел схваченного к полицейской власти. Начали съезжаться марш-маршем отряды казаков, но мы чувствовали и сознавали, глядя на тысячи и тысячи пораженного скорбью народа, что эти казаки были не нужны, и народ сам был в эту минуту надежнейшей охраной и опорой полнейшего порядка.

С площади я отправился в Зимний дворец. Там все было полно приезжающих со всех концов Петербурга узнать о случившемся. В комнату, где лежал Государь, никого не пускали: там были врачи и хирурги. Дежурным при Государе камердинером оказался Костин, бывший камердинером при покойном цесаревиче Николае Александровиче. Опять ужас смерти нас сталкивал, опять мы обнялись в порыве скорби и воспоминаний. Я попросил его мне дать что-нибудь на память о Государе; он вынес мне с его письменного стола гусиное перо, гладко обстриженное, сказавши: «Вот перо, которым в последний раз Государь писал», — и дал мне тоже окровавленное перо от султана каски. Быть может, этим пером бедный Государь подписал свое согласие на злосчастном докладе Лорис-Меликова о созыве земских представителей в реформаторскую комиссию.

В коридоре я наткнулся на Лориса. Не забуду его физиономии. Бледный, изнуренный и как бы убитый, он стоял, прижатый к стене, и с кем-то говорил. Невольно, глядя на эту роковую историческую фигуру, я слышал, как душа задавала вопрос: что выражает это лицо в эту минуту? Ужас угрызений, смертный приговор над собою как над государственным деятелем, слишком поздно сознавшим свою неспособность, свои заблуждения, или того же легкомысленного Лориса, растерянного и ошеломленного оттого, что сейчас он провожал до подъезда нового Государя и этот новый Государь ни звука ему не сказал?.. Тогда на вопрос не было ответа; но, увы, через два дня я

припомнил этот вопрос вечера 1 марта и понял, что тогда передо мною стоял озабоченный подозрением немилости царедворец. Смерть его благодетеля Государя явилась для него не тем, чем должна была быть, причиною его конца, но случайным эпизодом, под ударом которого он даже не почувствовал и не понял роковой связи с своею политическою ролью. Бежать с поста, бросив власть, он, разумеется, в эту минуту не мог. Но он мог, забыв о себе, ужаснуться своей ответственности за полную беспомощность полиции в минуту, когда все поняли, что эта беспомощность полиции являлась угрозою над новым Государем. Об этом он не подумал; но о продолжении разговоров, прерванных минутою 1 марта, на тему либеральных реформ Лорис уже думал в вечер с 1 на 2 марта, и политическая гостиная, где он черпал свое вдохновение и слушал либеральные речи, как ни в чем не бывало, уже 3 марта, манила к себе Лорис-Меликова.

Печатается по: *Мещерский В. П. Мои воспоминания. Часть 2 (1865–1881). Спб., 1898, с. 495–500.*

ИЗ ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ ОФИЦЕРА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОГО ПОЛКА [44]

<…>В воскресенье, 1 марта 1881 года, в первое воскресенье великого поста, по обыкновению, в манеже Инженерного замка происходил развод с церемонией.

Развод был назначен от л[ейб]-гв[ардии] Саперного батальона; кроме него участвовали в разводе военные училища и внутренний караул от тяжелой кавалерии, и подъезжали конные ординарцы.

Я служил в то время в л[ейб]-гв[ардии] Конном полку корнетом. От нашего полка на ординарцы подъезжал[45] великий князь Дмитрий Константинович.

Гр. Лорис-Меликов уговаривал Государя не ездить на развод, докладывая, что есть указания на то, что готовится новое покушение. Но Государь непременно пожелал ехать на развод, и одной из причин этого желания была та, что вел[икий] к[нязь] Дмитрий Константинович подъезжал на ординарцы.[46]

Я присутствовал на этом разводе и в последний раз видал черты столь любимого и столь великого Государя. Он был в мундире Саперного батальона, был очень весел и много говорил с окружающей его свитой. Впоследствии говорили, что лицо его имело будто бы земляной оттенок, предвещавший его близкую кончину, но я ничего такого не заметил.

По окончании развода я вышел из манежа одним из первых, так что, садясь в мои сани, я видел отъезжавшего вдали Государя. Я очень спешил и не обратил внимания, куда он поехал, но мне показалось, что он повернул на Малую Садовую, хотя оказалось, что он проехал во дворец вел. княгини Екатерины Михайловны. Я велел кучеру ехать на Б. Морскую, куда мне надо было заехать к фотографу Баллингеру за карточками, — и повернул на М. Садовую. Хорош бы я был, если бы Государь поехал действительно по М. Садовой!

Я пробыл недолго у Баллингера и поспешил домой, где у нас собралось несколько человек по случаю дня именин моей сестры. Во время пребывания моего у Баллингера и по дороге я не слышал никакого звука взрыва, но помню, что на обратном пути я видел народ, бежавший от Невского проспекта по Екатерининскому каналу, по направлению ко дворцу великой княгини Екатерины Михайловны. Тогда я не обратил на это никакого внимания.

Приехав домой, я не велел откладывать лошадей, вошел в

квартиру, переоделся в сюртук и вышел в столовую, где сидела моя семья и гости. Входит Ольга Ивановна Мосолова и рассказывает, что ей извозчик говорил о покушении на жизнь Государя. Я говорю на это, что этого не может быть, так как я только что видел Государя. В то время как мы были в нерешительности — верить или не верить, — входит знакомый Николай Васильевич Моисеенко-Великий и рассказывает, что Государя ранили. Я не выдержал и решил ехать тотчас же во дворец. Ольга Ивановна в перепуге и в слезах попросила меня довезти ее до дома, а так как мне было по дороге, то я сейчас же согласился на это, прося только поспешить. Как только я выехал из дома, я встретил моего рейткнехта[47] с запиской из канцелярии полка, в которой приказывалось немедленно ехать в полк. Я тут же понял, что все кончено, — и ужас наполнил мою душу. Тем не менее я решил довезти Ольгу Ивановну до дому и потом ехать в полк. У Спаса Преображения мне встретился прапорщик гв. конной артиллерии Борис Николаевич Козлянинов, гнавший во весь опор и кричавший мне на ходу: «il est mort, il est mort».[48] Слезы невольно брызнули из глаз моих, я снял фуражку и перекрестился.

Отвезши Ольгу Ивановну и захватив из дому револьвер, плащ и каску, я поскакал в полк, где застал почти всех офицеров в сборе. Лошади в эскадронах были заседланы и замундштучены, людям розданы боевые патроны. Все почему-то ожидали какого-то возмущения и беспорядков; все потеряли голову и положительно не хотели верить смерти Государя, несмотря на то что многие видели нашего солдата Проскудина, несшего с другими от места преступления до саней смертельно раненного Государя; и рукав шинели Проскудина был выпачкан в крови этого дорогого мученика. Шинель эта хранится в полку.

Мы ожидали приказа выступать, но его не последовало. Да и куда выступать? Зимний дворец без того был весь оцеплен казаками, батальон преображенцев стоял во дворе его.

Все офицеры отправились в клуб, где велено было оставаться впредь до особого приказания. Командир полка барон В. Б. Фредерикс опасался, чтобы на умы солдат не подействовало убиение Государя; один из офицеров сидел постоянно в эскадроне; мы сидели по очереди, по два часа. Солдаты отнеслись ко всему довольно хладнокровно: они интересовались подробностями, сулили всякую пакость виновникам, но неповиновения никакого не оказывали, и в десять часов все уже храпели, за исключением дежурных и дневальных.

Не то было с офицерами: мы не спали всю ночь, все время говорили о страшном событии, об этом мерзком подлом

убийстве, о прошлой жизни царя и о том, что ожидает нас впереди. Никогда я не забуду бледного лица поручика Глинки-Маврина, через несколько часов не могшего опомниться от страшного вида пронесенного мимо него умирающего Государя, в то время как Глинка стоял во внутреннем карауле. Когда Глинка рассказывал это, у него выступал пот у корней волос, и всем нам становилось жутко. Страшную и печальную ночь мы провели.

На другой день утром мы всем полком присягали у себя в большом манеже. Штандарт из дворца привез со взводом поручик Тиздель. Мы все были в парадной форме, без траура. Полк вытянулся вдоль стен манежа, Тиздель с конным взводом стоял у стены, выходящей на Исаакиевскую площадь. Мы все подняли правую руку со сложенными для креста пальцами, повторили за священником слова присяги и приложились к кресту и евангелию.

К 12 часам мы съехались в Зимний дворец. Наш полк стоял на своем всегдашнем месте, у портрета императора Николая, изображенного на нем в форме конной гвардии. Поневоле мы, конногвардейцы, вспомнили о том, как Николай I и Александр II любили наш полк, — и у всех пронесся вопрос: «А что новый Государь, так же ли полюбит конную гвардию, или другой какой-нибудь полк займет наше место в его расположении к нам?» — «Да, — как бы отозвался на общую мысль штабс-ротмистр Каменев 1-й, — вот видишь, тут император в форме Конного полка! А наша песня, кажется, уже спета!» — добавил он немного спустя. «Как так?» — спросил кто-то. «А вот увидишь, что кавалергарды возьмут верх!»

И правдивы были эти слова. После двух царствований конногвардейцы уступали опять место кавалергардам, которых сделал Павел I и которым тот же Павел I отдал место, всегда до него принадлежавшее конногвардейцам.

Когда вошел в наш зал Государь, то все были поражены его горестью и убитым видом.

«Господа, — сказал он, остановившись как раз около нас, — благодарю вас за службу моему покойному отцу; надеюсь, что вы не оставите меня в эту тяжелую для меня минуту и будете так же служить мне и моему сыну; а когда меня не будет…» Он не мог продолжать и зарыдал.

С секунду было гробовое молчание, и вдруг единодушное громовое «ура» раздалось по всему залу; другим звуком мы не могли выразить ему всю смесь чувств, волновавших нас в ту минуту: тут было и полное сердечное сочувствие его горю, и наше собственное горе о потере отца и царя, и беспредельная преданность ему, цесаревичу и престолу; и каких чувств тут не было! И все выразилось, все вылилось и вырвалось в одном

могучем российском крике «ура». Я видел многих заслуженных генералов и боевых офицеров, у которых слезы градом катились по щекам.

Да! При великом событии мы присутствовали: мы видели закат великого и славного царствования — великого не в одних российских летописях, но стяжавшего себе величие и славу на скрижалях всемирной истории. <…>

Печатается по: *Щукинский сборник. Вып. 4. М., 1905, с. 203–206.*

Н. Лавров
1 МАРТА 1881 ГОДА
Из воспоминаний отставного рядового

<…> День 1 марта 81 г. был ясный, теплый. Я с некоторыми моими товарищами, пользуясь очень редким для нас свободным временем, пред чисткой и уборкой лошадей, которая у нас начиналась с 6 ч. вечера, расположились у открытого, выходящего в Царскосельский парк, окна за самоварчиком, почайничать.

Мне в этот день как раз был день рождения. Я запас немного водочки, рому и к этому подходящей закуски, и начали мы пользоваться столь редким для нас спокойствием в свое полнейшее удовольствие и благодушествовать, попивая горячий пуншик, мирно беседуя о далеких наших родных местах, о далеко оставленных родных. Между прочим, мне пришла почему-то в голову странная мысль, оказавшаяся какой-то вещей. «Что, — говорю, — братцы, если бы сейчас тревогу затрубили, как бы мы стали справляться со своей седловкой и вооружением, требуемыми для сбора по сигналу тревоги, и начали соображать и припоминать, где у нас находятся нужные для этого вещи, как, например, бушматы, флажки для пик, чумбуры и др.?» И решили, что второпях-то и сам черт не вдруг найдет.

В это время мы слышим звон бубенчиков и грохот экипажей, мчавшихся полным карьером из города мимо нас по Петербургскому шоссе, запряженных своими и ямскими тройками. (Наши казармы находились в Софийском предместье.) Все эти экипажи были переполнены офицерами разных полков, живущими в Царском Селе: нашими гусарскими, стрелковыми, кирасирскими и какими-то еще другими. Мы сначала предположили, что они едут с какого-нибудь веселого пикника или пирушки, но, вглядываясь в их лица, увидели, что на это что-то не похоже — все они были мрачные и чем-то сильно озабочены. Причина этого объяснилась очень скоро, почти тотчас же явился к нам в казармы дежурный по полку офицер, который приказал седлать нам по тревоге, как при этом требуется, не дожидаясь сигнала тревоги трубой, который, может быть, будет, а также одеться и вооружиться во все при этом положенное по уставу и находиться при своих конях. Причину же этого странного распоряжения он нам ничуть не объяснил, но в это время, пока мы разыскивали наши бушматы, чумбуры и другое, приехала из Петербурга в тот день выезжавшая туда жена нашего вахмистра, которая сообщила, что убит или тяжело ранен

Государь. И объяснила, что все отправляющиеся из Петербурга железнодорожные поезда с момента происшедшей катастрофы были остановлены, почему и офицеры скакали на лошадях.

Мы заседлали очень скоро, хотя перед этим только что предполагали, что нужные нам вещи найдем не скоро, а также оделись, вооружились и получили понемногу боевых патронов. А потом мы сели около своих лошадей, предаваясь тяжелым думам, прислушиваясь, не слышно ли сигнала тревоги, но его не было, а вместо этого нас позвали в казармы, где приказали нам собраться в нашу образную, в которой увидели нашего полкового командира, со страшно расстроенным лицом и который, когда мы все уже собрались, заявил нам прерывающимся от слез голосом, что наш любимый Государь был тяжело ранен и сейчас уже скончался, что мы в великом смущении выслушали, и также у многих на глазах появились слезы, хотя до этого и впоследствии я ни у одного гусара слез не видал, даже иногда при каких-нибудь увеченьях или других жестоких страданиях. После этого сообщения мы пропели «Вечная память» в бозе почившему Императору и «Со святыми упокой» — нашему дорогому Государю и снова ушли в свои конюшни, в которых пробыли всю ночь, не раздеваясь и не расседлывая лошадей до 6 ч. утра, когда их нужно было кормить, поить и чистить.

Эту ночь мы провели, как будто бы это была и не ночь, обо сне и помину не было ни у кого. Всю ночь мы проговорили про покойного Царя, вспоминая его любовь и ласку к нам. Сердце кровью обливалось от совершившегося такого страшного злодейства. Мы его все без исключения очень любили, и замечательно то, что в нашем эскадроне, отбывая свою воинскую повинность, служили чуть не половина и по крайней мере треть лица, по своему общественному положению ранее не обязанные отбывать свою воинскую повинность, были тут между нами и родовитые князья, множество потомственных дворян, дети чиновников, духовенства и т. д., но никто из нас на покойного, утвердившего эту повинность, Государя никакой претензии не имел, конечно, было много недовольных этим положением, но только не на Государя.

И если бы тогда, да и впоследствии, нас пустили в атаку на народ, сказав, что это сделал он, то, кажется, никакие в мире силы нас не остановили — все вдребезги бы разнесли. И если бы в толпе были и близкие нам, то не пощадили бы ни приятелей, ни друзей и даже не пожалели бы ни братьев, ни сестер, ни отца, ни мать родную, всех бы к черту смяли и конями бы в грязь и прах растоптали, так беззаветно любили и обожали мы все Царя — освободителя и обновителя России. До того мы были озлоблены и

впоследствии, когда все обошлось тихо и смирно, что мы были даже как-то недовольны, что не удалось сорвать наше зло и отомстить за нашего столь любимого Государя.

Печатается по: *Лавров И. 1 марта 1881 года. Ревель, 1901.*

СЛЕДСТВИЕ

СЛЕДСТВИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
515
ОСОБАГО ПРИСУТСТВІЯ
ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ДѢЛЪ О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ
ДѢЛО
о мѣщанинѣ Николаѣ Рысаковѣ, крестьянинѣ Андреѣ Желябовѣ, Тимофеѣ Михайловѣ, сынѣ священника Николаѣ Кибальчичѣ, дворянкѣ Софьѣ Перовской и мѣщанкѣ Гесѣ Гельфманъ, обвиняемыхъ въ совершеніи 1-го Марта 1881 года злодѣянія жертвою коего палъ Богъ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.
Томъ 1-й
№ 44

ИЗ ДОКЛАДОВ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА, В. К. ПЛЕВЕ, А. В. КОМАРОВА

II

<…> 1 марта была отправлена следующая телеграмма московскому обер-полицмейстеру и московскому генерал-губернатору:

«Один из скрывшихся соучастников сегодняшнего преступления — Михаил Фроленко.[49] Приметы: роста выше среднего, скорее высокого, блондин лет 27, сутуловат, крепкого сложения, довольно плечист, но не полный. Мог выкрасить волоса и сбрить бороду, которая была у него редкая. Похож на простого рабочего. Прикажите осматривать поезда, прибывающие в Москву. Вышлите агентов экстренным поездом, который вам дадут по первому требованию, на что распоряжение сделано, в Клин или далее, чтобы осмотреть почтовый поезд, отсюда вышедший сегодня без осмотра».

В телеграмме московскому генерал-губернатору к цитированным словам прибавлено следующее:

«Метательный снаряд передан преступнику разыскиваемой женщиной Акимовой, она же Баска [А. В. Якимова. — *Сост.*]. Приметы: высокого роста, блондинка, лет 25, сегодня скрылась, могла выехать».

Роль, приписываемая Якимовой, была выполнена в действительности С. Л. Перовской. Тут власти ошиблись, как ошиблись они, предполагая, что с А. И. Желябовым в не обнаруженной пока квартире жила Якимова, когда на самом деле жила С. Л. Перовская.

Данные о женщине, передавшей снаряд, были получены от Н. И. Рысакова. Содержание первого допроса Рысакова было доложено начальником жандармского управления генералом Комаровым графу Лорис-Меликову в следующем рапорте (от 2 марта 1881 г., № 595):

«Посягнувший 1 сего марта на жизнь священной особы Государя Императора тотчас после задержания, был подвергнут допросу, причем заявил, что он из мещан города Тихвина, Николай Иванович Рысаков, 19 лет от роду, вероисповедания православного, воспитывался первоначально в вытегорском уездном училище, а затем в череповецком реальном училище и с сентября месяца 1879 года по декабрь 1880 года был в Горном институте. Сочувствуя революционному движению в духе

программы „Народной воли“, примкнул в январе 1881 года к революционной партии, начав действовать среди рабочих на разных петербургских фабриках, агитируя побудить их к открытому восстанию с целью политического и экономического переворота.

Примкнувши к партии, сделался нелегальным и, живя по фальшивому паспорту на имя мещанина Макара Егорова Глазова, столкнулся с одним из известных в революционной среде под именем Захара [А. И. Желябов. — *Сост.*], исповедовавшим также программу террора. В одно из таких свиданий был решен вопрос о покушении на жизнь Государя Императора, причем Рысаков дал согласие быть исполнителем. О способе к покушению и о плане определенных разговоров не было, хотя из намеков Захара вывел заключение, что оно произойдет посредством взрыва. Дня за три до покушения Рысаков виделся с Захаром, и последний сказал, что в воскресенье, 1 марта, должно произойти покушение и назвал при этом место, где должен был проехать Государь Император: это — правая набережная Екатерининского канала; для этого Рысаков должен был утром 1 марта от 9 до 10 часов утра прохаживаться по Невскому проспекту от угла Новой улицы до вокзала, для получения снаряда, а в 12 часов встретился с известным ему также лишь под кличкой „Михайло“ [И. П. Емельянов. — *Сост.*] в кондитерской Андреева.

В назначенный час Рысаков получил снаряд от незнакомой ему дамы [С. Л. Перовская, — *Сост.*], которая при этом его предупредила, чтобы он обращался с ним как можно осторожнее и не выронил бы. Дама эта, подойдя к нему, назвала его Беломором, т. е. кличкой, носящейся им в революционном кружке.

Разговаривая с Михаилом, он упомянул, что Государь Император наверное должен ехать по набережной Екатерининского канала, но откуда ему это было известно — Рысаков не знает.

В ожидании проезда Рысаков вышел из кондитерской Андреева, не ожидая никакой в этом замысле поддержки, и, встретившись с Государем, после минутного колебания, бросил снаряд, не зная вовсе его действия, но промахнулся, не рассчитав времени, направляя же его под лошадей в том предположении, что его разорвет под самой каретой.

У Михайла также был такой снаряд, как у Рысакова, и он при свидании в кондитерской сказал: „Будем действовать“. Действительно, насколько припоминает Рысаков, Михайло шел впереди его, также по Екатерининскому каналу, и он видел, уже после того, как сам бросил снаряд, что произошел другой

выстрел.

С названным Михаилом Рысаков познакомился через своего товарища по делу, известного ему под кличкой „Инвалид“.

О чем имею честь донести Вашему Сиятельству, докладывая, что к розысканию скрывшихся злоумышленников тотчас приняты самые энергичные меры». <…>

Генерал Комаров 3 марта… донес в департамент полиции:

«Государственный преступник Николай Иванович Рысаков 2 сего марта изменил прежде данное свое показание в той части, где он указывал на получение разрывного снаряда на Невском проспекте от дамы, тогда как разрывной снаряд им был получен 1 марта на революционно-конспиративной квартире, находящейся по 1-му участку Александро-Невской части, по Тележной улице, но № дома не помнит. Мною тотчас был командирован майор Шеманин вместе с товарищем прокурора Богдановичем в названный участок для проверки домовых книг, и буде окажется какая-либо квартира сомнительная, то произвести в ней обыск. По рассмотрении домовых книг обратил на себя внимание дом № 5, кв. № 5, почему и положено было отправиться в нее с обыском.

По прибытии в квартиру они встречены были вопросом: „Кто там?“; и на ответ: „Жандармы с прокурором“ — послышались выстрелы, счетом шесть. Дверь квартиры была выломана, и на полу в первой комнате оказался застрелившимся, выстрелом в голову, хозяин квартиры [Н. А. Саблин. — *Сост.*], которого звание еще не обнаружено, а далее молодая девушка, не пожелавшая сначала сказать, кто она, но, по предъявлении ей карточки, оказалась Гельфман Гессе.

По обыску в квартире найдены два взрывчатых состава, много прокламаций и несколько новых, от 1 марта по поводу совершившегося посягательства на жизнь Государя Императора Александра II. Гельфман Гессе арестована.

По предъявлении сего числа, ночью, трупа неизвестного человека, умершего в придворном госпитале от ран, полученных при посягательстве на жизнь в бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича, преступнику Николаю Рысакову и Андрею Желябову, первый из них признал своего товарища по агитаторской деятельности в среде рабочих, известного ему под именем Михаила Ивановича, по прозвищу Котик [И. И. Гриневицкий. — *Сост.*], который в день посягательства 1 марта был с ним на конспиративной квартире, но получил ли он разрывной снаряд, наверное не знает; по всей вероятности, это есть то лицо, которое бросило второй

метательный снаряд, от разрыва которого скончался Государь; Михайло же, о котором он упоминал в первом показании, бывший с ним в кондитерской Андреева, — другое лицо.

Желябов от дачи каких-либо объяснений, по предъявлении ему мертвого тела, отказался».

III

<…> В рапорте генерала Комарова от 3 марта находим чрезвычайно ценные и любопытные подробности первой очной ставки Желябова и Рысакова <…>:

«Квартирная хозяйка Николая Рысакова, Прасковья Ермолина, заявила, что к Рысакову ходило несколько лиц, и одно из них — по приметам — указывало на Желябова. Вследствие такого заявления Ермолиной Желябов был привезен из Дома предварительного заключения и предъявлен Ермолиной, но она не признала в нем лица, посещавшего Рысакова.

Затем Рысаков и Желябов были предъявлены друг другу, причем они встретились как близкие знакомые, пожав друг другу руки. На вопрос Желябову, под какою фамилиею ему известен был предъявленный человек, он отвечал, что нелегальная его фамилия Глазов, а легальная — Рысаков.

Затем Желябов обратился к прокурору палаты с просьбою объяснить ему, что такое случилось, что его разбудили в 2 часа ночи; и когда ему объявлено было, что сделано покушение на священную жизнь в бозе почившего Государя Императора, тогда Желябов с большою радостью сказал, что теперь на стороне революционной партии большой праздник и что совершилось величайшее благодеяние для освобождения народа, цель партии осуществилась, что со времени казни Квятковского и Преснякова дни покойного Императора были сочтены, за ним следили даже и тогда, когда он ездил по институтам, и ежели он не принял действительного участия в бывшем покушении, так только потому, что был лишен свободы, а нравственно он вполне сочувствует удавшемуся злодейству.

На предложенный ему вопрос выяснить как форму, так и состав того метательного снаряда, который был употреблен для злодейского умысла против Государя, он отвечал, что форм их несколько: есть овальные и четырехугольной формы; состава же определить не может, так как он не техник, а для этого в партии существует специальный технический комитет. Объектом всех террористических действий партии был в бозе почивший Государь Император, как главный виновник погибели многих лучших ее членов и как составлявший главную помеху их

действий, затем ежели с восшествием на престол Е. И. В. Государя Императора Александра Александровича ожидания партии не исполнят и она встретит такое же противодействие, то не остановится и в будущем прибегать к таким же покушениям и против него. Для исполнения террористических целей партии у них есть организация боевой дружины, состоящая из добровольцев. К дружине этой принадлежит и Желябов. В воскресенье, 1 марта, в 1 час дня, гуляя в Доме предварительного заключения, он прислушивался, не произойдет ли какого движения, так как по воскресным дням легче было прослеживать его поездки, зная привычку в известный час отправляться на развод».

Центральное значение личности Желябова и его заявления было оценено и прокурором с. — петербургской судебной палаты В. К. Плеве. Им была составлена помещаемая ниже записка, предназначавшаяся для графа Лорис-Меликова и для нового монарха. <…>

«При исследовании злодейского преступления 1 сего марта было обращено внимание на то, что событие это, являясь осуществлением программы террористической фракции русской социально-революционной партии, следовало непосредственно за арестом некоего Андрея Желябова, участника не только ноябрьских покушений 1879 г., но и всех совещаний, происходивших в последнее время в среде общества, по поводу замышляемого возобновления террористических мероприятий по отношению к священной особе в бозе почившего Государя Императора.

Поэтому возникло предположение, что арестованный вечером 27 минувшего февраля Желябов участвовал в обсуждении и окончательном установлении плана последнего преступления, совершенного через 40 часов после его задержания. Такое предположение нашло себе подтверждение в объяснениях арестованного Рысакова, который указал на Желябова как на лицо, уговорившее его участвовать в преступлении.

Призванный к допросу, Желябов показал следующее: признавая нравственную солидарность с лицами, посягнувшими на покойного Государя Императора, он причисляет себя к участникам преступления, так как решение народовольцев возобновить посягательство на жизнь в бозе почившего Государя хотя и не успело вылиться ко времени ареста его, Желябова, в окончательный план преступления, тем не менее было вполне подготовлено, ибо для нового покушения на священную особу Государя была уже сформирована группа революционеров, которая, под руководством нескольких лиц, в том числе и его,

Желябова, была вечером 27 февраля настолько близка к совершению задуманного им злодейства, что он, Желябов, находясь под стражей и не зная о дне, избранном для приведения преступного замысла в исполнение, в воскресенье, гуляя по двору тюрьмы, ожидал грозного события.

При весьма продолжительных объяснениях с поименованным Желябовым было им заявлено, что деятельность сообщества, упорно стремящегося к совершению государственного переворота, хотя и стоит вне того или другого настроения общества по отношению к правительству, изменяющегося под влиянием тех или других мероприятий власти, тем не менее сообразуется поневоле с направлением сих мероприятий. При этом на предлагавшиеся ему вопросы по поводу продолжительного перерыва в террористических преступлениях отвечал: „До казни Квятковского и Преснякова партия считала себя связанною в свободе действия, а потому и казнь этих лиц, несмотря на то что смертью их вырывались, так сказать, нервы партии, была приветствована с восторгом, напротив — помилование раскисшего Адриана Михайлова[50] было встречено с нескрываемым чувством досады“.

Вполне согласно с рассказом Желябова о приготовлениях к преступлению, Рысаков объяснил, что предварительные сходки происходили, во-первых, на Симбирской улице, в квартире смертельно раненного на месте происшествия молодого человека, по прозвищу Котик (личность, бросившая второй снаряд и умершая через 8 часов по доставлении в больницу); во-вторых, на Тележной улице, в доме № 5, откуда в воскресенье утром и были получены метательные снаряды.

Обыск в этой квартире, — причем хозяин ее, отстреливаясь от прибывших на место товарища прокурора палаты Добржинского и сопровождавших его должностных лиц, застрелился и сам, — привел к обнаружению двух метательных снарядов, по-видимому тождественных с употребленными в дело 1 марта, и прокламации, при сем прилагаемой. В квартире, кроме того, арестована молодая женщина, жившая по подложному паспорту. Настоящая ее фамилия Гессе».

IV

<…> К Рысакову, Желябову и Гельфман был 3 же марта присоединен Тимофей Михайлов. Об его аресте градоначальник доносил в департамент полиции:

«После производства в ночь с 2 на 3 текущего марта обыска и задержания лиц в квартире дома № 5 по Тележной улице

учреждено за этою квартирою секретное наблюдение. Утром 3 марта сюда явился неизвестный человек, при задержании которого им произведены из револьвера шесть выстрелов, причем контужен помощник пристава 1-го участка Александро-Невской части, губ[ернский] секр[етарь] Слуцкий, в правую сторону груди с ушибом легких, и ранены: городовой полицейского резерва Ефим Денисов в правый пах и агент секретного отделения с легким повреждением наружных покровов носа и контузией правой стороны головы.

Несмотря, однако же, на вооруженное сопротивление, неизвестный человек, называющий себя Андреевым [Т. М. Михайлов. — *Сост.*], был доставлен в секретное отделение и передан в распоряжение судебной власти.

Вчерашнего числа по делу о преступном злодеянии 1 сего марта были обнаружены указания на участие в преступлении крестьянина Смоленской губернии, Сычевского уезда, деревни Гавриловка Тимофея Михайлова, которого мещанин Рысаков признал за человека, бывавшего на сходках членов социалистического кружка, на коих было обсуждаемо задуманное ими террористическое предприятие. По удостоверению Рысакова, Михайлов, кроме того, утром в день катастрофы находился в квартире застрелившегося Фесенко-Навроцкого [Н. А. Саблин. — *Сост.*], накануне же ездил за город пробовать пригодность приготовленных для преступления метательных снарядов и, по возвращении, передавал об удачном исходе опыта, так как один из снарядов, будучи брошен, разорвался при прикосновении к поверхности довольно рыхлого снега.

Михайлов, несмотря на оговор Рысакова, виновным себя не признал, заявив, что участие его в делах социально-революционного кружка заключалось только в принадлежности к составу боевой рабочей дружины.

В течение вчерашнего же дня доведено было до сведения производящих дознание, что крестьяне Кобозевы, мужчина и женщина, хозяева сырной лавки, помещающейся в доме № 13 по Малой Садовой улице, скрылись из занимаемой ими лавки, оставив следы производившихся у них в помещении земляных работ. Осмотр лавки привел к убеждению, что из жилья, смежного с ней, веден был под середину улицы подкоп, предназначенный для устройства в нем мины, взрывающейся при действии на нее гальванической батареи, которая осталась в лавке. Исследование подкопа, еще не оконченное по затруднительности и опасности производить работы ночью, к вечеру вчерашнего числа дало возможность пройти минеру на три сажени от начала галереи до водосточной трубы, где замечено вырезанное отверстие, давшее

возможность усмотреть заложенные в трубу проволоки.

Необходимо заметить, что лавка Кобозева, как сообщил с. — петербургский градоначальник, обращала на себя и ранее внимание полиции, но возникшие по сему поводу сомнения устранены были проверкою паспорта, оказавшегося настоящим, и осмотром лавки при участии техника, каковой осмотр не дал никаких результатов. Дознано, что Кобозев в последний раз отлучился из лавки 3 марта, в 8 часов утра, жена же его скрылась в течение дня.

Сказанное открытие, подтверждая важное значение для дела плана, оказавшегося в квартире по Тележному переулку, вызвало необходимость розыскных действий по отношению к другим указанным на плане местностям, из числа коих особое внимание вызвала Манежная площадь, отмеченная тем же, что и подкоп на Малой Садовой, знаком.

Вследствие сего в течение минувшей ночи, под руководством прокурора окружного суда Сабурова и при участии одиннадцати товарищей прокурора, чинами корпуса жандармов и полиции были осмотрены подвальные помещения домов по Манежной площади, а также произведены обыски в двух квартирах, из коих одна, помещающаяся в третьем этаже в доме № 29, с окнами во двор, обратила внимание вследствие родственных отношений хозяина ее с лицами административно-ссыльными, другая же — потому, что одна из комнат ее оказалась запертой. Осмотр подвальных помещений не привел ни к каким результатам в смысле выяснения подозрительной отметки на плане. Обыски же рассеяли возникшие сомнения, так как в первой из указанных выше квартир ничего компрометирующего жильцов ее найдено не было, а во второй запертая комната оказалась временным помещением лица с известным общественным положением, предназначенным, по-видимому, для свидания с женщиной».

<…> Граф Лорис-Меликов докладывал царю: «В последние дни выяснена личность застрелившегося при обыске в Тележной улице и заарестовании еврейки Гессе Гельфман неизвестного (Навроцкий). Личность эта оказалась бывшим студентом Московского университета Николаем Алексеевым Саблиным, привлекавшимся в качестве обвиняемого к делу о 193 лицах. Тождественность этой личности установлена предъявлением фотографического снимка с трупа самоубийцы командиру батальона лейб-екатеринославского гренадерского полка подполковнику Саблину, который признал в нем родного брата».

Александр III на полях доклада против последних строк надписал: «Приятно иметь такого брата».

V

Граф Лорис-Меликов представил Александру III следующий доклад:

«Долгом считаю всеподданнейше доложить В. И. В-у, что 10-го числа, в 5 часов пополудни, на Невском проспекте, против памятника императрице Екатерине II, по указанию девицы Луизы Сундберг, задержана околоточным надзирателем 1-го участка Нарвской части Широковым женщина, проживавшая по 1-й роте Измайловского полка с Андреем Желябовым, в доме № 18, квартире № 23, под именем вдовы Лидии Антоновой Войновой [С. Л. Перовская. — *Сост.*]. Арестованная отказалась назвать свое имя, указать квартиру и вообще дать какие-либо показания. При осмотре у нее отобраны различные прокламации. По предъявлении задержанной обоим дворникам дома № 18 по 1-й роте Измайловского полка, а также торговцу табачного магазина, все они в ней признали именно ту женщину, которая жила с Андреем Желябовым. По доставлении ее в с. — петербургское губернское жандармское управление, арестованная в 11¼ часов ночи созналась, что она Софья Львовна Перовская. Как известно из показания Гольденберга, личность эта, живя в Москве, вместе с Гартманом, принимала деятельное участие во взрыве 19 ноября 1879 года».[51]

Генерал Комаров 13 марта донес графу Лорис-Меликову:

«Главною руководительницею злодеяния 1 марта была дочь действительного статского советника Софья Львовна Перовская. Совершение преступления окончательно решено было 28 февраля; всю ночь на 1 марта занимались несколько человек приготовлением на квартире разрывных снарядов, которых к утру изготовлено было два. Около 10 часов утра 1 марта Софья Перовская принесла два разрывных снаряда на конспиративную квартиру, в Тележную улицу, где уже находились Рысаков, Михайлов, Котик, Михайло, квартирная хозяйка Гельфман и застрелившийся, ныне признанный, Саблин.

Софья Перовская обратилась к собравшимся и сказала, что снарядов только два, более приготовить не успели, надо довольствоваться тем, что есть; затем последовало объяснение плана покушения и подробная инструкция каждому, какую роль играть и где находиться. Предполагалось, что в бозе почивший Государь Император, отправляясь к разводу в Михайловский манеж, последует из Зимнего дворца по Невскому проспекту, по Малой Садовой и Большой Итальянской улицам. В этом случае Рысаков, получив разрывной снаряд, должен был находиться у

памятника императрице Екатерине, Котик и Михайлов, имевшие также разрывной снаряд, должны были стоять в публике, на углу Аналой Садовой и Итальянской, против дома министерства юстиции, сама Софья Перовская находилась на углу Невского проспекта и Малой Садовой.

О существовании подкопа Рысакову ничего не было известно.

Ежели бы предположение их исполнилось, т. е. Государь Император поехал по Малой Садовой, то на этой улице должен был произойти шум, на который Рысаков должен был тотчас направиться; ежели бы каким-либо случаем Государь Император спасся от взрыва подкопа, веденного из дома графини Менгден, что в конце улицы, находившиеся Котик и Михайлов, должны были действовать разрывным снарядом. В том случае, когда путь следования в Михайловский манеж в бозе почивший Государь Император изберет другой, то всем поименованным лицам, тотчас по проезде Государя, собраться в Малую Михайловскую улицу, где, по ранее условленному с Перовской знаку, который заключался в том, что при встрече она вынет носовой платок и высморкается, Рысаков, Котик и Михайлов должны отправиться на Екатерининский канал и занять там указанные места: Рысаков — саженей 15 от Инженерной улицы, а Котик, по тому же направлению, в 20-ти или более саженях расстояния; сама же Перовская, вернувшись на Невский проспект, перейдя Казанский мост, отправилась по другой стороне Екатерининского и стояла у Конюшенного здания, против Инженерной улицы, наблюдая за выездом Государя Императора из дворца великой княгини Екатерины Михайловны, с целью дать знать платком своим единомышленникам и наблюдать за их исполнением.

Для большей точности распределений и указания мест назначенным лицам Софья Перовская, находясь на конспиративной квартире, начертила план, в копии при сем представляемый.

По предъявлении сего числа показания Рысакова Софье Перовской она подтвердила, что роли лицам розданы и план рисован ею». <…>

Прямым дополнением к донесению Комарова является доклад Плеве от 14 марта, на котором имеется надпись Александра III: «Читал»:

«Обвиняемый мещанин Рысаков, продолжая давать откровенные показания, объяснил, что метательные снаряды были принесены 1 марта утром в квартиру по Тележной улице техником и Перовской, которая, доставив два снаряда, объявила, что больше не успели изготовить и что над изготовлением принесенных ею работали всю мочь. Далее из объяснения

Рысакова видно, что еще с осени прошлого года он, по поручению Перовской, следил за проездом в бозе почившего Государя Императора и отчет в своих наблюдениях каждый раз отдавал Перовской. По удостоверению Рысакова, чертеж, найденный в квартире по Тележной улице, был составлен 1 марта утром Перовской в упомянутой квартире, с целью точного определения места действия каждого из участников злодеяния; в числе же лиц, отправившихся для метания снарядов, Рысаков называет Тимофея Михайлова.

Независимо от изложенного, в последнем показании Рысакова имеется новое указание на молодого человека, по имени Аркадия, занимавшегося агитацией в среде рабочих; к обнаружению последнего и к выяснению его личности приняты надлежащие меры».

[Из доклада М. Т. Лорис-Меликова 20 марта]:

«Сегодня утром доставлен из секретного отделения градоначальства задержанный 17 марта на Лиговке известный преступник Кибальчич, сын священника, бывший студент Института инженеров путей сообщения, а затем императорской Медико-хирургической академии, приготовлявший взрыв царского поезда под Одессою в 1879 году. Допрошенный сегодня Кибальчич сознался, что он — техник, изготовлявший метательные снаряды, которые были брошены 1 марта и найдены, кроме того, в Тележной улице, и что ранее сего он принимал участие в изготовлении динамита для всех покушений, бывших в 1879 году, и продолжал заниматься тем же делом в 1880 году. Допрос продолжается. Прокурор судебной палаты признает необходимым привлечь его, как одного из главных преступников, к суду одновременно с Желябовым, Перовскою и другими, для чего приняты все меры к окончанию дознания не позже завтрашнего дня».

VI

[Из доклада В. К. Плеве 21 марта]:

«Вслед за арестом Кибальчича с. — петербургскою полицией задержаны были еще два члена социально-революционной партии, из коих один, называвший себя Капустиным, был арестован в квартире Кибальчича, а другой, именовавшийся Золотницким, навлек подозрение тем, что, незадолго до арестования Кибальчича, был с ним в Публичной библиотеке.

Золотницкий на допросе признал себя бывшим студентом Института инженеров путей сообщения Арончиком,

разыскиваемым вследствие предъявленного к нему, по указанию известного Гольденберга, обвинения в том, что участвовал в покушении на жизнь в бозе почившего Государя Императора, имевшем место 19 ноября 1879 г., в Москве.

Именующийся Капустиным признан равным образом содержащимся в с. — петербургской крепости ссыльнокаторжным Окладским за разыскиваемого Михаила Фоменко — одного из главных деятелей революционного движения. Заявлению Окладского, до проверки его другими данными, не представляется возможным дать безусловную веру, так как приметы арестованного не сходятся с имеющимися описаниями примет Фоменки.

Оба названных лица Арончик и предполагаемый Фоменко — привлечены к дознанию о террористах, начавшемуся в ноябре прошедшего года арестом Александра Михайлова».

VII

Генерал Комаров 2 апреля доносил:

«Допрошенный вчерашнего числа государственный преступник Николай Колодкевич показал, что квартира в доме графа Менгдена, из которой предполагалось сделать подкоп под Малую Садовую улицу, была нанята в начале января на имя Кобозева, но назвать лицо, проживавшее под этой фамилией, Колодкевич не пожелал.

В половине января, до дня его арестования, т. е. до 26 января, Колодкевич принимал участие в работе этого подкопа, и при нем была разобрана часть стены по направлению к улице. Кроме него участвовали в этой работе и другие лица, но назвать их он не желал. Время окончания подкопа определено не было, а зависело от успеха самой работы. Что же касается других каких-либо планов и цели подкопа, то точного ничего при нем определено не было.

Относительно факта покушения, имевшего место 1 марта, по словам Колодкевича, это есть продолжение фактов того же рода, имевших место ранее этого преступления.

По предъявлении фотографических карточек Колодкевич признал: 1) Капустина — за лицо, известное ему под именем Михаилы, настоящая фамилия которого должна быть Фроленко, но об участии его в одесском предприятии объяснить ничего не желает; 2) Перовскую, Кибальчича, Гесю Гельфман, Тригони и Оловенникову знал под настоящими их фамилиями; 3) Рысакова, Арончика и Тыркова встречал, но где, не помнит, последних двух — несколько раз, а первого, т. е. Рысакова, — один раз; 4)

Тимофея Михайлова вовсе не знал, Андрея Желябова, Веру Николаевну Филиппову [В. Н. Фигнер. — *Сост.*] и Саблина знал, последнего очень мало.

В предъявленной ему карточке известного под именем Котика признал личность, фамилия которого, если не ошибается, есть Гриневицкий».

Окончательно установлена личность Гриневицкого только в апреле, как видно из следующего донесения генерала Комарова от 23 апреля:

«При дальнейших розысках по обнаружению настоящего звания умершего 1 марта сего года в придворном конюшенном госпитале, проживавшего, как оказалось впоследствии, под именем Ельникова, возникшее предположение, основанное на поразительном сходстве Ельникова с бывшим студентом С.-Петербургского технологического института, механического отделения (католического вероисповедания), Игнатием Гриневицким, вполне подтвердилось как предъявлением его фотографической карточки старшему наблюдателю при учащихся в С.-Петербургском технологическом институте надв[орному] сов[етнику] Момбелю, так и студенту того же института Антону Гавронскому, которые в карточке, снятой с Ельникова, признали Игнатия Гриневицкого, уволенного из института 1 июня 1880 г.

Кроме того, фотографическая карточка именовавшегося Ельниковым была предъявлена на месте родины Гриневицкого, в Гродненской губ., Вельского уезда, в имении „Гриневичи большие“, как родным Гриневицкого, так и лицам, знавшим его, причем все эти лица, за исключением отца Гриневицкого, давшего уклончивый ответ, заявили, что предъявленная карточка изображает Игнатия Гриневицкого».

1 апреля генерал Комаров донес:

«Государственный преступник Николай Рысаков в последних показаниях своих сделал указание на какого-то студента, известного ему под именем Аркадия, на обязанности коего лежало слежение за Государем Императором по улицам и отдание затем отчета о действиях своих Софье Перовской.

Последствием розысков был задержан студент С.-Петербургского университета Аркадий Владимиров Тырков. По предъявлении его Рысакову последний признал в нем именно того студента Аркадия, который следил за Государем Императором.

Спрошенный вслед за тем Тырков отрицал всякое свое знакомство и участие в преступном сообществе, а на допросе вчерашнего числа заявил, что принадлежит к социально-

революционной партии фракции „Народной воли“, познакомившись с учениями ее года два тому назад. Осенью 1879 года сошелся с личностями, известными ему под именами Ефима Андреевича и Надежды Степановой, — членами партии „Народной воли“ [А. И. Желябов и С. Л. Перовская. — *Сост.*].

В ноябре или начале декабря месяца 1880 года Ефим Андреев предложил Тыркову следить за выездом Государя Императора, для чего ему были назначены час и место слежения, а спустя неделю он должен был являться с отчетом в квартиру, указанную ему Ефимом Андреевичем (где эта квартира находится, Тырков сказать не желает), и передавать о результатах Надежде Степановне, в лице которой он в настоящее время признает Софью Перовскую. Местом обычного слежения для Тыркова была набережная Невы от Дворцового моста до Летнего сада, причем раза два он был также во время развода и у Михайловского манежа.

Из лиц, следивших за Государем Императором, Тырков кроме себя называет Николая Рысакова, Софью Перовскую и лицо, именовавшее себя Иваном Михайловичем или Михаилом Ивановичем. Места же, времени, лиц и способа, которым должно было совершиться злодеяние 1 марта, он не знает. Об участии в наблюдении Елизаветы Оловенниковой также не знает, и на вопрос, не была ли квартира Оловенниковой той квартирой, где он отдавал отчет Перовской, Тырков, не давая прямого ответа на этот вопрос, заявил, что Перовскую там не встречал».

Об аресте Исаева градоначальник представил графу Лорис-Меликову доклад… 1 апреля:

«При продолжении розысков по делу Желябова и Кибальчича выяснено было знакомство с последним Золотницкого, уже задержанного, а равно и других подозрительных лиц, появлявшихся в частной библиотеке отставного генерал-майора Комарова.[52]

Сего числа, при прослеживании за одним из подозрительных лиц, называвшимся, как говорят, Ляминым, он застигнут был в районе 4-го участка Московской части, при встрече и таинственных переговорах на улице с темными личностями. При этом захвачены только что уволенный из Лесного института сын чиновника Николай Гомалицкий, не имеющий определенного места жительства, и другая личность, не объявившая при задержании своего имени, при дознании же в секретном отделении оказавшаяся бывшим студентом Медико-хирургической академии Григорием Исаевым, тем самым, который, по показанию Рысакова, свел его с Желябовым и состоит

главным участником в тайной типографии и в тайной же фабрикации динамита.

Квартиры своей Исаев не объясняет, и потому к разысканию ее приняты меры.

После отправления записки 1 сего апреля о задержании бывшего студента Медико-хирургической академии Григория Исаева в обнаруженной квартире мещанина Лямина произведен обыск, при котором найдены различные прокламации, очевидно предназначавшиеся для распространения. Паспорт Лямина оказался фальшивым, и личность, по этому документу проживавшая, оказалась бывшим студентом С.-Петербургского университета Папием Подбельским, тем самым, который нанес оскорбление действием бывшему министру народного просвещения и в квартире которого, как выяснилось из следствия по делу Желябова и Рысакова, устраивались с преступною целью сходки.

Исаев, Подбельский и Гомалицкий передаются в распоряжение с. — петербургского губернского жандармского управления, а дальнейший розыск продолжается».

[Из донесения генерала Комарова 3 апреля]:

«2 сего апреля казненному ныне государственному преступнику Николаю Рысакову был предъявлен задержанный полицией бывший студент Медико-хирургической академии Григорий Исаев, в котором Рысаков признал своего знакомого, известного ему Григория. Познакомился с ним, насколько припоминает, через Кибальчича, а в декабре прошлого года Рысаков, по предложению названного выше Григория (Исаева), перевозил полученные с Николаевского вокзала два ящика, как значилось в накладной, с зеркалами; в действительности же в них, по словам Григория, находился типографский станок. За отвозом этой клади следили: Кот Мурлыка (Колодкевич), Порфирий — Александр Баранников и Григорий Исаев. У Никольского рынка, на Большой Садовой, Рысакова встретил Исаев, который предложил ему передать станок какой-то барышне, а сам с Рысаковым вернулся назад, так что Рысаков не знает, куда поехал извозчик с этой кладью.

Григорий Исаев всегда казался Рысакову каким-то утомленным, и руки его, как и руки казненного Желябова, были испачканы в чем-то черном, что дало возможность предполагать Рысакову, что оба они занимались набором шрифта для „Народной воли“.

Утром 1 марта Григорий Исаев должен был быть в конспиративной квартире по Тележной улице, и Рысаков видел

его вместе с каким-то маленьким рыжеватым господином на Невском пр., в числе других лиц, ожидавших проезда Государя Императора.

В Григории Исаеве Рысаков предполагает помогавшего технику Кибальчичу устраивать снаряды.

Из квартир, в которых отдавался отчет о наблюдении за проездом Государя Императора, Рысаков указал квартиру студента Медико-хирургической академии Тычинского, по Большой Дворянской улице, дом № 8, кв. 10. Перовская и Желябов были знакомы с этим Тычинским, и последний был раза два на очереди для наблюдения».

[Из доклада М. Т. Лорис-Меликова 5 апреля]:

«Сведения, полученные при исследовании злодеяния 1 марта, вызвали ряд мер к раскрытию как ближайших участников этого преступления, так равно и тех лиц, которые находились в преступных отношениях к главным виновникам злодеяния. Кроме того, появление в обращении значительного количества прокламаций от так называемого „исполнительного комитета“ послужило основанием ко многим обыскам с целью обнаружения составителей и распространителей прокламаций.

Производящиеся ныне при с. — петербургском жандармском управлении дознания представили в последние дни обильные результаты, между которыми особенное значение получают нижеследующие разоблачения:

1 сего апреля задержан в С.-Петербурге бывший студент Медико-хирургической академии Григорий Исаев, в котором государственный преступник Рысаков признал ближайшего участника злодеяния 1 марта. На допросе Исаев, сознавшись как в этом злодеянии, так и в участии в покушении 19 ноября 1879 года в Москве, объяснил, что вместе с Кибальчичем он изготовлял метательные снаряды и вообще принимал деятельное участие в преступлении 1 марта. Кроме того, дознанием вполне установлено участие Исаева в покушении 19 ноября 1879 года, а также и то, что в 1880 году он был хозяином квартиры по Большой Подьяческой улице, дом № 37, где изготовлялся динамит для террористических предприятий революционной партии.

2 апреля получено указание, что преступница Перовская принимала отчеты от лиц, следивших за выездами в бозе почившего Государя Императора, в квартире студента Медико-хирургической академии Тычинина. Вследствие этого Тычинин арестован и на допросе признал, что в декабре прошлого года в квартире его собирались неизвестные ему лица для каких-то

переговоров; лицам же этим он уступил свою квартиру по просьбе одного своего знакомого. К обнаружению последнего, не названного до сего времени Тычининым, принимаются надлежащие меры».

IX

Генерал Комаров 9 апреля представил графу Лорис-Меликову обширное донесение:

<…> «По возвращении в Петербург Меркулов узнал от Желябова, что на Малой Садовой открыта лавка на имя Кобозевых и что ему, Меркулову, нужно туда поступить за молодца, но пробыл всего дня три, так как по росту не подходил к типу молодцов и притом не умел резать сыр. В те дни, когда прислуживал в лавке, ничего не знал о предполагавшемся взрыве, но видел там заходивших в лавку: Саблина, Кибальчича, Желябова, Котика и Михаила Николаевича или Николая Михайловича, фамилию коего не знает, но признает его в карточке Тригони.

Недели за две до своего ареста Меркулов, Желябов, Кибальчич, Котик, Рысаков и Тимофей Михайлов ездили в Парголово пробовать снаряды; их было два, из них один бросил Кибальчич, а другой Тимофей Михайлов, но взорвало только один снаряд, и то слабо. В эту-то поездку Меркулов узнал, что готовится покушение на жизнь Государя Императора, затем услышал подтверждение этого, зайдя по приглашению Желябова на квартиру Саблина и Гельфман, по Тележной улице, где застал Котика, Перовскую, Михайлова, Кибальчича, Желябова и Рысакова.

Накануне ареста своего Меркулов, по поручению того же Желябова, носил в лавку Кобозева пустые мешки, а в день ареста, 28 февраля, из квартиры Желябова снес Кобозеву большую бутыль, зашитую в мешок, весом фунтов десять. Кто был Кобозев, наверное не знает, но думает, что это был вот именно человек, который изображен на предъявленной карточке (Юрий Богданович). Женою Кобозева была женщина, которую Перовская называла Баскою (Анна Якимова). В разъяснение личности Кобозева Меркулов заявил, что он весьма хорошо рисует и по ремеслу чертежник, имеет брата, служащего в какой-то конторе на Почтамтск. ул., где занимает видное место».

13 апреля Комаров донес о новых разоблачениях Меркулова:

«Вновь допрошенный, в разъяснение некоторых частей предыдущего показания, Василий Апполлонов Меркулов

(Яковенко) заявил, что в то время, когда он проживал в лавке Кобозевых, однажды ему случилось быть свидетелем разговора, происходившего между Кобозевым и его сожительницею, что Кобозевы до переезда в сырный магазин на Малой Садовой улице проживали здесь же, в С.-Петербурге, на квартире какого-то обер-кондуктора, служащего на Николаевской железной дороге и имеющего здесь свой дом или меблированные комнаты. С этим обер-кондуктором, по словам Кобозевых, они хорошо были знакомы; Меркулов же ни места жительства, ни фамилии обер-кондуктора не знает.

Слышал он также от Кобозевых, что они предполагали, по выезде из С.-Петербурга, жить или в Киеве, или в Одессе и что употребляемая некоторыми из лиц этой партии кличка „Юрка“ или „Юрий“ принадлежит Кобозеву.

Кобозевых кроме указанных уже лиц посещали и другие, но Меркулов, зная лишь одни клички, описывает весьма подробно приметы их.

От Саблина слышал, приблизительно в январе месяце, что он давал для чтения писателю Успенскому газету „Народную волю“ и спрашивал у Успенского его мнение о достоинстве той или другой статьи, помещенной, как думает, в № 4 „Народной воли“. На этом основании Меркулов заявляет, что Саблин был в близких отношениях с Успенским и, может быть, квартира Успенского служила и даже служит пристанищем для Кобозевых и других нелегальных лиц.

В изменение предшествующего показания Меркулов заявил, что отрекомендовал его в лавку Кобозевых не Желябов, а, как теперь припоминает, Григорий Исаев.

В квартире Геси Гельфман и Тетерки, по Троицкому переулку, где помещалась типография, кроме уже указанных лиц встречал Савелия Златопольского (разыскиваемого циркуляром), родного брата Льва Златопольского (арестованного), и знал его под кличкой „Савка“, а также видел там Грачевского, известного между революционерами под кличкой „Птица“, приносившего туда, неизвестно для какой цели, какие-то жестяные банки. Меркулов Грачевского знал еще несколько лет тому назад, в Одессе, когда последний служил кочегаром пли помощником машиниста на Одесской железной дороге и посещал одесский кружок рабочих.

„Савку“ Златопольского также знал по Одессе, встречая его обыкновенно вместе с Колодкевичем; по возвращении же из Кишинева в С.-Петербург здесь его не встречал, но знал, что он жил в Петербурге, и слыхал, что в середине зимы „Савка“ уезжал зачем-то в Киев. Грачевского видел в последний раз во время

поездки на опыт пригодности снарядов в Парголово, причем лица, участвовавшие в этой поездке, собрались в будке конно-железной дороги, близ клиники Виллие, и туда-то Грачевский принес один из метательных снарядов и передал его Кибальчичу, сам же Грачевский участия в поездке не принимал.

Относительно Григория Исаева добавляет, что видел его приносившим в квартиру Гельфман и Тетерки набранные статьи или прокламации. Набор же, как полагает, Исаев брал из той типографии, где печаталась „Народная воля“.

Также передает, как слух, что где-то в конце Большой Садовой или близ Египетского моста, кажется, на Могилевской улице, есть конспиративная квартира, куда весьма часто, после общих собраний в трактирах, направлялся Грачевский.

При этом Меркулов предлагает свои услуги: ежели ему предоставят возможность, то он готов, под строгим надзором по отношении к нему полиции, указать всех известных ему лиц, проживающих в С.-Петербурге и принимавших участие в покушениях на жизнь в бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича».

Генерал Комаров 22 апреля доносил в департамент полиции:

«По указанию привлеченного к делу террористов Василия Меркулова (Яковенко) задержан был сын псаломщика Иван Емельянов, известный, по показанию государственного преступника Рысакова, в кругу революционеров под кличкою „Михаила Иванович Сугубаго“.

По передаче секретным отделением канцелярии градоначальника 20 сего апреля Емельянова, во вверенном мне управлении он вчерашнего числа был допрошен, причем показал, что в деле покушения 1 марта сего года, жертвой которого пал в бозе почивший Государь Император Александр Николаевич, он, в числе других участников, имел также метательный снаряд, полученный им утром 1 марта в конспиративной квартире, с целью покушения на жизнь священной особы Государя Императора.

1 марта утром виделся с Рысаковым и затем, в ожидании проезда Государя Императора в Михайловский манеж, имея под рукой обвернутый в бумагу метательный снаряд, стоял на углу Невского и Малой Садовой улицы, но так как Е[го] В[еличество] избрал другой путь, то, по знаку Перовской, лица, имевшие метательные снаряды, перешли на набережную Екатерининского канала, причем Емельянов занял место на правом углу Инженерной улицы и Екатерининского канала, на левом, противоположном, углу стоял казненный Тимофей Михайлов, а

далее, по Екатерининскому каналу, — Рысаков и Котик.

В момент первого взрыва, последовавшего от метательного снаряда, брошенного Рысаковым, Емельянов приблизился к месту совершения преступления, а затем, когда последовал второй взрыв и Емельянов увидел, что цель их достигнута, приблизился к Государю Императору и, по его словам, из человеколюбия — первый помог Его Величеству приподняться.

Затем, соединившись вместе с Тимофеем Михайловым, отправились в конспиративную квартиру, в Тележную улицу, и оставили там оба метательные снаряды, которые в действительности и были отобраны по обыску в этой квартире».

X

28 апреля был арестован Н. Е. Суханов. О первых его показаниях находим любопытные подробности в донесении генерала Комарова в департамент полиции от 29 апреля:

«Спрошенный, задержанный полицией минный офицер, лейтенант флота Николай Евгеньевич Суханов, сознался в том, что принадлежит к революционной партии, работал в подкопе из магазина Кобозева, снаряжал снаряд, оказавшийся в мине, и снаряжал, вместе с другими, метательные снаряды 28 февраля, но в какой квартире, сказать не пожелал. Бывал у Желябова, знал Перовскую, Кибальчича, Колодкевича, Фроленко, Исаева и Саблина, что же касается до Ланганса и Юрия Богдановича, карточки коих ему были показаны, то по поводу их отказался дать ответ. Из его, однако же, разговора видно, что он хорошо знает Ланганса, но отказывается сказать о нем потому, что о задержании его еще ничего не знает; из рассказов его также видно, что именно Богданович был Кобозев.

Активного участия собственно в день 1 марта не принимал и в квартире по Тележной улице и по Троицкому переулку не бывал».

Печатается по: *1 марта 1881 года. Пг., 1918, с. 12–69.*

ПОКАЗАНИЯ РЫСАКОВА

[1 марта] . Зовут меня — Николай Иванов Рысаков. **От роду имею** — 19 л., **вероисповедания** — православного. **Происхождение и народность** — из мещан г. Тихвина, Новгородской губернии; русский. **Звание** — жил по паспорту вятского мещанина Макара Егорова Глазова. **Место рождения и место постоянного жительства** — родился в Белозерском уезде Новгородской губернии Арбозерской волости, на лесопильном заводе Курдюк; с января сего года живу в Петербурге и последнюю квартиру имел на углу 9-й ул. Песков и Мытнинской, д. № не помню, кв. 17. **Занятий** — никаких. **Средств к жизни** — жил в последнее время на средства рабочей организации. **Семейное положение** — холост, имею брата Федора и трёх сестер: Александру, Любовь и Екатерину; все они живут на заводе Громова, в Олонецкой губернии. **Экономическое положение родителей** — отец Иван Сергеев и мать Матрена Николаева живут на лесопильном заводе Громова в Олонецкой губ. Вытегорского уезда, где отец мой служит управляющим заводом. Живет на получаемое жалованье. **Место воспитания и на чей счет воспитывался** — прежде в Вытегорском уездном училище, а затем в Череповецком реальном училище, на собственные средства, а с сентября 1879 года был в Горном институте по декабрь 1880 года. **Причина неокончания курса, в случае выхода из заведения, с указанием самого заведения** — окончил курс в Череповецком реальном училище по механико-техническому отделению в 1878 году. **Был ли за границей, где и когда именно** — не был. **Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены** — не привлекался. **На предложенные мне вопросы отвечаю:**

К революционной партии я примкнул в начале января 1881 г., т. е. начал действовать среди рабочих на разных петербургских фабриках при поддержке партии, а до того с сентября 1879 г. пропагандой не занимался — сталкивался с рабочими, обучая их грамоте. Сочувствовал же я русскому революционному движению в духе программы «Народной воли» еще до поступления моего в Горный институт. Агитируя между рабочими, я побуждал их к открытому восстанию с целью политического и экономического переворота. Примкнувши к партии, я сделался нелегальным и стал жить по паспорту на имя Макара Егорова Глазова, который получил, пока не помню, от кого и при каких обстоятельствах. Обстоятельства же, заставившие меня сделаться нелегальным, следующие: я заметил

слежение полиции за мной по поводу обыска, бывшего у меня, почему я предполагал, что меня могут выслать; обыск же был произведен у моего квартирного хозяина, с которым я не имел никаких столкновений и фамилии которого не помню. Это было по Среднему проспекту, на Васильевском острове, нумера дома и квартиры не помню. Будучи уже нелегальным, я познакомился с человеком, которого мне назвали Захаром [А. И. Желябов. — *Сост.*]. Мы имели продолжительный разговор о рабочем деле, который окончился тем, что для успешного рабочего движения необходима, по крайней мере, охрана его от шпионов, т. е. кроме агитации нужно посредством террористических действий защищать наше дело от покушений его расстроить. Я был, как и в то время, так и теперь, вполне согласен с этой мыслью, так как терроризм признаю за одно из средств, способствующих делу — открытому восстанию. В то же время, т. е. свидание, у нас зашел разговор о покушении на жизнь Государя Императора. Я высказал свои мысли, стараясь доказать, что открытое восстание невозможно по инициативе самого народа, что он настолько обессилен и разъединен, что не встанет вследствие недовольства существующим порядком до тех пор, пока не явится смелый и решительный предводитель, каким в прошлое время были самозванцы. Этот предводитель есть социально-революционная партия «Народная воля». Когда же он сказал, что не откажусь ли я от каких-либо террористических действий, то я ответил, что нет. Он прибавил, что на крупные террористические действия нужно кроме желания еще некоторое революционное прошлое. В ту минуту я такового не имел, а потому не мог рассчитывать, чтобы партия предложила мне что-либо. Я не считал свое прошлое, полное только отчасти агитацией, за такое, которое служило бы достаточной гарантией за мою революционную надежность. Поэтому я и не решался спрашивать про задуманное партией, считал это нескромным, да притом и не думал, чтобы партия доверилась мне настолько, чтобы могла безбоязненно открывать свои планы. Поэтому я спокойно по-прежнему занимался организацией рабочих кружков.

Дело по организации велось довольно успешно, что, кажется, и было причиной нового свидания с Захаром. Таких свиданий было несколько, однако не больше четырех. В одно из последних свиданий он упомянул о частых арестах и сказал, что нужно торопиться. Кажется, в это же свидание зашел разговор уже решительный о покушении на жизнь Государя. Я свое согласие дал. О способах к покушению, о плане разговоров не было определенных; приблизительно я узнал, что покушение произведется посредством взрыва, но как? — я себе не мог

представить. Дня за три или за два до факта покушения я виделся с ним, и он мне в общих чертах указал, что должно произойти, так что мне нужно было знать только место действия, чтобы играть роль в покушении. Захар имеет средний рост, плотное телосложение, французскую русую бородку, русые волосы и больше ничего не припомню, носит теплое пальто и фуражку. В последнее время я познакомился через моего товарища по делу, прозвище его Инвалид, с человеком высокого роста, названного мне Михаилом [И. П. Емельянов. — *Сост.*], причем было прибавлено: «Впрочем, это все равно». Его отрекомендовали мне как товарища по делу. Он был в пальто, бороды и усов не было; очков не носил. Мне хотелось хорошенько столковаться по такому важному делу, но говорили, что нет на это времени. Поэтому пришлось ограничиться указанием места, где должен был проехать Государь. Это правая набережная Екатерининского канала. Мне тут же, или как-нибудь иначе, хорошенько опять-таки не помню, сказали, чтобы в воскресенье, т. е. сегодня, 1 марта, утром в 9-10 ч. я прохаживался по Невскому проспекту от угла Новой улицы до вокзала для получения снаряда, а в 12 ч. встретился бы с Михаилом: назначена была кондитерская Андреева. Снаряд я получил от незнакомой мне брюнетки в темном пальто и черном платке, которой меня, наверное, указали, так как я встретил человек 3–4, с которыми встречался раньше по рабочему делу. С Михаилом, вследствие ожидания, я ни о чем почти не сговаривался, только он подтвердил мне, что известие о проезде по Екатерининскому каналу верно. Я ушел и начал прохаживаться в ожидании проезда около условного места, вовсе не ожидая поддержки. Встретившись с Государем, я, после минутного колебания, бросил снаряд, не зная вовсе его действия, но промахнулся и был отброшен к решетке. Когда я был поднят взявшими меня 3 солдатами и 1 полицейским, то увидел, что Государь подошел и что-то сказал, затем отошел к карете; я после этого отдал свой револьвер и ножик набросившемуся на меня военному.

С Захаром о принятии мною участия в покушении на жизнь Государя Императора я заговорил в первый раз недели 2–3 тому назад, а с Михаилом уже определенно по этому поводу я говорил только сегодня в 12 часов дня, когда уже у меня был снаряд. О том, что я должен сегодня быть на Невском для встречи с женщиной, мне сказали или Захар, или Инвалид, или блондинка, но кто именно из них — хорошо не помню. Встретился я с этой женщиной [С. Л. Перовская. — *Сост.*] сегодня в 9½ ч. утра, и тут она мне передала снаряд, сказав при этом, чтобы я с ним обращался осторожнее и не выронил. Больше ничего я с ней не

говорил. Подойдя же ко мне, она назвала меня Беломором, т. е. так, как меня прозывали в революционном кружке. Откуда Михаил знал, что Государь будет проезжать по Екатерининскому каналу, я не знаю, но мне он сказал определенно отправиться на Екатерининский канал для действия. Сегодня мне Михаил ничего не говорил, что будет действовать, но у него был такой же снаряд, как и у меня, так как я видел у него этот снаряд в руках, когда мы были в кондитерской Андреева, из чего, а также из того, что и раньше мне называли его товарищем по предприятию, я заключаю, что и он мог действовать. Когда я шел по Екатерининскому каналу, то мне кажется, что впереди себя на далеком расстоянии я видел Михаила. Брошенный мною снаряд разорвало, и произошел выстрел, а после того, как уже меня задержали, раздался другой выстрел. Данный мне женщиной заряд был завернут в белый носовой платок, и в таком виде я его носил до момента покушения под левой рукой поверх платья, с платком же и бросил. Бросая снаряд, я стоял на панели аршина на 4 от экипажа Государя Императора. Направлял его под лошадей в том предположении, что его разорвет под самой каретой и что лошади могут растоптать снаряд.

[2 марта]. Захар, о котором я говорил в моем вчерашнем показании, есть именно то самое лицо, которое мне вчера было предъявлено и которого вы называете Андреем Желябовым. Настоящей его фамилии я до вчерашнего дня не знал, а известен он мне был под именем Захара, как он назывался в среде рабочих, которым читал лекции, о чем я знаю от некоторых рабочих. Кроме того, в среде интеллигентных революционеров его иногда называли «бородач» и «папаша». С Захаром я познакомился в начале этого учебного года у студента Урсыновича с целью вступить в рабочую организацию, так как агитировать в одиночку почти бесполезно. Разговор на квартире упомянутого студента не касался прямой цели ни моего, ни его прихода, а выйдя на улицу, уже толковали о нашей цели. При содействии революционной организации я получил возможность действовать более широко, более осмысленно и даже более плодотворно, чем прежде. Мой успех, быть может, служил причиной того, что в январе месяце текущего года я был приглашен неизвестным мне человеком членом в рабочую организацию. Свидание состоялось на квартире у легальных лиц, как мне говорили, по 7-й роте Измайловского полка, хозяев квартиры я не видел, нумера дома и квартиры не помню, так как был проведен туда Андреем Желябовым, который, представив меня, ушел. Я остался один на один с незнакомым человеком, который дал мне сведения о цели, составе и средствах рабочей организации. О средствах он говорил потому, что я был

тогда нелегальный и, как агитатор, мог рассчитывать на материальную поддержку партии. Как фамилия хозяина этой квартиры, я не знаю.

Со времени приглашения меня членом организации я бывал на ее собраниях, которые были раз или два в трактире, а два или три раза у меня, что может подтвердить моя хозяйка. Во время собраний шел разговор о чисто специальных, агитационных вопросах и иногда о террористических действиях, как способствующих оживлению рабочего движения и охраняющих его.

Личности не намечались, но вообще вредными были признаны для рабочей организации шпионы без указания на особенно назойливых, потому что таких в виду не имелось. Иногда с собраний с Захаром мы уходили вместе, и тогда велся разговор о покушении на жизнь Государя Императора, но так общо, что ничего определенного о способах и месте действия вынести из него было нельзя. Он говорил, что все средства уже испробованы, — остается путь открытого нападения. Я с этой мыслью был вполне согласен, и она нравилась мне больше, чем все прежние способы, и я даже почему-то вообразил, что покушение будет с обыкновенным оружием в руках. Эти разговоры, хотя и не новые (их пропагандировала и до этого «Народная воля»), велись недели за две, за три до покушения, не указывалось и на время. А так как положение дел было достаточно спокойно, то по спокойным же рассуждениям я заключал о факте как отдаленном. Только за последнее время, за неделю или полторы до совершения покушения 1 марта 1881 года, я заметил в действиях своих товарищей некоторую лихорадочность, что объяснялось тем, что начались частые и усиленные аресты. «Нужно спешить», — сказал Захар мне на одном из свиданий, и, получив мое согласие на участие в покушении, он начал говорить о способах совершения покушения. Я узнал, что действие будет произведено посредством взрыва, посредством какого-нибудь метательного снаряда. На предыдущей неделе, т. е. до 1 марта, мы встречались раза два по трактирам, причем я получил от него взятый у меня нож, узнал о месте действия. Захар мне сказал, что у меня будет товарищ по делу, с которым меня познакомит в скором времени и с которым мы должны будем действовать в воскресенье на Екатерининском канале, а до этого он свел меня на конспиративную квартиру, объяснив, что в ней можно укрыться после факта. Думая, что он не желает дать мне знать адрес квартиры, на тот случай, если я буду арестован, я его не спросил об адресе, а поэтому его не могу сказать. Нам отворил дверь мужчина, одетый в пальто, и указал

на одну из комнат, как не занятую. Утром в какой-то из средних дней недели, в четверг или пятницу, он познакомил меня с товарищем по делу в трактире, которого назвал Михаилом, прибавив при этом, что «это, впрочем, все равно». Разговор во время свидания велся о предстоящем факте, опять было упомянуто о времени и месте действия и даже о способах, но действительно в очень общих чертах. Как я заметил, Захар вовсе не был научным образом знаком с метательным снарядом, только приблизительно знал его действие, почему мы не могли точно сообразить, как должен быть направлен удар, и порешили кидать под передние ноги лошадям, потому что экипаж может накатиться на самый снаряд, а стало быть, удар будет самый верный. Причем, не надеясь на его силу, мы думали, что первый снаряд, вернее всего, убьет лошадь, так как они его растопчут. Тут же были назначены свидания на следующие дни, именно на воскресенье и понедельник. В воскресенье в 9 ч. утра, или в 9½, что было еще, я должен был отправиться за снарядом на конспиративную квартиру, а в 12 ч. дня — в кондитерскую Андреева на свидание с Михаилом. Захар советовал нам без особенной нужды на квартиру не ходить, так как она может пригодиться, а частые посещения могут навлечь подозрение. Этим объясняется и то, что я был на квартире всего 2 раза. В воскресенье утром я, придя, получил снаряд, завернутый в белый платок. Он лежал на диване, и присутствовавшие лица, их было человека 3, кроме меня, обращались с ним очень осторожно. Только один из них, ушедший сейчас же после моего прихода, обращался с ним как с знакомым ему. На мой вопрос о способе приготовления таких снарядов оставшиеся люди отозвались незнанием, впрочем указали мне на то, что с ним нужно обращаться осторожно и держать крышкой кверху, чтобы чего-то не испортить. Оттуда я ушел в кондитерскую, встретив по дороге ту брюнетку [В. Н. Фигнер. — *Сост.*], о которой говорил в первом показании, но так как она мне незнакома, то я ей не кланялся. При встрече с Михаилом я узнал, что Государь наверное будет в манеже, а стало быть, будет проезжать по Екатерининскому каналу.

Вследствие понятной ажитации мы больше ни о чем не толковали. Я, недолго еще посидев, ушел. Михаил, как я уже говорил, имел тоже что-то в руках, не помню во что завернутое, а так как вещь в его руках по форме вполне походила на мой снаряд, то я и заключил, что такой же снаряд он получил раньше или позже меня, — я его ожидал в кондитерской минут около 20-ти. В конспиративной квартире других снарядов не видал, именно в той комнате, в которую я зашел. Выйдя из

кондитерской, я походил по улицам, стараясь быть к 2-м часам на канале, как сказал еще прежде Захар в свидание мое с ним и Михаилом. Около двух часов я был на углу Невского и канала, а до этого времени ходил или по Невскому, или по смежным улицам, чтобы понапрасну не обращать на себя внимание полиции, находящейся по каналу. По каналу я ходил около получаса, замедляя шаг; идя по направлению от Конюшенного моста к Невскому по панели канала, я встретил Государя между мостом и той улицей, из которой он выехал; поравнявшись с ним, я бросил свой снаряд, от взрыва которого был отброшен к решетке и задержан там 3 солдатами и одним полицейским. Мой взрыв, по-видимому, не причинил вреда, потому что Государь подошел ко мне и что-то сказал, погрозивши. Затем я отдал свой револьвер и полученный мною нож военному и услышал новый взрыв. Ходя по каналу, я не заметил никого из своих товарищей, хотя публики совсем не было, только пред взрывом незадолго я видел вдали человека, похожего по росту и телосложению на Михаила, чего, впрочем, заверять не могу, так как идущий был на довольно значительном расстоянии, да притом мое внимание было обращено на показывающиеся экипажи и на публику, могущую быть на канале, почему, например, я не заметил и солдат, взявших меня, видел только полицейского и еще в некотором расстоянии мальчика, везущего что-то, тюфяк кажется, на который я, побежав, и наткнулся. Про существование технического комитета мне ничего не известно, хотя одно из лиц [Н. И. Кибальчич. — *Сост.*], встретившихся со мною на конспиративной квартире, по моему мнению, знает техническую сторону дела. Это именно тот человек с французской бородкой, который мне объяснил на конспиративной квартире в мое посещение в присутствии 2–3 лиц устройство снаряда, причем не касался химического состава тел, в него входящих. Он принес с собой 3–4 стеклянные пустые трубки, хлопчатобумажные нитки, загорающиеся от действия серной кислоты, и еще какие-то взрывчатые соединения. Устройство предполагаемого снаряда он предлагал на наше рассмотрение и поэтому не настаивал, чтобы им проектируемые были приняты и пущены в дело. При мне он объяснил устройство 2 систем. Я их опишу по возможности подробно.

1-я система. Цилиндрическая металлическая банка наполнена стеклянными запаянными трубками с серной кислотой, расположенными по краям банки. Трубочки обертываются загорающимся веществом и заключены в гуттаперчевые трубки, дабы огонь не мог передаться взрывчатому веществу, которое загорается от огня, а не взрывает, — гремучему

студню. Огонь от ниток переходит в запал, зажигает там какое-то соединение (название не помню), которое, вспыхивая, отодвигает гвоздик, находящийся в той же медной трубочке; гвоздик царапает гремучую ртуть, которая взрывает, и уже взрыв гремучей ртути передается гремучему студню, который от взрыва взрывает.

2-я система. Вместо массы стеклянных трубок берется только две: одна идет в вертикальном, другая в горизонтальном направлении. Посредине трубок прикрепляется свинцовый груз, трубки заключены в медную оправу, обмотаны теми же нитками и соединены с запалом. Остальное все так же устроено, как и в первой системе. Для действия 2-я система удобнее, потому что трубка ломается грузом, поэтому я предпочел ее. Техник предлагал еще некоторые приспособления, вроде дистанционных трубок или ручных гранатных терок, но в снаряде моем этих приспособлений не было, что, впрочем, понятно, так как эти приспособления требуют большого хладнокровия.

О малых снарядах, как о средствах самозащиты, я ничего сказать не могу — были ли они, или нет, но я такого не имел. Желание иметь их высказано было кем-то из присутствующих. О том, как читал техник свои пояснения с чертежами, я могу только думать. Думаю, однако, что не всем вместе, а для удобства и конспиративности слушатели разбивались на группы. К устройству снарядов я прибавлю, что опытов на квартире производимо не было, потому что при взрыве бывает звук очень сильный, но устройство банки объяснялось с помощью чертежей, а также при посредстве металлической банки из-под конфет, как мне казалось, сжигалось, между прочим, порошкообразное вещество, которое предназначалось для ниток. Каким образом прикреплялась крышка, я в точности не знаю и на своем снаряде не видел, потому что не развязывал платка, в котором он был завернут. При разговоре с Захаром и другими лицами я услышал, что необходимо было бы иметь своих лошадей для более удобного и успешного терроризирования, но Захар объяснил, что, несмотря на полезность таких извозчиков или лошадей, как, напр[имер], Варвар,[53] иметь в настоящее время своих извозчиков неудобно. При задержании меня найдено: 1) заряженный шестикамерный револьвер, который мне предъявлен 2 марта с 6 зарядами. Револьвер этот приобретен мною в провинции у частного человека; 2) тот именно нож в медных ножнах с вырезанными на оных якорем, двумя мечами и короной, который я получил при свидании от Захара; 3) записная книжка в желтой обертке и фальшивый билет от вятского мещанского старосты за № 786 на имя вятского мещанина Макара Егорова Глазова, полученный мною при переходе в нелегальное

состояние, от кого не помню; 4) платок носовой, ремень, кошелек с деньгами 3 р. 45 к. и двумя ключами от чемодана и комода. Предъявлены мне теперь также вещи: 1) рубашка с металлическими запонками и портянки с моей меткой — Н. Р., 2) кобура от револьвера, 3) обертка от посылки с адресом: Николаю Васильевичу Попову в магазин Невский проспект, от Анны Петровны Енька-Доровской, 4) рецепт на имя Петрова и сигнатурка с зачеркнутой фамилией, 5) начатое письмо, начинающееся словами: «При вас с вами не наговоришься вдоволь…», на листке бумаги выписка из статьи «Цель и реформа податной системы», начатое чтение для рабочих «Святы ли законы?», стихотворение «Когда придет то времечко, когда (приди желанное)?»,[54] неоконченная (по случаю ареста) рукопись «Задачи рабочей боевой организации», объяснительная записка программы рабочих членов партии «Народной воли», выписка из прочитанных книг и журнальных статей, 2 листа бумаги со статьей, начинающейся словами: «Мужик скосил траву с луга…», №№ 2 и 3 «Листка Народной воли» по экземпляру; 1 экземпляр программы рабочих членов парши «Народной воли»; обертка от плана С.-П[етер]бурга и железисто-синеродистый калий для добывания берлинской лазури. В записной моей книжке находятся записи, которые не имеют никакого значения.

[4 марта] . Котик [И. И. Гриневицкий. — *Сост.*], или Михаил Иванович, и Михаил суть разные лица. На предъявленном мне трупе я узнал Котика, с которым познакомился месяца 1½ — 2 тому назад. Он был членом народной группы, в которую я был приглашен в январе месяце текущего года. С Михаилом же я познакомился незадолго до 1 марта, виделся с ним всего два раза по делу о покушении на жизнь Государя Императора. По поводу организации революционного движения между рабочими поясняю следующее: рабочая организация, о которой я упоминал в своих предыдущих показаниях, преследовала следующие свои задачи: агитацию среди рабочих, редактирование «Рабочей газеты» и, наконец, охрану рабочих от лиц, стремящихся расстроить революционное движение, которых мы называем шпионами. В редактировании газеты я не участвовал и состава редакции не знаю, в агитационную группу я был приглашен членом в январе месяце. Цель агитационной группы была — руководить рабочее движение. Для большей системы и правильности каждый член группы ведал дело своего района, т. е. заводил связи по заводам, группировал рабочих в кружки и сводил кружки с учителями для пропаганды, читал лекции более определившимся рабочим по истории России, по истории движения социализма в России и в Западной Европе и, наконец, подготовлял рабочих к открытому

восстанию, стараясь организовывать лучших рабочих в особые центральные группы, которые в горячую минуту могли бы встать во главе движения и поддержать его. Почти рядом с агитационной группой стоял террористический отдел, членами которого были или члены агитационной группы, как Котик, Желябов и я, или сознательные революционеры из среды рабочих, не входящие в агитационную группу, как Тимофей Михайлов. Состав же агитационной группы был несколько больше, — в него входили: Желябов, Котик, женщина, мне неизвестная, но которую я назвал в первом моем показании блондинкой, Инвалид и я. Покушение на жизнь Государя Императора не было задумано террористическим отделом рабочей организации, оно было только ей предложено, и притом в такой форме, что я был вправе заключить: 1) что мысль о покушении принадлежит Исполнительному комитету, 2) что самое исполнение вряд ли будет возложено на кого-либо из членов террористического отдела рабочей организации, потому что для этого требовалось революционное прошлое, поэтому давшие согласие на покушение должны были, по всей вероятности, охранять и помогать покушению, а в случае надобности защитить товарищей, и, наконец, 3) что покушение будет сделано кем-либо из видных деятелей-революционеров, т. е. членом Исполнительного комитета. При этом показании я должен еще прибавить о времени составления террористического отдела. В то время когда я был приглашен в агитационную группу, террористического отдела не существовало и надобности в нем, кажется, было не видно, потому что агитация шла успешно, и нападок на наше движение не было, особенно чувствительных. Террористическая группа образовалась тогда, когда пошли между нас и рабочих тревожные слухи об арестах рабочих-радикалов, образовалась, стало быть, в феврале месяце. Приглашение принять участие в покушении было сделано недели за две до 1 марта Андреем Желябовым, утвердительно на него отвечали Тимофей Михайлов и я, Котик же хотя и изъявил свое согласие, но на него мы не рассчитывали, тем более что агитационная группа могла значительно уменьшиться и, стало быть, и рабочее движение остановиться или пойти слабее, а в такое время, когда покушение должно было совершиться, нужно было больше усилий, чтобы удержать за собой все прежде сделанное и воспользоваться новым настроением умов. Так как я был более знаком с Михайловым как рабочим-радикалом, то мог думать, что он будет товарищем. Как и в прежних моих показаниях, я утверждаю, что о планах ничего не знал, а поэтому мог в то время только гадательно судить о способе действий. На последней уже неделе происходили

собрания с целью ознакомления с предстоящим действием партии. Во вторник или среду собралась агитационная группа и обсуждала рабочие дела исключительно, но так как состав ее был неполный, то, не решая многих вопросов, перешли к ближайшему действию — к покушению. Михайлова на этом собрании, понятно, не было. После этого на конспиративной квартире велись обсуждения, что было, кажется, в среду, о метательных снарядах, разбирались две вышеупомянутые мною во втором показании системы снарядов под руководством техника. На обсуждении присутствовали я, Котик и Михайлов. Тут происходило все то, что написано в предыдущем моем показании. Еще могу прибавить ко 2-му моему показанию, что в субботу под руководством техника снаряд, не заряженный гремучим студнем, был испробован за городом в пустынном месте, где не было людей. На этой пробе были техник, Котик, я и Михайлов, который и кидал снаряд. Снаряд оказал надлежащее действие, ибо его от не особенно сильного удара о снежную дорогу разорвало.

В воскресенье, 1 марта, когда я пришел на конспиративную квартиру за снарядами, я видел Котика и Михайлова, а также, кажется, и техника. Имели ли вышепоименованные лица снаряды, были ли таковые снаряды на конспиративной квартире, я ничего сказать не могу, потому что не помню, как не помню и того, кто уходил или приходил в то время, когда я там был, и кто ушел раньше. Я уже видел тот самый снаряд, который я получил. Я взял его с дивана. На предъявленный мне вопрос, где именно помещалась конспиративная квартира и не помещалась ли она на Тележной улице, отвечаю, что действительно она помещалась на Тележной улице, номера дома и квартиры не знаю, он был вторым или третьим от угла. Сколько комнат в этой квартире, я не знаю, я знаю только две из них, в которых и был раза два. Бывая в квартире по Тележной улице, я из предметов, обративших мое внимание, видел только те, которые назвал во втором моем показании. Точно времени, когда я познакомился с Тимофеем Михайловым, я определить не могу, но приблизительно за месяц, но где и при каких обстоятельствах, не помню, квартиры его не знал, но он бывал у меня раза три. Большею частью я встречался с ним на свиданиях для того, чтобы принять те связи, которые он заводил среди рабочих, но связей этих я принять не мог по очень многим причинам, частью потому, что не имел времени. По поводу боевой дружины, членом которой состоял я, и которая была сформирована Желябовым, я заявляю: цель боевой дружины я представлял себе одну — охрану рабочего дела от шпионов, как чисто специальную. Другие цели вносить в условия нашей организации не представлялось необходимым и даже отчасти

невозможным. Рабочая боевая организация не могла, напр[имер], убить Мезенцова или кого-либо из должностных лиц, как не вредящих нашему делу прямо, она не могла и не должна была по своим условиям раскидываться, а должна была сохранять известную систему. Затем выбор лиц, подлежащих мщению организации, не должен был выходить за пределы, определенные целью, — охрана движения от шпионов, — по крайней мере, организация не могла самостоятельно наметить такое лицо, потому что могла, по незнанию всех условий революционного движения, повредить ему, т. е. движению. Скажу даже больше — она не имела права на деятельность, выходящую за пределы ее специальности. Служила ли рабочая организация контингентом для выбора некоторых ее членов, по крайней мере, на другие цели, как, напр[имер], на покушение 1 марта, я ответить утвердительно не могу. «Для выработки характеров», для помощи, поддержки вспомогательный комитет, по моему мнению, через одного из своих членов мог обратиться в организацию с таким запросом и, стало быть, вызвать «добровольцев», — одно это название указывает на то, что добровольцы из рабочей организации призываются для дела, которое в их цель не входит, таково было дело 1 марта 1881 г. Отобранный у меня нож или кинжал и револьвер я носил для самозащиты на случай обыска или нападения на меня, нож я получил незадолго до покушения и, кажется, от Желябова, что, впрочем, хорошо не помню. Предъявленный мне сейчас человек есть тот самый Тимофей Михайлов, о котором я говорил выше. Квартиры тех рабочих, у которых я агитировал, я назвать не желаю.

[5 марта] . Предъявленную мне сейчас женщину, которую вы называете Гесей Гельфман, я видел на прошлой неделе мимоходом в конспиративной квартире на Тележной улице, но как ее фамилия или кличка, я не знал, потому что прежде с ней никогда не встречался, и это не та брюнетка, о которой я говорил в первом моем показании. Назвать известных мне рабочих, с которыми я встречался при пропаганде, я не желаю. Во дворце принца Лихтенбергского я никогда не жил. С Халтуриным я незнаком, и где он находится, мне не известно. О денежных средствах партии я точных сведений не имею, последние два месяца я жил на средства из фонда партии, которые получал от Желябова, в размере не более 30 р. в месяц. До перехода в нелегальное положение я получал от конторы «г. Громов и К°» по 30 р. в месяц, у которого отец мой служит на заводе в Олонецкой губернии. Кажется, за неделю до перехода моего в нелегальное положение партия нуждалась в денежных средствах, и Желябов спросил меня, не могу ли я достать денег; ввиду этого я написал

письмо к кассиру Громова с просьбой выдать мне содержание за три месяца вперед, указывая, что деньги эти нужны для поездки на практические занятия. Деньги были мне выданы, и я отдал Желябову рублей около 50-ти.

[6 марта]. Я признаю себя виновным в взрыве, произведенном 1 марта с. г. на набережной Екатерининского канала, но мне представляется, что от моего взрыва никто из частных лиц не пострадал. Кто производил второй взрыв, я не знаю; я никого на набережной не видел, но в Малом Котике, которого я видел уже мертвым, признаю я того человека, которого я встречал в конспиративной квартире, в доме № 5 по Тележной улице, но не знаю, получил ли и он снаряд из этой квартиры. Человек, которого я знал под именем Захара и которого, как мне здесь уже сказали, зовут Желябовым, пригласил меня принять участие в покушении 1 марта, на что я согласился. Утром 1 марта я был на конспиративной квартире, где находились кроме меня человека два или три. В этой квартире были, кажется, Михайлов и Котик. Я вошел в эту квартиру через кухню, и в гостиной на диване лежал динамитный снаряд, завернутый в белый платок. Кто-то указал мне на этот снаряд, я взял его и пошел в кондитерскую Андреева на Невском проспекте для свидания с каким-то человеком, которого называли Михаилом и который должен был быть мне товарищем по взрыву. Этот Михаил не Котик, а выше последнего ростом. Кто он, я не знаю. Я пошел один на набережную Екатерининского канала и бросил снаряд, должно быть, вслед за каретой Государя Императора. Гесю Гельфман, жившую в конспиративной квартире, я не знаю и видел ее только раз, мельком, в этой квартире. Кто принимал участие в приготовительных работах, изготовлении зарядов и т. д., не знаю.

[11 марта]. В предъявленной мне сейчас женщине, которую вы называете Софьей Перовской, я признаю ту самую блондинку, о которой я говорил в моих предыдущих показаниях. Фамилии ее или клички я до сегодняшнего дня не знал, впрочем, кажется, ее звали Софьей Павловой. Ее я встречал у Михаила Ивановича (Котика) и знаю, что она входила в агитационную группу рабочих. Кроме того, я видел ее в воскресенье, 1 марта, утром в квартире по Тележной улице, но не помню, принесла ли она туда снаряды. Теперь припоминаю, что действительно, в воскресенье, 1 марта, идя по Михайловской улице на Екатерининский канал, где вместе со мною [был] Михаил, также со снарядом в руках, мы встретили предъявленную мне сегодня блондинку, которая при виде нас сморкалась в белый платок, что, как мне припоминается, было знаком, что следует идти на Екатерининский канал. Я должен

сказать, что вообще о всем происходившем в воскресенье в подробностях у меня осталось не много в памяти, а потому, если я и не указываю некоторых подробностей, то потому лишь, что не помню их точно. У меня сохранилось также неотчетливо представление о том, что происходило на Екатерининском канале, когда я бросил снаряд, а поэтому не могу припомнить, произнес ли я фразу «посмотрим еще, слава ли Богу», после того как сказали, что Государь Император, слава Богу, невредим. После задержания меня я очутился в таком положении, что трудно было наблюдать за всем происходящим. Припоминаю еще, что недели за две до 1 марта я по приглашению Желябова был на какой-то конспиративной квартире в Троицком переулке. Номера дома не помню, но дом этот находится с правой стороны переулка, идя от Невского. Нужно пройти по переулку, затем пройти пустое место, и затем недалеко от этого места дом белый с уступами и железными воротами; двор вымощен асфальтом, и квартира помещается во дворе, в самом верхнем этаже, кажется № 23 или 25. Вход в угол, налево от ворот. Был я в этой квартире всего один или два раза, где встречал Желябова, Тимофея Михайлова, Котика, какого-то рабочего Михаила и еще кого-то, но кого — не припомню. Помню, что когда я был на этой квартире в последний раз, то Желябов говорил, чтобы туда больше не ходить, потому что квартиры этой не будет, так как хозяева оставляют ее, но кто были хозяева, я не знаю, хотя в квартире этой, равно как и на Тележной улице, нужно было спрашивать Борисова. Кроме того, в этой квартире был условленный знак в окне, заключающийся в том, что одна половина окна была закрыта занавеской, что означало, что входить в квартиру можно безопасно.

[12 марта]. Припоминая фактическую сторону всех обстоятельств дела, относящихся к 1 марта 1881 года, я считаю необходимым добавить следующее: утром 1 марта, около 9 часов утра, я пришел на конспиративную квартиру для получения снаряда и для объяснения плана покушения. В то же время приблизительно пришли Котик, насколько помню теперь, Михаил и, кажется, Тимофей Михайлов. После этого пришла и Софья Перовская, принесшая в руках довольно большой узел — это были снаряды. Она принесла их, во всяком случае, не больше двух. Где она их развязала, я не помню: кажется, что в угловой комнате, где мы сидели все. Придя, она сказала: «Вот, братцы, и снаряды, только их немного — не успели еще наготовить, может быть, еще принесут, — нужно довольствоваться малым». Затем она начала объяснять план действия, начертав на конверте приблизительно местность. Предполагалось, по ее словам, следующее: Государь

обыкновенно проезжает в манеж так: по Невскому проспекту, заворачивает по Малой Садовой, по Большой Итальянской — в манеж. По Малой Садовой есть уже пункт, где ждут его, а поэтому нужно занять углы Невского, Садовой и Б. Итальянской. По Невскому проспекту должны быть двое: один у памятника Екатерине, другой — на углу Садовой и Невского, на том углу, который ближе к Адмиралтейству. На углу же М. Садовой и Б. Итальянской могут находиться также два лица, но только на одном углу, где позволяют стоять публике, и притом не вместе. Эти места она указывала кружками, причем не дала никакого объяснения относительно пункта на Малой Садовой. Когда Государь будет въезжать на Малую Садовую, то лица, имеющие снаряды, должны приблизиться к углам Садовой, не входя, однако, в нее. Находящимся у манежа знаком будет служить то, что навстречу Государю поедет жандармский офицер. Затем на Малой Садовой будет слышен звук, т. е. произойдет взрыв, как я думал, от такого же метательного снаряда, который вручен был и мне и устройство которого объясняли ранее. Звук служит сигналом входить в М. Садовую. «Если же Государь, — продолжала она пояснять, — по каким-либо причинам не поедет по Садовой, то, братцы, вы уже действуйте на Екатерининском канале». Государь из манежа заезжает в Михайловский дворец, пробывает там около ¼ часа и едет к себе во дворец по Екатерининскому каналу. Значит, если он заедет во дворец, то мы успеем прийти на канал и произвести покушение. Но иногда случалось, что он не заезжал, а проезжал прямо домой, в таком случае нечего ходить на канал и подвергаться опасности быть замеченным. Чтобы узнать, следует ли ходить на канал, нужно условиться о встрече. Она решила, что, если ничего на Малой Садовой не произойдет, то встретиться по Михайловской улице, причем она вынет носовой платок и высморкается, что покажет, что нужно идти на канал. В этом состоял план покушения. Затем она сказала, чтобы мы сами распределили места стояния, на что мы не согласились. Тогда она сказала, что более опасный пункт представляет Манежная площадь, поэтому необходимо, чтобы там находились люди, давно знакомые с собой, которые надеялись бы друг на друга, потому что от взрыва на М. Садовой, если он будет почему-либо неудачен, можно думать, что Государь по инерции, желая избежать опасности, поедет к Манежной площади, а стало быть, приблизится к тем, которые заняли этот пункт. Трудно думать, чтобы он вернулся, что возможно было бы, если в такую минуту извозчик кареты способен что-либо соображать; вернее, что он погонит лошадей вперед. Я не мог удовлетворить этому условию, потому что не был знаком до дружбы ни с Котиком, ни с

Михаилом, ни с Тимофеем Михайловым. Этот пункт мог занять Котик с Тимофеем, как лица, давно знакомые и уже освоившиеся друг с другом. Поэтому Котик вызвался туда, я взял место у Екатерининского памятника, и Михаил по противоположной стороне Невского, на углу Садовой. Пришедший в это время техник и принесший, как мне казалось, тоже снаряды, сказал, что это иллюзия только, что нам со снарядами придется действовать. С Софьей Перовской по спешности (нужно было торопиться выходить) не было определенных разговоров о приготовлении снарядов. Она только сказала, что материалу и времени не хватило на приготовление достаточного количества. «Всю ночь работали несколько человек и то еще не успели», — пояснила она, причем не дала никаких указаний относительно квартиры, а также лиц, приготовлявших снаряды. Затем что произошло, показано уже мною в прежних протоколах. Относительно свидания в кондитерской Андреева добавлю, что если я показывал о чем неверно, то это неумышленно за последнее время. Сказал в первую горячую минуту это и находясь в таком умственном и нравственном состоянии, в котором трудно припомнить истинное и отличить его от лжи. Сказанное в горячую минуту запечатлелось в моем мозгу, и я способен был считать его за истинно происшедшее. Впрочем, та ложь настолько незначительна, что если бы была и умышленной, то на основании ее трудно упрекнуть меня в недобросовестности или умышленном извращении истины. По словам Перовской видно было, что она ехала со снарядами на извозчике до Тележной улицы, и думаю, что привезла не более двух или трех именно от возможной опасности от сотрясения, если бы их больше, как бы она их ни держала. <…>

К этому могу добавить, что в слежении за проездом; Государя Императора в его поездках по городу я также принимал участие, хотя весьма короткое время, вместе с некоторым Арсением или Аркадием [А. В. Тырков. — *Сост.*], по-видимому, студентом, с которым меня познакомила Перовская, но не помню, где именно. Отчеты в наших действиях мы с Арсением отдавали Перовской, кажется, на Б. Дворянской или Монетной улице, где собирались все следившие, в том числе какая-то барышня Лиза [Е. Н. Оловенникова. — *Сост.*], Макар, кажется, студент, Котик и еще несколько лиц, которых не знаю. Собирались мы в комнате, очевидно принадлежащей студенту, но где она была, я не знаю ни номера дома, ни квартиры, ни названия улицы, потому что меня приводил Арсений или Аркадий, с которым для этой цели уславливались встречаться в кондитерской Андреева. Мне ничего не известно о том, чтобы Перовская или кто-либо из членов

партии завел или предполагал завести сношения с кем-либо из служащих в крепости ради каких-либо целей. Котик же мне как-то говорил, что у них есть связи в Иваново-Вознесенске Владимирской губернии с рабочими, но с кем именно, не знаю.

<…> С этого момента, т. е. с того времени, когда конспиративная квартира была указана нам, наступает нечто вроде нового периода, резко отличающегося по своим свойствам от прежних и длившегося не более недели вплоть до 1 марта. Этим периодом надлежит заняться серьезнее, чтобы со своей стороны не утерять ни одного штриха, могущего дополнить картину. Еще припоминаю, что в начале этой зимы я, до поступления моего в рабочую организацию, при посредстве Желябова познакомился с той блондинкой, которую вы называете Софьей Перовской, знакомство произошло в Гостином ряду, под арками со стороны Невского. Блондинка же познакомила меня с 5–6 лицами, кажется, студентами, некоторых я знал по имени: Макар, напр[имер]; в числе их была барышня — должно быть, студентка, по имени Лиза (она курит папиросы), меня им отрекомендовали под именем Николая. Не помню, где собралась в первый раз эта группа, пришел туда Котик, что я совсем позабыл за это время, блондинка и еще неизвестный мне человек лет 35, который сказал нам, что по примеру прежних лет нужно организовать слежение за Государем, причем объяснил, что в прежнее время дело велось так-то, как он рекомендует делать это и теперь, велось исключительно молодежью и из слежения видно было, существует ли периодичность в выездах Императора, имеет ли он постоянные места для прогулки, что ли, и т. д. И в этом году ему поручено было сорганизовать группу для слежения, что он и предлагает нам, добавив при этом, что следят для произведения некоторых действий. Согласие было дано, и следить начали по набережной Невы, а затем наблюдали поездки в манеж. Время было разбито на очереди, и мы постоянно чередовались. Я следил по ½ ч. в день или больше, по Дворцовой набережной преимущественно. Около манежа следили в воскресенье, но я этот день оставил свободным для агитации, поэтому ни разу не пришлось быть у манежа, или, кажется, раз был. Собирались для собрания полученных сведений раз в неделю в различных местах — по комнатам следящих, я при этом просил, чтобы моей памяти не утруждали запоминанием адресов, а водили на квартиры, для чего я постоянно встречался в 5 или ½ 5 вечера с Арсением или Аркадием, молодым человеком, имени которого точно не запомню, и он проводил меня на сходку, причем я, понятно, не мог узнать улицы, что тогда не было и

интересно, впрочем. Чаще бывали на Петербургской стороне, не помню, в какой улице. Что это истинно — может подтвердить блондинка. Затем чего-либо относящегося до покушения я положительно припомнить не могу, а стало быть, перейду к последнему, подготовительному к покушению периоду.

Я, как доброволец, могу указать только те приготовления, которые знакомили нас, добровольцев, с исполнением покушения. Эти приготовления заключаются в 1) избрании средств к достижению покушения: лекции о снарядах, проба оных под руководством техника; 2) указании места действия, плана действия. При этом не был затронут вопрос о силах действующих, которым добровольцы являлись пособниками.

1. В первый раз собрались вечером на квартире по Тележной улице мы, добровольцы, т. е. Котик, я, был, кажется, Тимофей Михайлов, не помню, был ли тут Михаил, или я с ним познакомился иначе. Пришел Желябов и сказал, что придет еще один человек, который объяснит нам некоторые снаряды, посредством которых возможно совершить покушение. Назвал человека этого техником, который действительно вскоре явился. Мы сидели в угловой комнате, а техник разделся в первой от кухни, поэтому, принес ли он что с собой, вроде банок, пакетов или иных значительных вещей по объему, никто из нас видеть не мог. Сейчас же он принялся за объяснение устройства метательных снарядов, что я описывал по памяти прежде. При объяснении не было никакого снаряда, а техник пользовался чертежами, причем производил незначительные опыты, показывающие нам, что вещества, заключенные в банке, горят мгновенно, сжигая их отдельно в очень малых количествах. По окончании лекции зашел разговор о количестве гремучего студня, причем техник сказал, что готового имеется не больше 20–25 ф[унтов], но, кажется, добавил, что можно приготовить и больше, потому что кто-то из присутствующих заявил желание иметь малые снаряды для самозащиты. Очевидно, что из имеющегося вещества можно было приготовить снарядов 4–5, если по 5–6 фунтов каждый. Затем Желябов торопился куда-то и посоветовал нам расходиться поодиночке. На квартире мы условились, чтобы встретиться где-либо, так как необходимо испробовать снаряд на практике. Назначена была для этого, помню, пятница, ресторан Детроа, куда бы мы собрались обедать, причем техник просил, чтобы на пробу шло не больше 4 чел., считая его, чтобы не обратить внимания многочисленностью лиц; место пробы было не назначено, но предполагалось, что должно быть пустынное, поэтому необходимо возможно меньшее число пробующих. Пробовать пожелали Котик, Михайлов и я. В пятницу в 1 ч. дня

собрались у Детроа, и техник заявил, что пробный снаряд не готов совершенно, а поэтому и пробовать не стоило, так как он не даст верного представления об истинных качествах снаряда. Решили отложить пробу на субботу, техник указал место за Смольным монастырем, перейдя реку, как удобное. Поэтому в субботу утром, в 9 час, по сделанному в пятницу у Детроа условию, означенные лица встретились на углу Невского и Михайловской, сели в конку, имея с собой снаряд, похожий на те, которые были потом, но только вместо студня был песок; нужно было удостовериться только в том, что ломаются ли легко трубки при ударе и производит ли серная кислота желаемое действие, т. е. выливается ли она из сломанных трубок. Приехав до берега реки Невы, мы перешли ее, шли по противоположному берегу, удаляясь от реки довольно долго по дороге, ведущей не знаю куда. Место мне это совершенно незнакомо, поэтому точных указаний дать не могу. Наконец, выбрав по дороге довольно пустынное место, заготовили снаряд, и Тимофей Михайлов бросил его на дорогу; произошел звук от взрыва гремучей ртути (около ½ золотника), отбросившего крышку от банки. Затем вернулись по боковой дороге в город. Насколько я припоминаю теперь, мы пришли вновь на конспиративную квартиру для каких-то указаний от Желябова, и так как он долго не приходил, то я упрекнул его за это, а когда сказали, что он совсем не придет, то я сказал по этому поводу что-то, рассердившее окружающих, и кто-то, не Геся ли Гельфман, сказал мне, что если не придет, то, значит, занят.

Уходя, техник просил нас не ходить в такие места, где можно быть арестованным. «Обыкновенно в такие минуты аресты как-то возможнее», — пояснил он. Окончательно решили прийти на квартиру в воскресенье, 1 марта, чтобы получить снаряды и необходимые указания. Более ничего припомнить не могу, относящегося до подготовления к покушению с этой стороны.

2. В воскресенье утром я пришел на конспиративную квартиру, около 9 ч. утра. Был ли кто там раньше — не помню. В скором времени собрались и остальные, т. е. Котик, Михайлов и Михаил, насколько помню. Затем пришла Перовская, принеся с собою довольно большой узел с снарядами; сколько их было, не знаю, однако, во всяком случае, не больше 2-х, потому что они были достаточно тяжелы, и притом нести большое количество было бы опасно — можно уронить, споткнуться и т. д. Она сказала, что ехала на извозчике, что еще более подтверждает мою мысль, потому что на коленях можно удержать в безопасности только два таких. Она и сама указала, что снарядов не успели наготовить, хотя несколько человек работали всю ночь, объяснила

это внезапно происшедшим арестом Желябова, расстроившим их дело. Это было для нас новостью, несколько смутившей нас. Затем она принялась объяснять план действия, начертив при этом приблизительно местность на конверте. Государь, по ее объяснению, в манеж ездит по Невскому, Малой Садовой и Большой Итальянской. На Малой Садовой она кружком означила пункт, где «его уже ждут», наша роль заключалась в том, чтобы занять углы Мал. Садовой и Бол. Итальянской. По Невскому должны быть два человека: один может стоять у памятника Екатерине, а другой — на противоположной стороне проспекта, на углу, который ближе к Адмиралтейству. Угол Садовой и Бол. Итальянской только один, где позволяют стоять публике, поэтому там можно расположиться двум человекам, но стоять не вместе. Когда Государь будет въезжать на Садовую, то мы должны приближаться к углам, но не входить в нее. Если будет слышен звук от какого-то взрыва, то это будет служить сигналом, чтобы входить в Малую Садовую. Означенные места она обозначила на конверте кружками. После этого объяснения она предложила нам самим разобрать места стояния, на что мы не согласились. Тогда она прибавила к своим объяснениям еще следующее: если взрыв на М. Садовой будет почему-либо неудачен, то больше основания предполагать, что испуганный взрывом кучер императорской кареты поедет дальше, к манежу. Поэтому пункт у манежа представляет больше опасностей. Остальное все высказал я в протоколе от 12 марта, и более пока никаких обстоятельств, предшествовавших покушению и относящихся к самому покушению, не припомню. Всему зачеркнутому и сверхнадписанному в этом моем заявлении прошу верить.

[14 марта]. Предъявленную мне сейчас личность, которую вы называете студентом С.-Петербургского университета Аркадием Владимировым Тырковым, я знаю и признаю в нем того человека, которого во вчерашнем моем показании назвал Арсением или Аркадием, указывая на то, что при слежении за покойным Государем Императором этот человек, встречаясь со мной в кондитерской Андреева вечером, приводил меня в те студенческие, по моему мнению, комнаты, где Софья Перовская отбирала у нас указания о проездах Государя, и, как видно было из его объяснений с Перовской, что он следил одновременно со мной, только в другие очереди.

Предъявленную мне также сейчас личность, которую вы называете Елизаветой Оловенниковой, я знаю; она известна была мне со слов Перовской, которая познакомила меня с этой барышней, под именем Лизы, фамилии же ее я не знал. Она также, вместе со мной, приходила на те квартиры, где мы

встречали Перовскую, и отдавала также отчеты Перовской в своем слежении за поездками по городу покойного Государя Императора.

[20 марта]. В предъявленном мне сейчас человеке, которого вы называете Кибальчичем, я признаю того самого техника, о котором я говорил в моих предыдущих показаниях; его я встречал на Тележной улице, в конспиративной квартире, а затем в субботу, накануне 1 марта, он ездил с нами для пробы действия снаряда. Кроме того, я его, как уже показывал, встречал в ресторане Детроа. Фамилии и его клички я не знал, а был он мне известен как техник. <…>

[22 марта]….В воскресенье, 1 марта, Перовская сказала, что если не придется действовать по указанному ею плану, то нужно последить в понедельник за Государем по набережной Невы до Летнего сада и действовать там, не указывая на способ действий — минами ли или метательными снарядами исключительно, так как раньше было известно из слежения за Государем, что он проезжает по набережной от дворца до Летнего сада от 2–3 часов пополудни. Следить она в этот раз поручила Гельфман.

Проходя с Желябовым, я заметил, что он иногда проходил в дом на Почтамтской улице, где помещается трактир «Венеция».

В предъявленной мне 4–5 марта личности, называющейся мещанином Козыревым, настоящая фамилия его Орлов, я признаю своего знакомого, которого узнал чрез Желябова. Я знал его как агитатора, но совместных действий не производил. Орлов снабдил меня на время рукописями, касающимися с.-п[етер]бургских заводов и рабочих, между которыми я видел рукопись о работах на Литейном мосту. Рукописи эти, очевидно, не все принадлежали ему, потому что почерки их весьма различны. Он приходил ко мне на квартиру угол 9 [9-я ул. Песков. — *Сост.*] и Мытнинской, № 19, а моя бывшая хозяйка г-жа Ермолина должна знать его.

В предъявленной мне сейчас карточке личности, которую вы называете Верой Филипповой, урожденной Фигнер, я признаю большое сходство с неизвестной мне брюнеткой, бывавшей по Тележной улице, в д. № 5, и проходившей без снаряда по Невскому проспекту 1 сего марта для наблюдения за покушением — в числе лиц гуляющих. Я говорю «большое сходство», потому что она изменилась несколько и только первый взгляд на карточку позволяет сказать утвердительно, а при дальнейшем рассмотрении карточка моложе оригинала. Видел ее приходящей на квартиру по Тележной улице в субботу вечером в первый раз, кажется, до прихода Перовской, а затем в воскресенье, когда я сказал выше. Одевалась она очень просто: в платке (черном) и

довольно старом простом пальто. В воскресенье пред проездом Государя она стояла у Екатерининского памятника, напротив той стороны Невского, у которой находилась лавка Кобозевых. Всматриваясь хорошенько в карточку, особенно в глаза, я утверждаю, что карточка принадлежит именно этой брюнетке, о которой я говорил.

На вопрос, не была ли означенная брюнетка m-me Кобозева, я ничего сказать не могу, потому что ни Кобозева, ни жены его не знаю. Но я думал, что это она, более сильным указанием было то, что она, смотря на проезд Государя, старалась быть на противной стороне Невского проспекта.

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 234–277.*

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ РЫСАКОВА

[Из прошения Рысакова на имя Александра III от 30 марта 1881 г.]

Ваше Императорское Величество, Всемилостивейший Государь! Вполне сознавая весь ужас злодеяния, совершенного мною под давлением чужой злой воли, я решаюсь всеподданнейше просить Ваше Величество даровать мне жизнь единственно для того, чтобы я имел возможность тягчайшими муками хотя в некоторой степени искупить великий грех мой. Высшее судилище, на приговор которого я не дерзаю подать кассационную жалобу, может удостоверить, что, по убеждению самой обвинительной власти, я не был закоренелым извергом, но случайно вовлечен в преступление, находясь под влиянием других лиц, исключавшим всякую возможность сопротивления с моей стороны, как несовершеннолетнего юноши, не знавшего ни людей, ни жизни.

Умоляя о пощаде, ссылаюсь на Бога, в которого я всегда веровал и ныне верую, что я вовсе не помышляю о мимолетном страдании, сопряженном со смертной казнью, с мыслью о котором я свыкся почти в течение месяца моего заключения, но боюсь лишь немедленно предстать на Страшный суд Божий, не очистив моей души долгим покаянием. Поэтому и прошу не о даровании мне жизни, но об отсрочке моей смерти.

С чувством глубочайшего благоговения имею счастие именоваться до последних минут моей жизни Вашего Императорского Величества верноподданным

Николай Рысаков.

[Показание, данное генералу Баранову]

<…> Из нас, шести преступников, только я согласен словом и делом бороться против террора. Начало я уже положил, нужно продолжить и довести до конца, что я также отчасти, а, пожалуй, и всецело, могу сделать.

Тюрьма сильно отучает от наивности и неопределенного стремления к добру. Она помогает ясно и точно поставить вопрос и определить способ к его разрешению. До сегодняшнего дня я выдавал товарищей, имея в виду *истинное благо* родины, а сегодня я товар, а вы купцы. Но клянусь вам Богом, что и сегодня

мне честь дороже жизни, но клянусь и в том, что призрак террора меня пугает, и я даже согласен покрыть свое имя несмываемым позором, чтобы сделать все, что могу, против террора.

В С.-Петербурге в числе нелегальных лиц живет некто Григорий Исаев (карточка его известна, но он изменился), адреса его не знаю. Этот человек познакомил меня с Желябовым, раскрывшим предо мной широко дверь к преступлению. Он или наборщик в типографии «Народной воли», или динамитных дел мастер, потому что в декабре 80 г. руки его так же были запачканы в чем-то черном, как и Желябова, а это период усиленного приготовления динамита (прошу сообразоваться с последним показанием, где Желябов мне говорил, что все позиции заняты, а в январе — что предприятие, стоящее тысяч, лопнуло). По предложению Григория в субботу, в день бала у медиков-студентов, я вывез с вокзала Николаевской железной дороги извозчика с зеркалами, каждый по 4 пуда, в которых находился, как мне он объяснил, типографский станок.

Точно нумер ломового извозчика не помню, но разыскать его могу вскоре. Довез станок по Садовой до Никольского рынка, где сдал Григорию. Если бы я воспроизвел некоторые сцены пред извозчиком, то он непременно бы вспомнил, куда свез два ящика с зеркалами.

Где живет Григорий, не знаю, но узнать, конечно, могу, особенно если знаю, что ежедневно он проходит по Невскому с правой, от Адмиралтейства, стороны. Если за ним последить, не торопясь его арестовать, то, нет сомнения, можно сделать весьма хорошие открытия: 1) найти типографию, 2) динамитную мастерскую, 3) несколько «ветеранов революции».

Теперь я несколько отвращусь от объяснений, а сделаю несколько таких замечаний: для моего помилования я должен рассказать все, что знаю, — обязанность с социально-революционной точки зрения шпиона. Я и согласен. Далее меня посадят в централку — но она для меня лично мучительнее казни и для вас не принесет никакой пользы, разве лишний расход на пищу. Я предлагаю так: дать мне год или полтора свободы для того, чтобы действовать не оговором, а выдачей из рук в руки террористов. Мой же оговор настолько незначителен, знания мои неясны, что ими я не заслужу помилования. Для вас же полезнее не содержать меня в тюрьме, а дать некий срок свободы, чтобы я мог приложить к практике *мои конспиративные способности*, только в ином направлении, чем прежде. Поверьте, что я по опыту знаю негодность ваших агентов. Ведь Тележную-то улицу *я назвал прокурору Добржинскому*. По истечении этого срока умоляю о поселении на каторге или на Сахалине, или в Сибири. Убежать я

от вас не могу — настоящее мое имя получило всесветную печальную известность: партия довериться не может и скрыть. Одним словом, в случае неустойки с моей стороны не больше как чрез неделю я снова в ваших руках. Намечу вам свой план:

1) По Невскому я встречу чрез 3–4 дня слежения Григория и прослежу за ним все, что возможно, записав сведения и представив по начальству.

2) Коновкин, после моего ареста перешедший на нелегальное положение, даст мне новую нить. Я его узнаю вскоре на Васильевском острову, куда он часто ходит.

3) Кондитерская Кочкурова, Андреева, Исаева и т. п. столкнет меня с Верой Филипповой, урожденной Фигнер, и по ней я могу наткнуться на многие конспиративные квартиры.

4) Прошу выпустить на свободу Евгения Александровича Дубровина, знакомого с Григорием [Г. П. Исаев. — *Сост.*], Александром Ивановичем и др. революционерами.

5) Прошу не арестовать всех тех лиц, которых возможно арестовать теперь, если они только тем опасны, что нелегальны, напр[имер] Коновкин.

6) Постоянные прогулки и обеды в столовой на Казанской площади и у Тупицына, вечернее чаепитие в известных мне трактирах, а также слежение за квартирами общих знакомых наведут меня на столкновения с лицами, *известными мне только по наружности*, каких я имею около 10 человек. Одним словом, возможно лично мне в течение месяца — полутора открыть в С.-Петербурге большую часть заговора, в том числе наверное типографию и, пожалуй, две-три квартиры. Вы представьте себе то, что ведь я имею массу рабочих, с которыми совещается революционная интеллигенция. При этом я обязуюсь каждый день являться в ж[андармское] управление, но не в секретное, и заранее уславливаюсь, что содержание лучше получать каждый день.

Затем я знаю способы отправления газет, что, впрочем, значения не имеет, но важно то, что в начале мая отпечатается совсем брошюра для раскольников, которую повезет какой-то легальный человек, наружность которого описать затрудняюсь, потому что встретился всего один раз. Найти его можно иногда в кухмистерской Васильева, против Публичной библиотеки, и в читальне Черкесова, а также и в иных местах. Для упрочения этой связи прошу выпустить на свободу хорошего его знакомого, студента университета Иваницкого. Оба они для вас почти неинтересны, но я могу с вышеупомянутым человеком проехать в Москву, где есть какая-то Марья Ивановна и учительница Марья Александровна, к которой у меня ключ «лампада». Обе теперь,

кажется, нелегальные, но стоят близко к Исполнительному комитету.

Фамилия учительницы — Дубровина. Адресный стол даст мне ее точное отчество. Сама по себе она незначительна и арестовать ее — значит самому обрезать нить, которую держишь в руках, но я думал уехать в Москву, и Желябов написал ей письмо, в котором неопределенно упомянул о мне, прося содействия: она должна передать мне шифрованную ключом «лампада» и за подписью «лампада» записку какой-то Марьи Ивановны, через которую мне можно завести солидные связи в качестве уже революционера; впрочем, это предоставляю на ваше усмотрение.

Далее я изменяю наружность и навсегда фамилию.

Я думаю, я представил достаточно основательный план фактической борьбы с террором, что только и мог сделать. Это единственная и последняя моя заслуга. Я думаю, мне два выхода или ½ года агентства у правительства (что тоже может кончиться смертью), а рассказать я ничего не могу, адресов никаких не знаю, разве могу оговорить моих бывших товарищей — студентов, но это им не повредит.

Видит Бог, что не смотрю я на агентство цинично. Я честно желаю его, надеясь загладить свое преступление. Я могу искренно сказать, что месяц заключения сформировал меня, нравственно поднял, и это нравственное развитие и совершенствование для меня возможнее теперь, чем прежде, когда я проникался гордостью и самомнением.

Пусть правительство предоставит мне возможность сделать все, что я могу, для совершенного уничтожения террора, и я честно исполню его желание, не осмеливаясь даже и думать о каких-либо условиях, кроме тех, которые бы способствовали в агентстве. Себя вполне предоставляю в распоряжение верховной власти и каждому ее решению с благоговением покорюсь.

Николай Рысаков.

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 305–310.*

ПОКАЗАНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ А. И. ЖЕЛЯБОВА

[1 марта]. <…> Признаю, что жил в последнее время по 1-й роте Измайловского полка, д. № 18, кв. 23, под именем Николая Ивановича Слотвинского, которого я совершенно не знаю и который не имел никакого отношения к пользованию дубликатом его документа. Говорю это в надежде, что правдивые во всех отношениях показания мои избавят судебную власть от необходимости принять по отношению к Слотвинскому несправедливые меры, а самого Слотвинского — от напрасных страданий. В показаниях своих от 27 февраля я признал себя членом партии «Народной воли», программа которой рекомендует как одну из форм активной борьбы уничтожение правителей. Согласно этой программе и в силу распоряжения Исполнительного комитета, я принимал известное участие в покушении под г. Александровском. Этим убеждениям я останусь верен и буду служить им до последнего моего издыхания. Для таковых предприятий у меня имелся динамит в коробках, найденных у меня на квартире при осмотре (протокола обыска я не читал и сужу о вещах, им обнаруженных, по словесной передаче г. прокурора). Но употреблен ли хранившийся у меня динамит на предприятие, результатом коего были сегодняшние события, — не знаю, так как арестован раньше. Могу только заявить, что предприятие это в духе программы партии и в этом смысле я разделяю его вполне.

Время цареубийства не было намечено заранее с точностью, так как обусловливалось образом жизни объекта нападения. Что касается зависимости времени совершения от общественного настроения и др. политических условий, то партия имеет на этот счет руки развязанными давно: нападение требовалось всеми сочувствующими освобождению страны, и упреки приходилось выслушивать лишь за промедление. Место действия находится еще в большой зависимости от привычек объекта; о нем (месте) в пятницу вечером (27 февраля) я мог бы сказать лишь одно — по пути его следования. Участниками предприятия могли быть лишь члены боевых дружин Исполнительного комитета; но кто именно участвовал в сегодняшнем деле, я не знаю, за исключением предъявленного мне Рысакова, известного мне за в высшей степени преданного революционному делу деятеля. Лично мое участие физическое не было лишь по причине ареста; нравственное участие полное. О метательных снарядах в идее

знаю давно; с системами их также знаком; но какая система была пущена сегодня в дело, не знаю: это решение совета техников Исполнительного комитета, состоявшегося после моего ареста.

[Заявление А. И. Желябова]

Если новый Государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы; если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющею несправедливостью сохранять жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. Прошу дать ход моему заявлению. Андрей Желябов.

2 марта 1881 г.

Д[ом] предв[арительного] закл[ючения].

P. S. Меня беспокоит опасение, что правительство поставит внешнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону нового монарха трупом юного героя лишь по недостатку формальных улик против меня, ветерана революции. Я протестую против такого исхода всеми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить *одну* виселицу, а *не две*. Андрей Желябов.

[2 марта]. По поводу отношений своих к Рысакову заявляю, что согласен с его показаниями, т. е. познакомился с ним вследствие выраженного Рысаковым желания приступить к занятиям с рабочими; сблизившись с ним на этом деле и определив в нем способность к деятельности боевой, террористической, я повел с Рысаковым разговор о том, что рабочее дело станет прочно, лишь будучи охраняемо от шпионов чрез устранение последних. Оказалось, что Рысаков самостоятельно дошел до взглядов партии на этот предмет; признавая, что для таких дел нужна специальная боевая организация, оставалось предложить ему вступить в боевую рабочую дружину, что и было принято Рысаковым. Первое знакомство наше, если не ошибаюсь, относится к осени прошлого года. В декабре Рысаков был членом рабочей организации, а также «боевой рабочей дружины». Данная дружина, входя в состав боевых сил Исполнительного комитета, имела целью: 1) устранение шпионов, действующих в рабочей среде; 2) привлечение лучших рабочих к участию в подобных делах; 3)

собирание определившихся лиц в группы для самостоятельного исполнения террористических предприятий, намеченных рабочей организацией; 4) группы эти должны быть готовы принять на себя инициативу инсуррекционного движения, которое партия считает почти неизбежной переходной ступенью в деятельности подготовительной ко всеобщей революции; 5) наконец, боевая дружина служит школой для выработки из себя характеров, способных к самопожертвованию в интересах общего дела. Рысаков заявил себя с первых шагов прекрасным агитатором среди рабочих. На мой взгляд, в нем были большие задатки спокойного, мужественного террориста. Все это вместе взятое выдвигало его как редкую нравственную силу. Когда нападение на Александра II было поставлено Исполнительным комитетом ближайшей практической задачей, приблизительно в конце января, был сделан вызов добровольцев из боевых комитетских дружин. В числе прочих рвался на это дело и Рысаков. Я, будучи ближайшим агентом Исполнительного комитета и в то же время членом дружины рабочей, рекомендовал Исполнительному комитету Рысакова с наилучшей стороны. Рысаков был зачислен в группу по данному предприятию. Мне было поручено Исполнительным комитетом действовать вместе с группой. Последовал ряд собраний для обсуждения плана нападения: места, времени, средств нападения, распределения сил и т. д. Вызванные из разных дружин, члены данной группы должны были ознакомиться между собой, сблизиться, возыметь доверие друг к другу. На это, впрочем, требовалось немного времени; больше времени уходило на ознакомление группы со средствами нападения, в частности с метательными снарядами. С этой целью на собрания являлся техник; он подробно разбирал разные системы снарядов; указывал все «за» и «против» каждой системы; знакомил с условиями пользования ими. На некоторых из таковых собраний был я; но на последнем не был; посему не знаю, на какой системе остановились в конце концов. Арест оторвал меня от этого дела. Таким образом, окончательный план (время, место, снаряды) и его исполнители были определены после меня и мне неизвестны. Остальных членов группы по данному предприятию я, само собою разумеется, не назову.

Последнее собрание группы, на котором присутствовал я, было, насколько помню, во вторник; на нем не был поставлен определенный план действий. *По вопросу об организации.* Организация партии «Нар[одная] в[оля]» состоит из целой сети тайных кружков, группирующихся на начале централизации групп младшего порядка вокруг группы порядка высшего. Каждая группа высшего порядка пополняется лучшими силами групп

порядка младшего. Вся организация стягивается к единому центру — Исполнительному комитету. Все группы связаны между собой единством программы и плана практических действий, общностью сил и средств. Сношения между групп[ами] ведутся через агента высшей группы, входящего в состав младшей группы как ее сочлен. Интересы центра для каждого члена стоят выше интересов его группы. Поэтому центр вправе отзывать членов подгрупп на известные ему нужды, не мотивируя отозвания перед группой. Каждая группа в ведении своих дел самостоятельна и имеет свой бюджет. Все вопросы программные, а также вопросы партийной политики центр отдает на обсуждение всей организации. Решение по этим вопросам постановляет съезд представителей местных центральных групп вместе с уполномоченными от Исп[олнительного] к[омитета] — Исп[олнительный] к[омитет] следит за точным исполнением предначертаний съезда и направляет сообразно ним все силы организации. Взаимные отношения местных центральных групп между собою и к Исп[олнительному] к[омитету], их круг ведения определяются особыми договорами. Такова организация по месту. В больших центрах она дробится по предметам ведения; такова рабочая организация, военная, молодежи и т. д., на том же начале автономности кружков и централизации.

[4 марта]. В прошлый раз я говорил о задачах «рабочей боевой дружины», к которой принадлежал вместе с Рысаковым. Теперь, следуя приглашению г. прокурора, заявляю, что у Исп[олнительного] комитета таких групп много; одни из них находятся в провинции, другие — здесь, в столице; некоторые характера боевого, общереволюционного, другие — боевые специальные, подобно рабочей дружине, но приспособленные к иной среде. От сообщений подробностей уклоняюсь. Исп[олнительный] комитет, поставив известное нападение ближайшей практической задачей, сделал, кажется, в январе месяце вызов добровольцев из всех боевых дружин. Идти на самопожертвование вызвалось в итоге 47 человек. Мне было поручено сорганизовать предприятие (разумею нападение с метательными снарядами). Я предложил участие определенному числу добровольцев, между прочим, Рысакову, руководствуясь личным знанием их, а также некоторыми другими соображениями. Отсюда видно, что, выпади честь сорганизовать нападение не мне, а на долю иного агента Исп[олнительного] комитета, личный состав дружины по данному предприятию был бы несомненно другой. Следуя тому же приглашению г. прокурора, поясняю, что агент 3-й ст., каковым я состою, есть ближайший агент Исп[олнительного] комитета, лицо,

пользующееся его полным доверием…[55]

[6 марта]. По поводу двух прочитанных мне 4 марта показаний Рысакова заявляю, что (поскольку я их припоминаю) показания эти в большей части своей согласны с действительностью. Он познакомился со мной, как с лицом, именующимся Захаром Тимофеевичем, ведущим дело с рабочими. О сближении нашем рассказано мною в показании 1 марта, в существенном согласно с показаниями Рысакова. На цареубийство шел он сознательно и добровольно по моему приглашению. В январе и феврале я не раз вел с ним разговор о роли царей в судьбах русского народа и, в связи с этим, о необходимости их уничтожения вообще, если русские цари пожелают остаться при старой системе управления. Рысакову виднее, было ли в моих рассуждениях что-либо новое, самим Рысаковым не надуманное, и в какой мере это новое повлияло на него. Пусть же об этом говорит сам Рысаков. В деле 1 марта я отводил Рысакову лишь место пособника для выправки из него самостоятельного бойца на последующее время, хотя, конечно, своих предположений ему не высказывал, а заставлял переживать самые серьезные ожидания в интересах закала характера; истинная роль его в событии зависела уже не от меня, тогда арестованного, исполнил ее Рысаков, поскольку мне известно и в чем я вперед был уверен, с честью. Припоминаю неверность с действительностью в показаниях Рысакова относительно роли Тимофея. Тут Рысаков, видимо, перепутал лично для него желательное с предложенным мною для Тимофея, и Тимофей вышел у него предполагавшимся участником нападения, что совершенно неверно. Не имея пред собою показаний Рысакова и не желая возражать против собственных недоразумений, прекращаю объяснения свои по поводу его показаний.

[Из заявления А. И. Желябова в Особое присутствие Сената]

<…> Принимая во внимание:

во-первых, что действия наши, отданные царским указом на рассмотрение Особого присутствия Сената, направлены исключительно против правительства и лишь ему одному в ущерб; что правительство, как сторона пострадавшая, должно быть признано заинтересованной в этом деле стороной и не может быть судьей в своем собственном деле; что Особое присутствие, как состоящее из правительственных чиновников, обязано действовать в интересах своего правительства, руководясь при этом не указаниями совести, а

правительственными распоряжениями, произвольно именуемыми законами, — дело наше неподсудно Особому присутствию Сената;

во-вторых, действия наши должны быть рассматриваемы как одно из проявлений той открытой, всеми признанной борьбы, которую русская социально-революционная партия много лет ведет за права народа и права человека против русского правительства, насильственно завладевшего властью и насильственно удерживающего ее в своих руках по сей день;

единственным судьею в деле этой борьбы между социально-революционной партией и правительством может быть лишь, весь русский народ чрез непосредственное голосование или, что ближе, в лице своих законных представителей в *Учредительном собрании*, правильно избранном;

и в-третьих, так как эта форма суда (Учредительное собрание) в отношении нас лично неосуществима; так как суд присяжных в значительной степени представляет собою общественную совесть и не связан в действиях своих присягой на верную службу одной из заинтересованных в деле сторон;

на основаниях вышеизложенных я заявляю о неподсудности нашего дела Особому присутствию Правительствующего Сената и *требую суда присяжных* в глубокой уверенности, что суд общественной совести не только вынесет нам оправдательный приговор, как Вере Засулич, но и выразит нам признательность отечества за деятельность особенно полезную.

1881 г. 25 марта Андрей Желябов.

Петропавловск, крепость.

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 278–284.*

ПОКАЗАНИЯ С. Л. ПЕРОВСКОЙ

[11 марта]. Зовут меня — Софья Львовна Перовская. **От роду имею** — 27, **вероисповедания** — православного. **Происхождение и народность** — из дворян, русская. **Звание** — дочь действительного статского советника, не замужем. **Место рождения и место постоянного жительства** — родилась в Петербурге, где и проживала почти безвыездно с конца ноября 1879 г. **Занятие** — революционная деятельность. **Средства к жизни** — частью из фонда партии, частью работаю по переводам и переписке. **Семейное положение** — имею двух братьев, живущих в Крыму, и сестру, находящуюся замужем за доктором Загорским, который, кажется, служит в Саратовской губ. **Экономич. полож. родителей** — отец Лев Николаевич служит в совете при министерстве внутренних дел, мать моя Варвара Степановна живет в Крыму. **Место воспитания и на чей счет воспитывался** — воспитание получила домашнее на счет родителей. **Причина неокончания курса в случае выхода из завед. с указан, самого завед.** — (в этой графе прочерк. — *Сост.*). **Были ли за границей, где и когда именно** — за границей была только в детстве в 1865 г. **Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены** — привлекалась к процессу о 193 лицах, была оправдана, после суда высылалась административно в Олонецкую губ., но по пути скрылась со станции Волхово или Чудово Николаевской железной дороги. **На предложенные мне вопросы отвечаю:**

Участие мое в покушении 1. марта на жизнь Государя выразилось в следующем: окончательное решение, действовать 1 марта, было принято 28 февраля вечером; в этом решении участвовала и я. Затем 1 марта утром я отнесла на Тележную улицу, д. № 5, часть метательных снарядов, предназначенных для действия, именно два. На самом месте действия я выслеживала, куда направится Государь из манежа, для этого я находилась на Большой Итальянской улице и на Михайловской площади. Увидя, что Государь направился в Михайловский дворец, я пошла по Михайловской улице, где и подала знак, означавший, что личности со снарядами должны направиться на Екатерининский канал, как было заранее условлено; знак заключался в том, что я должна была вынуть носовой платок при встрече, не говоря ни слова. Подав знак, я направилась по Невскому, через Казанский мост, на противоположную сторону Екатерининского канала, где и была во время обоих взрывов, и вскоре после них удалилась оттуда. О том, что Государь из Михайловского дворца направится

по Екатерининскому каналу, знала я по целому ряду наблюдений за ним, которые я производила в течение последних месяцев. По Михайловской улице встретилась я с несколькими лицами, в числе которых находился Рысаков, других же лиц, кроме Рысакова, а также число их указывать я не желаю. В Тележной улице своих снарядов не было, но они были принесены туда утром 1 марта мною и другими лицами, назвать которых я не желаю, а также не желаю показывать, откуда они были принесены. 1 марта утром на Тележной улице было несколько человек, некоторые из которых получили снаряды, в числе последних был Рысаков, других же назвать не желаю. О назначении квартиры по Тележной улице говорить не желаю, хозяевами же там были застрелившийся при обыске человек и Геся Гельфман. Фамилию того человека назвать не желаю. Дав сигнал, я направилась к Екатерининскому каналу, чтобы присутствовать при факте и удостовериться в его последствиях, снаряда же не имела с собою, так как на этот день для меня их недостало. По Екатерининскому каналу должны были действовать несколько лиц, но сколько, я не желаю показывать, действия их должны были заключаться в бросании снарядов. По поводу предъявленной мне фотографической карточки я не могу ничего сказать (предъявлялась карточка носившего якобы кличку Котика, как мне это было сказано при допросе). О подкопе по Малой Садовой улице мне было известно, что он приготовлялся для покушения на покойного Государя, и если бы он проехал 1 марта по Садовой, то, по всей вероятности, действие состоялось бы. Я не желаю определять, с какого момента знала я о подкопе по М. Садовой, и вообще по поводу этого подкопа отказываюсь давать какие-либо показания, хотя вообще, как член партии и агент Исполнительного комитета, я знала о всем совершавшемся в партии в этой отрасли деятельности и о предположениях; сама я в лавке Кобозева по М. Садовой не бывала. На вопрос, с какого момента возникла в партии мысль о действиях метательными снарядами, я отвечать не желаю. Я признаю, что на моей квартире, где проживал и Желябов, был в жестянках динамит, но не желаю объяснять, куда он девался и в каком отношении он находился к лавке Кобозева. По поводу знакомства моего с Кобозевыми и другими лицами я объяснений давать не желаю. С Рысаковым я познакомилась эту зиму; при каких обстоятельствах, показывать не желаю.

Относительно мотивов, под влиянием которых партия и я, как член партии, начали террористическую деятельность, пояснить могу следующее. Стремясь к поднятию экономического благосостояния народа и уровня его нравственного и умственного

развития, мы видели первый шаг к этому в пробуждении в среде народа общественной жизни и сознания своих гражданских прав. Ради этого мы стали селиться в народе для пропаганды, для побуждения его умственного сознания. На это правительство ответило страшными репрессиями и рядом мер, делавшими почти невозможной деятельность в народе. Таким образом, правительство само заставило партию обратить преимущественное внимание на наши политические формы как на главное препятствие народного развития. Партия, придерживаясь социалистического учения, долго колебалась перейти к политической борьбе, и первые шаги по этому пути встречали сильное порицание со стороны большинства партии, как отступление от социализма. Но ряд виселиц и других мер, показывавший необходимость сильного отпора правительству, заставил партию перейти решительно на путь борьбы с правительством, при которой террористические факты являлись одним из важных средств. Упорство же в посягательствах на жизнь покойного Государя вызывалось и поддерживалось убеждением, что он коренным образом никогда не изменит своей политики, а будут только колебания: одной ли виселицей больше или меньше, народ же и общество будут оставаться в прежнем вполне бесправном положении. Точно определить время зарождения мысли о цареубийстве нет возможности, во время соловьевского покушения единой всероссийской организации, строго говоря, не существовало, и мысль о покушении самостоятельно существовала в нескольких отдельных группах, но не у всех революционных деятелей. Начиная с осени 1879 года отдельные организации сплотились в одну общую, и мысль о покушении на покойного Государя была принята всей партией. На Липецком съезде я не была, впоследствии знала о том, что он был, но сведений о нем никаких сообщить не могу. Под влиянием принятого нами решения осенью 1879 года я и поехала в Москву, где под именем Марины Семеновны, жены Сухорукова, принимала участие в покупке дома за Рогожской заставой, затем жила там все время ведения подкопа под полотно железной дороги, вплоть до 19 ноября, вышла из дому после взрыва, около 10 часов вечера. В момент взрыва я находилась в доме на случай, если бы пришла полиция, то принять ее и отвлечь ее (внимание) [56] подозрение. В этот момент я находилась в самом доме, а другое лицо — в сарае для смыкания батареи, назвать же это лицо я не желаю.

В 1869 году осенью я вместе с родителями приехала в Петербург, где поступила на женские курсы при 5-й мужской гимназии. В 1870 г. осенью, по семейным обстоятельствам, я

оставила родительский дом и начала жить самостоятельно, готовилась в народные учительницы, желая способствовать развитию народа. В 1872 г. я держала в Петербурге экзамен на народную учительницу; несмотря на то что экзамен я выдержала, мне все же, не объяснив причин, не выдали диплома. Тогда на зиму я отправилась в Тверскую губ., в Корчевской уезд, село Едимоново, прожила там всю зиму с 72 на 73 г. в качестве помощницы учительницы при народной школе. В 73 г. весною выдержала экзамен в Твери и тут получила диплом. На лето вернулась в Петербург и с осени начала тут занятия с рабочими. 5 же января 1874 г. меня арестовали; летом я была выпущена на поруки и уехала к матери, в Крым. Потеряв возможность быть дальше народной учительницей, я начала изучать фельдшерство. В 1874 г. поступила в симферопольскую земскую больницу, где я служила вплоть до вызова на суд в 1877 году в августе месяце. Судом я была оправдана, и в мае 1878 г. уехала опять к матери, где была арестована в августе для административной высылки в Олонецкую губ. С дороги я скрылась и с тех пор жила нелегальной. К революционному движению я примкнула с 1872 года. Под какими фамилиями я жила с 19 ноября 1879 года до присвоения себе имени Войновой, сказать не желаю. Войновой же я стала именоваться, кажется, с июня месяца 1880 г., паспорт этот подложный. В доме № 18 по 1-й роте я поселилась с июля месяца 1880 г.; сначала со мной жила одна моя знакомая, имени которой я называть не желаю, жила же она под фамилией Сапович. В сентябре эта моя знакомая уехала от меня, и переселился ко мне на квартиру Желябов. Где теперь находится называвшаяся Сапович, показывать я не желаю. За все время жительства моего в доме № 18 по 1-й роте я шить воротничков никому не давала, и никакая швея ко мне не должна была приходить. Фамилия Чемодановой мне знакома, она жена Синегуба, осужденного по «процессу 193-х» на каторгу, во время суда мы с нею жили вместе, после суда она добровольно последовала за мужем в Сибирь, имя и отчество ее — Лариса Васильевна. С тех пор я ее не видала. В 1876 г. я как-то видала ее сестру, имени ее точно не помню. На бывшем в этом году студенческом бале я не была. Из числа предъявленных мне карточек мне знакомы: Рысаков; Гесю Гельфман, Семена, Кота, и Александра Михайлова, и того, которого мне при допросе назвали Тетеркой, я, кажется, где-то видала. Под Семеном я называю того, которого мне назвали Баранниковым, а под Котом — Колодкевича. Где и при каких обстоятельствах, я объяснять не желаю. Того, которого вы называете Тимофеем Михайловым и карточка которого мне сем предъявляется, я не знаю. Об участии Семена в Московском

предприятии[57] и под каким именем он жил — я показывать не желаю. Все отобранное у меня вчера при задержании принадлежит мне, но разъяснять значение разных заметок, найденных в моих бумагах и записной книжке, я не желаю. По поводу чертежей, найденных в моей книжке, могу только сказать, что это чертеж квартир, но каких, разъяснить не желаю.

[13 марта]. Относительно квартиры по Троицкому пер., д. № 27 (рота), где проживало лицо, под именем Николаева, я разъяснений (желать) давать не желаю. По поводу вопроса, предложенного мне о плане, сделанном карандашом на обороте конверта, я признаю, что план этот нарисован мною в воскресенье 1 марта утром, на квартире по Тележной улице, д. № 5. План этот рисовала я для того, чтобы пояснить лицам, шедшим со снарядами, где они должны были находиться. Относительно же более подробных разъяснений этого плана, то я отказываюсь их давать, а также и относительно кружков, находящихся на этом плане. Привезя на конспиративную квартиру снаряды, я пояснила, что их меньше предполагавшегося количества, т. к. не успели приготовить всех, по короткости времени, потому что окончательное решение действовать 1 марта было принято в субботу вечером; по каким именно причинам, я отвечать не желаю, т. к. эта поспешность имела весьма много причин, разъяснять которые я не желаю. Я в продолжение нескольких месяцев занималась слежением за покойным Государем, но как и с кем происходило это слежение, разъяснять не желаю. По поводу шифрованной записки, найденной у меня и якобы дешифрированной и прочтенной мне сейчас, я никаких объяснений давать не желаю.

Предъявленный мне сейчас снаряд, именно жестяная банка с крышкой, внутри которой помещены три трубки, соединенные гуттаперчевой трубочкой, такой именно системы, какой несколько экземпляров я принесла, как говорила уже, 1 сего марта, утром, в д. № 5, кв. № 5, по Тележной улице и раздала лицам, долженствовавшим действовать этими снарядами в покушении того же числа на жизнь покойного Государя. Внутреннее устройство этого снаряда мне было известно, так как ранее 1 марта я видела этот снаряд в не совсем готовом виде, где же именно, объяснять не желаю. На вопрос, знаю ли я, что в руках партии существовали и существуют метательные взрывчатые снаряды и других систем, кроме системы предъявленного мне, я отвечать не желаю. Предъявленный мне также теперь план, сделанный от руки карандашом на оборотной стороне обыкновенного конверта, есть именно тот самый, который я начертила утром 1 марта в квартире № 5, д. № 5, по Тележной

улице, с целью дать указание лицам, долженствовавшим действовать 1 марта против жизни покойного Государя, о месте нахождения каждого из них в данный момент. О значении же кружков, начерченных на этом плане в некоторых местах, я, как заявила уже вчера, никаких разъяснений давать не желаю.

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 285–290.*

ПОКАЗАНИЯ Н. И. КИБАЛЬЧИЧА

[20 марта] . Зовут меня — Николай Иванович Кибальчич. **От роду имею** — 27 лет, **вероисповедания** — православного. **Происхождение и народность** — сын священника, русский. **Звание** — был студентом Института инженеров путей сообщения. **Место рождения и место постоянного жительства** — в Черниговской губернии Кролевецкого уезда, заштатном городе Короп. **Занятие** — литературный труд. **Средства к жизни** — заработки от литературного труда. **Семейное положение** — холост, имею двух родных братьев Степана и Федора и двух сестер Ольгу и Катерину. Брат Федор находится, по всей вероятности, на месте родины — в гор. Коропе, а сестра Катерина, по всей вероятности, находится в г. Козельце Черниговской г[убернии], где она замужем за священником; где же находятся остальные брат и сестра — я не знаю. **Экономическое положение родителей** — родителей нет в живых. **Место воспитания и на чей счет воспитывался** — сначала в Институте инженеров путей сообщения, а затем в Медико-хирургической академии, на собственный счет. **Причина неокончания курса, в случае выхода из заведения, с указанием самого заведения** — из Медико-хирургической академии вышел в 1875 году вследствие привлечения меня к политическому делу, а из института, в котором пробыл с 1871 по 1873 год, перешел в академию, пожелав переменить специальность. **Был ли за границей, где и когда именно** — не был. **Привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончены** — состоял под следствием и судом за время от 1875 по 1878 год по обвинению в распространении недозволенного сочинения и по приговору Особого присутствия Сената, состоявшемуся 1 мая 1878 года, был приговорен к заключению на 1 месяц. **На предложенные мне вопросы отвечаю:**

Я признаю себя принадлежащим к русской социально-революционной партии, и в частности к обществу «Народной воли». Общество «Народной воли» поставило себе целью достижение тем или иным путем политического и экономического переворота, в результате которого в политическом отношении должно быть народоправство, а в экономическом отношении — принадлежность земли и вообще главных орудий производства народу. Для достижения этой цели существует несколько путей, как: террористическая деятельность, пропаганда революционных идей в разных слоях населения, особенно же среди городского и деревенского люда, наконец,

организация революционных и даже только недовольных элементов и пр. Я признаю все эти пути одинаково необходимыми для достижения сказанной цели, а следовательно, и террористическую деятельность. На вопрос об участии в покушениях на жизнь Императора в ноябре 1879 года под полотном Московско-Курской железной дороги, в Александровске, Екатеринославской губернии, а также в приготовлениях, предпринимавшихся к такому же покушению в Одессе, я поясняю следующее: о всех замышлявшихся покушениях на жизнь Императора осенью 1879 года я знал, но активное участие принимал только в одесском подготовлении. Участие мое в последнем приготовлении к покушению выразилось в том, что я имел квартиру в Одессе, по Екатерининской улице, в доме, номера которого точно не помню, под фамилией Иваницкого, и хранил у себя вещи, необходимые для совершения взрыва. Я жил с женщиной, настоящей фамилии которой не знаю, называл же ее тем именем, которое было обозначено в документе [В. Н. Фигнер. — *Сост.*]. Относительно соучастников моих в подготовлении одесского взрыва я показывать не желаю.

Относительно события 1 марта 1881 года и подготовлений к нему я о своем участии имею показать следующее. Я признаю, что я сделал все части, как тех двух метательных снарядов, которые были брошены под карету Императора, так и тех, которые были впоследствии захвачены в Тележной улице. Изобретение устройства этих снарядов принадлежит мне, точно так же как все части их: ударное приспособление для передачи огня запалу и взрывчатое вещество — гремучий студень — были сделаны мной одним, без участия каких-либо помощников, на квартире, которой я указать не желаю. Снарядов было сделано мной четыре штуки; из них два решено было употребить в действие, а остальные два оставить, так сказать, в резерве. Для приготовления их мне пришлось употребить много времени и труда, прежде чем я собрал нужные технические сведения и изобрел данное устройство снаряда. Нужно заметить, что я среди своей партии был первым, взявшимся добыть нитроглицерин. С целью ознакомиться с предметом я перечитал все, что мог найти в литературе на русском, французском и немецком языках. Но для того чтобы, во-1-х, производить собственными средствами приготовление динамита и, во-2-х, чтобы устроить вполне удовлетворяющий цели метательный снаряд с динамитом, мне приходилось придумывать много новых, нигде не употреблявшихся приспособлений. Я предлагал несколько типов метательных снарядов, отличающихся между собою по приспособлению для получения огня, сообщающего взрыв

динамиту, и только в последнее время придумал данную форму снаряда. Сущность устройства его состоит в том, что оловянный груз, надетый на стеклянную трубочку, наполненную серной кислотой, в момент удара метательного снаряда о какую-либо поверхность разламывает трубочку вследствие силы инерции, серная кислота, вытекая из разбитой трубочки, зажигает прикрепленный к трубочке стопин особого приготовления (нитка, покрытая смесью бертолетовой соли, сахара и сернистой сюрьмы), огонь по стопину передается к запалу с гремучей ртутью, гремучая ртуть, взрываясь, сообщает взрыв патрону, состоящему из смеси мучнистого пироксилина и нитроглицерина, а от патрона взрыв передается уже гремучему студню. В снаряд помещены две стеклянные трубочки, продольная и поперечная, с грузами на каждой, так что, какой бы стороной ни упал снаряд, во всяком случае хоть одна трубочка должна разбиться. Огонь по стопину передается моментально, и, следовательно, взрыв должен произойти в то мгновение, как только снаряд ударится о препятствие. Только после того, как выработана была эта форма снаряда и как на опыте подтвердилась годность в нем ударного приспособления, я и мои товарищи сочли возможным употребить их для действия. Длинное время, потребовавшееся для окончательной выработки удовлетворительного во всех отношениях устройства метательных снарядов, было одной из причин долгого промежутка времени, в течение которого ничего не было принято для достижения поставленной цели — совершить во что бы то ни стало удачное покушение на жизнь Императора. Это, впрочем, была одна из незначительных причин, так как я и мои товарищи не придавали большого значения метательным снарядам, на которые смотрели как на резерв в случае неудачи главного взрыва — взрыва мины. А так как устроить мину в каком-либо месте не представлялось возможным все время до совершения подкопа под Малой Садовой улицей, то и вопрос о покушении затянулся на долгое время. Только тогда, когда явилось возможным занять подвальное помещение по Малой Садовой, — и было решено подготовить взрыв. Что касается до уличного подкопа, то я узнал о нем и принял в нем участие своими техническими советами только в самое последнее время перед 1 марта. Таким образом, я не участвовал ни в обсуждении вопроса о приискании помещения для целей подкопа, ни в вопросе о том, кому занять место лавочников в помещении; я даже не знал и не знаю до сих пор, какие лица играли роль торговцев в сырной лавке на Малой Садовой. Я не участвовал также в работе рытья мины и ни разу не был в самом помещении. Все мое участие в этом подкопе ограничивалось только тем, что я

давал технические советы насчет количества динамита в заряде, а также устроил запал, который был приспособлен уже не мной, а другим лицом к заряду динамита. Вообще все мое участие во взрыве 1 марта ограничивалось исключительно научно-технической сферой, а именно: 1) я давал советы относительно того, какое количество динамита необходимо для того, чтобы взрыв, во-первых, достиг цели, а во-вторых, не причинил вреда лицам, случившимся на тротуаре при проезде Государя, а также прилежащим домам; 2) придумал и приспособил, с помощью двух других лиц, 4 метательных снаряда; 3) ездил с двумя лицами, взявшимися бросить два снаряда, на опыт, на котором снаряд с ударным приспособлением и с гремучей ртутью, но без динамита, был брошен, если не ошибаюсь, Рысаковым с целью убедить участников взрыва в годности устройства снаряда. Таким образом, в вопросе о времени и месте события я не имел решающего голоса. Знал только, и то последнее лишь время перед взрывом, что взрыв должен произойти во время езды Императора в манеж и что лица, имеющие метательные снаряды в руках, должны были стоять в это время неподалеку от мины и, в случае неудачи, пустить в дело снаряды. Поэтому для меня явилось неожиданностью то, что метательные снаряды были употреблены в действие без предварительного взрыва мины. Таким образом, я, находясь на улице в то время, как Император проезжал в манеж и из манежа, ушел затем домой, а о подбросе метательных снарядов узнал лишь вечером — из телеграмм. Относительно метательных снарядов я могу добавить еще то, что два из них были доставлены мною утром 1 марта в Тележную улицу, а перед этим мне всю ночь пришлось проработать над их окончанием; два же другие снаряда были доставлены туда же г-жой Перовской. Прибавлю к этому, что снаряды были изготовлены не в моей квартире, а на другой, которой я указывать не желаю. Дальнейший мой допрос прошу отложить до следующего раза.

К этому считаю нужным добавить, что в интересах рассмотрения моего дела совместно с делом о лицах, обвиняющихся в преступлении 1 марта, и назначенного к слушанию в Особом присутствии Сената на 26 сего марта, заявляю, что отказываюсь от того семидневного срока, который предоставлен обвиняемым для вызова свидетелей и избрания себе защиты и вообще для ознакомления с делом. В случае же, если я изберу себе защитника и он пожелает пользоваться семидневным сроком, то я в таком случае откажусь от защиты в интересах скорейшего рассмотрения дела.

[20 марта]. Всех квартир, где я жил в Петербурге, я

указывать не желаю, кроме следующих: на Подольской улице, в доме № 11, где я жил под фамилией Агатескулова, в Сарапинской гостинице, по Забалканскому проспекту, и на Невском, в доме № 124, также под фамилией Агатескулова, и на последней моей квартире — по Лиговке, дома № 83,— под фамилией Ланского, где я был арестован в прошлый вторник, 17 сего марта. Квартира по Подольской улице не служила ни для каких террористических целей, а предназначалась лишь для свиданий. По Подьяческой улице, в доме под № 37, я бывал зимой, в начале 1880 года, и там занимался приготовлением динамита. Обе квартиры — на Подольской и Подьяческой — я указываю потому, что дознанию они были уже раньше известны, точно так же, как и цели, для которых они служили. Вообще я участвовал всякий раз в приготовлении динамита, когда это представлялось нужным в интересах партии, хотя и не всегда знал, в какой форме должно совершиться замышлявшееся покушение: так, относительно покушения 5 февраля я узнал уже только из газет.[58] Относительно события 1 марта могу добавить еще следующее. Зная заранее, что взрыв должен произойти 1 марта, в том случае, если Император проедет по Малой Садовой, я вместе со своими помощниками приложил все усилия, чтобы к утру 1 марта окончить приготовление метательных снарядов. Принеся оба снаряда в Тележную улицу утром 1 марта, я застал там двух лиц, которые должны были бросить снаряды, а именно: Рысакова и лицо, известное мне под именем Котика [И. И. Гриневицкий. — *Сост.*]; там же я увидел г-жу Перовскую, Гельфман и хозяина квартиры Саблина. Г-жа Перовская сообщала лицам, взявшимся бросить снаряды, где эти лица должны стоять во время проезда Императора и при каких условиях должны были бросить снаряды; при этом она рисовала план улиц — Малой Садовой и набережной Екатерининского канала. Программа действий была такова: лица со снарядами должны были стоять по обоим концам Малой Садовой и в то время, как на середине ее произойдет главный удар и окажется неудачным, то пустить в дело снаряды. В Троицком переулке, в доме под номером 27, у проживавшей там Гельфман я бывал несколько раз для свиданий с разными лицами; но для каких целей служила эта квартира, я показывать не желаю. Относительно Тележной улицы могу добавить, что до 1 марта я там был раза два с целью объяснить действия метательными снарядами. Относительно времени покушения мне известно было то, что как только мина будет готова, то в ближайшее же воскресенье решено было произвести взрыв. Но повторяю, что я близко стоял только к технической стороне дела; относительно же других сторон предприятия я не имел

решающего голоса. С Желябовым я познакомился летом 1879 года в Петербурге, но у него на квартире никогда не бывал.

Относительно настроения, господствующего среди нашей партии после катастрофы 1 марта, мне известно следующее. Вопрос о продолжении террористической деятельности не решается определенно, а ставится в связь с последующими событиями. Если правительство откажется решительно от своей прежней политики, отречется от своей законодательной власти в пользу Учредительного собрания, образованного из народных представителей, выбранных путем всеобщей подачи голосов, при условии полнейшей свободы слова, печати, сходок и избирательной агитации, то перед такою властью партия «Народной воли» сложит оружие террористической борьбы и изберет тогда исключительно мирные средства для проведения своих идей. В таком именно смысле проектировано напечатать обращение к императору Александру III, в этом же обращении должна быть высказана та мысль, что первым шагом нового направления государственной политики должна быть всеобщая амнистия так называемых государственных преступников; только такой мерой правительство могло бы, в глазах партии, доказать свое искреннее желание свернуть на совершенно иную дорогу государственной политики. Если же будут по-прежнему происходить казни, если будет продолжаться прежняя политика преследования свободного слова, если не будет дарована широкая амнистия революционным деятелям, то продолжение террористической деятельности со стороны партии представляется совершенно неизбежным. К этому партия располагает всеми средствами: у ней, во-первых, найдутся всегда решительные люди, готовые жертвовать своею жизнью для террористического предприятия, а во-вторых, среди нее есть люди, умеющие доставить к этому все технические средства. Итак, вопрос о том, быть или не быть террору, всецело зависит от будущей политики правительства.

[21 марта]. Прочитывая свое первое показание, я нашел в нем некоторую неточность относительно доли своего участия в технических подготовлениях. Те два помощника, которые вместе со мной занимались техническими приготовлениями, принимали также участие в обсуждении идеи и практического приспособления метательных снарядов и мины; таким образом, все технические приспособления являются результатом коллективной мысли и работы трех лиц, а не одного только меня. Точно так же считаю нужным заявить, что идея устройства употребленных в действие метательных снарядов, именно ударное приспособление, основанное на разбивании стеклянной

трубочки грузом, принадлежит не мне; я только больше других употребил времени на осуществление этой идеи снаряда. Из этого само собой разумеется, что оставшиеся после меня на свободе техники могут, если бы это понадобилось, выполнить технические работы с таким же успехом и без моего участия. На вопрос, предложенный мне на дознании, — какое количество времени нужно на изготовление метательного снаряда двумя лицами, я могу ответить следующее. Раз выработана форма и все детали снаряда, то приготовление его становится очень легким, как это видно из самой простоты устройства снаряда. Стоит только заказать металлическую коробку, купить медных и стеклянных трубок, отлить свинцовые грузы — и вот готовы все части механического приспособления; для того чтобы приспособить все эти части к снаряду, совершенно достаточно одного дня. На приготовление других частей снаряда — стопина, капсюля с гремучей ртутью и гремучего студня — тоже потребуется не много времени.

Еще будучи студентом Медико-хирургической академии, я составил себе социалистические убеждения на основании чтения нецензурных и некоторых цензурных сочинений; это было в то время, когда в Петербург начали проникать из-за границы социально-революционные издания журнала «Вперед»,[59] статьи Бакунина и др. Впрочем, эти издания имели лишь значение только для выработки моих убеждений в социалистическом отношении; они возбудили у меня ряд вопросов, для разрешения которых я должен был обратиться к легальным сочинениям. Легальные сочинения дали мне факты, которые подтвердили те выводы относительно русской действительности, которые я встретил в социалистической литературе. Что же касается до моей деятельности согласно с моими убеждениями, то в это время я не выработал еще себе определенного плана. Я колебался между решением бросить академию и уйти в народ для социалистической пропаганды и желанием остаться в академии и служить делу партии впоследствии — в качестве доктора. Но мои колебания кончились арестом по обвинению меня в том, что я передал недозволенную книжку одному крестьянину в местечке Торнищах Киевской губ. Тюремное заключение, более или менее продолжительное, оказывает всегда на неустановившихся людей одно из двух влияний: одних лиц — неустойчивые и слабые натуры — оно запугивает и заставляет отречься от всякой деятельности в будущем; других же, наоборот, закаляет, заставляет стать в серьезные отношения к делу, которое представляется теперь в их глазах главною задачею жизни. Я принадлежал к числу вторых. Еще в последние месяцы моего

заключения среди социально-революционной партии начало все больше и больше развиваться то настроение, которое впоследствии созрело в целую систему практической деятельности. Сначала я, как и другие революционеры, смотрел на террористические факты как на действия самозащиты партии против жестокостей правительства, как на выражения мести за преследования социалистов. Позднее террористическая деятельность в глазах партии, и в том числе и меня, стала представляться не только как средство для наказания начальствующих лиц за их преследования социалистов, но и как орудие борьбы для достижения политического и экономического освобождения народа. Такой взгляд на террористическую деятельность можно считать окончательно установившимся летом 1879 года. До этого времени я хотя и находился на свободе с июля 1878 года, но почти никакого активного участия в деятельности партии не принимал; жил же по нелегальному документу, потому что не желал быть высланным административным порядком, подобно другим лицам, привлекавшимся к политическим делам. Мое неучастие в деятельности за это время происходило, впрочем, не вследствие моего нежелания этого, а вследствие того, что, по выходе из тюрьмы, я, не имея раньше никаких связей с наиболее деятельными членами партии и не зарекомендовав себя ничем перед ними с революционной стороны, не мог попасть ни в какую революционную организацию. Только в конце весны 1879 года, когда борьба между правительством и партией обострилась до крайней степени, я, сознавая, что в такое время обязанностью каждого, разделяющего известные убеждения, является активное содействие партии, предложил через Квятковского свои услуги революционной организации. Мое предложение было принято. Еще раньше этого времени я, предвидя, что партии в ее террористической борьбе придется прибегнуть к таким веществам, как динамит, решил изучить приготовление и употребление этих веществ. С этой целью я предварительно занимался практически химией, а затем перечитал по литературе взрывчатых веществ все, что мог достать; после этого я у себя в комнате добыл небольшое количество нитроглицерина и, таким образом, практически доказал возможность приготовлять нитроглицерин и динамит собственными средствами. О том, как я употребил в дело приобретенные мной технические знания, мной было сказано раньше. На Липецком съезде я не был и узнал о нем лишь из процесса о 16 лицах, обвинявшихся в государственных преступлениях.

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 291–297.*

ПОКАЗАНИЯ ТИМОФЕЯ МИХАЙЛОВА

[3 марта]. Зовут меня — Тимофей Михайлов, другой фамилии нет. **От роду имею** — 21 г., **вероисповедания** — православного. **Проживаю** — на углу Дегтярной и 5-й ул. Песков, дом 33/14, кв. 10, по паспорту на имя мещанина г. Чернигова Сергея Иванова Лапина. **Средствами к жизни служат** — заработанные деньги мастерством котельника. **Звание мое** — крестьянин Смоленской губернии Сычевского уезда Ивановской волости дер. Гаврилово. **Родился** — в названной выше деревне. **Воспитание** — не получил.

Шесть лет тому назад я приехал в Петербург с целью найти себе здесь работу и в течение этого времени работал на заводах Растеряева, Голубева, Петрова и Матверзена.

С последнего завода я вышел назад тому месяц, так как работа моя недостаточно оплачивалась. Во все время моей жизни в Петербурге я два раза уезжал в деревню не более как на два месяца. Последний раз я возвратился из деревни в марте месяце 1880 г. Жил я здесь на разных квартирах, но где именно, припомнить в настоящее время не могу; на последней квартире я живу около месяца. Сегодня утром я отправился в ту квартиру, где был задержан, по следующей причине. В последний год моей жизни в Петербурге, но когда именно, сказать не желаю, я познакомился с одним человеком, имя и фамилию коего назвать не желаю, которого в дальнейшем своем объяснении буду называть своим товарищем. Равным образом я не хочу сказать, при каких обстоятельствах с ним познакомился. Однажды — когда именно не желаю определить даже приблизительно — этот товарищ мой пригласил меня прийти, как я понял, в тот дом, где сегодня я был задержан. Говорю «как я понял» потому, что товарищ мой не назвал мне номера дома, а равно и улицу, а только сказал, чтобы я шел по Невскому проспекту и, пройдя Николаевский вокзал и Александро-Невскую часть, повернул бы в первую или вторую улицу направо, где около какого-то забора повернуть налево и войти в третий дом, где спросить кв. № 12. Словом, по тем указаниям, какие я получил от своего товарища, я вошел сегодня в дом, где был задержан. На просьбу мою дворнику дома указать мне квартиру № 12 он ответил, что квартира эта не занята, а стоявший на лестнице под воротами городовой пригласил меня следовать в ту квартиру, где меня задержали; я отправился за городовым вверх по лестнице, так как товарищ мой говорил мне, что, войдя в ворота дома, который он мне указал, я должен войти в дверь под воротами же на лестницу, но в какой

этаж подняться, товарищ мой не сказал, а только указал 12-й № квартиры. Войдя в квартиру за городовым, я спросил встретившего меня какого-то офицера: «Здесь ли кучер Иван Андреев?», но так ли именно называется мой товарищ — я отвечать не желаю. Офицер пригласил меня в комнату, и затем, когда он и городовые, бывшие в квартире, начали меня обыскивать, я вынул из кармана своих брюк имевшийся у меня тот именно револьвер, который мне теперь предъявлен, и сделал из него все шесть выстрелов в обыскивавших меня. По какому поводу я стал стрелять — отвечать не желаю. Тотчас же меня схватили и связали, и я не заметил, ранил ли я кого-либо из осматривавших меня или нет. При осмотре моего платья у меня найдено все то, что предъявлено мне, кроме уже револьвера, именно: а) экземпляр печатный манифеста о восшествии на престол ныне благополучно царствующего Государя Императора; на оборотной стороне этого экземпляра манифеста сделаны записи карандашом, но чьей рукой, сказать не желаю, именно: 1) кондитерская Иванова — угол Семеновского и Фонтанки, в 2 часа; 2) по Фонтанке от Невского до Семеновского моста, по правой стороне, в 3 часа и 3) у Исакова в кондитерской на Невск. пр., против памятника Екатер., уг. Невск. и Мал. Садовой, в 4 ч. По какому поводу и с какой целью сделаны эти записи, сказать не желаю; б) билет за № 4233 на 1881 г. на право пользования книгами из Публичной библиотеки; в) объявление от чайного магазина Жильцова; г) два ключа на нитке и д) билетик портерной лавки по Невскому пр., д. № 82, на обороте которого адрес карандашом: «у Измайловского моста д. № 107, кв. 46». Адрес этот я нашел в своей квартире на комоде, и каким образом он попал туда, не знаю, а также почерк, каким написан адрес и несколько строк, неразобранных, ниже адреса; мне незнаком и е) кошелек с 9 коп. меди.

К этому добавляю, что я имею отца Михаила Нефедова, мать Наталью Савельеву, сестер Маланью и Матрену и братьев Григория и Степана, из коих отец, и мать, и брат Степан живут на родине, сестры замужем, недалеко от нашей деревни, в селе, а брат Григорий здесь служил месяц тому назад на заводе Матверзена чернорабочим, а где в настоящее время служит и живет, не знаю.

Я признаю себя принадлежащим к русской социально-революционной партии и «держусь террористического направления». Выразилась ли в чем-либо моя активная деятельность революционера-террориста и как я стоял по отношению к террористической деятельности партии вообще и в частности к событию 1 марта сего года, именно к покушению на

жизнь священной особы ныне почивающего в бозе Государя Императора Александра Николаевича, я отвечать не желаю. С месяц тому назад я сделался нелегальным, и от кого получил паспорт на имя Лапина, а также о… прежних квартирах ничего сказать не желаю.

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 301–304.*

ПОКАЗАНИЯ ГЕСИ ГЕЛЬФМАН

[3 марта]. Зовут меня — Геся Мироновна Гельфман. **От роду имею** — 26, **вероисповедания** — иудейского. **Звание мое** — мещанка г. Мозыря Минской губернии, незамужняя.

Ни на какие вопросы, касающиеся лично меня, а также лица, застрелившегося сегодня ночью в той квартире, где я была арестована [Н. А. Саблин. — *Сост.*], и вещей, оказавшихся в той квартире, я отвечать не желаю. Предъявленная мне сейчас фотографическая карточка — действительно моя.

[5 марта]. Предъявленную мне сейчас личность (был предъявлен мещанин Николай Иванов Рысаков) я не знаю. Признаю, что я принадлежу к русской социально-революционной партии, программы «Народной воли», о своей же революционной деятельности и вообще о своей жизни и занятиях в Петербурге я никаких ответов давать не желаю. На Малой Садовой улице в Петербурге ни в квартирах жильцов, ни в разных торговых помещениях я знакомых не имела и не имею.

[**8 марта].** На все вопросы, предлагаемые мне, отвечать не желаю. На вопрос, знала ли я о подкопе на М. Садовой улице в С.-Петербурге из сырного магазина, заявляю, что участия в этом подкопе я не принимала, а на вопрос, знала ли о существовании этого подкопа, отвечать не желаю.

[6 марта]. Я не признаю себя виновною в соучастии во взрыве, произведенном 1 марта 1881 года на набережной Екатерининского канала, последствием коего была смерть и повреждение здоровья нескольких частных лиц. Рысакова я не знаю. В квартире моей действительно были найдены две банки с динамитом, и я не знала, что это динамит. Откуда эти банки с динамитом взялись, не желаю показать. По поводу квартиры и человека, застрелившегося в ней, никаких ответов дать не желаю. Человека, тяжело раненного взрывом и умершего в больнице, проживавшего под именем Ельникова [И. И. Гриневицкий. — *Сост.*], я не знаю.

[12 марта]. 6 или 7 сентября прошлого 1880 года я и личность под именем мещанина г. Москвы Андрея Иванова Николаева [М. В. Тетерка. — *Сост.*] заняли кв. № 25 в доме № 27/1 по Троицкому переулку. До этого времени я жила в течение нескольких дней в меблированных комнатах — комната № 4 — в доме, кажется, № 55/1, на углу Невского и Новой улицы, а где я до того жила в Петербурге — сказать не желаю. В меблированных комнатах я была прописана, как равно и личность, называвшаяся моим мужем, Иваном Андреевым,

жившим в одной со мною комнате под именем Елисаветы Алексеевны Николаевой. Наняв квартиру в доме № 27/1 по Троицкому переулку, я и называвшийся Николаевым меблировали ее, но старою или новою мебелью — не знаю, так как мебель привез Николаев. Служанки мы не имели, а ходила за провизией и готовила кушанье я сама. Личность, живущую со мною под именем моего мужа Андрея Иванова Николаева, я называть не желаю. В этой квартире у нас бывали: Желябов, Перовская, личность, карточка с трупа которого мне сейчас предъявлена (была предъявлена карточка трупа лица, умершего от ран 1 сего марта в Конюшенном госпитале), фамилию которого я хотя и знаю, но не желаю сказать, а говорю только, что знала эту личность также под именем Михаила Ивановича и под прозвищем Котик. Бывали у нас и другие лица, но кто они — сказать не желаю. Из дома № 27/1 по Троицкому переулку сожитель мой, называвшийся Николаевым, уехал в начале февраля, не знаю куда… а к половине февраля переехала, вместе с личностью называвшегося также моим мужем Фесенко-Навроцким, в кв. № 5 дома № 5 по Тележной улице. Называвшийся Фесенко-Навроцким не одно лицо с называвшимся Андреем Ивановичем Николаевым. В настоящее время я могу сказать, что под фамилией Фесенко-Навроцкого жил со мною Николай Алексеевич Саблин, а я жила, как уже известно, под именем его жены Елены Григорьевны. Саблин и Николай Рысаков никогда не бывали в моей квартире в доме № 27/1 по Троицкому переулку. В этой квартире у меня и Николаева была типография «Рабочей газеты».[60] Лиц, заведовавших литературной частью этой газеты, а также работавших в этой типографии, я назвать не желаю, относительно же себя и Николаева могу только сказать, что я, как знающая наборную часть, была наборщицей и в этом же помогал нам Николаев. Желябов, Перовская и Котик не принимали участия собственно в печатании названной газеты, а о их деятельности по отношению к распространению этой газеты я сказать ничего не желаю, кроме того, что, насколько я знаю, Желябов был сотрудником в названной газете. В указанной моей квартире, где была типография, был отпечатан только 1-й номер названной газеты и «программы рабочих партии Народной воли». Недели за две до отъезда моего из той квартиры, вскоре по отъезде Николаева, все принадлежности этой типографии были взяты из моей квартиры, но кем и куда перевезены — сказать не желаю. Я сама также раздавала номера названной газеты в среде рабочих, но где именно, то есть на каких фабриках, заводах или в квартирах, где бывали рабочие, — я сказать не желаю, а также не желаю назвать фамилии тех рабочих, коим давала газету и

названную выше программу. Со времени перехода моего на квартиру, где печатались названные газета и программа, я начала покупать картон, из которого приготовляла кассы типографские; о сожителе же своем Николаеве говорила, что он служит в каком-то месте, название которого теперь не упомню. Добавить что-либо к настоящему показанию не имею, кроме того, что квартира в доме № 27/1 по Троицкому переулку была «конспиративная».

[Заявление Г. Гельфман от 30 марта]

Исполняющему обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего Сената

Приговоренной к смерти Геси Мироновны Гельфман

Заявление

Ввиду приговора Особого присутствия Сената, о мне состоявшегося, считаю нравственным долгом заявить, что я беременна на четвертом месяце. Подать это заявление доверяю присяжному поверенному Августу Антоновичу Герке.

Геся Гельфман[61]

Печатается по: *1 марта 1881 года, с. 298–300.*

А. В. Тырков
К СОБЫТИЯМ 1 МАРТА 1881 ГОДА

<…> Меня отвезли в Дом предварительного заключения. Утром позвали на допрос в самом Доме. Допрос был по пустому делу о гектографе, но это пустое дело навело на мой след. Рысаков знал только мое имя и мог дать показание о каком-то Аркадии, студенте Петербургского университета. Совпадение имен в показаниях по обоим этим делам дало повод заподозрить тождественность лица. Были у них и еще кое-какие указания, предполагаю, агентурные, но полученные уже после показания Рысакова.

Часа в 2 дня меня опять вызвали из камеры и на этот; раз повели в департамент полиции. В департаменте меня ввели в небольшую комнату, выходившую своим единственным окном во двор, и оставили в ней одного. Стоя у окна, я увидел Рысакова, шедшего по двору из тюремного помещения при департаменте под конвоем четырех жандармов с шашками наголо. Немного спустя ко мне вошел жандармский офицер и ехидно-вежливо предложил: «Пожалуйте». Меня ввели в длинную комнату, в конце которой за большим столом стояло и сидело человек 8-10. Плеве занимал председательское место. Жандармский офицер, почему-то надевший синие очки (потом я видел его без очков), шел передо мной вполуоборот к столу, почти даже задом к нему, близко наклонясь над моим лицом и заглядывая очень загадочно и вопросительно мне в глаза. Вся эта комедия была очень смешна, но тут же было и нечто другое, от чего меня обдало холодом. По сю сторону стола сидел Рысаков и при моем появлении повернулся ко мне лицом. Когда его еще вели по двору, мне удалось уловить его настроение. Он шел какими-то равнодушными, точно не своими шагами, переводя глаза с предмета на предмет, с мучительным безразличием человека, для которого все счеты с жизнью кончены; одним словом, имел такой вид, какой могут иметь люди, когда их ведут на казнь. Но когда мне пришлось остановиться в каких-нибудь двух шагах от него и когда глаза наши встретились, тут только я увидел весь ужас его состояния. Лицо его было покрыто сине-багровыми пятнами, в глазах отражалась страшная тоска по жизни, которая от него убегала. Мне показалось, что он уже чувствует веревку на шее. Мы молча смотрели друг на друга, а сидевшие и стоявшие наблюдали за нами. Чтобы покончить, разрешить чем-нибудь это напряженное молчание, я сказал: «Этот человек мне незнаком».

Тогда жандарм в синих очках увел меня обратно в комнату. Вся эта сцена очной ставки продолжалась, самое большее, минуту-полторы. Ждать мне пришлось очень недолго. Меня повели опять, но уже на допрос, и предъявили показание Рысакова, в котором он подробно излагал все, что относилось к участию в деле моему, Оловенниковой и Тычинина.

Первые допросы вел Плеве при участии Добржинского и жандармской власти. Плеве вел себя очень важно, но корректно. Он не любил произносить лишних слов. В его холодной замкнутости таилась несомненная сила воли и честолюбивые замыслы создать себе карьеру. В нем было гораздо больше такта и меньше гибкости, чем в Добржинском. Последний был мельче, обладал меньшим чувством своего достоинства; Плеве никогда не позволил бы себе такой экспансивности, какую допустил Добржинский, когда я наконец признал обвинения, направленные против меня лично, правильными. Добржинский вскочил и стал бегать по комнате, потирая себе руки от радости. Успокоившись, он сел около меня и поздравил: «Г[осподин] Тырков, ну теперь ваша песенка спета».

Рысаков оговорил всех, кого знал, за исключением студента С. [Сидоренко Е. М. — *Сост.*], о котором почему-то умолчал. Прокуратура обещала ему помилование и вынудила из него все, что было нужно. Несмотря на оговор, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство к нему. Его состояние, о котором я говорил, исключало возможность предъявлять к нему какое-либо нравственное требование. Нападая на центральное лицо в государстве, он сосредоточивал на себе слишком много внимания; слишком многие могли бы его спросить, почему он это сделал, за что он хотел убить, и у него не нашлось бы на это по совести ответа. Революционного прошлого у него не было, т. е. он не прошел тех фазисов психологического развития, которые были пройдены старшими народовольцами. Не было и достаточной идейной подготовки, и в характере не хватало дерзости. Это был еще совсем юный, добродушный и жизнерадостный провинциал. Вчера — еще просто мальчик в самом разгаре, если можно так выразиться, своей непосредственности, сегодня — цареубийца. И цареубийца непосредственный, сам бросивший первую бомбу. Он видел кровь посторонних людей, пострадавших от его снаряда; на его глазах разорвалась вторая бомба, поразившая Государя и Гриневицкого. Он видел толпу, сбегавшуюся к месту катастрофы, у которой был в глазах ужас перед свершившимся и негодование к нему, Рысакову. Когда он очутился в руках следственной власти, она впилась в него своими умелыми когтями, не давая ему времени опомниться, разобраться хоть сколько-нибудь в той

сложной сети ошеломляющих и противоречивых чувств, которые должны были всплыть совершенно неожиданно для него самого. Не только он был испуган собственным поступком и тем положением, в которое он попал, но он, я думаю, не мог даже дать себе хорошенько отчета, как все это с ним произошло. На суде, мне помнится, он говорил, что он совсем не террорист, а мирный деятель. Этим заявлением, наивным с первого взгляда, он не отрицал, конечно, факта метания бомбы, а отгонял от себя и от других мысль, что он может вообще убивать людей. Таким образом, не один только животный инстинкт самоохранения, а более сложный комплекс чувств душил его с такой силой, что лишил его всякого самообладания и бросил целиком во власть чужой воли.

Рысаков был, как говорили, способный юноша, хорошо знал математику. Память у него была очень точная и, вероятно, развитое воображение. В нем ходила какая-то скрытая, не развернувшаяся еще силушка (к его приземистой, широкоплечей фигуре с большой головой это слово вполне применимо), но вся беда в том, что ему слишком рано дали такую ответственную роль.

Когда и как определилась его роль, я не знаю. Если предложение выступить метальщиком было сделано при нем или прямо ему в упор, очень может быть, что, участвуя еще раньше в наблюдательном отряде, он не захотел показаться трусом в глазах Желябова или перед самим собою и принял предложение.

Я остановился на Рысакове потому, что для всякого постороннего человека его поведение должно показаться слишком двусмысленным. Таких людей клеймят ужасным словом «предатель», и этим исчерпываются все счеты с ними. Мне хотелось показать, какую страшную пытку испытал Рысаков, прежде чем начал говорить, и что, суммируя все обстоятельства, он заслуживает только жалость, а не презрение.[62]

<…> Вторая очная ставка мне дана была с Перовской. По правде сказать, не понимаю до сих пор цели этой ставки, т. к. Перовская никаких показаний против кого-либо не давала, а я в то время еще отрицал показание Рысакова. Расчет следователей мог быть только один — уловить игру физиономий. У них вырабатывается особенная наблюдательность и уменье играть на неожиданностях. С меня снимали допрос Добржинский и жандармский офицер в синих очках, кажется, по фамилии Иванов. Они сидели друг против друга за одним столом со мной, мешали перекрестные вопросы по делу с веселой болтовней о разных разностях, стараясь придать характер полной непринужденности и беззаботности всему допросу. Я, с своей

стороны зная уже показание Рысакова, все время сидел настороже. Вдруг один из них обращается ко мне: «Г[осподин] Тырков, потрудитесь обернуться». Оборачиваюсь — передо мною стоит Перовская. Видно было, что она очень много выстрадала за последние дни и утомилась. Поэтому я боялся задержать ее хоть одну лишнюю минуту и поторопился сказать: «не знаком». Ее увели. Дверь, через которую ввели Перовскую, открывалась бесшумно и вела в коридор, устланный ковром. Вероятно, не со мной одним проделывался этот фокус, рассчитанный на эффект неожиданного появления за спиной человека, шаги которого нельзя было вперед слышать.

Прокуратура и жандармы относились с особенной ненавистью к Перовской и Желябову. О Кибальчиче они отзывались сдержанно, без малейшего раздражения, уклоняясь даже от разговора о нем. Он был слишком философ. Он вел себя как человек, стоящий вне партийных страстей, руководствующийся в своей программе общественной деятельности исключительно научным анализом современности. Такое бесстрастие, такое подчинение себя объективным выводам действовали успокоительно и примиряли с ним его противников. Я слышал в тюрьме, вероятно от жандармов, что, когда его арестовали, он сейчас же принялся за свои чертежи и чертил, пока ему не принесли бумаги, прямо на стене камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лодки. Его прямо редкое, бросавшееся в глаза спокойствие на суде и в течение всех последних дней его жизни было результатом не столько подавляющей в себе волнение силы воли, сколько силы обобщающей мысли, принимающей все причины и следствия как нечто неизбежное. Он как будто и себя самого и свою судьбу ставил в ряд той же неизбежной цепи явлений. Один из самых серьезно образованных людей партии, он стоял в ней, как мне казалось, особняком. Правда, я ни разу не видел его вместе с другими главарями-народовольцами, т. ч. мне трудно судить о их взаимных отношениях. Но, во всяком случае, он стоял вне конспиративной сутолоки с ее бесконечными свиданиями, толкучкой на т. наз. радикальных квартирах, где можно было всегда застать «радикалье» всех оттенков. Я виделся с ним только у себя и больше нигде его не встречал. Наше знакомство носило чисто частный характер, не было связано ни с какими партийными интересами. Я знал, что он помещает рецензии по философии и общественным наукам. Раз как-то он показывал мне свою статью об общине, где он, помнится, доказывал значение общины как формы, заключающей зародыши высших экономических отношений. Его отношение к делам партии мне

было совсем неизвестно, т. ч. я даже спросил Гесю Гельфман о нем. Она мне сказала: «О, он у нас техник». Разговоры наши велись на общие темы. Все это я говорю потому, что пропаганда, агитация, одним словом, возня с отдельными личностями была, как мне кажется, вне сферы его интересов. Смутно помнится, что он переживал тяжелый кризис, стоял на распутье. Не от него я это слышал, а от других. Может быть, после этого кризиса, поняв, как важно человеку самому определить свою дорогу, он не хотел никому внушать своих настроений своим личным, непосредственным влиянием, а может быть, просто он был поглощен другим. Только раз за все время знакомства, уже зимой 81 г., он заговорил со мной о делах партии, именно о денежных ее затруднениях. В Петербурге был тогда наездом орловский или тульский помещик, некто Филатов, теперь уже покойный. Размера его средств я не знал, но слышал, что средства были. Это был в высшей степени нервный, при этом совершенно сумасбродный человек. Я предложил тем не менее Кибальчичу попытать счастья получить у Филатова денег. Мы назначили общее свидание, но Филатов денег не дал. Кибальчич потом сказал мне: «Разве можно с таким дураком дело иметь». В обращении у него была простота умного, развитого человека, больше занятого своими мыслями и общими интересами, чем собой и самолюбивыми мелкими счетами. У него была своеобразная привычка щурить глаза и пристально смотреть куда-то в сторону, точно там мерцала какая-то отдаленная точка, на которой он концентрировал свою мысль. В обыденной жизни он был, по всей вероятности, непрактичен, так как та же Гельфман рассказывала мне про него анекдот такого рода. Собралось несколько человек, в том числе Кибальчич, и все были очень голодны. Кибальчич вызвался принести что-нибудь поесть и принес… красной смородины. Гельфман хохотала до слез и все повторяла: «Красной смородины». Помню, ему нравилась мысль, высказанная в прокламации по поводу чуть ли не соловьевского покушения. Там говорилось, что Россия обратилась бы в стоячее болото, если бы в ней не появились люди, с таким самоотвержением заявляющие свой протест, что иначе для нее наступила бы нравственная смерть.

Последний раз я видел его после 1 марта. Мы встретились на улице, но долго оставаться вместе находили неудобным. Я спросил его о разрушительном действии мины на Садовой улице, т. е. могла ли пострадать публика на тротуарах и в домах. Он дал мне такое же объяснение, какое давал на суде, т. е., по его расчету, сила взрыва не могла распространиться на тротуары. При прощанье он задал мне такой вопрос: «Заметили ли вы, что

наши женщины жесточе нас, мужчин?» Не помню, что я ему ответил: мы распрощались с ним… и уже навсегда.

В противоположность Кибальчичу Желябов олицетворял собою боевое, наступательное настроение партии. Его имя стало одно время нарицательным, стало синонимом крайнего, не останавливающегося ни перед чем разрушительного направления. Исключительность момента и обстановки, при которой он предстал перед обществом, и некоторые его личные черты могли, пожалуй, напугать воображение публики. Это мнение о Желябове, раздутое еще известной частью прессы, неверно уже потому, что Исполнительный комитет в своих действиях строго держался меры, отлично понимая, какой скользкий путь представляет из себя террор. Я сам слышал от Тихомирова, что, по его мнению, Исполнительный комитет должен состоять из людей высоконравственных, в чем, разумеется, и могла только заключаться гарантия этой меры.

Желябов был высокого роста, брюнет, с довольно длинной окладистой бородой, красивыми мелкими чертами лица, небольшими, но живыми, умными глазами. Хороший оратор, живой, деятельный, вероятно, предприимчивый, с уменьем бить на эффект, когда он считал это нужным — из расчета наделать шуму, заставить людей говорить и думать. На виденной мной гравюре, изображающей процесс 1 марта, Желябов сидит, облокотившись на что-то, вполуоборот к суду, внимательно слушая, подавшись корпусом вперед. В этой позе, знакомой мне и раньше, сказывались напряженный, живой интерес, нетерпение, готовность напасть или отразить удар. Его сфера была улица, люди, он отлично знал, что имеет на них влияние, и это сознание должно было удовлетворить его чувству, вероятно, развитого самолюбия. Я думаю, ему трудно бывало вдвинуть себя в рамки партийной дисциплины. Его натура невольно стремилась подчинить себе окружающих и искала большого простора для своей деятельности, но должна была, если только действительно существовали эти агрессивные стремления, встречать в среде организации отпор со стороны людей не менее сильных, а может быть, более глубоких, чем он. В его глазах я замечал иногда не то радость успеха, не то чувство прилива и расцвета сил. При первой моей мимолетной встрече с ним он произвел на меня очень сильное впечатление. Он передавал чуть ли не свои воспоминания, вынесенные им с юга. Я слышал только несколько конечных фраз, но мне хотелось бы тогда слушать его без конца, такой интерес возбудил он во мне и собой и тем своеобразным освещением, которое он придавал и природе и людям в своем рассказе. Конечно, самое важное было бы вспоминать, что именно

он говорил; но я отмечаю этот факт потому, что только даровитые, оригинальные люди способны так сразу захватывать слушателя. Его деятельность была весьма разнообразна. Он выступал на диспутах, происходивших между народовольцами и чернопередельцами; вел, кажется, дело с рабочими; принимал участие в делах центрального университетского кружка и даже помогал составлению самой прокламации, брошенной Бернштейном,[63] Я случайно присутствовал, как посторонний человек, при составлении этой прокламации. Желябов вел себя совершенно как равный с равными, как товарищ. Несмотря на его такт, в нем была однако какая-то жестокость силы, которая сама неудержимо стремится вперед и толкает перед собой других.

Об их казни я узнал не скоро, так как родные скрывали от меня этот факт. Но в тюрьме пронесся смутный слух о ней. Уголовные, разносившие нам пищу и кипяток, как-то шепнули мне: «Сегодня двух казнили». Уже долго спустя один солдат-жандарм, дежуривший при осужденных по делу 1 марта, передал мне кое-что о последних минутах их жизни.

Все они содержались в Доме предв[арительного] заключения, мужчины — в нижнем этаже, в одиночках. Ночь перед казнью один Кибальчич провел спокойно — спал, как всегда. Все другие не спали. Желябов ходил возбужденно по камере. Когда Перовскую вывели во двор, где ее уже ждала позорная колесница, она побледнела и зашаталась. Но ее поддержал Михайлов словами: «Что ты, что ты, Соня, — опомнись». Этот оклик привел ее в себя: она справилась с минутной слабостью и твердо взошла на колесницу. <…>

Печатается по: *Былое, 1906, № 5, с. 152–162.*

ПОКАЗАНИЕ И. П. ЕМЕЛЬЯНОВА ОТ 22 АПРЕЛЯ 1881 г

Зовут меня Иван Пантелеймонов Емельянов. В 1870 году я был взят моим родным дядей из деревни, пожелавшим меня взять для того, чтоб дать мне возможность получить образование. Взявши меня 9 лет от роду, босоногого, почти что в одной рубашке, он увез меня с собой на место своей служебной деятельности, в Турцию, в Константинополь, где занимал довольно видное место при русском посольстве. Преобразив меня из дикаря, хотя внешним видом, в так называемого мальчика порядочного общества, он стал исправлять мой малороссийский акцент в русский и вместе с тем выучил меня читать и писать. Обратив меня в благовоспитанного ребенка с более или менее порядочными манерами, он ввел меня в общество детей русских семейств. Таким образом, попав неожиданным для меня образом из деревни прямо в большой город, в общество людей аристократического круга, увидев массу совершенно новых для меня предметов, я был поражен. В моем детском уме произошел целый сумбур. Будучи чрезвычайно любознательным и впечатлительным, я постоянно приставал ко всякому с расспросами и разъяснениями. Очень часто мое любопытство не было удовлетворяемо, а разъяснения неполные. Я был молчалив и много думал. Переезжая с места на место с моим дядей, имевшим разные командировки, я имел возможность видеть многое и встречать людей не только различных классов и состояний, но и разных народностей. Все это давало богатую пищу моим размышлениям. Размышляя, я совершенно самостоятельно (мне было лет 11–12) напал на мысль и идею, которую принято теперь называть социализмом. Я напал и, сам того не замечая, развивал ее сам в себе. Приехав затем в Петербург, я поступил в 1-е реальное училище, оттуда вследствие почти беспрерывных заболеваний и тяжких болезней, — как объясняли доктора, по причине резкой перемены климата, — я перешел в ремесленное училище цесаревича Николая полным пансионером. Мысль о социализме у меня окрепла, и в Петербурге я увидел, что это не есть плод одних моих размышлений. Я пристрастился к чтению книг. Пользовался не только свободным временем, но иногда и ночами. Пройдя очень быстро детскую литературу и для юношества, я дошел до книг серьезного содержания и стал следить за ходом периодической прессы. Обратил особенное внимание на целый ряд политических процессов. Я увидел, что у

меня есть значительная доля солидарности по взглядам и убеждениям с подсудимыми, я им сочувствую. Издается наконец «Земля и воля». Программа «Земли и воли» очень близко подходит к моим взглядам на политическое и экономическое положение России. Я имел возможность сделать несколько путешествий по внутренней и южной России. Меня поражает русский мужик своей забитостью, угрюмством, бедностью и рабской покорностью своему положению. Он терпит все и всякие притеснения от местной администрации. Маклачество и взяточничество господствуют среди русского народа. Я мечтаю посвятить себя улучшению благосостояния русского народа, как один из его сынов. Но мне хочется посмотреть западноевропейские страны. Я учусь в училище и ремеслу и наукам. Перехожу из класса в класс с наградами. Кончаю курс. Как один из первых — послан за границу от училища на казенный счет. Приезжаю в Париж. Работая, знакомлюсь с французским крестьянином и парижским рабочим. Выношу отрадное впечатление. Посещаю с этнографической целью Германию, Австрию, Швейцарию, Францию. Мое любопытство удовлетворено. Нахожу, что везде экономическое и культурное положение стран лучше, чем в России, за границею слежу за «процессом 16-ти». Нахожу и разделяю сообразно моим убеждениям программу «Народной воли». Разделяя программу «Народной воли», считаю себя не вправе оставаться индифферентным. Приезжаю в ноябре месяце 1880 г. в Петербург и поступаю в число членов русской социально-революционной партии. Не переставая усердно заниматься науками и следить за литературой, нахожу время принимать активное участие в делах партии, главным образом в принятии участия по преступлению 1 марта. В качестве метальщика, вооруженного разрывным снарядом, стоял на углу Невского и Малой Садовой и затем у Театрального моста.

В самый момент последовавших взрывов от снарядов, брошенных Рысаковым и личностью, мне известною под именем Михаила Иваныча [И. И. Гриневицкий. — *Сост.*], я находился шагах в 20-ти от покойного Императора, и когда Государь Император упал, то я совершенно инстинктивно, имея под левой мышкой завернутый в газетную бумагу снаряд, бросился вместе с другими к Государю Императору, чтобы подать ему помощь. Снаряд был мною отнесен после катастрофы на квартиру в Тележную улицу, где и был он мною получен от Перовской. Лиц, вооруженных снарядами, было всего четыре (4): я, Рысаков, Михаил Иванович и Тимофей Михайлов, стоявший на углу Малой Садовой и Манежной. За неделю был на опытах с этими

снарядами в Парголове вместе с другими лицами. О подкопе на Малой Садовой я не знал до 1 марта, когда Перовская сообщила в квартире Саблина, что на Малой Садовой должен последовать сперва названный ею центральный удар.

После первого марта оставался в Петербурге и продолжал видеться с членами партии, но никакого активного участия не принимал в революционных делах.

Иван Пантелеймонов Емельянов

Печатается по: *Красный архив, 1930, т. 3, с. 182–184.*

ПИСЬМО Н. И. КИБАЛЬЧИЧА К АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Императорское Величество!

Не как человек партии, прибегающий ради партийных интересов к преувеличениям и неправде, а как человек, искренно желающий блага родине, искренно ищущий мирного выхода из теперешнего невозможного положения, имею я честь обратиться к Вашему Величеству с этим письмом; я считал бы себя счастливым, если бы мог надеяться, что мое заявление хоть в самой слабой степени посодействует выходу из того заколдованного круга, в котором очутилась наша страна. Прежде всего я должен, хоть в самых кратких словах, коснуться известного настроения революционной партии и тех причин, которые вызвали это настроение. Раз исчезнут эти причины — исчезнет и настроение, вызванное ими.

Я хорошо знаю то настроение, которое господствовало среди русских социалистов за время от 1873 по 1877 год. Молодежь шла в народ с надеждой развить в народе, путем словесной пропаганды и личного примера, социалистические воззрения и привычки. Если она и допускала в идее насилие, то только в будущем, когда большинство народа проникнется социалистическими воззрениями, пожелает изменения форм общежития, согласно с этими воззрениями, и, встретив в этом отношении противодействие со стороны правительства и привилегированных классов, принуждено будет вступить с ними в открытую борьбу. На том основании частные крестьянские бунты признавались социалистами не только бесполезными, но даже вредными, так как они цели достигнуть не могли, а между тем последствия их производили еще большую запуганность и подавленность среди крестьянского населения. По отношению к вопросу о политической свободе социалистическая молодежь того времени выказывала полнейший (хотя в значительной степени неискренний) индифферентизм, считая политические вопросы несущественными в решении коренной задачи — социально-экономического освобождения народной массы. При таком взгляде на значение политических учреждений не могло, конечно, быть и речи о какой-либо вооруженной борьбе для достижения политической свободы. Некоторые впадали даже в нелепую крайность, признавая, что политическая свобода в России скорее повредила бы делу экономического освобождения народа, чем помогла бы, так как, по их мнению, при свободных

политических учреждениях у нас развился бы класс буржуазии, с которой народу бороться труднее, нежели с системой бюрократического правления. Насколько среди партии господствовало в то время миролюбивое настроение — лучше всего видеть из следующего факта: из массы лиц, привлекавшихся по политическим делам за пятилетие 1873–1878 годов, только одним лицом было совершено то, что можно назвать фактом насилия, а именно выстрел, сделанный при аресте Цициановым в околоточного надзирателя.

Конечно, у пропагандистов этого периода проявлялось много иллюзий, юношеской неопытности и незнания жизни. Уже одна идея — в короткий промежуток времени путем лишь словесной и книжной пропаганды и при наличности всех существующих условий государственной и общественной жизни достигнуть того, что большинство народа сознательно усвоит себе принципы социализма, — такая идея, господствовавшая среди пропагандистов, лучше всего показывает их юношескую неопытность. Но много великих несчастий произошло, много потерь понесли народ и общество от того, что этой молодежи, стремившейся в народ, правительство поставило всевозможные препятствия и подвергло пропагандистов неумолимым преследованиям. В самом деле, что произошло бы, по всей вероятности, если бы правительство в то время допустило бы полную свободу социалистической пропаганды? Масса молодежи, стремившейся в народ, расположилась бы для целей пропаганды по селам, фабрикам и городам. Часть из этой молодежи, менее серьезная и менее устойчивая, убедившись на опыте, что успешное ведение пропаганды в народе, особенно на первых порах, требует от пропагандиста большой опытности, выдержки и настойчивости, сама, добровольно, отказалась бы от деятельности в народе, как от непосильной задачи. Но другая часть молодежи, более опытная, самоотверженная, энергичная, осталась бы в народе. Здесь она очень скоро отделалась бы от иллюзий, вроде той, что путем пропаганды в народе в течение 10–15 лет можно произвести социальную революцию, и отнеслась бы к своей задаче трезво, согласно с реальными условиями среды: она изменила бы свою теоретическую программу социализма сообразно с положением общественной среды и приноровила бы свою пропаганду к умственному и нравственному уровню народа. Ее деятельность в народе была бы гораздо более широкой, мирной и культурной, чем революционной: пропагандисты учили бы крестьян грамоте, сообщали бы им сведения из области естественных, исторических и общественных наук, старались бы распространить в крестьянстве идею более справедливых

общественных форм, чем те, которые существуют, и своим личным примером стремились бы развить в народе такие привычки и понятия, которые необходимы для осуществления лучших форм общежития и т. д. Вся же собственно революционная часть деятельности пропагандистов исчерпывалась бы лишь тем, что они вместе с критикой существующего строя внушили бы народу идеи о необходимости открытой силой добиваться иного общественного устройства — в том случае, если высшие классы и правительство не захотят добровольно отказаться от своих привилегированных прав и удовлетворить требованиям народной массы. Я глубоко убежден, что если бы с самого начала социалистического движения, т. е. с 1873 г., была бы предоставлена пропагандистам полная свобода слова, то от этого выиграли бы все общественные элементы нашей страны: и социально-революционная партия, и народ, и общество, и даже правительство.

В самом деле, партия выиграла бы потому, что теперь она была бы численно больше, имела бы прочные связи и пользовалась бы несомненным влиянием среди деревенского и городского населения, словом, сделалась бы, вероятно, теперь, после 8-летней усиленной пропаганды, народной партией в действительном значении этого слова. Народ выиграл бы потому, что социалистическая молодежь при подобных условиях внесла бы в его миросозерцание и жизнь массу света, массу знаний и высоких нравственных примеров, народ узнал бы о существовании дружественной ему части интеллигенции, полюбил бы ее и признал бы ее своей защитницей и руководительницей. Общество было бы избавлено от той массы страданий, какую причинила бы ему гибель нескольких тысяч его детей, сосланных и засаженных в тюрьмы, оно не пережило бы тех ужасов, какие ему доставила казнь двух десятков лиц…

Правительство выиграло бы потому, что тех ужасных террористических актов, которые совершила революционная партия, наверно не было бы, если бы, во-первых, не было воздвигнуто против партии целого ряда непрерывных преследований, а во-вторых, не был бы поставлен целый ряд препятствий для деятельности партии в народе.

Правда, защитники системы беспощадного преследования пропагандистов могут заметить, что деятельность партии в народе угрожает большими опасностями в будущем для существующего государственного строя, что пропагандисты, свободно допущенные в народ, могли там произвести революцию или, по крайней мере, крупный бунт. Но разве возможно одними лишь усилиями партии, как бы она ни была многочисленна и

влиятельна, вызвать народную революцию?

Революция вызывается целым рядом исторических причин общей совокупности хода исторических событий, между которыми сознательная деятельность революционной партии является лишь одним из факторов, имеющих большее или меньшее значение, смотря по силам партии. Поэтому и у нас социально-революционная партия, при полной свободе своей пропагандной деятельности в народе, вызвать революцию или восстания никоим образом не могла бы. Все, что она могла бы сделать, при всех своих усилиях, это — внести большую сознательность и организованность в народное движение, сделать его более глубоким и менее кровопролитным, удерживая восставшую массу от частных насилий, словом, партия может лишь до известной степени направить движение, а не вызвать его. И мне кажется, что, смотря даже с точки зрения привилегированных классов и правительства, раз народное восстание неизбежно, то гораздо лучше, если во главе его явится сознательно направленная революционная интеллигенция, так как без умственного и нравственного влияния революционной интеллигенции на восстание оно может проявиться лишь в тон же дикой, стихийной и беспощадной форме, в какой оно проявилось в 18 веке.

Итак, с какой бы точки зрения ни посмотреть на преследования социалистов, эти преследования принесли всем один лишь неисчислимый вред. Поэтому первое практическое заключение для русских государственных людей, желающих блага родине, может быть только следующее: нужно навсегда оставить систему преследования за пропаганду социалистических идей, нужно вообще дать стране свободу слова и печати. Но тут представляется вопрос. Допуская свободу социалистических идей вообще, возможно ли допустить также свободу пропаганды террористических идей? Я уже имел честь указать, что террористические идеи среди партии явились лишь как последствие тех внешних условий, в которые была поставлена партия, что эти идеи составляют не сущность, а скорее постороннюю примесь социалистического учения. С исчезновением причин исчезнут и следствия. Поэтому и установление свободы слова и печати, при осуществлении еще других некоторых мер, сделаются немыслимыми, как сами террористические факты, так и словесная или письменная пропаганда таких фактов.

Но здесь представляется еще следующее возражение. Допустим, скажут, что будут отменены те статьи закона, которые стесняют свободу слова и печати. Может быть, несколько лет

тому назад этой одной меры и было бы достаточно, чтобы предотвратить появление террористических фактов, но можно ли этой мерой ввести партию в легальные границы теперь, когда она в своих задачах дошла до требования политического переворота? Действительно, года два тому назад желания социалистов ограничивались лишь тем, чтобы было прекращено преследование партии и дозволена ей свобода пропаганды в народе, но, исходя из этого положения, партия логически пришла к тому выводу, что свобода для социалистов невозможна без общей свободы для всего населения, а общая свобода невозможна без коренного изменения всей политической системы. Таким путем партия пришла к идее политического переворота, который, по ее мнению, является необходимостью не только для нее, но и для всей страны, страдающей от административного произвола и лишенной элементарных политических прав. Но какие средства представлялись партии для достижения сознанной ею необходимости политических изменений? Во всякой другой стране при всеобщем недовольстве политическими формами произошло бы одно из двух: или политическая революция, совершенная массой городского населения, или давление на правительство общественного мнения, требующего посредством тех или других общественных органов уступок или изменений, вызываемых сознанной необходимостью. В России ни тот, ни другой способ в настоящее время невозможны. Правда, партия долгое время не оставляла надежды, что наше общественное мнение так или иначе заявит свое несочувствие установившейся политической системе и тем понудит правительство свою внутреннюю политику изменить.

С этой целью партия несколько раз по поводу различных событий обращалась с воззваниями к обществу, в надежде возбудить вмешательство общества в ее борьбу с правительством. Но, несмотря на все это, партия, вероятно, все-таки не прибегала бы к системе террора, если бы преследования не обострились до крайней степени. Но история судила иначе, положение вещей все обострялось и обострялось, и наконец образовался тот заколдованный круг, в котором казни вызывают взрывы, а взрывы вызывают новые казни и т. д.

Но прежде чем дать свой посильный ответ на поставленный раньше вопрос — какими мерами возможно уничтожить этот заколдованный круг, одинаково ужасный для всех попавших в него? — я позволю себе сделать еще следующее замечание. Я нимало не погрешу против истины, если скажу, что все выдающиеся члены партии, известные мне, страстно желали бы прекращения тех условий, которые создали террористическое

направление партии, желали бы мирного исхода из теперешнего критического положения. В подтверждение я могу сослаться лишь на те заявления, которые делались подсудимыми и на нашем суде. Все подсудимые, в том числе и я, заявили, что они предпочитают мирный путь решения вопроса насильственному и что только лишь необходимость, против которой они не в силах были бороться, толкнула их на тот путь, который привел к ряду ужасных катастроф. Среди партии не существует доктринеров терроризма, которые предпочитали бы насильственный путь решения социальных вопросов мирному. Таким образом, в настроении, господствующем среди партии, не может явиться препятствия к мирному исходу из современного положения.

Переходя теперь к вопросу о таком исходе, я сознаю, что у меня нет ни достаточного таланта, ни красноречия, чтобы ярко и убедительно изложить мою мысль. Но я знаю, что верная мысль об известном предмете может быть только одна, в какую бы форму она ни была облечена. Какое же в данном случае может быть единственно верное решение вопроса? Мы раньше поставили вопрос — можно ли думать, что дарование свободы слова и печати заставит партию добровольно сойти с пути насилия? Да, положа руку на сердце, я могу сказать, что партия откажется тогда от насильственных действий, если еще вместе с указанной мерой будут осуществлены некоторые другие меры, неразрывно связанные с первой. Решив высказать свое мнение с полной откровенностью, я должен указать и на эти меры. В числе этих мер нужно признать безусловно необходимой отмену смертной казни. Конечно, партия не может искренно требовать, чтобы всем политическим заключенным была дарована амнистия, она понимает, что лица, обвиненные в участии в террористических актах, не могут не быть присуждены к более или менее тяжким наказаниям. Но раз будет дарована свобода слова и печати, естественно, что должна быть дарована широкая амнистия всем тем политическим заключенным и ссыльным, которые не совершили никаких насильственных действий.

Ваше Величество! Я высказал свою мысль. Эта мысль, конечно, не нова и не оригинальна и разделяется очень многими лицами — лицами, даже враждебными социалистам. Возможны лишь два средства выхода из настоящего положения: или поголовное истребление всех террористов, или свобода, которая является лучшим средством против насилия. Но истребить всех террористов немыслимо, потому что ряды их постоянно пополнялись свежими силами, готовыми на всякое самопожертвование для целей партии. Остается лишь путь свободы. История показывает, что самые крайние по своим идеям

партии, прибегавшие к насилию и убийству, когда их преследовали, делались вполне мирными и даже более умеренными в своих задачах, когда им дозволяли свободу исповедования и распространения своих идей. Очень часто даже преследование какой-нибудь идеи не подавляет ее, а содействует ее распространению. Я убежден, что если бы всем лицам нашего образованного общества было предоставлено высказать свободно свои мнения, то большинство ответов вполне сходились бы с высказанной мною мыслью.

Ваше Величество можете сделать все для блага России. Опираясь на народные интересы и желания, Ваше Величество можете свершить величайшие политические и экономические изменения, которые навсегда обеспечат свободу и благосостояние народа. Одна воля Вашего Величества может сделать то, что в других государствах может быть достигнуто лишь путем страстной борьбы, насилий и крови. Против царя — социального реформатора — немыслима никакая крамола. Царь, силой своей власти осуществляющий в действительности народные желания и интересы, имел бы в революционерах не врагов, а друзей. И социальная партия, вместо работы разрушительной, сделавшейся ненужной, принялась бы тогда за работу мирную и созидательную на ниве своего родного народа.

Николай Иванов Кибальчич.

1881 года, 2 апреля.[64]

Печатается по: *Былое, 1917, № 3, с. 33–39.*

ЗАВЕЩАНИЕ ИГНАТИЯ ИОАХИМОВИЧА ГРИНЕВИЦКОГО

<…> Александр II должен умереть. Дни его сочтены.

Мне или другому кому придется нанести страшный последний удар, который гулко раздастся по всей России и эхом откликнется в отдаленнейших уголках ее, — это покажет недалекое будущее.

Он умрет, а вместе с ним умрем и мы, его враги, его убийцы.

Это необходимо для дела свободы, так как тем самым значительно пошатнется то, что хитрые люди зовут правлением — монархическим, неограниченным, а мы — деспотизмом…

Что будет дальше?

Много ли еще жертв потребует наша несчастная, но дорогая родина от своих сынов для своего освобождения? Я боюсь… меня, обреченного, стоящего одной ногой в могиле, пугает мысль, что впереди много еще дорогих жертв унесет борьба, а еще больше последняя смертельная схватка с деспотизмом, которая, я убежден в том, не особенно далека и которая зальет кровью поля и нивы нашей родины, так как — увы! — история показывает, что роскошное дерево свободы требует человеческих жертв.

Мне не придется участвовать в последней борьбе. Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто, никто на свете требовать не может.

Дело революционной партии — зажечь скопившийся уже горючий материал, бросить искру в порох и затем принять все меры к тому, чтобы возникшее движение кончилось победой, а не повальным избиением лучших людей страны (февр. 1881 г.)

Игнатий Гриневицкий.

Печатается по: *«Народная воля» в документах и воспоминаниях. М., 1930, с. 249–250.*

ПИСЬМО С. Л. ПЕРОВСКОЙ К МАТЕРИ

Дорогая моя, неоцененная мамуля. Меня все давит и мучает мысль, что с тобой? Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех, окружающих тебя, и ради меня также.

Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне.

И единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе, моя неоцененная, это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его.

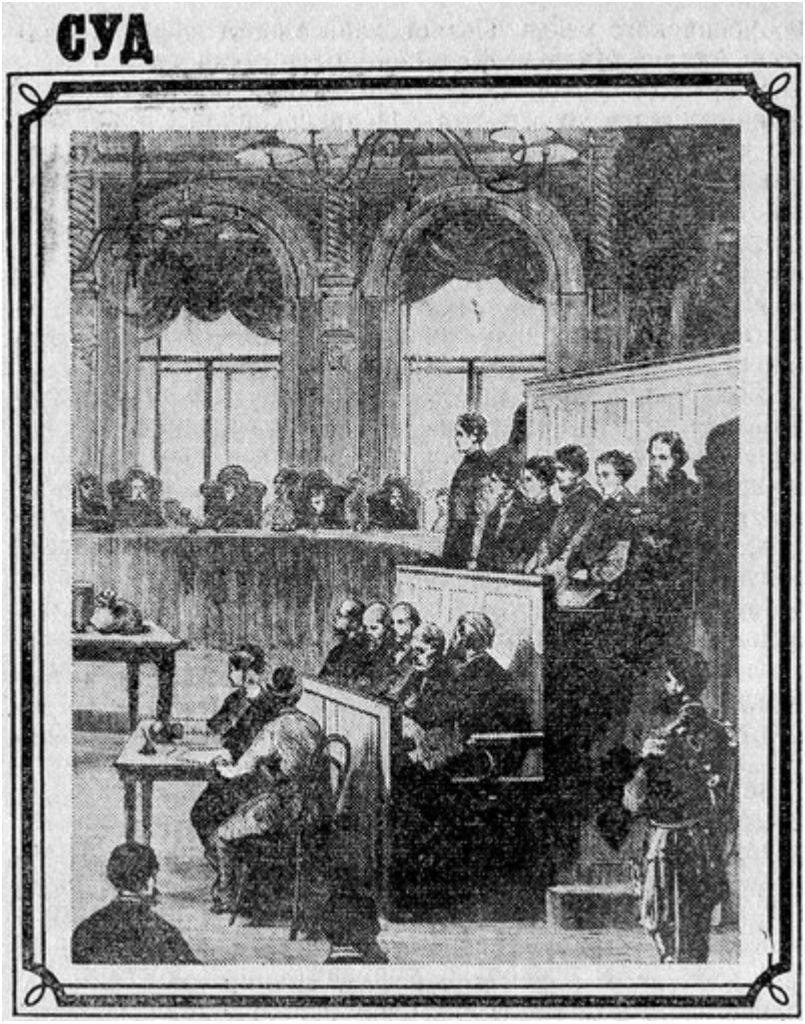
Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые и большие, для которых для всех ты нужна, как великая своей нравственной силой. Я всегда от души сожалела, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякие минуты колебания твой образ меня всегда поддерживал. В своей глубокой привязанности к тебе я не стану уверять, так как ты знаешь, что с самого детства ты была всегда моей самой постоянной и высокой любовью. Беспокойство о тебе было для меня всегда самым большим горем. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить. Твой упрек единственно для меня тягостный.

Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня. Мой горячий привет всем родным. Вот и просьба к тебе есть, дорогая мамуля, купи мне воротничок и рукавички, потому запонок не позволяют носить, а воротничок поуже, а то для суда хоть несколько поправить свой костюм: тут он очень расстроился. До свидания же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя из-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

Твоя Соня
22 марта 1881 г.

Печатается по: *«Народная воля» в документах и воспоминаниях, с. 251.*

СУД

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ,

которым предаются суду Особого присутствия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях:[65] тихвинский мещанин Николай Иванов Рысаков, 19 лет; крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрей Иванов Желябов, 30 лет; дворянка Софья Львовна Перовская, 27 лет; крестьянин Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, дер. Гавриловка, Тимофей Михайлов, 21 года, и мозырская Минской губернии мещанка Геся Мирова Гельфман, 26 лет, обвиняемые в государственных преступлениях.

1 марта 1881 г., в воскресенье, во втором часу пополудня в С.-Петербурге, на набережной Екатерининского канала, против сада Михайловского дворца, совершилось величайшее злодеяние, жертвою которого пало Его Императорское Величество Государь Император Александр Николаевич. Неслыханное по гнусности своей и бедственным последствиям преступление это и сопровождавшее его причинение смерти и поранений многим лицам совершены были посредством двух, произведших взрывы, метательных снарядов.

Обстоятельства злодеяния, исследованного дознанием в порядке, установленном в 1 главе 2 разд. 3 книги уст[ановлений] угол[овного] суда, 2 ч. XV т. св[ода] зак[онов] изд[ания] 1876 [г.], по продолж[ению] 1879 г., а в некоторых частях и предварительным следствием, были выяснены как осмотрами места и вещественных доказательств преступления, так и показаниями нижепоименованных свидетелей-очевидцев.

В третьем часу дня ныне в бозе почивший Государь Император выехал в карете, в сопровождении обычного конвоя, из Михайловского дворца по Инженерной улице, по выезде из которой карета повернула направо по набережной Екатерининского канала, направилась к Театральному мосту. Позади быстро следовавшей кареты Государя Императора, на расстоянии двух саженей от нее, ехал в санях полицмейстер полковник Дворжицкий, а за ним капитан Кох и ротмистр Кулебякин. На расстоянии сажен 50 от угла Инженерной улицы ровно в 2¼ пополудни под каретой раздался страшный взрыв, распространившийся как бы веером. Выскочив из саней и в то же время заметив, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человека, полковник бросился к императорской карете, отворив дверцы, и, встретив выходившего из кареты невредимым Государя Императора, доложил Его

Величеству, что преступник задержан. По приказанию Государя свидетель проводил его по тротуару канала к тому месту, где находился уже окруженный толпою народа задержанный человек, оказавшийся впоследствии тихвинским мещанином Николаем Ивановым Рысаковым. Стоявший на тротуаре подпоручик Рудыковский, не узнав сразу Его Величества, спросил, что с Государем. На что Государь Император, оглянувшись и не доходя шагов десять до Рысакова, изволил сказать: «Слава Богу, я уцелел, но вот…», указывая при этом на лежавшего около кареты раненого казака и тут же кричавшего от боли раненого мальчика. Услыхав слова Государя, Рысаков сказал: «Еще слава ли Богу?» Между тем, опередив на несколько шагов Государя, полковник Дворжицкий принял от лиц, задержавших Рысакова, вынутые из платья его револьвер и небольшой кинжал. Приблизившись к задержанному и спросив, он ли стрелял, Его Императорское Величество, после утвердительного ответа присутствующих, спросил Рысакова, кто он такой, на что тот назвал себя мещанином Глазовым. Затем, как только Государь, желая посмотреть место взрыва, сделал несколько шагов по панели канала по направлению к экипажу, сзади, у самых ног его, раздался новый оглушительный взрыв, причем поднятая им масса дыма, снегу и клочьев платья закрыла на несколько мгновений все пространство. Когда она рассеялась, пораженным взорам присутствующих, как пострадавших, так и уцелевших, представилось ужасающее зрелище: в числе лиц, поверженных и раненных взрывом, находился и Государь Император. Прислонившись спиною к решетке канала, упершись руками в панель, без шинели и без фуражки, полусидел на ней возлюбленный монарх, окровавленный и трудно дышавший. Обнажившиеся ноги венценосного страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась с них, тело висело кусками, лицо было в крови. Тут же лежала шинель Государя, от которой остались клочья. Раненный рядом с Государем Императором, полковник Дворжицкий, приподнявшись с земли и услыхав едва внятно произнесенные слова Государя: «Помоги», вскочил и подбежал к нему вместе со многими другими лицами. Кто-то подал платок. Государь, приложив его к лицу, очень слабым голосом произнес: «Холодно, холодно». Тогда, приподняв Государя, уже начинавшего терять сознание, окружавшие его лица, в числе которых были юнкера Павловского военного училища и чины проходившего мимо караула от 8-го флотского экипажа, при подоспевшем великом князе Михаиле Николаевиче, понесли его к саням полковника Дворжицкого, причем поручик Гендриков покрыл своей фуражкой обнаженную голову страдальца. Наклонившись к

своему августейшему брату, великий князь спросил, слышит ли Его Величество. На что Государь Император тихо ответил: «Слышу»; на дальнейший вопрос Его Величества о том, как Государь себя чувствует, Государь Император изволил сказать: «Скорее… во дворец», а затем, как бы в ответ на услышанное им предложение штабс-капитана Франка внести его в ближайший дом для первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнес: «Несите меня во дворец, там… умереть…»; то были последние слышанные свидетелями слова умирающего монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденной взрывом, почему Его Величество поместили в сани полковника Дворжицкого, куда сел ротмистр Кулебякин и, с помощью конвойных казаков Кузьменко и Руценко, повез Государя Императора в Зимний дворец.

Неисповедимые веления промысла совершились. Объявлениями от министра внутренних дел, опубликованными того же 1 марта, возвещено, что при вышеописанном втором взрыве Государь был тяжело ранен, с раздроблением обеих ног ниже колен, и в тот же день, в 3 ч. 35 м. пополудни, в бозе почил.

По сведениям, собранным при дознании, оказывается, что из свиты Государя Императора при взрывах было более или менее опасно ранено 9 человек, из которых один уже скончался, а из числа чинов полиции и посторонних лиц, находившихся на месте преступления, ранено 11 человек, из которых двое (в том числе и 14-летний крестьянский мальчик, Николай Максимов) умерли через несколько часов.

Первоприсут.: Подсудимый Рысаков, вы обвиняетесь, во-первых, в том, что принадлежали к тайному сообществу, называвшему себя русской социально-революционной партией, имеющей целью ниспровергнуть существующий в Российской империи государственный и общественный строй путем насильственного переворота и предпринявшей для достижения этой цели ряд посягательств на жизнь Е. И. В. Государя Императора Александра Николаевича, ряд убийств и покушений на убийства должностных лиц и вооруженных сопротивлений законным властям, и, во-вторых, в том, что, принадлежа к этому обществу и действуя для достижения его целей, вошли в соглашение с наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполнение какового соглашения, заведомо для вас: а) из подвальной лавки в доме графа Менгдена, по Малой Садовой улице, был устроен подкоп под означенную улицу, с зарядом для взрыва полотна улицы при проезде Государя Императора и б) 1

марта при проезде Е. И. В. Государя Императора Александра Николаевича по набережной Екатерининского канала были брошены два метательных взрывчатых снаряда — один вами, а другой вашим сообщником, причем последствием одного из взрывов, произведенного собственно вами, было причинение тяжких поранений разным лицам, а последствием другого взрыва, произведенного вашим сообщником, причинение Государю Императору тяжких поранений, повлекших за собой кончину Его Императорского Величества. Признаете ли вы себя в этом виновным?

Подс. Рысаков: Виновность свою в принадлежности к той социально-революционной партии, признаки которой описаны в предложенном мне вопросе, я отрицаю. Я себя членом этой партии «Народной воли» в полном смысле слова не считаю, а в преступлении 1 марта я себя признаю виновным.

Первоприсут.: Ввиду сознания вашего в преступлении 1 марта я приглашаю вас разъяснить суду то различие, которое вы делаете между партией, к которой считаете себя принадлежащим, и той партией, от принадлежности к которой вы отказываетесь.

Подсуд. Рысаков: Я должен объяснить, что социально-революционному движению, которое началось в России, сколько известно, с семидесятых годов, я сочувствую. При этом я должен заметить, что есть две партии: партия «Народной воли», и партия «Черного передела». Я отрицаю вполне свою принадлежность к партии «Народной воли» и полагаю, что к ней может примкнуть тот, кто имеет за собой какое-либо революционное прошлое, за мной этого революционного прошлого до настоящего времени не имелось. Я, как социалист, имею отличное от партии «Народной воли» воззрение. По моему взгляду, чистый социалист-революционер должен воздерживаться от революционной борьбы, и я скорее принадлежу к партии «Черного передела».

На замечание первоприсутствующего, что он уклоняется от вопроса и предложения, не входя в оценку теорий названных партий, Рысаков, говоря крайне тихо и невнятно, заявил: «Во время каникул я имел случай убедиться в несчастии народа, происходившем от разных бедствий, как-то: сибирской язвы, истребления хлеба жучком и т. д. В это время я познакомился с членом партии Желябовым, который обещал мне содействие к тому, чтобы я мог иметь более широкое поле деятельности в среде рабочего народа, и ввел меня в агитационную группу. Сколько мне известно, Желябов организовал террористический отдел и впоследствии сообщил мне, что Исполнительный комитет замышляет новое покушение на жизнь Государя Императора. Сначала общие суждения об этом велись у меня, на квартире

Ермолиной, а потом собирались в Троицком переулке раз или два, где Желябов кликнул клич. Затем Желябов пригласил на квартиру в Тележную улицу, которая была устроена исключительно для совещаний по сему предмету и называлась конспиративной квартирой. Здесь велись разговоры уже более точно, и тут же Кибальчич читал лекции по устройству снарядов и приспособлений к ним. На этой квартире опытов не производилось, чтобы не привлечь внимания, сжигался только стопин. Когда кто-нибудь приходил в квартиру, то отворяли хозяева и проводили приходивших в угловую комнату; тут никаких приспособлений к снарядам, никаких метательных снарядов не было, кроме вещей, принесенных „техником“. Самая проба снарядов была сделана за Смольным монастырем, в пустынном месте. После этой пробы, в воскресенье, 1 марта, мы собрались на квартире в Тележной улице. Утром, часов в 9-10, Перовская принесла снаряды и начертила план действия; снарядов было четыре. Этот план действия состоял в том, что четверо из участников должны были находиться во время проезда Государя Императора в трех различных местах, но при этом Перовская не объяснила всех подробностей. Если бы взрыва на Малой Садовой не произошло, то нам надо было идти на Михайловскую улицу и на Екатерининский канал. При этом я должен сказать, что о подкопе на Малой Садовой и о других приготовлениях я не знал, так как меня не считали возможным посвятить в эти подробности. Когда я встретился на улице с Перовской, то она подала мне условный знак, сморкаясь в платок, что означало, что мне нужно идти на Екатерининский канал. Здесь я встретил карету Государя Императора и бросил снаряд. Что касается до приписываемых мне в обвинительном акте слов: „еще слава ли Богу“, то я не помню, говорил ли это, и если сказал, то совершенно несознательно». В заключение, отвечая на вопросы первоприсутствующего, Рысаков подтвердил прежние объяснения о предшествовавших событию 1 марта совещаниях в Троицком переулке и Тележной улице, а также об отношении к преступлениям Гельфман и Михайлова.

На предложенный за сим *первоприсутствующим* подсудимому *Тимофею Михайлову* вопрос об его виновности, согласно выводам обвинительного акта, Михайлов отвечал: «Я признаю себя виновным в том, что принадлежу к „Русской социально-революционной партии“, которая принадлежит к террористическому направлению. Но все остальное я отрицаю. Я подтверждаю лишь, что принадлежу к той партии, которая защищает среду рабочих, потому что я и сам человек рабочий, и признаю, что я сопротивлялся властям, чтобы не отдавать себя

даром. В этом я признаю себя виновным, а что было на Садовой и 1 марта на Екатерининском канале, в этом я не признаю себя виновным, потому я признаю все показания Рысакова ложными. Ну, а теперича, что меня побудило к этой социально-революционной партии принадлежать, то я хотел коснуться моей биографии, т. е. рассказать мою жизнь». Далее подсудимый стал излагать обстоятельства своей жизни с малых лет с подробностями, по поводу которых *первоприсутствующий* ему заметил, что они к делу не относятся, и когда *Михайлов* заявил, что он, познакомившись на общественных сходках с потребностями крестьян, узнал, сколько с крестьян требуется всех расходов, то первоприсутствующий вновь указал ему, что он опять уклоняется от существа дела и говорит вещи, которые для суда не имеют значения. Затем первоприсутствующий стал предлагать подсудимому вопросы.

Первоприсут.: Когда вы работали в Петербурге, то сколько зарабатывали?

Подс. Михайлов: Я получал в день 70–60 к., получал и 30 к.

Первоприсут.: А с тех пор, как перестали работать, вы чем жили?

Подс. Михайлов: Я жил без работы только один месяц и получал помощь от своего знакомого Желябова. Я видел, что труд рабочего поглощается капиталистом, который эксплуатирует рабочего человека. Я не знал, как выйти из этого затруднительного положения, я думал, что неужели рабочий человек должен всегда существовать так, как существует теперь. Когда я познакомился с социальным учением, я принял его сторону. Что меня побудило быть террористом, это то, что когда я развивал своих рабочих товарищей, предлагал делать забастовки на заводах, группировал их в артели для того, чтобы они работали не на одних капиталистов, за мной поставили шпионов. Вот тогда я отказался от заводской работы и заявил Желябову, что я буду террористом; он меня прикомандировал к группе, которая принадлежит к социально-революционной партии, к боевой дружине, которая защищает рабочего человека. К ней я действительно принадлежу.

Сенатор Писарев: Вы сказали, что принадлежите к террористическому отделу революционной партии. Какие средства были у этого террористического отдела?

Подсудимый Михайлов: Средствами было убиение шпионов и избиение нелюбимых рабочими мастеров, потому что я находил, что эти мастера предают своих товарищей, как Иуда предал Спасителя, и которые эксплуатируют рабочего человека больше всего.

Сенатор Писарев: Таким образом, вы не имели в виду ни правительства, ни власти, вы только желали защитить рабочих?

Подсудимый Михайлов: Да, защитить рабочих. Я желал сгруппировать рабочих в артели и ассоциации.

Первоприсут.: Подсудимая Гельфман, признаете ли вы себя виновной?

Подсудимая Гельфман: Я признаю себя виновной в том, что по своим убеждениям принадлежу к социально-революционной партии, принимала участие в этой партии и разделяю программу партии «Народной воли», была хозяйкой конспиративной квартиры, на которой происходили собрания, но на этих собраниях я не участвовала и не принимала активного участия в совершении преступления 1 марта. При этом считаю долгом заявить, что у меня на квартире как на собраниях, бывших до 1 марта, так и утром 1 марта, Тимофей Михайлов не был.

Сделан перерыв на полчаса.

По возобновлении заседания.

Первоприсутствующий: Подсудимый Кибальчич, признаете ли вы себя виновным?

Подс. Кибальчич: Прежде чем отвечать на вопрос, я позволю себе определить те главные задачи, которые ставит себе та партия, к которой я себя причисляю.

Первоприс.: Для суда представляют действительный интерес только ваши убеждения и задачи.

Тогда *подс. Кибальчич* подробно изложил в связном рассказе стремления тайного общества, принявшего наименование «Народной воли», и причины, которые, по мнению его, заставили лиц социалистического образа мыслей перейти от мирной пропаганды к политической борьбе, выразившейся в последнее время в террористической форме. Между прочим, он сказал: «В 1874 и 1875 годах, когда преобладающим настроением в партии явилось желание идти в народ, слиться с народною массою, отречься от той среды, в которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовал и разделял взгляды этого направления. Вероятно, я бы осуществил свою задачу, если бы не строгие меры властей по отношению к деятелям, ходящим в народ, то я ушел бы в народ и был бы до сих пор там. Цели, которые я ставил, были отчасти культурного характера, отчасти социалистического, а именно, поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общественные инстинкты и наклонности, которые существуют в народе, до социалистических инстинктов и привычек. Я был остановлен арестом. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, так сказать, патриархально, что ли, к деятельности партии, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не

было бы. Мы все не обвинялись бы теперь в цареубийстве, а были бы среди городского и крестьянского населения. Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на улучшение сельскохозяйственных орудий и т. д.». И затем *подсудимый* заявил, что ему остается повторить сущность переданных в обвинительном акте обстоятельств, и на предложение *первоприс.* подтвердить таковые показал: «Видя обострение борьбы правительства с партией и предвидя, что придется прибегать к таким средствам, на которые она раньше не решалась, я решился запастись теми техническими и химическими сведениями, которые для этого нужны. Я прочитал все, что мог достать на русском, французском, немецком и английском языках, касающееся литературы взрывчатых веществ, старался идти, так сказать, au couraht[66] науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партии в технических сведениях, я содействовал в этом отношении партии. Таким образом, я участвовал в покушениях под Москвою, Александровском и Одессою и вместе с другими лицами принимал участие в изготовлении снарядов. Затем, приехав в Одессу, я занимался подготовлением веществ, необходимых для взрыва. О московском покушении я только знал, что оно должно свершиться. Относительно александровского покушения мое участие ограничивалось доставлением туда спирали, которая не пошла в дело. Затем я переехал в Петербург. Всякий раз, когда являлась надобность приготовлять динамит, я участвовал в этом. Но нужно заметить, что мое участие в террористической деятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтоб снимать с себя часть обвинения, а просто по чувству справедливости. Я не принимал участия в обсуждении вопроса о том, каким образом произвести взрыв и где и какие люди будут в этом участвовать. Мое участие было чисто научное. Я даже не знал относительно взрыва 5 февраля, что такой взрыв будет. Я принимал участие в приготовлении динамита для этого взрыва, но о самом взрыве и о форме его я узнал только из газет. Точно так же чувство справедливости побуждает меня заявить, что в изготовлении метательных снарядов, т. е. в изобретении идеи, в приспособлениях, участвовал не я один. Это была скорее коллективная работа».

Первоприс.: Для суда необходимо знать, приготовляя динамит и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цели?

Подс. Кибальчич: Да, конечно, это не могло не быть мне

известно. Я знал и не мог не знать. Я должен повторить еще то, что сказал относительно своего участия в мине на Малой Садовой. Я не принимал там участия в подкопе, и вся моя задача ограничивалась научными и техническими советами и указаниями и затем устройством запала. Так, я должен был разрешить вопрос, какое количество динамита в мине на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во-первых, достигнуть предположенной цели, а во-вторых, не принести никакого вреда частным лицам, которые находились бы на тротуаре, тем более в домах. Я обсуждал этот вопрос и решил, что употребленное количество динамита было, так сказать, минимальным, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цели и не принести ущерба частным лицам.

Первоприс.: По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальчич: Я не знал, что буду иметь этот случай, поэтому я и коснулся теперь. Итак, относительно устройства мины, найма помещения, назначения туда людей и т. д. — в этом я не принимал участия. Но за несколько дней я узнал, какой способ предполагается и где, узнал также и время — первое марта. Относительно метательных снарядов я должен заметить еще следующее: я вместе с другими лицами был на опыте и затем, как выражается Рысаков, читал лекции по устройству снарядов. Я действительно делал указания и действительно был на опыте, но считаю нужным заявить, что той личности, которая называется Тимофеем Михайловым, не было ни на опытах, ни на чтении этих лекций. Вообще, я его ни разу не видел в квартире Гельфман.

Закончив допрос Кибальчича, *первоприсутствующий* обратился к подсудимой Перовской с вопросом: признает ли она себя виновной по предъявленным к ней обвинениям?

На это *подсудимая Перовская* отвечала: «Я признаю себя членом партии „Народной воли“ и агентом Исполнительного комитета. Относительно взглядов, которых придерживается партия „Народной воли“ и которых придерживаюсь и я, в дополнение к словам моего товарища, я замечу только одно: партия „Народной воли“ отнюдь не считает возможным навязывать какие бы то ни было учреждения или общественные формы народу и обществу и полагает, что народ и общество рано или поздно примут эти взгляды и осуществят их в жизни. Что касается до фактической стороны, то я действительно признаю, что по поручению Исполнительного комитета, как его агент, принимала участие и в покушении под Москвою 19 ноября 1879 года, и в покушении 1 марта нынешнего года. Относительно участвующих лиц в последнем событии я могу заявить одно:

Гельфман, как хозяйка конспиративной квартиры, как член партии „Народной воли“, вовсе не примыкала к террористической деятельности партии. Она занималась только распространением ее программы. Поэтому она не участвовала в совещаниях, которые собирались для террористических попыток, точно так же и вообще не знала о ходе террористической деятельности. Относительно подсудимого Михайлова я должна сказать, что он точно так же не принимал участия в террористической деятельности партии, не готовился в метальщики и не был 1 марта на квартире, где собственно решался план действия. Следовательно, в этом факте он не принимал никакого участия».

Первоприс.: Ввиду вашего сознания я приглашаю вас изложить подробнее ваше фактическое участие как во взрыве 19 ноября, так и в преступлении 1 марта.

Подс. Перовская: Я могу только повторить свои показания.

Первоприс.: Вы подтверждаете ваши показания в том виде, как они изложены в обвинительном акте?

Подс. Перовская: Да, за исключением только той части показания, где говорится о том, как я объяснила, каким образом партия «Народной воли» пришла к террористической деятельности.

Первоприс.: Нет, я говорю относительно фактической части.

Подс. Перовская: Фактическую часть я вполне подтверждаю.

Подс. Желябов на предложенный ему *первоприсутствующим* по выводам обвинительного акта вопрос о виновности отвечал: «Я признаю себя членом партии „Народной воли“, и эта принадлежность является следствием моих убеждений. В организаторском же отношении я состою агентом Исполнительного комитета. Так как убеждения партии, ее цели и средства достаточно подробно изложены моими товарищами Кибальчичем и Перовскою, то я остановлюсь главным образом на второй половине моих объяснений — на организации. Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич. Оставляя деревню, я понимал, что главный враг партии народолюбцев-социалистов — власти».

Первоприс.: Я должен предупредить вас, что я не могу допустить в ваших объяснениях таких выражений, которые полны неуважения к существующему порядку управления и к власти, законом установленной. Вы можете высказать ваши убеждения, не согласные с законом, но высказывайте их в такой форме, которая дала бы возможность вас выслушать.

Подс. Желябов: Я это признаю. Как человек, из народа вышедший, для народа работавший, я так понимал выгоду от

политической борьбы.

Первоприс.: Для суда не нужно знать теорий, суду нужно знать ваше личное отношение к делу, личное отношение к той партии, к которой вы принадлежите. Вы, например, говоря об организации, совершенно правильно заметили, что для определения роли каждого из обвиняемых может иметь значение разъяснение организации, и вот в этих пределах суд выслушивает ваше объяснение. Теоретические же воззрения не могут быть предметом объяснений на суде.

Подс. Желябов: Совершенно верно. Я мог бы держаться в таких рамках и к ним возвращусь.

Затем *подсудимый* вошел в подробное объяснение существующей будто бы организации тайного общества, основанной на подчинении младших кружков старшим, сходящимся в центральный. После чего *Желябов* продолжал: «Перехожу к моей роли в настоящем деле. Я несколько раз участвовал в подобных предприятиях и заслужил доверие центроисполнительного комитета, и вот на этом основании мне в этом предприятии была отведена роль организатора одной из частей предприятия. Предприятие это распадается на подкоп и на нападение с метательными снарядами, и вот нападение с метательными снарядами Исполнительным комитетом поручено было организовать мне, причем Исполнительный комитет указал мне, что добровольцев, изъявивших согласие идти на самопожертвование, лишь бы цель была достигнута, было всего 47 человек, из них 19, обусловливавших свое участие вместе с опытным в таком деле человеком, остальные выразили безусловное согласие. Из этой категории лиц мне было предоставлено выбрать себе сотоварищей и действовать с ними с метательными снарядами, чем я и занимался, руководствуясь соображениями не наибольшей их пригодности, как говорится в обвинительном акте, — я к этому еще возвращусь, — а другими соображениями».

Первоприс.: Считаю необходимым вас предупредить, дабы не было усложнения дела: вы не должны теперь предъявлять объяснения по существу обвинительного акта, на это будет целое судебное следствие.

Подсуд. Желябов: Я не буду возражать против обвинительного акта. Чтобы поскорее кончить с этим вопросом, я скажу, что я подобрал нужное количество лиц, и замечу здесь, что количество было уже намечено Исполнительным комитетом, а моя обязанность состояла в том, чтобы выбрать из числа этих лиц сотоварищей и представить об этом Комитету на утверждение. Когда было утверждено, я вместе с этими лицами приступил к

исполнению. Я для нападения с метательными снарядами пригласил к себе единственно Рысакова, отношения же мои к Михайлову я выясню впоследствии, теперь же я утверждаю, что Михайлов, если, по словам Рысакова, и имел какое-нибудь отношение к делу, то делал это без моего ведома, после моего ареста, и, во всяком случае, это такой шаг, который в организаторском отношении считается преступлением. Теперь о подкопе. Совершенно верно сказал Рысаков, что он ничего не знал о подкопе; это так и должно быть, потому что подкоп велся, в интересах предосторожности, совершенно отдельно от нападения с метательными снарядами. Собственно нападавшие могли знать о подкопе, могли участвовать в нем, но только в том случае, если группа, ведшая подкоп, оказывала им доверие, — это их частное соглашение. Скажу от себя, что Рысакова из участников подкопа, которых я не стану называть, никто не знал, и, оставляя на мою ответственность привлечение того или другого деятеля в качестве метальщика, они бы, конечно, никогда не допустили, чтобы неизвестный человек принял участие в подкопе. Если это можно сказать относительно Рысакова, то то же самое относится и еще с большим основанием к Михайлову, который о подкопе не мог знать ровно ничего: это было бы младенчеством в революционном ведении дела, а мы уже кое-что пережили. Для того, чтобы мой ответ на обвинение, изложенное в обвинительном акте, был определеннее, я теперь возвращусь к самой формулировке обвинительного акта. Я не признаю себя виновным в принадлежности к тайному обществу, состоящему из 6 человек и нескольких других, так как сообщества здесь нет. Здесь подбор лиц совершенно случайных, производившийся по мере ареста лиц и по некоторым другим обстоятельствам. Некоторые из этих лиц принимали самое деятельное участие и играли видную роль в революционных делах по различным отраслям, но они не составляют сообщества по данному предприятию. Михайлов этому делу человек совершенно посторонний. Рысаков свои отношения к организации определил верно: он состоял членом агитационной рабочей группы, которая относилась к Исполнительному комитету как его разветвление, как одна из отраслей. Данные обвиняемые обвиняются в устройстве подкопа на Малой Садовой < … >

Печатается по: *Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 3. М, 1924, с. 65–67.*

РЕЧЬ ЖЕЛЯБОВА

Подсуд, Желябов (не пожелавший иметь защитника): Гг. судьи! Дело всякого убежденного деятеля дороже ему жизни. Дело наше здесь представлено в более извращенном виде, чем наши личные свойства. На нас, подсудимых, лежит обязанность, по возможности, представить цель и средства партии в настоящем их виде. Обвинительная речь, на мой взгляд, сущность наших целей и средств изложила совершенно неточно. Ссылаясь на те же самые документы и вещественные доказательства, на которых г. прокурор основывает обвинительную речь, я постараюсь это доказать. Программа рабочих послужила основанием для г. прокурора утверждать, что мы не признаем государственного строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текст этой программы рабочих, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты — это старое обвинение. Мы признаем, что правительство всегда будет, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы. Я, впрочем, желаю знать вперед, могу ли я касаться принципиальной стороны дела или нет?

Первоприсут.: Нет! Вы имеете только предоставленное вам законом право оспаривать те фактические данные, которые прокурорской властью выставлены против вас и которые вы признаете неточными и неверными.

Подсуд. Желябов: Итак, я буду разбирать по пунктам обвинение. Мы не анархисты, мы стоим за принцип федерального устройства государства, а как средство для достижения такого строя мы рекомендуем очень определенное учреждение. Можно ли нас считать анархистами? Далее, мы критикуем существующий экономический строй и утверждаем…

Первоприсутств.: Я должен вас остановить. Пользуясь правом возражать против обвинения, вы излагаете теоретические воззрения. Я заявляю вам, что Особое присутствие будет иметь в виду все те сочинения, брошюры и издания, на которые стороны указывали; но выслушивание теоретических рассуждений о достоинствах того или другого государственного и экономического строя оно не считает своею обязанностью, полагая, что не в этом состоит задача суда.

Подсуд. Желябов: Я в своем заявлении говорил и от прокурора слышал, что наше преступление — событие 1 марта нужно рассматривать как событие историческое, что это не факт, а история. И совершенно верно… Я согласен совершенно с прокурором и думаю, что всякий согласится, что этот факт нельзя

рассматривать особняком, а что его нужно рассматривать в связи с другими фактами, в которых проявилась деятельность партии.

Первоприсутств.: Злодеяние 1 марта — факт, действительно принадлежащий истории, но суд не может заниматься оценкой ужасного события с этой стороны; нам необходимо знать ваше личное в нем участие, поэтому о вашем к нему отношении, и только о вашем, можете вы давать объяснения.

Подсуд. Желябов: Обвинитель делает ответственными за событие 1 марта не только наличных подсудимых, но и всю партию и считает самое событие логически вытекающим из целей и средств, о каких партия заявила в своих печатных органах…

Первоприсутств.: Вот тут-то вы и вступаете на ошибочный путь, на что я вам указал. Вы имеете право объяснить свое участие в злодеянии 1 марта, а вы стремитесь к тому, чтобы войти в объяснения к этому злодеянию партии. Не забудьте, что вы собственно не представляете для Особого присутствия лицо, уполномоченное говорить за партию, и эта партия для Особого присутствия при обсуждении вопроса о вашей виновности представляется несуществующею. Я должен ограничить вашу защиту теми пределами, которые указаны для этого в законе, т. е. пределами вашего фактического и нравственного участия в данном событии, и только вашего.

Ввиду того, однако, что прокурорская власть обрисовала партию, вы имеете право объяснять суду, что ваше отношение к известным вопросам было иное, чем указанное обвинением отношение партии, в этом я вам не откажу, но, выслушивая вас, я буду следить за тем, чтобы заседание Особого присутствия не сделалось местом для теоретических обсуждений вопросов политического свойства, чтобы на обсуждение Особого присутствия не предлагались обстоятельства, прямо к настоящему делу не относящиеся, и, главное, чтобы не было сказано ничего такого, что нарушает уважение к закону, властям и религии. Эта обязанность лежит на мне как на председателе — я исполню ее.

Подсуд. Желябов: Первоначальный план защиты был совершенно не тот, которого я теперь держусь. Я полагал быть кратким и сказать только несколько слов. Но, ввиду того что прокурор 5 часов употребил на извращение того самого вопроса, который я уже считал выясненным, мне приходится считаться с этим фактом, и я полагаю, что защита в тех рамках, какие вы мне теперь определяете, не может пользоваться тою свободою, какая была предоставлена раньше прокурору.

Первоприсут.: Такое положение создано существом предъявленного к вам обвинения и характером того

преступления, в котором вы обвиняетесь. Настолько, однако, насколько представляется вам возможность, не нарушая уважения к закону и существующему порядку, пользоваться свободой прений, вы можете ею воспользоваться.

Подсуд. Желябов: Чтобы не выйти из рамок, вами определенных, и вместе с тем не оставить свое дело необороненным, я должен остановиться на тех вещественных доказательствах, на которые здесь ссылался прокурор, а именно на разные брошюры, например на брошюру Морозова[67] и литографированную рукопись, имевшуюся у меня. Прокурор ссылается на эти вещественные доказательства. На каком основании? Во-первых, литографированная программа социалистов-федералистов найдена у меня. Но ведь все эти вещественные доказательства находятся в данный момент у прокурора. Имею ли я основание и право сказать, что они суть плоды его убеждения, поэтому у него и находятся? Неужели один лишь факт нахождения литографированной программы у меня свидетельствует о том, что это мое собственное убеждение? Во-вторых, некий Морозов написал брошюру, я ее не читал; сущность ее я знаю; к ней, как партия, мы относимся отрицательно и просили эмигрантов не пускаться в суждения о задаче русской социально-революционной партии, пока они за границей, пока они беспочвенники. Нас делают ответственными за взгляды Морозова, служащие отголоском прежнего направления, когда действительно некоторые из членов партии, узко смотревшие на вещи, вроде Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоит в расчищении пути через частые политические убийства. Для нас в настоящее время отдельные террористические факты занимают только одно из мест в ряду других задач, намечаемых ходом русской жизни. Я тоже имею право сказать, что я русский человек, как сказал о себе прокурор.

(В публике движение, ропот негодования и шиканье. Желябов несколько мгновений останавливается. Затем продолжает.)

Я говорил о целях партии. Теперь я скажу о средствах. Я желал бы предпослать прежде маленький исторический очерк, следуя тому пути, которым шел прокурор. Всякое общественное явление должно быть познаваемо по его причинам, и чем сложнее и серьезнее общественное явление, тем взгляд на прошлое должен быть глубже. Чтобы понять ту форму революционной борьбы, к какой прибегает партия в настоящее время, нужно познать это настоящее в прошедшем партии, а это прошедшее имеется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытом. Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, в эту открытую Книгу бытия, то вы увидите, что

русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной.

Первоприсут.: Подсудимый, вы выходите из тех рамок, которые я указал. Говорите только о своем отношении к делу.

Подсуд. Желябов: Я возвращаюсь. Итак, мы, переиспытав разные способы действовать на пользу народа, в начале 70-х годов избрали одно из средств, именно положение рабочего человека, с целью мирной пропаганды социалистических идей. Движение крайне безобидное по средствам своим. И чем оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное, было подавлено. Я принимал участие в этом самом движении, и это участие поставлено мне прокурором в вину. Я желал бы выяснить характер движения, за которое несу в настоящее время ответ. Это имеет прямое отношение к моей защите.

Первоприсут.: Но вы были тогда оправданы.

Подсуд. Желябов: Тем не менее прокурор ссылается на привлечение мое к «процессу 193-х».

Первоприс.: Говорите в таком случае только о фактах, прямо относящихся к делу.

Подсуд. Желябов: Я хочу сказать, что в 1873, 1874 и 1875 годах я еще не был революционером, как определяет прокурор, так как моя задача была работать на пользу народа и для пропаганды социалистических идей. Я насилия в это время не признавал, политики касался я весьма мало, товарищи — еще меньше. В 1874 году по государственным воззрениям мы в то время были действительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. В его речи есть много верного. Но верность такова: в отдельности, взятое частичками — правда, но правда, взятая из разных периодов времени, и затем составлена из нее комбинация совершенно произвольная, от которой остается один только кровавый туман…

Первоприсут.: Это по отношению к вам?

Подсуд. Желябов: По отношению ко мне… Я говорю, что все мои желания были действовать мирным путем в народе, тем не менее я очутился в тюрьме, где и революционизировался. Я перехожу ко второму периоду социалистического движения. Этот период начинается… Но, по всей вероятности, я должен буду отказаться от мысли принципиальной защиты и, вероятно, закончу речь просьбою к первоприсутствующему такого содержания: чтобы речь прокурора была отпечатана с точностью.

Таким образом, она будет отдана на суд общественный и суд Европы.

Теперь я сделаю еще попытку. Непродолжительный период нахождения нашего в народе показал всю книжность, все доктринерство наших стремлений, а с другой стороны — убедил, что в народном сознании есть много такого, за что следует держаться, на чем до поры до времени следует остановиться. Считая, что при препятствиях, какие ставило правительство, невозможно провести в народное сознание социалистические идеалы целостью, социалисты перешли к народникам… Мы решились действовать во имя сознанных народом интересов, уже не во имя чистой доктрины, а на почве интересов, присущих народной жизни, им сознаваемых. Это отличительная черта народничества. Из мечтателей метафизиков оно перешло в позитивизм и держалось почвы — это основная черта народничества.

Дальше. Таким образом, изменился характер нашей деятельности, а вместе с тем и средства борьбы, пришлось от слов перейти к делу. Вместо пропаганды социалистических идей выступает на первый план агитационное возбуждение народа во имя интересов, присущих его сознанию. Вместо мирного слова мы сочли нужным перейти к фактической борьбе. Эта борьба всегда соответствует количеству накопленных сил. Прежде всего ее решались попробовать на мелких фактах.

Так дело шло до 1878 года. В 1878 г. впервые, насколько мне известно, явилась мысль о борьбе более радикальной, явились помыслы рассечь гордиев узел, так что событие 1 марта по замыслу нужно отнести прямо к зиме 1877/78 г. В этом отношении 1878 г. был переходным, как видно из документов, например брошюры «Смерть за смерть».[68] Партия не уяснила еще себе вполне значение политического строя в судьбах русского народа, хотя все условия наталкивали ее на борьбу с политическою системою.

Первоприс: Вы опять говорите о партии!..

Подс. Желябов: Я принимал участие в ней…

Первоприс: Говорите только о себе.

Подс. Желябов: Все толкало меня, в том числе, на борьбу с правительственною системою. Тем не менее я еще летом 1878 года находился в деревне, действуя в народе. В зиму 1878/79 года положение вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною на юге в заботах, относившихся прямо к этого рода предприятиям. Я знал, что в других местах товарищи озабочены тем же, в особенности на севере, что на севере этот вопрос даже породил раскол в тайном обществе, в организации

«Земли и воли», что часть этой организации ставит себе именно те задачи, как и я с некоторыми товарищами на юге. Отсюда естественно сближение, которое перешло на Липецком съезде в слияние.

Тогда северяне, а затем и часть южан, собравшись в лице своих представителей на съезде, определили новое направление. Решения Липецкого съезда были вовсе не так узки, как здесь излагалось в обвинительной речи. Основные положения новой программы были таковы: политический строй…

Первоприс.: Подсудимый, я решительно лишу вас слова, потому что вы не хотите следовать моим указаниям. Вы постоянно впадаете в изложение теории.

Подс. Желябов: Я обвиняюсь за участие на Липецком съезде.

Первоприс.: Нет, вы обвиняетесь в совершении покушения под Александровском, которое, как объясняет обвинительная власть, составляет последствие Липецкого съезда.

Подс. Желябов: Если только я обвиняюсь в событии 1 марта и затем в покушении под Александровском, то в таком случае моя защита сводится к заявлению: да, так как фактически это подтверждено. Голое признание факта не есть защита!..

Первоприс.: Отношение вашей воли к этому факту!..

Подс. Желябов: Я полагаю, что уяснение того пути, каким развивалось мое сознание, идея, вложенная в это предприятие…

Первоприс.: Объяснение ваших убеждений, вашего личного отношения к этим фактам я допускаю. Но объяснение убеждений и взглядов партии не допущу.

Подс. Желябов: Я этой рамки не понимаю.

Первоприс.: Я прошу вас говорить о себе, о своем личном отношении к факту, как физическом, так и нравственном, об участии вашей воли, о ваших действиях.

Подс. Желябов: На эти вопросы кратко я отвечал в начале судебного заседания. Если теперь будет мне предоставлено говорить только так же кратко, зачем тогда повторяться и обременять внимание суда?..

Первоприс.: Если вы более ничего прибавить не имеете…

Подс. Желябов: Я думаю, что я вам сообщил скелет. Теперь желал бы я изложить душу…

Первоприс.: Вашу душу, но не душу партии.

Подс. Желябов: Да, мою! Я участвовал на Липецком съезде. Решения этого съезда определили ряд событий, в которых я принимал участие и за участие в которых я состою в настоящее время на скамье подсудимых. Поскольку я принимал участие в этих решениях, я имею права касаться их. Я говорю, что намечена была задача не такая узкая, как говорит прокурор: повторение

покушений и, в случае неудачи, совершение удачного покушения во что бы то ни стало. Задачи, на Липецком съезде поставленные, были вовсе не так узки. Основное положение было такое, что социально-революционная партия — и я в том числе, это мое убеждение, — должна уделить часть своих сил на политическую борьбу. Намечен был и практический путь: это путь насильственного переворота путем заговора, и для этого организация революционных сил в самом широком смысле. До тех пор я лично не видел надобности крепкой организации. В числе прочих социалистов я считал возможным действовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на личное умение. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознание возможно большего числа лиц, среди которых живешь; организованность была нужна только для получения таких средств, как книжки, и доставка их из-за границы, печатание их в России было также организовано. Все дальнейшее не требовало особой организованности. Но раз была поставлена задача насильственного переворота, задача, требующая громадных организованных сил, мы, и я, между прочим, озаботились созданием этой организации в гораздо большей степени, чем покушения. После Липецкого съезда, при таком взгляде на надобность в организациях, я присоединился к организации, в центре которой стал Исполнительный комитет, и содействовал расширению этой организации в его духе, и старался вызвать к жизни организацию централизованную, состоящую из кружков автономных, но действующих по одному общему плану, в интересах одной общей цели.

Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цель моей жизни — было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. По своим убеждениям, я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников. В своем последнем слове, во избежание всяких недоразумений, я сказал бы еще следующее: мирный путь возможен; от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия…

Первоприс.: Более ничего не имеете сказать в свою защиту?

Подс. Желябов: В защиту свою ничего не имею. Но я должен сделать маленькую поправку к тем замечаниям, которые я делал во время судебного следствия. Я позволил себе увлечься чувством справедливости, обратил внимание гг. судей на участие Тимофея Михайлова во всех этих делах, именно, что он не имел никакого

отношения ни к метательным снарядам, ни к подкопу на Малой Садовой. Я теперь почти убежден, что, предупреждая гг. судей от возможности поступить ошибочно по отношению к Михайлову, я повредил Тимофею Михайлову, и если бы мне вторично пришлось участвовать на судебном следствии, то я воздержался бы от такого заявления, видя, что прокурор и мы, подсудимые, взаимно в своих нравственных побуждениях не понимаем…

Затем *первоприсутствующий* обратился к подсудимым с вопросом, не желают ли они воспользоваться правом последнего слова…

Печатается по: *Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 3, с. 83–89.*

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА ПОДСУДИМЫХ

Подс. Рысаков: Я пользуюсь словом для того, чтобы сказать, что я не принадлежу к террористической фракции так всецело, как указано г. прокурором. Я отрицаю свою принадлежность всецело к террористической фракции, так как партия «Народной воли» не есть террористическая партия. Я отрицаю свое соучастие с этой фракцией на следующих основаниях. Террору, как постоянному средству борьбы, я не сочувствую. Я только здесь услышал и узнал о систематической террористической борьбе, об ее организации, против чего я в настоящую минуту протестую. Я не сочувствую террору, даже исходя из интересов социально-революционной партии, потому что известно, что террор лишает почвы умеренных социалистов.

Первоприс.: Это не имеет отношения к делу. Вы объясняете значение террора, что представляется совершенно излишним.

Вы объясните нам свое отношение к делу. Вас обвиняют в принадлежности к террористической фракции. Вы и объясните, почему вы находите, что не принадлежите к этой фракции, но в изложении относительных достоинств того или другого взгляда, той или другой фракции не представляется надобности.

Подс. Рысаков: Я иначе не могу объяснить… Следовательно, я не могу воспользоваться предоставленным мне правом…

Первоприс.: О себе, о своем убеждении вы можете сказать… Вы говорите, что не принадлежали к этой фракции.

Подс. Рысаков: Но это будет голословное заявление.

Первоприс.: Впрочем, говорите так, как знаете, я вижу, что вы затрудняетесь, а это ваше последнее слово.

Подс. Рысаков: Я могу указать на то, что говорилось в номерах «Народной воли», что говорилось в последнем, 5-м номере о террористических действиях, о враждебном отношении верховной власти. Этому положению, по моему убеждению, по моему взгляду, я тоже не сочувствую. Я убежден, что явное восстание не может привести к цели… Террористические действия, систематизированный террор я всецело отрицаю. Затем относительно речи прокурора я высказать ничего не могу. Прибавлю только, что мой голос против террора не один — второй голос Гольденберга.

Подс. Михайлов: Так как мое развитие недостаточно, то я могу указать на заявление г. прокурора, что он показывает, что я принадлежу к социально-революционной партии… Я сознаюсь, что я принадлежу, но к той партии, которая защищает среду рабочих, а не к той, которая достигает цели переворота, потому

что, если я недостаточно развит, я даже не имел об этом никакого понятия. Я это отрицаю. Кроме того, я могу сказать г. прокурору одно: он заявил, что эта идея — заблуждение. Но я не могу разъяснить ее, потому что я не могу ее определить по недостатку образования.

Подс. Гельфман: В защиту себя я ничего не желаю говорить. Но я хочу исправить некоторые указания защитника, в которых он высказал как будто бы мои слова. Он действительно рассказал мою прошлую жизнь, объяснил, почему я была арестована, сколько лет просидела. Это верно. Но он сказал, что после ареста я была сослана в Старую Руссу, и только вследствие преследования полиции я должна была оставить Старую Руссу и примкнуть к партии «Народной воли». Я только рассказала ему о своей прошлой жизни, о прошлом аресте, что действительно я была арестована в 1875 году за то, что на моей квартире были получены письма, что у меня, по показанию хозяйки, собирались молодые люди. Вот те улики, которые существовали против меня в 1875 году. Я была арестована, просидела до 1879 года, я была сослана в Старую Руссу. Он меня спрашивал: почему я после тюремного заключения поспешила в Петербург? Я ему говорила, что, когда я была освобождена от тюремного заключения и когда меня привезли в Старую Руссу, я несколько времени пробовала жить; после 4-летнего заключения я хотела несколько осмотреться, но никакой возможности не было жить. Через три месяца после освобождения я уехала и приехала в Петербург, но не потому, что полиция преследовала, а потому, что, когда меня освободили, я задалась целью служить тому делу, которому служила.

Подсуд. Кибальчич: О своем фактическом отношении к событию 1 марта я говорил раньше. Теперь, пользуясь правом слова, мне предоставленным, я скажу о своем нравственном отношении, о том логическом пути, по которому я пришел к известным выводам. Я в числе других социалистов признаю право каждого на жизнь, свободу, благосостояние и развитие всех нравственных и умственных сил человеческой природы. С этой точки зрения лишение жизни человека, и не с этой только, но и вообще с человеческой точки зрения, является вещью ужасною. Господин прокурор в своей речи, блестящей и красивой, заявил сомнение на мое возражение, высказанное ранее, что для меня, лично и для партии вообще желательно прекращение террористической деятельности и направление силы партии исключительно на деятельность другую; он выставил в частности меня и вообще партию лицами, проповедующими террор для террора, выставил лицами, предпочитающими насильственные

действия мирным средствам, только потому, что они насильственны. Какая это странная, невероятная любовь к насилию и крови! Мое личное желание и желание других лиц, как мне известно, — мирное решение вопроса.

Первопр.: Я приглашаю вас касаться только вашей защиты.

Подсуд. Кибальчич: Господин прокурор говорил, что весьма важно выяснение нравственной личности подсудимого. Я полагаю, что то, что я говорю, относится к характеристике моей нравственной и умственной личности, если я заявлю свое мнение об известных существующих вопросах, которые теперь волнуют всю Россию и обращают на себя внимание. Я внимательно следил за речью г. прокурора и именно за тем, как он определяет причину революционного движения, и вот что я вынес: произошли реформы, все элементы были передвинуты, в обществе образовался негодный осадок, этому осадку нечего было делать, и, чтобы изобрести дело, этот осадок изобрел революцию. Вот отношение г. прокурора к этому вопросу! Теперь в отношении вопроса о том, каким же образом достигнуть того, чтобы эти печальные события, которые всем известны, больше не повторялись, как верное для этого средство им указывается на то, чтобы не давать никаких послаблений, чтобы карать и карать; но, к сожалению, я не могу согласиться с г. прокурором в том, чтобы рекомендованное им средство привело к желательному результату. Затем, уже по частному вопросу, я имею сделать заявление насчет одной вещи, о которой уже говорил мой защитник. Я написал проект воздухоплавательного аппарата. Я полагаю, что этот аппарат вполне осуществим. Я представил подробное изложение этого проекта с рисунками и вычислениями. Так как, вероятно, я уже не буду иметь возможности выслушать взгляды экспертов на этот проект и вообще не буду иметь возможности следить за его судьбой и, возможно, предусмотреть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этим моим проектом, то я теперь публично заявляю, что проект мой и эскиз его, составленный мною, находился у г. Герарда.

Подсуд. Перовская: Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить — я все их подтвердила на дознании, но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволяю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в

жестокости.

Подсуд. Желябов: Я имею сказать только одно: на дознании я был очень краток, зная, что показания, данные на дознании, служат лишь полем прокуратуры, а теперь я сожалею о том, что говорил здесь на суде. Больше ничего…

Печатается по: Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 3, с. 89–92.

ПРИГОВОР

По указанию Его Императорского Величества Правительствующий Сенат в Особом присутствии для суждения дел о государственных преступлениях, выслушав дело и прения сторон, *постановил*: подсудимых крестьянина Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости, деревни Николаевки Андрея Иванова Желябова, 30 лет; Софию Львовну Перовскую, 27 лет; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27 лет; тихвинского мещанина Николая Иванова Рысакова, 19 лет; мозырскую, Минской губернии, мещанку Гесю Мирову Гельфман, 26 лет, и крестьянина Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, деревни Гаврилково Тимофея Михайлова, 21 года, на основании ст[атей] улож[ения] о нак[азаниях] (9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 279 и 1459-й по продолжению 1876 года) лишить всех прав состояния и подвергнуть *смертной казни через повешение.* Приговор сей относительно дворянки Софии Перовской по вступлении его в законную силу, прежде обращения к исполнению, на основании ст[атей] уст[ановления] угол[овного] судопроизводства], на предмет лишения ее, Перовской, дворянского достоинства, представить через министра юстиции на усмотрение Его Императорского Величества.

Печатается по: Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. 3, с. 92.

СОБЫТИЕ 1 МАРТА И ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

[Из доноса полковника Андреева с. — петербургскому градоначальнику генерал-майору Н. М. Баранову]

28 марта 1881 года состоялась в зале кредитного общества вторая публичная лекция профессора Соловьева о ходе просвещения в России в настоящем столетии.

Заключительное слово лекции профессора Соловьева состояло в том, что, указав на необычайное событие 1 марта, он напомнил аудитории, состоявшей из самой разнообразной публики, в общем свыше 1000 человек, что «в настоящую минуту (10 часов вечера 28 марта) суд уже осудил совершителей события 1 марта и, вероятно, уже приговорил их к смертной казни, но царь русского народа, как водитель его и носитель божественной искры, лежащей в основе духовной жизни русского народа, царь русский, как царь и христианин, должен помиловать осужденных».

Выражения, помещенные в скобках [имеются в виду кавычки. — *Сост.*], составляют смысл заключения лекции г. Соловьева, изложенный мною возможно ближе к тому, как это было сказано.

Генерального штаба полковник Андреев
29 марта 1881 г. С.-Петербург.
Троицкий переулок, д. № 3, кв. 14.

[Из речи Владимира Соловьева 28 марта 1881 г.]

Пока идеал Божественной абсолютной правды еще не осуществился, пока все люди не стали Христами и все женщины Богородицами, народ признает внешние формы образования (внутреннего мира), внешнюю среду, живет в государстве. Но он никогда не признавал и никогда не признает этой внешней среды как нечто самостоятельное. Для народа все земные формы являются как подчиненная среда для осуществления идеала.

И в представителе государства, в своем политическом вожде народ видит не представителя внешнего закона, как чего-то самостоятельного, а носителя своего духовного идеала. В прошлое воскресенье на этом самом месте вы слышали

красноречивое изложение идеи царя по народному воззрению. Я с ним согласен (иначе я бы и не указывал на него). Скажу только, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была досказана. Беру на себя смелость ее досказать.

Несомненно для народа царь не есть представитель внешнего закона. Да, народ видит в нем носителя и выразителя всей своей жизни, личное средоточие всего своего существа. Царь не есть распорядитель грубою физическою силою для осуществления внешнего закона. Но если царь действительно есть личное выражение всего народного существа, и прежде всего, конечно, существа духовного, то он должен стать твердо на идеальных началах народной жизни: то, что народ считает верховной нормой жизни и деятельности, то и царь должен ставить верховным началом жизни.

Настоящая минута представляет небывалый дотоле случай для государственной власти оправдать на деле свои притязания на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вероятно, будут осуждены убийцы царя на смерть. Царь может простить их, и если он действительно чувствует свою связь с народом, он должен простить. Народ русский не признает двух правд. Если он признает правду Божию за правду, то другой для него нет, а правда Божия говорит: «Не убий». Если можно допускать смерть, как уклонение от недостижимого идеала, убийство для самообороны, для защиты, то убийство холодное над безоружным претит душе народа. Вот великая минута самоосуждения и самооправдания. Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он прежде всего христианин, а как вождь христианского народа, он должен, он обязан быть христианином.

[Из воспоминаний Л. З. Слонимского]

Я присутствовал на этой лекции от начала до конца и видел Соловьева при его уходе, когда его окружили восторженные лица молодежи. Содержание его речи было вполне определенное: он говорил на этот раз не о Богородице, а о народно-христианском идеале царя, о высшем нравственном значении царской власти и об ее обязательных качествах и условиях. Упомянув о красноречивом изложении идеи царя в недавней лекции Ивана Аксакова, приезжавшего из Москвы для пропаганды своих взглядов, Вл. Соловьев ярко изобразил пред нами те возвышенные свойства, которыми должен обладать монарх, чтобы соответствовать своему назначению. Он нарисовал такой идеально-высокий образ царя, какого не могло существовать в

действительности, и затем прямо перешел к волновавшему всех процессу цареубийц. Он говорил медленно, отчеканивая отдельные слова и фразы, с короткими паузами, во время которых он стоял неподвижно, опустив свои удивительные глаза с длинными ресницами. «Царь может их простить», — сказал он с ударением на слове «может» и после недолгой остановки продолжал, возвысив голос: «Царь должен их простить». Особая напряженная тишина господствовала в зале, и никому не приходило в голову перерывать ее рукоплесканиями. Никаких возгласов не было; никто не поднимался перед эстрадой с угрожающими словами, никто не кричал: «Тебя первого казнить, изменник! Тебя первого вешать, злодей!» Это было бы совершенно немыслимо при общем тогдашнем настроении. Не было также криков: «Ты наш вождь! Ты нас веди!» Соловьеву была устроена овация только по окончании лекции, когда он сходил с кафедры и направлялся потом к выходу мимо взволнованной публики; и если к нему «протягивались десятки трепетных рук», преимущественно курсисток, то вовсе не для того, чтобы качать его «высоко» над головами толпы. Рассказ о том, как «те же руки бережно несут свою ношу с эстрады в зал» и «два или три раза обносят его кругом», составляет, очевидно, плод галлюцинации. Ничего подобного не было и быть не могло.

[Из доклада Н. М. Баранова министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову]

На днях в зале кредитного общества состоялись две публичные лекции профессора С.-Петербургского университета Соловьева о ходе просвещения в России в настоящем столетии. Пред началом лекций г. Соловьев дал мне честное слово нисколько не касаться событий последних дней царствования в бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича, между тем, по дошедшим до меня сведениям, он, читая 28 сего марта вторую лекцию, не только упомянул, вопреки данному слову, о событии 1 марта, но и вдался в весьма неуместные рассуждения относительно значения и смысла смертного приговора над участниками преступления 1 марта.

Г[осподин] Соловьев был мною вызван и подал мне письменное объяснение.

Находя поступок Соловьева крайне грустным, так как своею бестактностью он вызвал манифестации, хотя и незначительные, со стороны нескольких слушателей, а главное, слушательниц, я считаю своим долгом упомянутое объяснение, а также заявление

полковника генерального штаба Андреева, одно из нескольких, сделанных мне, представить на усмотрение Вашего Сиятельства.

[Письмо В. С. Соловьева градоначальнику Н. М. Баранову]

Ваше превосходительство.

Когда я просил о разрешении мне лекций, я заявил, что не буду говорить о политике. И я не говорил о политике. Об самом событии 1 марта я не сказал ни слова, а о прощении преступников говорил только в смысле заявления со стороны Государя, что он стоит на христианском начале всепрощения, составляющем нравственный идеал русского народа. Заключение моей лекции было приблизительно следующее: «Решение этого дела не от нас зависит, и не нам судить царей. Но мы (общество) должны сказать себе и громко заявить, что мы стоим под знаменем Христовым и служим единому Богу — Богу Любви. Тогда мы возможем духовно воссоединиться с нашим народом — тогда он узнает в нашей мысли свою душу и увидит свою жизнь в нашем свете».

Из 800 слушателей, разумеется, многие могли неверно понять и криво перетолковать мои слова. Я же с своей стороны, могу сослаться на многих известных и почтенных лиц, которые, как я знаю, верно поняли смысл моей речи и могут подтвердить это мое показание.

С совершенным почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга *Влад. Соловьев.*

После лекции один неизвестный мне господин настоятельно требовал, чтобы я заявил свое мнение о смертной казни, в ответ на что я и сказал, взойдя на эстраду, что смертная казнь вообще, согласно изложенным принципам, есть дело непростительное и в христианском государстве должна быть отменена.

[Из доклада М. Т. Лорис-Меликова Александру III]

…Принимая во внимание, что профессор Соловьев дозволил себе в публичном чтении допустить крайне неуместные при настоящих обстоятельствах рассуждения, вызвавшие хотя и незначительные манифестации со стороны нескольких слушателей, а главное, слушательниц, чем возбудил в среде их превратные толкования, он должен был бы подлежать строгому взысканию, заключающемуся не только в лишении носимого им профессорского звания и воспрещения публичных чтений, но и в

удалении из Петербурга.

Но имея в виду, что Соловьев — сын недавно умершего знаменитого ученого и, по отзыву сведущих лиц, отличается строго аскетическим образом жизни и склада убеждений, мне казалось бы возможным, на первый раз, ограничиться строгим ему внушением, с воспрещением на некоторое время дальнейшего чтения публичных лекций.

При этом обязываюсь присовокупить, что Его Императорское Высочество Государь великий князь Владимир Александрович и министр народного просвещения, с которыми я имел случай объясняться по настоящему делу 29 сего марта, не находят нужным принятие против профессора Соловьева строгих мер взыскания. Всеподданнейше представляя изложенные обстоятельства на высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение, испрашиваю высочайших Ваших по сему предмету указаний.

[Письмо В. С. Соловьева Александру III]

Ваше Императорское Величество
Всемилостивейший Государь!

До слуха Вашего Величества без сомнения дошли сведения о речи, сказанной мною 28 марта, вероятно, в искаженном и, во всяком случае, в преувеличенном виде. Поэтому считаю своим долгом передать Вашему Величеству дело, как оно было.

Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявляемую ныне в таких небывалых размерах, веруя также, что русский народ в целости своей живет и движется духом Христовым, веруя, наконец, что Царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, я решился с публичной кафедры исповедать эту свою веру.

Я сказал в конце своей речи, что настоящее тягостное время даст русскому Царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет власть Его на недосягаемую высоту и на незыблемом основании утвердит Его державу. Милуя врагов своей власти вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, Царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение Царской власти, покажет, что в Нем живет духовная сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека,

который мог бы совершить больше этого подвига.

Вот в чем заключалась сущность моей речи и что, к крайнему моему прискорбию, было истолковано не только несогласно с моими намерениями, но и в прямом противоречии с ними.

Вашего Императорского Величества верноподданный
Владимир Соловьев[69]

Печатается по: *1 марта 1881 года. Пг., 1918, с. 330–336.*

Л. Н. ТОЛСТОЙ И КАЗНЬ ПЕРВОМАРТОВЦЕВ

Л. Н. Толстой — Александру III

Императору Александру III. Черновое
1881 г. Марта 8-15. Я[сная] П[оляна]

В[аше] И[мператорское] В[еличество].

Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человек, пишу письмо Р[усскому] И[мператору] и советую ему, что делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, к[оторые] когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себе: если ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут, или прочтут и найдут, что оно вредно, и накажут тебя за это. Вот все, что может быть. И в этом для тебя не будет ничего такого, в чем бы ты раскаивался. Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал Царю то, что ты хотел сказать, и что Царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: Если бы тогда кто-нибудь сказал мне это! — Если это случится так, ты вечно будешь раскаиваться, что не написал того, что думал. И потому я пишу В[ашему] В[еличеству] то, что я думаю.

Я пишу из деревенской глуши, ничего верно не знаю. То, что знаю, знаю по газетам и слухам, и потому, может быть, пишу ненужные пустяки о том, чего вовсе нет, тогда, ради Бога, простите мою самонадеянность и верьте, что я пишу не потому, что я высоко о себе думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый перед всеми, боюсь быть еще виноватым, не сделав того, что мог и должен был сделать.

Я буду писать не в том тоне, в кот[ором] обыкновенно пишут письма Государям, — с цветами подобострастного и фальшивого красноречия, к[оторые] только затемняют и чувства, и мысли. Я буду писать просто, как человек к человеку. Настоящие чувства моего уважения к Вам, как к человеку и к Царю, виднее будут без этих украшений.

Отца Вашего, Царя русского, сделавшего много добра и всегда желавшего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей; убили во имя какого-то высшего блага всего человечества. Вы стали на его место и перед Вами те

враги, которые отравляли жизнь Вашего отца и погубили его. Они враги Ваши потому, что Вы занимаете место Вашего отца, и для того мнимого общего блага, которого они ищут, они должны желать убить и Вас.

К этим людям в душе Вашей должно быть чувство мести, как к убийцам отца, и чувство ужаса перед той обязанностью, к[оторую] Вы должны были взять на себя. Более ужасного положения нельзя себе представить, более ужасного потому, что нельзя себе представить более сильного искушения зла. Враги отечества, народа, презренные мальчишки, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как не очистить от этой заразы русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов. Этого требует не мое личное чувство, даже не возмездие за смерть отца, этого требует от меня мой долг, этого ожидает [от] меня вся Россия.

В этом-то искушении и состоит весь ужас Вашего положения. Кто бы мы ни были, Цари или пастухи, мы люди просвещенные учением Христа.

Я не говорю о ваших обязанностях Царя. Прежде обязанностей Царя есть обязанности человека, и они должны быть основой обязанности Царя и должны сойтись с ними.

Бог не спросит Вас об исполнении обязанности Ц[аря], не спросит об исполнении царс[кой] обязан[ности], а спросит об исполн[ении] человече[ских] обяз[анностей]. Положение Ваше ужасно, но только затем и нужно учение Христа, чтобы руководить нас в тех страшных минутах искушения, к[оторые] выпадают на долю людей. На Вашу долю выпало ужаснейшее из искушений. Но, как ни ужасно оно, учение Христа разрушает его, и все сети искушения, обставленные вокруг Вас, как прах разлетятся перед человеком, исполняющим волю Бога. — Мф. 5, 431. Вы слышали, что сказано: люби ближнего и возненавидь врага твоего; а я говорю Вам: любите врагов Ваших… благотворите ненавидящим Вас — да будете сынами Отца Вашего небесного. 38. Вам сказано: око за око, зуб за зуб, а я говорю: не противься злу. Мф. 18, 20. Не говорю тебе до 7, но до 70х7. Не ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать. Это сказано человеку, и всякий человек может исполнить это. И никакия царс[кие], государственные соображения не могут нарушить заповедей этих. 5, 19. И кто нарушит одну из сих малейших заповедей, малейшим наречется в Ц[арствии] Н[ебесном], а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Ц[арствии] Н[ебесном]. 7, 24. И так, всякого, кто слушает сии мои слова и исполняет их, уподоблю мужу

разумному, к[оторый] построил свой дом на камне: пошел Дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились в дом тот, и он не упал, ибо основан был на камне. А всякий слушающий…[70] великое.

Знаю я, как далек тот мир, в к[отором] мы живем, от тех божеских истин, к[оторые] выражены в учении Христа и к[оторые] живут в нашем сердце, но истина — истина и она живет в нашем сердце и отзывается восторгом и желанием приблизиться к ней. Знаю я, что я ничтожный, дрянной человек, в искушениях, в 1000 раз слабейших, чем те, к[оторые] обрушились на Вас, отдавался не истине и добру, а искушению и что дерзко, и безумно мне, исполненному зла человеку, требовать от Вас той силы духа, к[оторая] не имеет примеров, требовать, чтобы Вы, Р[усский] Ц[арь], под давлением всех окружающих, и любящий сын после убийства, простили бы убийц и отдали бы им добро за зло; но не желать этого я не могу, [не могу] не видеть того, что всякий шаг Ваш к прощению есть шаг к добру; всякий шаг к наказанию есть шаг к злу, не видеть этого я не могу. И как для себя в спокойную минуту, когда нет искушения, надеюсь, желаю всеми силами души избрать путь любви и добра, так и за Вас желаю и не могу не надеяться, что Вы будете стремиться к тому, чтобы быть совершенными, как отец Ваш на небе, и Вы сделаете величайшее дело в мире, поборете искушение, и Вы, Царь, дадите миру величайший пример исполнения учения Христа — отдадите добро за зло.

Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всем простите.

Это и только это надо делать, это воля Бога. Достанет ли у кого или недостанет сил сделать это, это другой вопрос. Но только этого одного надо желать, к этому одному надо стремиться, это одно считать хорошим и знать, что все соображения против этого [—] искушения и соблазны, и что все соображения против этого, все ни на чем не основаны, шатки и темны.

Но кроме того, что всякий человек должен и не может ничем другим руководствоваться в своей жизни, как этими выражениями воли Божией, исполнение этих заповедей Божиих есть вместе с тем и самое для жизни Вашей и Вашего народа разумное действие. Истина и благо всегда истина и благо и на земле, и на небе. Простить ужаснейших преступников против человеческих и божеских законов и воздать им добро за зло — многим это покажется в лучшем смысле идеализмом, безумием, а многим злонамеренностью. Они скажут: не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь. Но стоит вызвать тех, к[оторые] скажут это, на доказательство их мнения, и безумие, и злонамеренность

окажутся на их стороне.

Около 20 лет тому назад завелось какое-то гнездо людей, большей частью молодых, ненавидящих существующий порядок вещей и правительство. Люди эти представляют себе какой-то другой порядок вещей, или даже никакого себе не представляют и всеми безбожными, бесчеловечными средствами, пожарами, грабежами, убийствами, разрушают существующий строй общества. 20 лет борются с этим гнездом. Как уксусное гнездо, постоянно зарождающее новых деятелей, и до сих пор гнездо это не только не уничтожено, но оно растет, и люди эти дошли до ужаснейших, по жестокости и дерзости, поступков, нарушающих ход госуд[арственной] жизни. Те, которые хотели бороться с этой язвой внешними, наружными средствами, употребляли два рода средств: одно — прямое отсечение больного, гнилого, строгость наказания; другое — предоставление болезни своего хода, регулирование ее. Это были либеральные меры, которые должны были удовлетворить беспокойные силы и утишить напор враждебных сил. Для людей, смотрящих на дело с материальной стороны, нет других путей — или решительные меры пресечения, или либерального послабления. Какие бы и где ни собирались люди толковать о том, что нужно делать в теперешних обстоятельствах, кто бы они ни были, знакомые в гостиной, члены совета, собрания представителей, если они будут говорить о том, что делать для пресечения зла, они не выйдут из этих двух воззрений на предмет: или пресекать — строгость, казни, ссылки, полиция, стеснения цензуры и т. п., или либеральная потачка — свобода, умеренная мягкость мер взысканий, даже представительство, конституция, собор. Люди могут сказать много еще нового относительно подробностей того и другого образа действий; во многом многие из одного и того же лагеря будут несогласны, будут спорить, но ни те, ни другие не выйдут — одни из того, что они будут отыскивать средства насильственного пресечения зла, другие — из того, что они будут отыскивать средства не стеснения, давания выходу затеявшемуся брожению. Одни будут лечить болезнь решительными средствами против самой болезни, другие будут лечить не болезнь, но будут стараться поставить организм в самые выгодные, гигиенические условия, надеясь, что болезнь пройдет сама собою. Очень может быть, что те и другие скажут много новых подробностей, но ничего не скажут нового, п[отому] ч[то] и та, и другая система уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излечила больного, но не имела никакого влияния. Болезнь шла доныне, постепенно ухудшаясь. И потому я полагаю, что нельзя так сразу называть исполнение воли Б[ога], по отношению к делам

политическим, мечтанием и безумием. Если даже смотреть на исполнение закона Бога, святыню святынь, как на средство против житейского, мирского зла, и то нельзя смотреть на него презрительно после того, как очевидно вся житейская мудрость не помогла и не может помочь. Больного лечили и сильными средствами, и переставая давать сильные средства, а давая ход его отправлениям, и ни та, ни другая система не помогли, больной все больнее. Представляется еще средство — средство, о к[отором] ничего не знают врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имеет неотъемлемо перед другими средствами, это то, что те употреблялись бесполезно, а это никогда еще не употреблялось.

Пробовали во имя государств[енной] необходимости блага масс стеснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага масс давать свободу — все было тоже. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только закон Его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Во имя Бога и исполнения закона Его не может быть зла.

Другое преимущество нового средства — и тоже несомненное — то, что те два средства сами в себе были нехороши: первое состояло в насилии, казнях (как бы справедливы они ни казались, каждый человек знает, что они зло), второе состояло в не вполне правдивом попущении свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой — придерживало ее. Приложение обоих средств, как ни казались они полезны для государства, было нехорошее дело для тех, к[оторые] прилагали их. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душе человека, но доставляет высшую радость и счастье для души человека. Прощение и воздаяние добром за зло есть добро само в себе. И потому приложение двух старых средств должно быть противно душе христианской, должно оставлять по себе раскаяние, прощение же дает высшую радость тому, кто творит его.

Третье преимущество христианского прощения перед подавлением или искусным направлением вредных элементов относится к настоящей минуте и имеет особую важность. Положение Ваше и Р[оссии] теперь — как положение больного во время кризиса. Один ложный шаг, прием средства ненужного или вредного, может навсегда погубить больного. Точно так же теперь одно действие в том или другом смысле: возмездия за зло жестоких казней, или вызова представителей — может связать все будущее. Теперь, в эти 2 недели суда над преступниками и приговора, будет сделан шаг, который выберет одну из 3-х дорог предстоящего распутья: путь подавления зла злом, путь либерального послабления — оба испытанные и ни к чему не

приводящие пути. И еще новый путь — путь христианского исполнения Царем Воли Божией, как человеком.

Государь! По каким-то роковым, страшным недоразумениям в душе революционеров запала страшная ненависть против отца Вашего — ненависть, приведшая их к страшному убийству. Ненависть эта может быть похоронена с ним. Революционеры могли — хотя несправедливо — осуждать его за погибель десятков своих. Но Вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках Ваших нет крови. Вы — невинная жертва своего положения. Вы чисты и невинны перед собой и перед Богом. Но вы стоите на распутье. Несколько дней, и если восторжествуют те, к[оторые] говорят и думают, что христианские истины только для разговоров, а в государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, Вы навеки выйдете из того блаженного состояния чистоты и жизни с Богом и вступите на путь тьмы государственных необходимостей, оправдывающих все и даже нарушение закона Бога для человека.

Не простите, казните преступников, Вы сделаете то, что из числа сотен Вы вырвете 3-х, 4-х и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40, и сами навеки потеряете ту минуту, к[оторая] одна дороже всего века, — минуту, в к[оторую] Вы могли исполнить волю Б[ога] и не исполнили ее, и сойдете навеки с того распутья, на к[отором] Вы могли выбрать добро вместо зла, и навеки завязнете в делах зла, называемых государственной пользой. Мф. 5, 25.

Простите, воздайте добром за зло и из сотен злодеев 10-ки перейдут не к Вам, не к ним (это не важно), а перейдут от дьявола к Богу и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту.

Государь, если бы Вы сделали это, позвали этих людей, дали им денег и услали их куда-нибудь в Америку и написали бы манифест с словами вверху: а я Вам говорю, люби врагов своих, — не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом Вашим. Я бы плакал от умиления, как я теперь плачу всякий раз, когда бы я слышал Ваше имя. Да что я говорю: не знаю, что другие. Знаю, каким потоком разлились бы по России добро и любовь от этих слов. Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы, и любим мы людей только во имя этих истин.

И Вы, Царь, провозгласили бы не словом, а делом эту истину. Но может быть, это все мечтания, ничего этого нельзя сделать. Может быть, что хотя и правда, что 1) более вероятности в успехе от таких действий, никогда еще не испытанных, чем от тех,

к[оторые] пробовали и к[оторые] оказались негодными, и что 2) такое действие наверно хорошо для человека, к[оторый] совершит его, и 3) что теперь Вы стоите на распутье, и это единственный момент, когда Вы можете поступить по-Божьи, и что, упустив этот момент, Вы уже не вернете его, — может быть, что все это правда, но скажут: это невозможно. Если сделать это, то погубишь государство.

Но положим, что люди привыкли думать, что божественные истины — истины только духовного мира, а не приложимы к житейскому; положим, что врачи скажут: мы не принимаем вашего средства, потому что, хотя оно и не испытано и само в себе не вредно, и правда, что теперь кризис, мы знаем, что оно сюда не идет и ничего, кроме вреда, сделать не может. Они скажут: христианское прощение и воздаяние добром за зло хорошо для каждого человека, но не для государства. Приложение этих истин к управлению государством погубит государство.

Государь, ведь это ложь, злейшая, коварнейшая ложь. Исполнение закона Бога погубит людей. Если это закон Бога для людей, то он всегда и везде закон Бога, и нет другого закона воли его. И нет кощунственнее речи, как сказать: закон Бога не годится. Тогда он не закон Бога. Но положим, мы забудем то, что закон Б[ога] выше всех других законов и всегда приложим, мы забудем это. Хорошо: закон Б[ога] не приложим и если исполнить его, то выйдет зло еще худшее. Если простить преступников, выпустить всех из заключения и ссылок, то произойдет худшее зло. Да почему же это так? Кто сказал это? Чем Вы докажете это? Своей трусостью. Другого у Вас нет доказательства. И кроме того, Вы не имеете права отрицать ничьего средства, так [как] всем известно, что Ваши не годятся.

Они скажут: выпустить всех, и будет резня, потому что немного выпустят, то бывают малые беспорядки, много выпустят, бывают большие беспорядки. Они рассуждают так, говоря о революционерах, как о каких-то бандитах, шайке, к[оторая] собралась и когда ее переловить, то она кончится. Но дело совсем не так: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать их побольше, а то, чтобы уничтожить их закваску, дать другую закваску. Что такое революционеры? Это люди, которые] ненавидят сущест[ующий] порядок вещей, находят его дурным, и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, к[оторый] будет лучше. Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить

против них идеал такой, к[оторый] бы был выше их идеала, включал бы в себя их идеал. Французы, англичане, немцы теперь борются с ними также безуспешно.

Есть только один идеал, к[оторый] можно противуставить им. И тот, из к[оторого] они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, — тот, к[оторый] включает их идеал, идеал любви, прощения и воздаяния добра за зло. Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на к[оторый] предстоит вступить Вам, может уничтожить то зло, к[оторое] точит Россию.

Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед Царем человеком, исполняющим закон Христа.

Печатается по: *Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 63. М.—Л., 1934, с, 44–52.*

Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1881 г. Марта 15? Я[сная] П[оляна]

Дорогой Николай Николаевич.

Заказное письмо, которое Вы получите, это письмо от меня к Государю. Хорошо ли, дурно, но меня так неотвязно мучила мысль, что я обязан перед своей совестью написать Государю то, что думаю, что я мучался неделю — писал, переделывал и вот посылаю письмо. Мой план такой: письмо к Государю и письмо, которое при этом приложено, Вы — если Вы здоровы и можете, и хотите это сделать, Вы передадите, или лично, или хоть перешлете к Победоносцеву. Если Вы увидите Победоносцева, то скажите ему то, что мне неловко писать, что если бы было возможно передать это письмо или мысли, которые оно содержит, не называя меня, то это бы было то, чего я больше всего желаю; разумеется, это только в том случае, если нет никакой опасности в представлении этого письма. Если же есть опасность, то я, разумеется, прошу передать от моего имени.

Письмо вышло нехорошо. Я написал сначала проще и было хотя и длиннее, но было сердечнее, как говорят мои, и я сам это знаю, но потом люди, знающие приличия, вычеркнули многое — весь тон душевности исчез и надо было брать логичностью и оттого оно вышло сухо и даже неприятно. Ну что будет, то будет. Я знаю, что Вы поможете мне, и вперед благодарю Вас и обнимаю.

Ваш Л. Толстой.

Печатается по: *Толстой Л. И. Полное собрание сочинений, т. 63, с. 59–60.*

Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхову

1881 г. Апреля 1? Я[сная] П[оляна]

Простите ради Бога, дорогой Николай Николаевич, что измучил Вас. Я тоже измучился. Хорошо ли, дурно ли письмо, мне нужно было для души моей — послать его. Надеюсь, что теперь оно отослано. Главное замешалась жена и ее страхи, очевидно не имеющие никакого основания. Что после своего письма я не сделаю придворной карьеры, это так, но опасности, как она говорит, очевидно, не может быть. Победоносцев ужасен. Дай Бог, чтобы он не отвечал мне, и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним. Не могу писать о постороннем, пока не решено то страшное дело, которое висит над всеми нами.

Напишу Вам скоро. Пожалуйста, простите, что измучил Вас. Молодец Соловьев. Когда он уезжал, я сказал ему: дорого то, что мы согласны в главном, в нравственном учении и будем дорожить этим согласием. Благодарю Вас за Вашу любовь ко мне, а я не могу не любить Вас и дорожу очень нашим согласием.

Ваш Л. Т.

Печатается по: *Толстой Л, Н. Полное собрание сочинений, т. 63, с. 58.*

К. П. Победоносцев — Александру III

Ваше Императорское Величество.

Простите, ради Бога, что так часто тревожу Вас и беспокою. Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр. Строганова, который приехал ко мне сегодня в волнении. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы, перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих ослабевших умом и сердцем)

требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. Если б это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы.[71] Ради Бога, Ваше Величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности!

Вашего Императорского Величества верноподданный
Константин Победоносцев.
30 марта 1881. Петербург.[72]

Печатается по: *К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1, кн. 1. Пг., 1923, с. 47–48.*

К. П. Победоносцев — Л. Н. Толстому

…Не взыщите, достопочтенный граф Лев Николаевич, во-первых, за то, что я оставил до сего времени без ответа письмо Ваше, врученное мне Н. Н. Страховым. Это произошло не из неучтивости или равнодушия, а от невозможности опознаться вскоре в той суете и путанице мыслей и забот, которая одолевала и не перестает еще одолевать меня после 1 марта. Во-вторых, не взыщите за то, что я уклонился от исполнения Вашего поручения. В таком важном деле все должно делаться по вере. А, прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение.

Душевно уважающий и преданный Вам
К. Победоносцев.
Петербург, 15 июня 1881 года.

Печатается по: *К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1, кн. 1, с. 47–48.*

[Из воспоминаний В. И. Алексеева]

Наступил 1881 год. 1 марта был убит Александр II. Конечно, Лев Николаевич под влиянием учения Христа не мог относиться

равнодушно к убийству Александра II. Но его беспокоила мысль и о казни, которая предстояла убийцам царя. Этот момент был как бы пробным камнем для него: как он, освещенный словами божественного учителя, отнесется к данному событию. Конечно, убийц все осудили, никто не отнесся к ним сочувственно, исключая их немногочисленных сторонников, особенно ввиду того, что Александр II был государь любимый и уважаемый, давший свободу стольким миллионам лиц, произведший реформы, в основание которых было положено справедливое чувство, одинаковое ко всем людям и сословиям. Но предстояла казнь этих убийц. Христос учил: «не противься злу насилием», «подставь левую щеку, когда ударили тебя в правую». Как примирить эти высокие слова с казнью убийц — лиц, посягнувших на убийство, — вот мысли, которые мучили Льва Николаевича. В истинности слов Христа он не сомневался. «Неужели же можно оставаться равнодушным к казни только потому, что она будет исполнена не моими руками», — думал он. Он чувствовал, что именно теперь он должен громогласно произнести слова божественного учителя, чтобы не чувствовать себя участником этой казни. Помню, утром Лев Николаевич мрачный, точно сам присужденный к казни, входит в столовую, где мы все с детьми пили кофе, и глухим голосом зовет меня к себе в гостиную, где он обыкновенно пил кофе. Он сказал, что его очень мучит мысль о предстоящей казни лиц, убивших Александра II, что он, следуя учению Христа, думает, по крайней мере, написать письмо Александру III с просьбой о помиловании преступников, что никакого другого поступка для предотвращения их казни он не представляет себе, и просил об этом моего мнения. Такое обращение ко мне глубокоуважаемого мною Льва Николаевича по такому важному вопросу меня смутило. Я подумал и сказал:

— Кроме письма к сыну убитого отца, в воле которого казнить и помиловать преступников, тут ничего придумать нельзя. Напиши такое письмо я, — замешанный в студенческие годы в революционной пропаганде, — меня тотчас же заподозрят в сочувствии убийцам и упрятали бы, не имея достаточных улик для обвинения, под надзор полиции в отдаленные края. Что же касается вас, всем известного русского писателя, пользующегося уважением и в придворных сферах, — ваше письмо прочтут и обратят на него внимание, поверят, что вами движет именно то чувство и те идеи, о которых вы пишете. Поступят ли по вашим словам или нет, — это их дело. Но вы, написав это письмо, сделаете то, что внушает вам совесть, что предписывает заповедь Христа. Самое худое для вас может быть то, что вам за это письмо

сделают выговор, — «не в свое, мол, дело суешься». Ну что ж, это такое наказание, которое легко перенести за правду. Главное то, что вы этим письмом снимете с себя в вашем сознании вину участия вашего в казни и никогда не будете раскаиваться, что написали его. Ведь государь ослеплен теперь чувством мести. Ему теперь все внушают, что убийц нужно казнить для устрашения вообще врагов государственного строя. Всякий ему говорит теперь: «око за око, зуб за зуб» и «возненавидь врага твоего» и никто не говорит: «не противься злу насилием», «благодари ненавидящих тебя». И вот вы своим письмом напомните ему слова божественного учителя. Какое счастье и радость будет, если, прочитав это письмо, он поступит по учению Христа. И как вы будете раскаиваться, если государь вспомнит эти слова после казни и скажет: «Ах, жаль, что никто не напомнил раньше этих слов Спасителя».

Слова эти слышала графиня Софья Андреевна за дверьми из своей комнаты. Вдруг дверь отворяется, выбегает взволнованная графиня и с сердцем, повышенным голосом говорит мне, указывая пальцем на дверь:

— Василий Иванович, что вы говорите… Если бы здесь был не Лев Николаевич, который не нуждается в ваших советах, а мой сын или дочь, то я тотчас же приказала бы вам убираться вон…

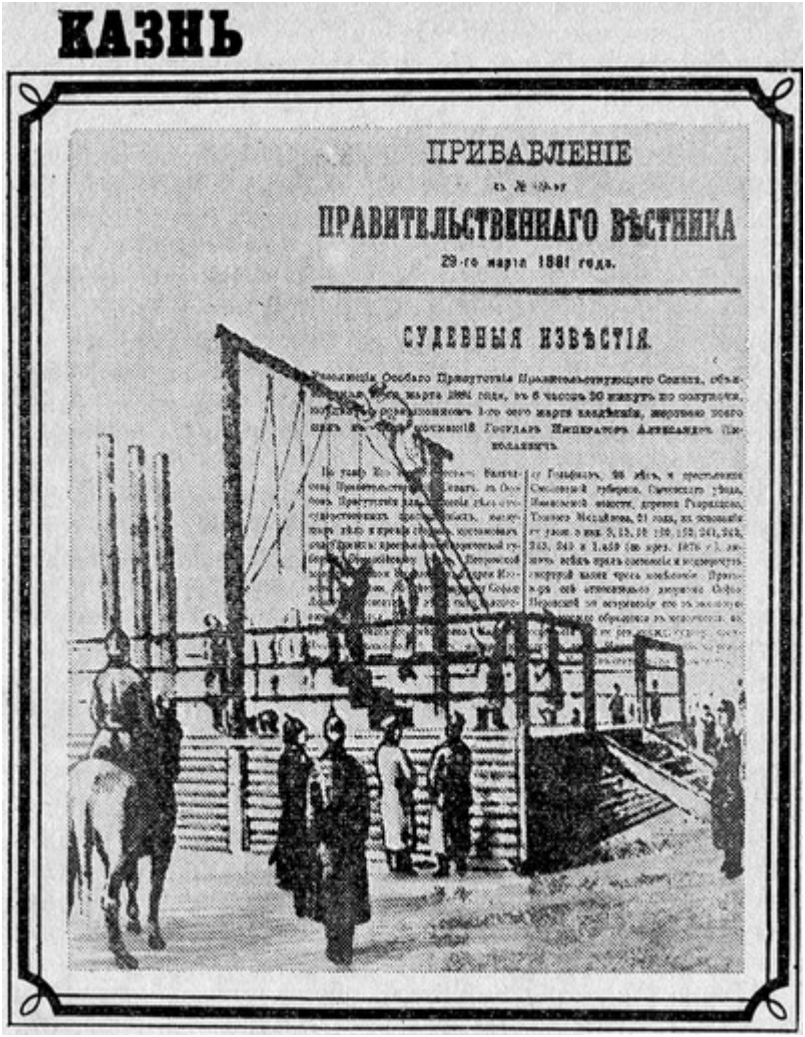
Я был поражен таким выступлением графини и сказал:

— Слушаю, уйду…

После обеда Лев Николаевич пошел к себе в кабинет и на диване задремал, и видел во сне, что убийц Александра II казнят, и будто бы казнит их он сам, а не палачи по постановлению суда. С ужасом Лев Николаевич проснулся и тут же написал письмо к Александру III, в котором указывал на евангельскую истину о непротивлении злу насилием. Просил государя простить лиц, просил испытать это средство для уничтожения крамолы, так как прежние средства, — ссылка, тюрьма, казни не уничтожают зла.

Печатается по: *Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений, т. 63, с. 53–54.*

КАЗНЬ

КАЗНЬ
ПРИБАВЛЕНІЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАГО ВѢСТНИКА
29-го марта 1881 года.
СУДЕБНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ОТ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

3 апреля между 9 и 10 часами утра на Семеновском плацу в Петербурге приняли мученический венец социалисты: крестьянин Андрей Желябов, дворянка Софья Перовская, сын священника Николай Кибальчич, крестьянин Тимофей Михайлов и мещанин Николай Рысаков.

Суд над мучениками творили царские сенаторы, приговор диктовал император Александр III, он же и утвердил его.

Итак, новое царствование обозначилось. Первым актом самодержавной воли Александра III было приказание повесить женщин. Не выждав еще коронации, он оросил престол кровью борцов за народные права.

Пусть так!

С своей стороны, над свежей могилой наших дорогих товарищей мы подтверждаем всенародно, что будем продолжать дело народного освобождения. На этом пути не остановят нас виселицы, как не останавливали они в прошлое царствование целый ряд бойцов, начиная с Соловьева, продолжая Ковальским, Виттенбергом, Логовенко, Лизогубом, Чубаровым, Давиденко, Осинским, Антоновым, Брандтнером, Горским, Бильчанским, Федоровым, Дубровским, Дробязгиным, Малинкой, Майданским, Розовским, Лозинским и кончая Млодецким, Квятковским и Пресняковым.

Тотчас после 1 марта Исполнительный комитет обнародовал послание к императору Александру III, в котором доказывал, что единственным средством к возврату России на путь правильного и мирного развития является обращение верховной власти к народу.

Судя по событию 3 апреля, верховная власть выбрала иной путь — путь обращения к Фролову, знаменитому сподвижнику в бозе почившего Александра II.

Пусть так!

Откладывая оценку общей политики Александра III на ближайшее будущее, Исп[олнительный] ком[итет] заявляет теперь же, что реакционная политика по традициям Александра II неизбежно приведет к последствиям еще более пагубным для правительства, чем 1 марта, предшествуемое заговорами николаевским, одесским, александровским, московским и двумя петербургскими.

Исп[олнительный] ком[итет] обращается с призывом ко всем, кто не чувствует в себе инстинктов раба, кто сознает свой долг перед страждущей родиной, сомкнуть свои силы для предстоящей

борьбы за свободу и благосостояние русской земли.

Исп[олнительный] ком[итет], 4 апреля 1881 г.

Типография «Народной воли», 5 апреля 1881 г.

Печатается по: *Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 2. М. — Л., 1965, с. 236–237.*

СУД И КАЗНЬ ПЕРВОМАРТОВЦЕВ

[Из протокола об исполнении приговора]

1881 года, апреля 3 дня, в 9 часов утра, во исполнение состоявшегося 26/29 марта 1881 г. и вошедшего в законную силу, — по воспоследовании высочайшего соизволения на лишение осужденной Перовской всех прав состояния, — приговора Особого присутствия Правительствующего Сената о государственных преступниках Николае Иванове Рысакове, Андрее Иванове Желябове, Николае Иванове Кибальчиче, Тимофее Михайлове и Софье Львовой Перовской — преступники сии были доставлены на Семеновский плац. Исполняющий обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего Сената, прокурор с. — петербургской судебной палаты, распоряжавшийся исполнением приговора, поручил обер-секретарю Особого присутствия прочесть приговор во всеуслышание.

После прочтения приговора и по оказании преступникам последнего напутствия чрез священнослужителей преступники были возведены на эшафот палачом, который совершил над ними, последовательно, смертную казнь через повешение. После сего, по удостоверении врачами смерти казненных, прокурор объявил, что приговор Особого присутствия Правительствующего Сената приведен в исполнение.

Печатается по: *1 марта 1881 года. Пг., 1918, с. 311.*

[Из официального отчета о совершении смертной казни]

<…> В пятницу, 3 апреля, в 9 часов утра, на Семеновском плацу согласно произведенному заранее официально заявлению, была совершена казнь пяти цареубийц: Андрея Желябова, Софьи Перовской, Николая Кибальчича, Николая Рысакова и Тимофея Михайлова.

Вес означенные преступники содержались в Доме предварительного заключения и оттуда были отправлены на место казни, на Семеновский плац. Подполковник Дубисса-Крачак принял преступников из Дома предварительного заключения и сопровождал под конвоем до места казни, по улицам: Шпалерной, Литейному проспекту, Кирочной,

Надеждинской и Николаевской до Семеновского плаца. В распоряжении его находились одиннадцать полицейских чиновников, несколько околоточных надзирателей, городовых и, сверх того, местная полиция 1-го, 2-го, 3-го и 4-го участков Литейной части и 1-го и 2-го участков Московской части. Конвой, сопровождавший преступников, состоял из двух эскадронов кавалерии и двух рот пехоты.

Наблюдение за порядком на Семеновском плацу, на месте казни, с прилегающими к нему улицами, было поручено полковнику Есипову, в распоряжении которого находились шесть полицейских чиновников, много других лиц, а также местная полиция 3-го и 4-го участков Московской части и 3-го участка Александро-Невской части. У Дома предварительного заключения, по пути следования и на Семеновском плацу были, сверх того, усиленные наряды конных жандармов.

В помощь полиции, по пути следования, от войск находились следующие части: рота на Шпалерной улице, у Дома предварительного заключения, рота на Литейном проспекте, со стороны Арсенала, рота на углу Невского проспекта и Николаевской улицы, рота по Николаевской улице, у мясного рынка. В распоряжении полицмейстера полковника Есипова находились: четыре роты и две сотни казаков на Семеновском плацу; две роты у входа с Николаевской улицы на плац; две роты у входа с Гороховой улицы на плац: одна рота у Царскосельской железной дороги и одна рота по Обводному каналу.

Всеми войсками на Семеновском плацу командовал начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, генерал-адъютант, генерал-лейтенант барон Дризен.

В 7 часов 50 минут ворота, выходящие из Дома предварительного заключения на Шпалерную улицу, отворились, и спустя несколько минут из них выехала первая позорная колесница, запряженная парою лошадей. На ней, с привязанными к сиденью руками, помещались два преступника: Желябов и Рысаков. Они были в черных, солдатского сукна, арестантских шинелях и таких же шапках, без козырьков. На груди у каждого висела черная доска с белою надписью: «цареубийца». Юный Рысаков, ученик Желябова, казался очень взволнованным и чрезвычайно бледным. Очутившись на Шпалерной улице, он окинул взором части сосредоточенных войск и массу народа и поник головою. Не бодрее казался и учитель его, Желябов. Кто был на суде и видел его там бравирующим, тот, конечно, с трудом узнал бы этого вожака цареубийц — так он изменился. Впрочем, этому отчасти способствовала перемена костюма, но только отчасти. Желябов как тут, так и во всю дорогу не смотрел

на своего соседа, Рысакова, и, видимо, избегал его взглядов.

Вслед за первою выехала из ворот вторая позорная колесница с тремя преступниками: Кибальчичем, Перовской и Михайловым. Они также были одеты в черном арестантском одеянии. Софья Перовская помещалась в средине, между Кибальчичем и Михайловым. Все они были бледны, но особенно Михайлов. Кибальчич и Перовская казались бодрее других. На лице Перовской можно было заметить легкий румянец, вспыхнувший мгновенно при выезде на Шпалерную улицу. Перовская имела на голове черную повязку вроде капора. На груди у всех также висели доски с надписью: «цареубийца». Как ни был бледен Михайлов, как ни казался он потерявшим присутствие духа, но при выезде на улицу он несколько раз что-то крикнул. Что именно — разобрать было довольно трудно, так как в это самое время забили барабаны. Михайлов делал подобные возгласы и по пути следования, зачастую кланяясь на ту и другую сторону собравшейся по всему пути сплошной массе народа.

Следом за преступниками ехали три кареты с пятью православными священниками, облаченными в траурные ризы, с крестами в руках. На козлах этих карет помещались церковнослужители. Эти пять православных священников для напутствования осужденных прибыли в Дом предварительного заключения еще накануне вечером, в начале восьмого часа.

Рысаков охотно принял священника, долго беседовал с ним, исповедался и приобщился св[ятых] тайн. 2 апреля Рысакова видели плачущим: прежде он зачастую в заключении читал св[ятое] Евангелие. Михайлов также принял священника, довольно продолжительно говорил с ним, исповедался, но не причащался св[ятых] тайн. Кибальчич два раза диспутировал со священником, от исповеди и причастия отказался: в конце концов, он попросил священника оставить его. Желябов и Софья Перовская категорически отказались принять духовника.

Ночь со 2 на 3 апреля, для них последнюю, преступники провели разно. Перовская легла в постель в исходе одиннадцатого часа вечера. Кибальчич несколько позже — он был занят письмом к своему брату, который в настоящее время, говорят, находится в Петербурге. Михайлов тоже написал письмо к своим родителям, в Смоленскую губернию. Письмо это написано совершенно безграмотно и ничем не отличается от писем русских простолюдинов к своим родным. Перовская еще несколько дней назад отправила письмо к своей матери. Желябов написал письмо к своим родным, потом разделся и лег спать в исходе одиннадцатого часа ночи. По некоторым признакам, Рысаков провел ночь тревожно. Спокойнее всех казались

Перовская и Кибальчич…

В 6 часов утра всех преступников, за исключением Геси Гельфман, разбудили. Им предложили чай. После чая их поодиночке призывали в управление Дома предварительного заключения, где в особой комнате переодевали в казенную одежду: белье, серые штаны, полушубки, поверх которых арестантский черный армяк, сапоги и фуражку с наушниками. На Перовскую надели платье тиковое с мелкими полосками, полушубок и также черную арестантскую шинель.

Как только оканчивалось переодеванье, их выводили на двор. На дворе стояли уже две позорные колесницы. Палач Фролов со своим помощником из тюремного замка усаживал их на колесницу. Руки, ноги и туловище преступника прикреплялись ремнями к сиденью.

Палач Фролов еще накануне вечером, около 10-ти часов, прибыл в Дом предварительного заключения, где и провел ночь. Покончив операцию усаживания преступников на колесницы, Фролов со своим помощником отправился в карете в сопровождении полицейских к месту казни, а вслед за ним две позорные колесницы выехали за ворота Дома предварительного заключения на Шпалерную улицу.

Позорный кортеж следовал по улицам, перечисленным выше. Высокие колесницы, тяжело громыхая по мостовым, производили тяжелое впечатление своим видом. Преступники сидели сажени две над мостовою, тяжело покачиваясь на каждом ухабе. Позорные колесницы были окружены войсками. Улицы, по которым везли преступников, были полны народом.

Этому отчасти способствовали как поздний час казни, так и теплая весенняя погода. Начиная с восьми часов утра солнце ярко обливало своими лучами громадный Семеновский плац, покрытый еще снегом с большими тающими местами и лужами. Несметное число зрителей обоего иола и всех сословий наполняло обширное место казни, толпясь тесною, непроницаемою стеною за шпалерами войска. На плацу господствовала замечательная тишина. Плац был местами окружен цепью казаков и кавалерии. Ближе к эшафоту были расположены в квадрате сперва конные жандармы и казаки, а ближе к эшафоту, на расстоянии двух-трех сажен от виселицы, — пехота лейб-гвардии Измайловского полка.

В начале девятого часа приехал на плац градоначальник, генерал-майор Баранов, а вскоре после него судебные власти и лица прокуратуры: прокурор судебной палаты Плеве, исполняющий должность прокурора окружного суда Плющик-Плющевский и товарищи прокурора Постовский и Мясоедов,

обер-секретарь Семякин.

Вот описание эшафота: черный, почти квадратный помост, двух аршин вышины, обнесен небольшими, выкрашенными черною краскою, перилами. Длина помоста 12 аршин, ширина 9 ½. На этот помост вели шесть ступеней. Против единственного входа, в углублении, возвышались три позорные столба с цепями на них и наручниками. У этих столбов было небольшое возвышение, на которое вели две ступени. Посредине общей платформы была необходимая в этих случаях подставка для казненных. По бокам платформы возвышались два высоких столба, на которых положена была перекладина с шестью на ней железными кольцами для веревок. На боковых столбах также были ввинчены по три железные кольца. Два боковые столба и перекладина на них изображали букву П. Это и была общая виселица для пяти цареубийц. Позади эшафота находились пять черных деревянных гробов со стружками в них и парусинными саванами для преступников, приговоренных к смерти. Там же лежала деревянная простая подставная лестница. У эшафота, еще задолго до прибытия палача, находились четыре арестанта,[73] в нагольных тулупах — помощники Фролова.

За эшафотом стояли два арестантских фургона, в которых были привезены из тюремного замка палач и его помощники, а также две ломовые телеги с пятью черными гробами.

Вскоре после прибытия на плац градоначальника палач Фролов, стоя на новой деревянной некрашеной лестнице, стал прикреплять к пяти крюкам веревки с петлями. Палач был одет в синюю поддевку, так же и два его помощника. Казнь над преступниками была совершена Фроловым с помощью четырех солдат арестантских рот, одетых в серые арестантские фуражки и нагольные тулупы.

Небольшая платформа для лиц судебного и полицейского ведомств была расположена на 1–1½ сажени от эшафота. На этой платформе находились во время совершения казни представители высшего военного и судебного мира, а также представители русских и иностранных газет, военный агент итальянского посольства и некоторые младшие члены посольских миссий. За платформою, по левую сторону эшафота, расположился кружок военных разных оружий.

Начиная с того места, где оканчивается Николаевская улица, на плацу, вплоть до самого эшафота, были расположены в две шпалеры казаки, между которыми следовали через плац к эшафоту позорные колесницы на место казни.

Колесницы с осужденными прибыли на плац в 8 часов 50 минут. При появлении на плацу преступников под сильным

конвоем казаков и жандармов густая толпа народу заметно заколыхалась. Послышался глухой и продолжительный гул, который прекратился лишь тогда, когда две позорные колесницы подъехали к самому эшафоту и остановились, одна за другой, между подмостками, где была сооружена виселица и платформа, на которой находились власти. Несколько ранее прибытия преступников подъехали к эшафоту кареты с пятью священниками.

По прибытии колесниц власти и члены прокуратуры заняли свои места на платформе. Когда колесницы остановились, палач Фролов влез на первую колесницу, где сидели вместе рядом связанные Желябов и Рысаков. Отвязав сперва Желябова, потом Рысакова, помощники палача ввели их под руки по ступенькам на эшафот, где поставили рядом. Тем же порядком были сняты со второй колесницы Кибальчич, Перовская и Михайлов и введены на эшафот. К трем позорным столбам были поставлены Желябов, Перовская и Михайлов; Рысаков и Кибальчич остались стоять крайними близ перил эшафота, рядом с другими цареубийцами. Осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчич и Желябов, менее Рысаков и Михайлов: они были смертельно бледны. Особенно выделялась апатичная и безжизненная, точно окаменелая, физиономия Михайлова. Невозмутимое спокойствие и душевная покорность отражались на лице Кибальчича. Желябов казался нервным, шевелил руками и часто поворачивал голову в сторону Перовской, стоя рядом с нею, и раза два к Рысакову, находясь между первой и вторым. На спокойном, желтовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец; когда она подъехала к эшафоту, глаза ее блуждали, лихорадочно скользя по толпе и тогда, когда она, не шевеля ни одним мускулом лица, пристально глядела на платформу, стоя у позорного столба. Когда Рысакова подвели ближе к эшафоту, он обернулся лицом к виселице и сделал неприятную гримасу, которая искривила на мгновенье его широкий рот. Светло-рыжеватые длинные волосы преступника развевались по его широкому полному лицу, выбиваясь из-под плоской черной арестантской шапки. Все преступники были одеты в длинные арестантские черные халаты.

Во время восхождения на эшафот преступников толпа безмолвствовала, ожидая с напряжением совершения казни.

Вскоре после того как преступники были привязаны к позорным столбам, раздалась военная команда «на караул», после чего градоначальник известил прокурора судебной палаты г. Плеве, что все готово к совершению последнего акта земного правосудия.

Палач и его два помощника остались на эшафоте, стоя у перил, пока обер-секретарь Попов читал приговор. Чтение краткого приговора продолжалось несколько минут. Все присутствующие обнажили головы. По прочтении приговора забили мелкою дробью барабаны: барабанщики разместились в две линии перед эшафотом, лицом к присужденным, образовав живую стену между эшафотом и платформою, на которой стояли прокурор, градоначальник и другие должностные лица. Во время чтения приговора взоры всех преступников были обращены на г. Попова, ясно прочитавшего приговор. Легкая улыбка отразилась на лице Желябова, когда, по окончании чтения приговора, палач подошел к Кибальчичу, давая дорогу священникам, которые, в полном облачении, с крестами в руках, взошли на эшафот. Осужденные почти одновременно подошли к священникам и поцеловали крест, после чего они были отведены палачами, каждый к своей веревке. Священники, осенив осужденных крестным знаменем, сошли с эшафота. Когда один из священников дал Желябову поцеловать крест и осенил его крестным знаменем, Желябов что-то шепнул священнику, поцеловав горячо крест, тряхнул головою и улыбнулся.

Бодрость не покидала Желябова, Перовской, а особенно Кибальчича до минуты надевания белого савана с башлыком. До этой процедуры Желябов и Михайлов, приблизившись на шаг к Перовской, поцелуем простились с нею. Рысаков стоял неподвижно и смотрел на Желябова все время, пока палач надевал на его сотоварищей ужасного преступления роковой длинный саван висельников. Палач Фролов, сняв поддевку и оставшись в красной рубашке, «начал» с Кибальчича. Надев на него саван и наложив вокруг шеи петлю, он притянул ее крепко веревкою, завязав конец веревки к правому столбу виселицы. Потом он приступил к Михайлову, Перовской и Желябову.

Желябов и Перовская, стоя в саване, потряхивали неоднократно головами. Последний по очереди был Рысаков, который, увидав других облаченными вполне в саваны и готовыми к казни, заметно пошатнулся; у него подкосились колени, когда палач быстрым движением накинул на него саван и башлык. Во время этой процедуры барабаны, не переставая, били мелкую, но громкую дробь.

В 9 часов 20 минут палач Фролов, окончив все приготовления к казни, подошел к Кибальчичу и подвел его на высокую черную скамью, помогая войти на две ступеньки. Палач отдернул скамейку, и преступник повис на воздухе. Смерть постигла Кибальчича мгновенно; по крайней мере, его тело, сделав несколько слабых кружков в воздухе, вскоре повисло, без всяких

движений и конвульсий. Преступники, стоя в один ряд, в белых саванах, производили тяжелое впечатление. Выше всех ростом оказался Михайлов.

После казни Кибальчича вторым был казнен Михайлов, за ним следовала Перовская, которая, сильно упав на воздухе со скамьи, вскоре повисла без движения, как трупы Михайлова и Кибальчича. Четвертым был казнен Желябов, последним — Рысаков, который, будучи сталкиваем палачом со скамьи, несколько минут старался ногами придержаться к скамье. Помощники палача, видя отчаянные движения Рысакова, быстро стали отдергивать из-под его ног скамью, а палач Фролов дал телу преступника сильный толчок вперед. Тело Рысакова, сделав несколько медленных оборотов, повисло также спокойно, рядом с трупом Желябова и другими казненными.

В 9 часов 30 минут казнь окончилась; Фролов и его помощники сошли с эшафота и стали налево, у лестницы, ведущей к эшафоту. Барабаны перестали бить. Начался шумный говор толпы. К эшафоту подъехали сзади две ломовые телеги, покрытые брезентом. Трупы казненных висели не более 20 минут. Затем на эшафот были внесены пять черных гробов, которые помощники палача подставили под каждый труп. Гробы были в изголовьях наполнены стружками. На эшафот вошел потом военный врач, который, в присутствии двух членов прокуратуры, освидетельствовал снятые и положенные в гроб трупы казненных. Первым был снят с виселицы и положен в гроб Кибальчич, а затем другие казненные. Все трупы были сняты в 9 часов 50 минут. По освидетельствовании трупов гробы были немедленно накрыты крышками и заколочены. Гробы были помещены на ломовые телеги с ящиками и отвезены под сильным конвоем на станцию железной дороги для предания тел казненных земле на Преображенском кладбище.

Вся процедура окончилась в 9 часов 58 минут. В 10 часов градоначальник дал приказ к разбору эшафота, что и было немедленно исполнено тут же находившимися плотниками, после того как палач Фролов, или, как он себя называет, «заплечных дел мастер», так и его помощники были отвезены в арестантских «хозяйственных фургонах тюремного ведомства» в Литовский замок.

В начале одиннадцатого часа войска отправились в казармы; толпа начала расходиться. Конные жандармы и казаки, образовав летучую цепь, обвивали местность, где стоял эшафот, не допуская к нему подходить черни и безбилетной публике. Более привилегированные зрители этой казни толпились около эшафота, желая удовлетворить своему суеверию — добыть «кусок

веревки», на которой были повешены преступники.

Печатается по: Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеяниц, жертвой коего пал в бозе почивший император Александр II. СПб., 1881, с. 135–140.

В. И. Дмитриева
1 МАРТА И СУМЕРКИ

<…> Пока пришло утро казни. Холодное, сумрачное утро… утро черной реакции, длившейся более 14 лет. Сухой треск барабанов, тяжелый скрип позорных телег, молчаливая толпа, недоумевающие, или равнодушные, или озлобленные лица… Я стояла в толпе на углу Невского и, кажется, Надеждинской улицы. Я видела их. Это было одно мгновение, но такое, которое навсегда запечатлевается в мозгу, точно выжженное каленым железом. Они прошли мимо нас не как побежденные, а как триумфаторы — такою внутренней мощью, такой непоколебимой верой в правоту своего дела веяло от их спокойных лиц. Я смотрела на Желябова… Это было то самое лицо, которое еще так недавно мелькнуло передо мной в сумраке пустынной залы ресторана. Незабываемое лицо… И я ушла с ярким и определенным сознанием, что их смерть — только великий этап на путях великой русской революции и что ни грохот солдатских барабанов, ни тяжелая пята реакции не заглушат и не остановят грядущей грозы и бури. Это сознание никогда не покидало меня, и дальнейшие события показали, что оно и не обмануло.

Трудно передать те спутанные и сложные настроения, которые переживал тогда Петербург. Владимир Соловьев в «Соляном городке» произнес свою знаменитую речь, в которой призывал Александра III, если он искренний христианин, ознаменовать первые шаги своего царствования великодушным помилованием убийц его отца. Огромная толпа, наводнявшая «Соляной городок», отозвалась на эту речь бурной овацией, носившей характер настоящей демонстрации. Не только молодежь, но и пожилые люди, наэлектризованные пламенной речью Соловьева, лезли к кафедре, где он стоял, весь бледный, с горящими глазами, с взлохмаченной копной волос, похожий на лермонтовского пророка, и, ловя его руки, кричали: «Долой смертную казнь!» Александр III ответил на это чисто по-царски, выслав Соловьева из Петербурга, и таким образом с самого начала определил линию своего поведения, которой держался до самого конца.

А с другой стороны, на следующий день после казни, не помню, в какой газете, литератор Аверкиев дал гнусное и циничное описание последних минут героев первого марта, и наша курсовая библиотека послала в контору этой газеты отказ от бесплатного экземпляра, который нам высылался. Холопствующая

печать злорадствовала вокруг эшафота и упивалась описанием предсмертных судорог Софьи Перовской, а в то же время люди, бывшие на месте казни, рассказывали, что когда полумертвый Михайлов дважды срывался с петли (прибавляли при этом, будто у палача от волнения дрожали руки), то часть солдат громко требовала его помилования и — «налево, кругом, марш» — была отправлена под арест. Те же очевидцы сообщали, что в толпе в разных местах возникали драки: били и тех, которые злорадствовали и издевались над ними. Смутные были дни и смутные настроения, а в общем преобладали растерянность, недоумение и темный страх…

Печатается по: *Дмитриева В. И. Так было. М, 1930, с. 203–204.*

Г. К. Градовский
ИТОГИ

<…> В одно утро (не помню теперь месяца и числа) на Надеждинской послышались барабаны; из ворот и подъездов выбегали люди, в окнах виднелись встревоженные лица.

— Везут, везут! — второпях говорят мне.

И я поспешил к окнам, выходящим на улицу, хорошо не зная для чего.

Скоро показались полицейские всяких сортов, жандармы, казаки с пиками наперевес; за ними сильный отряд гвардейской пехоты; потом две телеги со скамейками, занятыми осужденными, спиной к кучеру. Вокруг колесниц, как называли эти трясучие телеги, неумолчно били барабанщики и взвизгивали флейты. По сторонам цепь штыков, сзади опять рота гвардии и казаки. Стукотни о мостовую, шуму было много. Особенно неприятно действовали на нервы барабаны и флейты. Привлекательная на парадах, возбуждающая к подвигам и славе во время войны, музыка эта казалась теперь каким-то адским призывом к позорному делу. Дикий тамтам и свист заглушали предполагаемые обращения к народу, уничтожали дар слова и приглашали на ужасное зрелище. Спешите, сбегайтесь смотреть, как мы толпой, вооруженные будем издеваться над беззащитными и станем душить их, не щадя и женщины. Редкое зрелище, пожалуйте, назидательное убийство против убийства; не пропустите случая, останетесь довольны.

Так выбивали барабаны и неистово визжали флейты, которые не всем полкам дарованы и представляют одно из военных отличий. Неужели войска уместно посылать для подобных дел, даже когда палач обходится без выстрелов? Может быть, эта музыка так нещадно фальшивит и гремит, чтобы заглушить совесть и сомнения, возбуждаемые предстоящим тяжким грехом, воспрещенным заповедью Божьей…

— Что вы, где, когда? Это по-старому, по еврейской выдумке, запрещалось, а по-новому, по-христианскому даже похвально.

— Не кощунствуйте, ради Бога!

— Какое же кощунство! Пастыри церкви поучают, одобряют и даже проклинают тех, кто требует отмены смертных казней. И не простые пастыри, которых никто и не спрашивает, а генералы от духовенства. Христос вовсе не был против казни, — разъясняют их преосвященства. Ведь Христос — Бог; ему все возможно, но он не хотел уклониться от суда и казни; а не уклонился — стало

быть, признал ее уместной и полезной. Еще яснее вытекает-де сие из отношения Христа к распятым разбойникам. Один, раскаявшийся, был прощен, но лишь для будущей жизни, а другой не только казнен на земле, но и обречен на вечную муку и ад, где, вероятно, сам великий наш инквизитор и обер-лицемер будет терзать его дополнительными истязаниями, когда удостоится жизни загробной. Кажется, все это бесспорно и ясно как день.

Такая неотразимая логика назревала для грядущего правосудия и «попятного мировоззрения», и прежде и всегда близкого к пыткам и кострам инквизиции или к варварству краснокожих, а в описываемый день мы не успели еще доразвиться до столь усовершенствованного «православия» и понимания учения Христа. Владимир Сергеевич Соловьев прочел даже лекцию против казни, взывая о помиловании, как о возвышеннейшем средстве покарать крамолу и одержать нравственную победу, которая всегда в корне подрывает преступления и восстания, вызванные идейными побуждениями или даже заблуждениями. Помилование… Оно не равносильно безнаказанности. Оно лишь говорит: не сотвори того, что преступно, не соперничай в жестокости с тем, кого наказуешь.

Ужасная процессия промелькнула быстро; но я хорошо видел их. Желябов держался гордо, уверенно. Кибальчич, изобретатель разрывных снарядов, казалось, был занят какой-то глубокой думой. Перовская была спокойна и смотрела поверх толпы, как бы желая избегнуть назойливых взглядов и неприятного любопытства. Остальные два осужденных, Рысаков и Михайлов, видимо, пали духом, точно опустились. Была еще одна, обреченная на казнь, но ее спас случай — ожидавшийся младенец.

— Куда, зачем их везут? — послышался нервный, испуганный голос.

На шум прибежала бледная, взволнованная 12-летняя девочка и пытливо задавала вопросы.

— Они убили государя, и их везут на казнь.

— Значит, их убьют, они умрут. А те, что убьют, тем ничего не будет?

Мучительные вопросы. Лучше было бы избавить столицу, и взрослых, и детей, от этих правосудных «наглядных обучений». Потом и завели тайные судбища и тайные казни; но в данном случае считали необходимым придать этой расправе особенно торжественную обстановку на Семеновском плацу…

Печатается по: *Градовский Г, К. Итоги. Киев, 1908, с. 81–81.*

К СУДЬБЕ ГЕСИ ГЕЛЬФМАН

Письмо А. А. Герке В. К. Плеве от 28 июня 1881 г.

Ваше превосходительство Вячеслав Константинович.

Принося благодарность за данное Вами мне разрешение на свидание с осужденною Гесею Гельфман, имею честь уведомить, что свидание это состоялось сегодня, в присутствии г. корреспондента газеты «Голос» Калугина, штабс-капитана Соколова и капитана Лесника, в С.-Петербургской крепости. Я пробыл с Гесею Гельфман около часа, нашел ее несколько изменившеюся сравнительно с тем днем, когда окончился кассационный срок: она, видимо, падает силами, стала малокровна, губы совсем бескровные, дыхание порывисто-краткое, мыслит и говорит, как сильно усталая или поправляющаяся от болезни. Она жалуется на то, что положенная по правилам пища (суп или щи и несколько менее ½ фунта говядины; утром до 1-го часа ей ничего не дают; чаю не полагается) недостаточна для поддержания ее здоровья при ее беременности; также просит об усилении медицинской помощи. Просьбу, ею заявленную, о переводе ее в какое-либо тюремное помещение, где бы она могла быть в тюремной больнице и пользоваться лазаретною порцией пищи, я отказался передать. (Кстати: она просила передать эту просьбу графу Лорису-Меликову; я не счел себя, согласно данным мне указаниям, вправе сказать ей о переменах в личном составе министерства.)

Указание на недостаточность пищи и просьбу о дозволении кому-либо из акушеров оказывать ей пособие я обещал передать по принадлежности, что сим и исполняю. Геся Гельфман на специальный вопрос г-на Калугина и на общие мои вопросы заявила, что с нею обращаются хорошо, что притеснений никаких нет, но что одиночное заключение, при беременности ее, действует на нее ужасно сильно и так на нее влияет, что она была сильно больна, чувствует себя и теперь нездоровою и в настоящее время боится, что останется без акушерской помощи в случае выкидыша или родов. Я в особенности старался уговорить Гельфман подать прошение на высочайшее Его Императорского Величества имя о смягчении участи ее. Как я уже говорил Вам, я считаю себя обязанным как бывший на суде защитник ее по назначению оказать содействие к подаче ею такой просьбы, ибо не могу не видеть разницы между виновностью ее (по закону, несомненно, влекущею смертную казнь) и виновностью других

цареубийц, уже повешенных; совершение ею преступления во время беременности и тогда, когда близкое ей лицо (как это я узнал уже после приговора) было уже привлечено к суду, конечно, тоже должно бы повлиять на смягчение наказания, если бы по монаршему милосердию дозволено было уменьшить строгость закона. Наконец, немедленная после объявления приговора смертная казнь и смертная казнь, ожидаемая беременною женщиной в одиночном заключении в продолжение нескольких месяцев, — наказания далеко не совсем равные. Вот по этим соображениям (конечно, не высказанным в присутствии Гельфман) я уговаривал ее подписать прошение о помиловании. Она сначала отказывалась, объясняя, что не может дать подписки о внезапной перемене убеждений и что согласилась бы подписать лишь прошение об улучшении пищи и об усилении медицинской помощи. После переговоров о редакции прошения, — причем я ей объяснил, что более важно действительное ее раскаяние, нежели заявляемое на бумаге, — она согласилась подписать прошение в известной редакции. Я тогда же написал прошение в указанной ею редакции, и она его подписала. Прошение это было передано при мне его высокопревосходительству г. коменданту и будет им переслано к Вам. Если бы при дальнейшем рассмотрении прошения потребовалась перемена редакции, то прошу вновь мне разрешить переговорить об этом с Гельфман; но, с своей стороны, я просил бы (если только имею право просить) не останавливаться на редакции, а видеть в подписанном Гельфман прошении лишь обращение к беспредельной милости Государя Императора.

С глубоким уважением и преданностью Вашего превосходительства покорный слуга

Август Герке.

28 июня 1881 г., веч.

Прошение Геси Гельфман от 23 июня 1881 г.

Ваше Императорское Величество, августейший Государь. Находясь ныне, после объявленного мне приговора о смертной казни, впредь до приведения этого приговора в действительное исполнение, в С.-Петербургской крепости, при условиях, которые не дозволяют ни питания, ни медицинской помощи, необходимых для улучшения расстроенного моего здоровья, всеподданнейше прошу Ваше Императорское

Величество соизволить повелеть о смягчении моего тяжелого заключения и о милостивой замене назначенного по суду наказания, смертной казни, меньшим наказанием.

Геся Гельфман.

23 июня 1881 года

Печатается по: *Красный архив, 1930, т. 3, с. 181–182.*

Л. Плансон
ВОСПОМИНАНИЯ

Казнь цареубийц

<…> На Шпалерной, около наглухо закрытых ворот Дома предварительного заключения, где нам приказано было остановиться, уже было много народа. Тут был наряд от лейб-гвардии Преображенского полка с целым взводом барабанщиков, так как было известно, что один из цареубийц, Михайлов, собирается говорить во время следования его к месту казни речи. Тут были и полицейские чины всяких рангов, и жандармы, и несколько человек штатских, вероятно, из чинов судебного ведомства, без обязательного присутствия которых не обходится ни одна казнь и по настоящее время.

Словом, тут была жизнь, было шумно и оживленно в противоположность тишине и безлюдию на прилегавших улицах, по которым мы только что прошли.

Разрешено было слезть с коней, и прозябшие офицеры, обрадовавшись свободе и встрече с другими знакомыми офицерами, оживленно заговорили, стали курить, похлопывая руками и топчась на месте ногами, стараясь согреть озябшие члены. Впрочем, вскоре нашелся другой способ согреться, так как оказалось, что какой-то предприимчивый человек открыл импровизированный буфет с водкою и закусками в подъезде одного из соседних домов, и гг. офицеры по двое, по трое бегали туда, тайком от начальства, чтобы пропустить рюмочку-другую водки и проглотить пару бутербродов…

Между тем темное до того небо стало понемногу сереть… Звезды будто полиняли, а затем и вовсе потускнели и точно стерлись с побледневшего неба. Пробежал торопливой походкой фонарщик, привычною рукой гася газовые рожки в фонарях. Небо в конце улицы совсем побелело, потом порозовело, и видно было, что где-то встает за домами солнце. Просыпалась городская жизнь, засновали люди, загрохотали со стороны Литейного извозчики, зазвонили звонки конок — словом, начиналось утро ясного, солнечного, погожего дня.

Вскоре послышались команды, заставившие зашевелиться стоявших на Шпалерной солдат и офицеров. Подтянулась пехота, села на коней кавалерия, и наш эскадрон выстроился как раз против ворот Дома предварительного заключения…

Несколько минут спустя ворота эти разом открылись, и из них, как из разверстой пасти чудовища, выехала сначала одна платформа, окрашенная в черный цвет, с сидевшими на ней какими-то бесформенными фигурами, вслед за ней тотчас же — другая, обе в сопровождении своих конвойных и каких-то людей арестантского вида, и двинулись в сторону Литейного.

Было что-то зловещее, жуткое в этих двух повозках и сидевших на них фигурах…

Наш эскадрон тотчас же охватил кольцом обе повозки, когда они вытянулись по улице, а преображенцы составили второй ряд оцепления, причем барабанщики поместились двумя группами, каждая назади платформы, и немедленно забили по своим барабанам.

Когда все шествие двинулось, успокоившись после произведенных построений, я стал оглядывать платформы и сидевших в них людей.

Каждая повозка, в виде платформы, запряженной парою лошадей, управляемых кучером, имела позади скамейку, поставленную поперек. На этой скамейке, спиною к движению, то есть к лошадям, сидели привязанные к вертикально приделанным доскам, с надписью наверху белыми буквами по черному фону «цареубийцы», преступники в серых арестантских халатах и таких же безобразных шапках.

На первой платформе, если только не изменяет мне память, сидело трое: слева, если стать лицом к движению, Рысаков, посреди — Желябов и справа — Перовская.

Некрасивое и несимпатичное, молодое, безусое лицо Рысакова было мертвенно-бледно, болезненно отекши, и в его маленьких, трусливо бегавших глазках читался животный страх пойманного зверя, доходивший до ужаса…

Желябов сидел спокойно, стараясь не показать волнения, несомненно владевшего им всецело; он держался не без известного достоинства… На тонком же, хотя немолодом, изжелта-бледном, как бы восковом, но красивом и породистом лице Перовской, окаймленном повязанным на голове светлым платком, бродила тонкая, злая, деланная усмешка, а глаза презрительно сверкали, когда она смотрела на толпу, окружавшую платформу и к этому времени запружавшую весь Литейный…

На второй платформе слева сидел Михайлов, и его большая, грузная фигура с довольно симпатичным лицом чисто русского, простонародного типа казалась огромной по сравнению с сидевшим рядом с ним тщедушным Кибальчичем. Действительно, Михайлов, как только платформа, на которой он сидел, выехала

на улицу, стал что-то говорить и продолжал делать это почти без перерывов во все время движения процессии по улицам до самого Семеновского плаца. Это видно было по тому, как он открывал рот, шевелил языком и губами, ворочал глазами, наклонял в ту или другую сторону голову; но, несмотря на то что временами я ехал почти рядом с платформой, где он сидел, я не мог уловить ни одного слова из его речи, так как шедшие непосредственно за платформою две шеренги барабанщиков производили такой адский грохот, что не слышно было собственного голоса.

Кибальчич сидел скромно и тихо на своей позорной скамье, смотря куда-то в пространство, впереди себя, поверх голов толпы, и на его застывшем лице нельзя было прочесть ни страха, ни гордости, ни презрения, ни следа другого чувства, которое могло волновать его в подобную минуту; это было лицо ученого философа, решавшего в эту минуту какую-нибудь сложную проблему…

Тем временем стало уже совершенно светло, и утреннее солнце ярко заливало своими лучами огромную толпу, запрудившую Литейный.

По всему пути следования стояла бесчисленная толпа, живыми волнами захлестывая тротуары и переливаясь на улицу, откуда ее вновь заставляли катиться по тротуару наряд полиции и наше воинское оцепление кортежа с цареубийцами.

Многие из этой толпы, чтобы лучше видеть, влезали на тротуарные тумбы, в изобилии украшавшие в те времена наши столичные улицы, на фонарные столбы и столбы, поддерживающие подъезды.

Настроение толпы, в огромном большинстве ее, было явно враждебное к цареубийцам и, во всяком случае, недружелюбное. Из толпы нередко при прохождении нашей процессии кричали что-то озлобленными голосами, грозили кулаками со свирепым видом и злобно сверкали глазами.

Что толпа была враждебно настроена к цареубийцам, я заключаю из бывших на моих глазах других случаев, когда она зверски хотела расправиться самосудом с двумя какими-то женщинами, которые были повинны лишь в том, что слишком явно выразили свои симпатии к цареубийцам.

Первый случай имел место на углу Надеждинской и Спасской.

Я забыл сказать, что, пройдя по Литейному до Кирочной, наша процессия свернула на эту последнюю улицу, а затем с нее на Надеждинскую, по которой дошла до Невского, пересекла его наискось и двинулась по Николаевской, упирающейся, как известно, в Семеновский плац.

Итак, подойдя к углу Надеждинской и Спасской, мы заметили стоявшую на тумбе возле фонаря какую-то уже немолодую женщину, скромно одетую, но в шляпе и интеллигентного вида.

Когда платформы с цареубийцами поравнялись с тем местом, где она стояла, и даже немного миновали его, так что преступники могли видеть эту женщину, она вынула белый платок и раза два-три успела махнуть им в воздухе.

Нужно было видеть, с каким диким остервенением толпа сорвала моментально несчастную женщину с ее возвышения, сразу смяла ее, сбила с головы ее шляпу, разорвала пальто и даже, кажется, раскровенила ей лицо. Если бы не немедленно подскочившие полицейские и кто-то из нас, офицеров, от неосторожной поклонницы цареубийц не осталось бы ничего, кроме истерзанного трупа. И то нам не без труда и борьбы удалось вырвать ее из рук озверевшей толпы, которая пробовала скалить свои зубы и на нас…

Второй, совершенно аналогичный, случай произошел уже недалеко от места казни, перед самым въездом с Николаевской улицы на Семеновский плац.

Точно так же какая-то молоденькая на этот раз женщина, стоя на тумбе и держась одной рукой о столб у подъезда, вздумала свободной рукой замахать в виде приветствия проезжавших цареубийц. Также в мгновение ока она очутилась в руках толпы, без шляпки, с растрепанными волосами, с расстегнутым пальто, с глазами, наполненными безумным ужасом. Также не без труда удалось вырвать ее из рук толпы-зверя и внести ее в подъезд, куда толпа еще долго продолжала ломиться с криками и бранью… Приблизительно около того же места, но несколькими секундами ранее, случилось другое маленькое происшествие, указывающее, однако, как глубоко гнездится чувство самосохранения в человеке, даже бесповоротно обреченном на гибель…

Уже давно я и другие офицеры обратили внимание на то, что Рысаков как-то особенно начал, беспокоиться, ерзать на своей скамейке, пожимать плечами и наклонять свою голову то к одному, то к другому плечу, насколько это позволяли ему туго связанные назад руки. Лицо его при этом выражало страдание, и, видимо, он в эти минуты позабыл об ожидавшей его участи, позабыл тот животный страх, который не покидал его ни на минуту перед тем.

Мы долго недоумевали, что с ним такое. Думали вначале, что по мере приближения к месту казни его охватывает все большее и большее волнение. Однако мы скоро должны были бросить эту мысль, так как убедились, что лицо Рысакова явно выражало не страх, а, несомненно, страдание, как бы от физической боли.

Наконец на поведение Рысакова обратил внимание один из бывших тут людей арестантского вида, оказавшийся, как мы потом узнали, палачом или одним из его помощников, — не помню уже теперь. Он подошел вплотную к Рысакову и спросил, что с ним.

На это Рысаков заявил ему, что у него сильно зябнут уши, и попросил спустить имевшиеся в надетой на нем шапке наушники.

Человек арестантского вида не без некоторой иронии улыбнулся и, показывая рукой в сторону Семеновского плаца, к которому мы подъезжали, сказал с долею цинизма:

— Потерпи, голубчик! Скоро и не то еще придется вытерпеть…

Действительно, мы выезжали в это время на Семеновский плац, где в отдалении, в правом углу площади, на светлом фоне чистого неба вырисовывался, правда, неясно еще, силуэт виселицы…

В те времена Семеновский плац не был так застроен, как теперь, разными сооружениями, а представлял огромную немощеную площадь, отделенную от прилегавших улиц казармами лейб-гвардии Семеновского полка, а со стороны Обводного канала — интендантскими сараями. От Введенского же канала площадь была отделена линией тогдашней Царскосельской железной дороги, проходившей на одном уровне с площадью и кончавшейся небольшим двухэтажным каменным зданием вокзала.

Тут-то именно, т. е. в углу, образуемом прежним вокзалом и ближайшим зданием Семеновских казарм, в расстоянии примерно тридцати-сорока сажен от этих зданий и параллельно линии железной дороги, построен был высокий, аршина в три вышиною, деревянный помост, над которым сажени на три возвышалась виселица, т. е. поперечное бревно, не менее трех сажен в длину, положенное своими концами на два вертикально врытых в землю столба. На поперечном бревне этом, на равных друг от друга расстояниях, вделано было пять крючков, с которых спускалось пять веревок с петлями на концах, не доходивших до помоста более чем на сажень, так что под этими веревками свободно мог стать на этот помост самый большой человек, не задевая их головой и даже не будучи в состоянии достать их рукой.

С того расстояния, с которого я стоял около помоста, т. е. на расстоянии семи-восьми сажен, веревки казались необычайно тонкими, и, я помню, среди офицеров еще раньше начала казни шли разговоры о том, выдержат ли такие веревки тяжесть человека, в особенности такого, как Михайлов, не оборвутся ли…

Наши сомнения и предположения оказались, к сожалению,

основательными и ко всем ужасам зрелища смертной казни чрез повешение добавили несколько еще более ужасных моментов, на всю жизнь врезавшихся в памяти зрителей…

Когда печальное шествие приблизилось к высоко торчавшей над площадью виселице, обе платформы с цареубийцами и своим собственным конвоем подъехали к боковой стороне помоста и остановились около устроенной там лестницы, по которой отвязанные от сидений преступники один за другим взошли на помост и были поставлены в одну линию, каждый под приготовленной для него петлей, имея по-прежнему связанными назад руки и лицом в сторону площади, где уже толпилась многотысячная толпа, едва сдерживаемая полицией и жандармами.

Позади помоста, кроме наряда полиции, двух, кажется, ломовых извозчиков со своими платформами, приготовленными для того, чтобы после казни отвезти трупы казненных на кладбище, не было никого.

Пять простых черных гробов стояло на земле позади помоста.

Барабанщики пробили дробь, раздалась команда «смирно» и «на караул», после чего при воцарившейся на площади мертвой тишине какой-то чиновник в форменном пальто прочитал конфирмованный приговор. Бедняга, видимо, сильно волновался, так как голос его, монотонный и невыразительный, сильно вибрировал, а бумага, по которой он читал, заметно дрожала в его руках…

Было тяжело и мучительно стоять и слушать этот тоскливый одинокий голос, тем более что смысла читаемого нельзя было разобрать, а напряженным нервам казалось, что чтение это никогда не кончится. Все это без надобности затягивало окончание и без того тяжелого зрелища и увеличивало нервное состояние зрителей и терзания преступников.

А они стояли тихо, бледные и трепетные, на высоком помосте перед лицом заливавшей всю площадь толпы.

Крайним, считая слева, стоял Рысаков, терявший, видимо, от охватившего его ужаса последние силы и готовый ежеминутно упасть, так что сзади его поддерживал даже один из находившихся вместе с палачом арестантов. Одутловатое желтое лицо Рысакова было смертельно бледно, и, кажется, он плакал…

Рядом с ним, в расстоянии полутора-двух шагов, стояла Перовская, видимо собирая все свои силы, чтобы казаться спокойной.

Далее, в таком же расстоянии, занимая средину помоста, стоял под среднею веревкой Михайлов, выделяясь своей высокой фигурой и грузным туловищем, и бросал озлобленные взгляды на

стоявшую вдали толпу.

Наконец, последними в правую сторону, на том же расстоянии один от другого и от Михайлова, стояли Желябов и Кибальчич, бледные, но спокойные.

После окончания чтения приговора войска взяли «к ноге», снова послышался говор, шум и движение, а тем временем на каждого из осужденных были накинуты особые мешки-балахоны, скрывавшие преступников вместе с головами, но имевшие ниже шеи какие-то прорезы в горизонтальном направлении, которые давали возможность свободно накинуть на шею преступника петлю и затянуть ее.

Первым был повешен Рысаков.

Два дюжих арестанта поднесли к висевшей над Рысаковым петле небольшую лесенку, вроде тех, что употребляются в магазинах, но значительно шире и более крепкой конструкции. Она имела около двух аршин в вышину, и прочные подпорки поддерживали ее верхнюю площадку, давая возможность свободно стоять там двум и даже трем человекам.

По этой лестнице два арестанта ввели под руки Рысакова на верхнюю площадку, и, пока один придерживал его, другой накинул ему на шею петлю, немного затянул ее, а затем, соскочив и дав соскочить своему товарищу, разом выдернул лестницу из-под ног Рысакова, и последний, слегка качнувшись, дернулся как-то вниз и сразу безжизненно повис на натянувшейся веревке, привязанной другим концом к одному из вертикальных столбов виселицы. Вероятно, смерть последовала моментально. Мне кажется, что Рысаков уже ранее того от волнения и страха потерял сознание.

Второю была повешена Перовская.

Как она ни храбрилась при жизни, пока ее везли до виселицы, стараясь своею презрительной улыбкой показать полное свое пренебрежение к предстоявшей ей казни и тем, которые так или иначе причастны были к ней, однако в последнюю минуту и в ней заговорил инстинкт самосохранения. Когда после наложения на ее шею петли соскочившие с лестницы арестанты-палачи стали выдергивать из-под ее ног лестницу, Перовская так сильно ухватилась ногами о какую-то выступавшую часть верхней площадки лестницы, не знаю уж хорошенько, что два дюжих арестанта лишь с большим трудом оторвали лестницу от точно приросших к ней ног Перовской, после чего она некоторое время, точно огромный маятник, качалась на тонкой веревке взад и вперед над помостом, причем из-под надетого на ней мешка-балахона мелькали ее вздрагивающие ноги, пока наконец кто-то из палачей не догадался остановить качавшееся тело и

прекратить тем неприятное зрелище.

Наконец случилось то, чего нужно было ожидать и что до глубины души потрясло всех присутствовавших… А между тем избежать этого можно было так просто и легко!

Когда к Михайлову подошли палачи, то он не дал им взвести себя на поставленную лестницу, как бы брезгуя их услугами, и, несмотря на закрытое балахоном лицо, слегка лишь поддерживаемый одним из палачей под локоть, сам решительно и быстро взошел по ступеням лестницы на верхнюю ее площадку, где позволил одеть на свою шею петлю.

И вот в момент, когда из-под ног была выдернута лесенка, и Михайлов должен был повиснуть на веревке, последняя не выдержала его тяжести, оборвалась… и огромная, грузная масса с высоты двух с половиной аршин грохнулась с шумом на гулкий помост…

Из нескольких тысяч грудей одновременно вырвался крик ужаса. Толпа заволновалась, послышались возгласы:

— Надобно его помиловать!

— Простить его нужно. Нет такого закона, чтобы вешать сорвавшегося!..

— Тут перст Божий!

— Царь таких завсегда милует! Пришлет своего флигель-адъютанта!..

И за минуту враждебно настроенная, готовая собственными руками растерзать всякого, кто посмел бы проявить свои симпатии к цареубийцам, изменчивая, как женщина, толпа преисполнилась горячими симпатиями к одному из самых ужасных преступников только за то, что под его тяжестью оборвалась веревка вследствие преступного недосмотра или злоупотребления палача или других приставленных к этому делу лиц!

Тем временем, ошеломленные вначале неожиданностью, палачи, придя в себя, принесли откуда-то новую веревку, не без труда наскоро перекинули ее через освободившийся крючок, сделали новую петлю, а затем, подойдя к беспомощно лежавшему на помосте Михайлову, подхватили его под руки и потащили снова к лестнице.

И, о ужас! Михайлов оказался еще живым и даже в сознании, так как сам начал переставлять ноги и по помосту, и даже по ступенькам лестницы!..

Вновь ему накинули на шею петлю, несмотря на ропот волновавшейся толпы, и снова из-под его ног была вырвана лестница…

Но тут случилось нечто необычайное, никогда еще не бывшее

в летописях смертных казней, нечто такое, что заставило раз навсегда отказаться от «публичных» казней…

Не успел еще один из палачей отдернуть в сторону из-под ног Михайлова лестницу, как… вторично оборвалась веревка, на которой повисло на одну секунду его большое тело, и оно опять с глухим ударом рухнуло на помост, дрогнувший от этого падения…

Невозможно описать того взрыва негодования, криков протеста и возмущения, брани и проклятий, которыми разразилась заливавшая площадь толпа. Не будь помост с виселицей окружен внушительным сравнительно нарядом войск, вооруженных заряженными винтовками, то, вероятно, и от виселицы с помостом, и от палачей и других исполнителей приговора суда в один миг не осталось бы ничего…

Но возбуждение толпы достигло своего апогея, когда с площади заметили, что Михайлова собираются вздернуть на виселицу в третий раз…

Тут положительно поднялось целое море возбужденных голосов, требовавших помилования Михайлова. Многие поворачивали головы в сторону Загородного проспекта, как бы ожидая появления царского гонца с вестью о помиловании. Многие грозили кулаками в сторону виселицы, кричали что-то угрожающее, и по поднявшемуся в толпе движению можно было думать, что с минуты на минуту она бросится на нас и разнесет всех и все…

Однако ничего подобного не случилось.

Энергичными мерами казаков и полиции несколько десятков бросившихся вперед горлодеров были моментально оттеснены назад, а толпа, видя решительные действия начальства и суровые, сосредоточенные лица солдат, взявшихся за оружие, больше не решалась наступать, а ограничилась лишь пассивным выражением своего недовольства.

А, действительно, это двукратное падение Михайлова произвело на всех самое тяжелое, удручающее впечатление, которого не избегли и мы, активные зрители этого происшествия…

Прошло с того момента более тридцати лет, а я до сих пор слышу грохот падения грузного тела Михайлова и вижу мертвую массу его, бесформенною кучей лежащую на высоком помосте!..

Однако откуда-то была принесена новая, третья по счету, веревка совершенно растерявшимися палачами (ведь они тоже люди!..).

На этот раз она оказалась более прочной, так как, когда безжизненное тело Михайлова было с большими усилиями

внесено несколькими арестантами на лестницу и после долгой возни голова его всунута в новую петлю, то на этот раз веревка не оборвалась, и тело повисло над помостом на натянувшейся как струна веревке при общем гуле стихавшего, как бушующее море, народа.

Тем временем Желябов и Кибальчич продолжали безмолвно стоять в ожидании своей участи, каждый под предназначенной ему петлей. Что они переиспытали в эти мгновения, показавшиеся им, вероятно, вечностью, не берусь сказать, но, очевидно, их самочувствие было ужасно!..

Правда, что все описанное произошло быстро, в течение нескольких минут, но не приведи Бог кому-либо пережить этакие минуты в положении Желябова и Кибальчича!..

С ними, впрочем, справились живо.

Да и толпа значительно потеряла уже интерес к этому зрелищу после того подъема нервов, который ей дало двукратное падение Михайлова.

Когда наконец под ужасной перекладиной виселицы тихо закачалось пять тел казненных цареубийц, толпа медленно стала уходить с площади, продолжая взволнованно обсуждать все случившееся. Тем временем на помост взошел врач, констатировал смерть каждого из казненных, после чего их по очереди сняли с петель и положили в приготовленные гробы, которые были быстро закрыты, поставлены на ожидавшие платформы ломовых и отвезены на какое-то кладбище…

А палачи, пользуясь людского глупостью, бойко торговали снятыми с виселицы веревками, которых, на их счастье, на этот раз оказалось так много!..

Печатается по: *Исторический вестник, 1913, т. 2, с. 525–534.*

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Абаза Александр Агеевич (1821–1895), крупный государственный деятель, в 1881 г. министр финансов.

Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836–1905), драматург и публицист.

Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), с 1872 по 1881 г. министр двора и уделов.

Адлерберг Николай Александрович (1844–1904), полковник лейб-гвардии Преображенского полка.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, в 1881 г. редактор-издатель националистической газеты «Русь».

Александр Александрович (1843–1894), сын Александра II, великий князь, будущий Александр III.

Александров Петр Акимович (1836–1893), присяжный поверенный, выступал в качестве адвоката на ряде процессов над революционерами.

Алексеев Василий Иванович (1848–1919), участник революционного движения 70-х гг. В 1875 г. эмигрировал в США. В 1877 г. вернулся и стал домашним учителем в семье Л. Н. Толстого.

Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, с марта 1881 г, главный начальник флота и морского ведомства.

Анненский Николай Федорович (1843–1912), видный общественный деятель, публицист и литератор народнического направления.

Антонов П. А. (Свириденко Владимир Антонович) (1850–1879), участвовал в подготовке покушения на Александра II в г. Николаеве. При аресте в феврале 1879 г. оказал вооруженное сопротивление. Казнен 14 мая 1879 г.

Аргунов Павел Александрович (1862–1944), студент Московского университета, один из руководителей «Общестуденческого союза». В 1884 г. арестован и сослан в Сибирь. После 1917 г. на научной и преподавательской работе в Саратове.

Арончик Айзик Борисович (1859–1888), член «Народной воли» с 1879 г., участвовал в работе Липецкого съезда, готовил покушение на Александра II. По «процессу 20-ти» осужден на пожизненную каторгу. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Багратион-Мухранский А. П., племянник министра

внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова.

Бажанов Василий Борисович (1800–1883), доктор богословия, с 1848 г. духовник царской семьи, член Синода.

Баранников Александр Иванович (1858–1883), в 1878 г. вместе с С. М. Степняком-Кравчинским участвовал в убийстве генерала Мезенцова. Участвовал в создании «Народной воли», член ее Исполкома. Был одним из организаторов покушений на Александра II в 1879–1880 гг. Арестован в январе 1881 г., приговорен к пожизненному заключению. Умер в Петропавловской крепости.

Баранов Николай Михайлович (1836–1901), генерал-лейтенант, с 9 марта 1881 г. петербургский градоначальник. «Бараний парламент»— так иронически называли в 1881 г. созданный им временный совет при градоначальстве «для ограждения общественной безопасности». При его избрании правом голоса пользовались только владельцы недвижимой собственности.

Баранцев Александр Алексеевич (1810–1882), член Государственного совета.

Белосельский-Белозерский Константин Эсперович, адъютант великого князя Александра Александровича, будущего Александра III.

Бильчанский Осип (1858–1879), в революционном движении с 1878 г. В 1879 г. участвовал в убийстве предателя Курилова. Арестован в Киеве в марте 1879 г., при аресте оказал вооруженное сопротивление. Казнен в Киеве в июле 1879 г.

Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), с 1878 г. петербургский предводитель дворянства. С 1881 г. гласный городской думы. Позднее член Государственного совета, товарищ министра внутренних дел, министр земледелия.

Богданович Евгений Васильевич (1829–1914), генерал, служил в министерстве внутренних дел, автор и издатель серии брошюр консервативной направленности.

Богданович Юрий Николаевич (1849–1888), участвовал в «хождении в народ» 1874–1875 гг., один из организаторов побега П. А. Кропоткина из Николаевского госпиталя в Петербурге. В Исполнительном комитете с осени 1880 г. Хозяин квартиры на М. Садовой под именем Кобозева. Один из создателей Красного Креста «Народной воли». Арестован в марте 1882 г. в Москве. Судился по «процессу 17-ти». Приговорен к смерти, которая была заменена на пожизненную каторгу. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Бок Генрих Генрихович фон, с 1872 по 1884 г. предводитель дворянства Лифляндской губернии.

Боткин Сергей Петрович (1832–1889), лейб-медик императора, профессор Медико-хирургической академии.

Брандтнер Людвиг Карлович (1853–1879), участник революционного движения 70-х гг. При аресте в Киеве в феврале 1879 г. оказал вооруженное сопротивление. Казнен в Киеве 14 марта.

Булычев Николай Иванович, заседатель петербургской дворянской опеки.

Бутурлин Дмитрий Сергеевич (1850—?), адъютант при начальнике Генерального штаба.

Бух Лев Константинович (1847–1917), участник революционного движения 70-х гг., журналист, сотрудник легальных демократических изданий и нелегальной печати.

Валуев Петр Александрович (1816–1890), крупный государственный деятель, председатель Комитета министров.

Васильчиков Александр Илларионович (1818–1881), публицист, общественный деятель, председатель Петербургского славянского комитета.

Виттенберг Соломон Яковлевич (1852–1879), окончил Технологический институт в Вене. Обладал выдающимися научными способностями. С 1876 г. участвовал в революционном движении, вел работу среди матросов порта в г. Николаеве. Участвовал в подготовке покушения на Александра II, был арестован 16 августа 1878 г. и приговорен к смертной казни. Отказался от перехода в православие, что автоматически отменяло бы смертный приговор, так как желал разделить участь своих товарищей по организации. Казнен 11 августа 1879 г.

Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, с 1872 г. член Государственного совета, в 1881 г. командующий войсками гвардии и Петербургским военным округом.

Гартман Лев Николаевич (1850–1908), в революционном движении с 1876 г. Работал в кружках Юга России и в Поволжье. С 1879 г. член «Народной воли». Участвовал в подготовке покушения на Александра II. Эмигрировал за границу. С октября 1880 г. заграничный представитель «Народной воли». С 1881 г. жил в США.

Гейден Федор Логинович (1821–1900), начальник Генерального штаба.

Гельфман Геся Мироновна (1852(1855?)—1881), агент Исполкома «Народной воли», арестована в марте 1881 г., приговорена к смерти, но не казнена, так как ожидала рождения ребенка. Умерла в тюрьме.

Гендриков Василий Александрович, поручик кавалергардского полка, был награжден специальной медалью «В память о событиях 1 марта 1881 г.».

Герард Владимир Николаевич (1839–1903), защитник на процессе первомартовцев.

Герке Август Антонович (1841–1902), видный адвокат, выступал на ряде процессов над революционерами.

Глинка-Маврин, поручик лейб-гвардии конного полка.

Гобст Арон Янкель Израилевич (1848–1879), в революционном движении с 70-х гг., в 1879 г. при обыске у него был обнаружен склад динамита. Приговорен к смерти и казнен 18 июля.

Гольденберг Григорий Давидович (1855–1880), работал в народнических кружках Украины, участвовал в покушении на товарища прокурора Котляревского, в 1879 г. убил харьковского генерал-губернатора Кропоткина. С 1879 г. член Исполкома «Народной воли», участвовал в покушениях на Александра II. В ноябре 1879 г. при аресте оказал вооруженное сопротивление. На следствии дал откровенные показания, которые привели к гибели многих его товарищей. В июле 1880 г. покончил жизнь самоубийством.

Гомалицкий Николай Иванович (1861 — после 1900), студент Технологического института в Петербурге, входил в один из народовольческих кружков. Был выслан в Сибирь.

Горский Платон Григорьевич (1851–1879), член житомирского революционного кружка, принял участие в убийстве предателя Курилова. Казнен 18 июля 1879 г.

Градовский Григорий Константинович (1842–1915), либеральный публицист, видный журналист 70—80-х гг.

Грачевский Михаил Федорович (1849–1887), член кружка «чайковцев», участвовал в «хождении в народ». Член Исполкома «Народной воли» с 1880 г. Участвовал в убийстве провокатора Жаркова и в покушениях на Александра II. С октября 1880 по май 1881 г. руководил подпольной типографией в Петербурге, на Подольской улице. После арестов 1881 г. фактически возглавил «Народную волю». Был арестован в июне 1882 г. Приговорен к пожизненному заключению. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Гриневицкий Игнатий Иоакимович (1856–1881), член «Народной воли», входил в группу по подготовке покушения на Александра II. 1 марта 1881 г. взял на себя исполнение приговора, убил царя, но при этом погиб и сам.

Давиденко Иосиф Яковлевич (1856–1879), участник «хождения в 370 народ». При аресте в 1878 г. в Одессе оказал вооруженное сопротивление. Казнен 10 августа 1879 г.

Дворжицкий Андриан Иванович (1830–1887), полковник, начальник Первого отделения петербургской полиции.

Дегаев Сергей Петрович (1857–1920), член Исполкома «Народной воли», участник подготовки покушения на Александра II. С 1882 г. провокатор, после разоблачения принял участие в убийстве руководителя петербургской секретной полиции Г. П. Судейкина, а затем эмигрировал за границу. Умер в США.

Дейч Лев Григорьевич (1855–1941), входил в группу так называемых «южных бунтарей», член «Земли и воли», в конце 70-х гг. эмигрировал за границу. С 1883 г. социал-демократ, входил в группу «Освобождение труда». Впоследствии один из лидеров меньшевизма. После 1917 г. от политической деятельности отошел; автор историко-революционных работ и мемуаров.

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), в 1881 г. видный чиновник министерства народного просвещения. С 1882 по 1897 г, возглавлял это министерство.

Дмитриева Валентина Иововна (1860–1947), в революционном движении с конца 70-х гг., с 1878 г. училась в Петербурге на медицинских курсах, входила в группу, связанную с «Народной волей». Позднее писательница, член партии эсеров. После 1917 г. сотрудничала в советских органах печати, автор мемуаров.

Дмитрий Константинович (1860–1919), сын великого князя Константина Николаевича, в 1881 г. офицер лейб-гвардии конного полка.

Добржинский Антон Федорович (1844–1897), товарищ прокурора Петербургской судебной палаты с 1880 по 1884 г., позднее, с 1896 г., директор департамента полиции.

Долгушин Александр Васильевич (1848–1885), в 1872–1873 гг. руководил подпольной организацией, проводившей агитационную пропагандистскую работу. Арестован в сентябре 1873 г., приговорен к 10 годам, умер в Шлиссельбургской крепости.

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893), генерал от кавалерии, в 1881 г. генерал-губернатор Одессы.

Дробязгин Иван Васильевич (1851–1879), участник революционного движения 70-х гг. Принимал участие в покушении на предателя Гориновича. Арестован в 1877 г. Казнен 7 декабря 1879 г. в Одессе.

Дубровин Владимир Дмитриевич (1855–1879), участник революционного движения 70-х гг. Офицер, служил в Петербурге. В декабре 1878 г. при аресте оказал вооруженное сопротивление. Казнен 20 апреля 1879 г.

Дубровский см. Дубровин Е. А.

Дубровин Евгений Александрович (1856–1920), учился в Военно-медицинской академии в Петербурге. Член «Черного передела». Готовил побег С. Г. Нечаева из Петропавловской крепости. Арестован в марте 1881 г., приговорен к 4 годам каторги. Позднее работал врачом.

Дюфферен, посол Великобритании в России.

Екатерина Михайловна (1827–1894), великая княгиня, двоюродная сестра Александра II.

Емельянов Иван Пантелеймонович (1860–1916), воспитывался в семье Н. Ф. и А. Н. Анненских, учился в ремесленном училище Петербурга. В 1880 г. вступил в «Народную волю» и принял участие в подготовке покушения на Александра II. Был арестован 14 апреля 1881 г. Судился по «процессу 20-ти», приговорен к пожизненной каторге.

Заславский Евгений Осипович (1844–1878), рабочий, создал в 1875 г. в Одессе «Южнороссийский союз рабочих». Приговорен к 10 годам каторги.

Засулич Вера Ивановна (1849–1919), в революционном движении с 70-х гг. В 1878 г. совершила покушение на петербургского градоначальника Трепова. Была оправдана судом присяжных и выехала за границу. С 1883 г. — социал-демократ, впоследствии меньшевик.

Заянчковский, в 1881 г. студент Московского университета.

Златопольский Лев Соломонович (1847–1907), участник «хождения в народ», с 1879 г. член «Народной воли». Арестован в январе 1881 г. По «процессу 20-ти» осужден на 20 лет каторги.

Златопольский Савелий Соломонович (1855–1885), член «Народной воли», с 1880 г. член Исполкома. Арестован в 1882 г., приговорен к пожизненному заключению. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Зунделевич Арон Исаакович (1854–1923), член руководства «Земли и воли», вошел в «Народную волю». Арестован в 1880 г., приговорен к пожизненной каторге. После освобождения в 1905 г. эмигрировал за границу. Умер в Лондоне.

Зыбин Н. А., по одной версии под этим псевдонимом в журнале «Слово» сотрудничал А. И. Иванчин-Писарев (см.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1930, т. 2. Вып. 2, стб. 500–501), по другой — Л. К. Бух (см. сб. «1 марта 1881 г.». М., 1933, с. 300).

Желябов Андрей Иванович (1851–1881), член «Земли и воли», один из создателей и руководителей «Народной воли». С 1879 г.

принимал участие в подготовке всех покушений на Александра II. Казнен 3 апреля 1881 г.

Иванов Лев Андреевич (1853–1887), студент Лесного института в Петербурге, участвовал в революционном движении 70-х гг. Был арестован в 1876 г., судился по «процессу 50-ти», приговорен к ссылке на 9 лет.

Ивановская Прасковья Семеновна (1853–1935), член «Народной воли», работала в подпольных типографиях. Арестована в сентябре 1882 г., приговорена к пожизненной каторге. После 1917 г. участвовала в работе Общества политкаторжан, автор мемуаров.

Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849–1916), входил в группу «чайковцев», участвовал в «хождении в народ». С 1879 г. член «Народной воли». В 1881 г. сослан в Сибирь. Литератор, автор мемуаров.

Игнатьев Николай Павлович (1830–1908), дипломат, с мая 1881 г. по май 1882 г. министр внутренних дел.

Исаев Григорий Прокофьевич (1857–1886), с 1879 г. член Исполкома «Народной воли», работал в динамитной мастерской и подпольных типографиях. Арестован в апреле 1881 г. Приговорен к пожизненному заключению.

Каменев 1-й, штабс-ротмистр лейб-гвардии конного полка.

Капри Жюль Берн, французский подданный, учитель музыки в Петербургском патриотическом институте. Был случайно ранен при покушении на Александра II 1 марта 1881 г.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), участник революционного движения 60-х гг. 4 апреля 1866 г. совершил неудачное покушение на Александра II. Казнен.

Караулов Василий Андреевич (1854–1910), член «Народной воли», один из ее руководителей после арестов 1881 г. В 1884 г. приговорен к 4 годам каторги. Позднее член Государственной думы от партии кадетов.

Караулова, см. Личкус.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), реакционный публицист, издатель крупнейшей консервативной газеты тех лет «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник».

Кащенко Петр Петрович (1858–1920), участник революционного движения, в 1881 г. студент медицинского факультета Московского университета, позднее выдающийся ученый и организатор медицинского дела.

Квятковский Александр Александрович (1853–1880), член «Земли и воли», один из создателей «Народной воли», член ее

Исполкома, участвовал в подготовке к покушению на Александра II. Был арестован в ноябре 1879 г., казнен 4 ноября 1880 г.

Кедрин Евгений Иванович (1851—?), видный адвокат, защитник на ряде процессов над революционерами.

Кибальчич Николай Иванович (1853–1881), в революционном движении с 70-х гг. Талантливый изобретатель, по заданию «Народной воли» взял на себя всю техническую сторону в деле подготовки покушений на Александра II. Казнен 3 апреля 1881 г.

Клеточников Николай Васильевич (1847–1883), член «Народной воли». С 1879 г. по заданию организации устроился на службу в III отделение. Был арестован в январе 1881 г. По «процессу 20-ти» приговорен к пожизненному заключению. Умер в Петропавловской крепости.

Ковальский Иван Мартынович (1850–1878), один из руководителей народнических организаций Юга России. В январе 1878 г. при аресте оказал вооруженное сопротивление. Казнен в августе 1878 г.

Коган-Бернштейн Лев Матвеевич (1862–1889), студент Петербургского университета, член «Народной воли», был арестован и сослан в Сибирь. Казнен за участие в «Якутском протесте».

Козлянинов Борис Николаевич, в 1881 г. прапорщик гвардейской конной артиллерии, вскоре после описываемых событий покончил жизнь самоубийством.

Колодкевич Николай Николаевич (1850–1884), с 1879 г. член Исполкома «Народной воли». Участвовал в покушениях на Александра II. Был арестован в январе 1881 г. и приговорен к пожизненной каторге. Умер в Петропавловской крепости.

Комаров Александр Владимирович, начальник Петербургского жандармского управления.

Коновкин Николай Петрович (1858—?), член «Народной воли», студент Петербургского университета, работал в рабочих и студенческих организациях. Арестован в апреле 1881 г. Сослан в Сибирь.

Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, в 1881 г. председатель Государственного совета, сторонник либеральных реформ.

Корба Анна Павловна (1849–1939), с 1879 г. агент Исполкома «Народной воли», участвовала в подготовке покушения на Александра II, работала в подпольных типографиях. Арестована в июне. 1882 г. и приговорена к 20 годам каторги.

Корниловы Александра, Вера, Любовь, участницы революционного движения, входили в кружок «чайковцев».

Корнилова Александра Ивановна (1853 — после 1938), начала

свою деятельность в кружке «чайковцев» в начале 70-х гг. Много раз подвергалась ссылкам и тюремному заключению. После 1917 г. работала в Обществе политкаторжан.

Кравчинский (Степняк) Сергей Михайлович (1851–1895), член «Земли и воли». В 1878 г. убил шефа жандармов Мезенцова. С 1878 г. жил в эмиграции, участвовал в различных революционных организациях, получил известность как писатель и публицист.

Крахоткин Митрофан Дмитриевич, подпоручик 139-го Моршанского полка. Был ранен во время покушения на Александра II.

Крейтц Петр Киприанович (1817–1894), генерал-лейтенант.

Кузнецов Леонид Алексеевич (1861 — после 1928), в 1881 г., будучи студентом медицинского факультета Московского университета, входил в одну из организаций «Народной воли». Позднее работал врачом.

Кулебякин П. Т., командир лейб-гвардии Терского эскадрона.

Куракина Юлия Федоровна (1814–1881), статс-дама, обер-гофмейстер двора.

Лавров Н., рядовой лейб-гвардии гусарского полка.

Ланганс Мартын Рудольфович (1852–1883), член Исполкома «Народной воли», участник подготовки покушения на Александра II. Умер в Петропавловской крепости.

Лебедева Татьяна Ивановна (1850–1887), член Исполкома «Народной воли», участвовала в подготовке покушения на Александра II. В 1882 г. приговорена к вечной каторге. Умерла на Каре.

Лейвин Дмитрий Дмитриевич, студент Киевского университета, участвовал в революционном движении. Арестован в марте 1879 г. и выслан в Сибирь.

Лизогуб Дмитрий Андреевич (1850–1879), выходец из богатой помещичьей семьи, учился в Петербургском университете. Был одним из создателей «Земли и воли». Передал все свои средства на дело революции. Арестован в 1878 г. Казнен 10 августа 1879 г.

Личкус Розалия Соломоновна (после крещения — Прасковья Федоровна) (1859 — после 1900), участница революционного движения начала 80-х гг., жена В. А. Караулова.

Логовенко Иван Иванович (1842–1879), матрос Черноморского флота, входил в революционные кружки в г. Николаеве. Участвовал в подготовке покушения на Александра II. Был арестован 16 августа 1878 г, и приговорен к смерти. Казнен 11 августа 1879 г.

Лозинский Константин Степанович, студент медицинского факультета Петербургского университета, был близок к

революционным кругам.

Лозинский Мелентий Платонович (1855–1880), участник сербо-турецкой войны, в революционном движении с 1877 г., вел пропаганду среди солдат. Был арестован в 1879 г., пытался бежать из-под ареста. Казнен в марте 1880 г.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), с 1880 г. начальник Верховной распорядительной комиссии, с августа 1880 г. по 7 мая 1881 г. министр внутренних дел.

Лутовской Иосиф Васильевич (1814–1891), с 1873 по 1889 г. губернатор Петербурга.

Любатович Ольга Спиридоновна (1854–1917), член «Земли и воли», член Исполкома «Народной воли».

Люстиг Фердинанд Осипович (1854 — после 1893), агент Исполкома «Народной воли». По «процессу 20-ти» в 1882 г. приговорен к 4 годам каторги.

Майданский Лев Осипович (1854–1879), участвовал в покушении на предателя Гориновича. Казнен 7 декабря 1879 г.

Маковский Константин Егорович (1839–1915), профессор живописи Академии художеств.

Малинка Виктор Алексеевич (1854–1879), студент Новороссийского и Киевского университетов, входил в группу так называемых «южных бунтарей». Участвовал в «хождении в народ» на Украине и в покушении на предателя Гориновича. Арестован в 1877 г. Пытался бежать из тюрьмы. Казнен 7 декабря 1879 г.

Мария Николаевна (1819–1876), дочь Николая I, сестра Александра II.

Маркоран, поверенный в делах Греции в России.

Мезенцов Николай Владимирович (1827–1878), генерал-лейтенант, с 1876 г. шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения. Убит в 1878 г. в Петербурге членом «Земли и воли» С. М. Степняком-Кравчинским.

Меншуткин Николай Александрович (1842–1907), профессор Петербургского университета, ученый-химик.

Меркулов Василий Аполлонович (1860–1910), рабочий, член «Народной воли», впоследствии провокатор.

Мещерская Мария Михайловна (1850–1907), сестра второй жены Александра II, княгини Юрьевской.

Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), писатель, реакционный публицист, издатель ряда консервативных газет и журналов.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), крупный государственный деятель, генерал-фельдмаршал, с 1861 по 1881 г. военный министр.

Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, главнокомандующий Кавказской армией, с 1881 г. председатель Государственного совета.

Михайлов Александр Дмитриевич (1855–1884), один из руководителей «Земли и воли», с 1879 г. член Исполкома «Народной воли». Приговорен к пожизненному заключению. Умер в Петропавловской крепости.

Михайлов Андриан Федорович (1853–1929), участник «хождения в народ», член «Земли и воли», участвовал в убийстве генерала Мезенцова. Арестован в 1878 г. и приговорен к смерти, но подал прошение о помиловании и был сослан на каторгу сроком на 20 лет. Участвовал в революции 1905–1907 гг.

Михайлов Тимофей Михайлович (1859–1881), входил в рабочую группу «Народной воли». Участвовал в подготовке и в самом покушении на Александра II. При аресте оказал вооруженное сопротивление. Казнен 3 апреля 1881 г.

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), публицист, критик, деятель освободительного движения, сотрудничал в революционных изданиях.

Млодецкий Ипполит Осипович (1855–1880), в 70-е гг. вел революционную пропаганду среди крестьян. 20 февраля 1880 г. совершил покушение на министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова. Казнен 22 февраля 1880 г.

Моисеенко-Великий Николай Васильевич, чиновник министерства внутренних дел.

Мориц А. И., см. Корнилова А. И.

Морозов Николай Александрович (1854–1946), один из руководителей «Земли и воли». В 1882 г. был приговорен к пожизненной каторге, которую отбывал в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепостях. Вышел на свободу в 1905 г. Позднее занимался научной и литературной деятельностью.

Мравинский Константин Иосифович, генерал-майор, военный инженер, старший техник петербургского градоначальства. За халатность, проявленную при осмотре лавки Кобозевых, был сослан в Архангельскую губернию.

Мрочковский Виталий Яковлевич (1855—?), рабочий железнодорожных мастерских в Одессе, участвовал в революционном движении с 70-х гг. Член «Южнороссийского союза рабочих». Арестован 19 декабря 1875 г., сослан в Сибирь.

Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), с 1879 г. товарищ прокурора Петербургской судебной палаты. С 1881 г. прокурор при Особом присутствии Правительствующего Сената. С 1894 г. министр юстиции.

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), либеральный

политический деятель, видный публицист и ученый. В 1881 г. профессор Московского университета, позднее председатель I Государственной думы.

Мышкин Ипполит Никитич (1848–1885), активный участник «хождения в народ», В 1875 г. предпринял попытку организовать побег Н. Г. Чернышевского из якутской ссылки. По «процессу 193-х» осужден на 10 лет каторги. В 1882 г. бежал. Был вновь арестован и переведен сначала в Петропавловскую, а затем в Шлиссельбургскую крепость. Казнен в 1885 г. за протест против произвола тюремной охраны.

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904), с 1878 по 1885 г. министр юстиции, член Государственного совета.

Недзельский Александр Дмитриевич, студент медицинского факультета Петербургского университета, был близок к революционным кругам. В 1881 г. арестован и выслан на родину под негласный надзор.

Нигра Константин, посол Италии в России.

Николаи Александр Павлович (1821–1899), с 24 марта 1881 г. министр народного просвещения.

Николай Александрович (1843–1865), старший сын Александра II.

Обермиллер Александр Леонтьевич (1828–1892), лейб-хирург, помощник управляющего придворной медицинской частью.

Озеров Александр Петрович (1818–1900), обер-гофмейстер двора.

Окладский Иван Федорович (1858 — после 1926), член «Народной воли», участник покушения на Александра II, С 1880 г. — провокатор. После 1917 г. разоблачен, судим советским судом в 1925 г.

Оловенникова Елизавета Николаевна (1857–1932), член «Народной воли», участвовала в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881 г. После ареста заболела острым психическим расстройством, содержалась в психиатрической больнице в Казани до 1891 г. Позднее жила под надзором полиции в Орловской губернии.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), генерал-адъютант, главноуправляющий IV отделением собственной его величества канцелярии.

Орлов Иван Григорьевич (1859–1901), член «Народной воли», один из руководителей рабочих кружков, редактор «Рабочей газеты». Арестован в 1881 г. и сослан в Сибирь.

Ошанина Мария Николаевна (1853–1898), член «Земли и

воли», участница Липецкого съезда, член Исполкома «Народной воли». С 1881 г. в эмиграции, была заграничным представителем Исполкома.

Паскевич-Эриванский Федор Иванович (1823—?), генерал-лейтенант.

Перетц Егор Абрамович (1833–1899), сын известного еврейского общественного деятеля и крупного предпринимателя А. И. Перетца. Большие способности и принятие христианства открыли перед ним широкие возможности. Был участником разработки реформ 60-х гг. С 1871 г. статс-секретарь, а с 1878 по 1883 г. — государственный секретарь, член Государственного совета.

Перовская Софья Львовна (1853–1881), участвовала в «хождении в народ», в работе «Земли и воли», с 1879 г. член Исполкома «Народной воли», фактически участвовала во всех покушениях на Александра II с 1879 по 1881 г., непосредственно руководила убийством царя 1 марта 1881 г. Казнена 3 апреля 1881 г.

Перовский Борис Александрович (1815–1881), генерал-адъютант, член Государственного совета с 1874 г.

Перовский Лев Николаевич (1816–1890), отец С. Перовской. С 1865 по 1866 г. губернатор Петербурга, затем член Совета министра внутренних дел.

Плансон Лев Антонович (1858 — после 1913), офицер лейб-гвардии казачьего полка, автор воспоминаний.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), директор департамента полиции, впоследствии министр внутренних дел. Убит эсерами.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), член «Земли и воли», создатель «Черного передела». В 1883 г. в эмиграции образовал группу «Освобождение труда». Выдающийся теоретик марксизма, один из руководителей социал-демократического движения. После II съезда РСДРП — лидер меньшевистского крыла.

Плещеев Алексей Николаевич (1825–1899), поэт, сотрудник прогрессивных изданий 60-80-х гг.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), крупный юрист, с 1872 г. член Государственного совета, с 1880 г. обер-прокурор Синода, влиятельный политический деятель.

Подбельский Папий Павлович (1859–1889), студент Петербургского университета, член «Народной воли», после ареста в 1881 г. сослан в Сибирь. В 1889 г. убит при подавлении «Якутского протеста».

Полетика Василий Аполлонович (1820–1888), издатель либеральных газет «Молва» и «Биржевые ведомости», крупный предприниматель.

Половцева Надежда Михайловна, жена сенатора А. А. Половцева.

Поповицкий Александр Иванович (1826–1904), писатель, редактор «Церковно-общественного вестника».

Пресняков Андрей Корнеевич (1856–1880), член «Земли и воли», вел пропаганду среди рабочих. С 1879 г. член «Народной воли», участвовал в подготовке покушений на Александра II. Арестован в июле 1880 г. Казнен 4 ноября 1880 г.

Прибылева, см. Корба А. П.

Рембелинский Николай Михайлович (1839–1884), статс-секретарь Государственного совета.

Розовский Иосиф Исаакович (1858–1880), студент Киевского университета, работал в студенческих кружках. Был арестован в декабре 1879 г. за распространение революционной литературы. Казнен 6 марта 1880 г.

Русанов Николай Сергеевич (1859–1939), публицист, был близок к «Народной воле», сотрудничал в демократической и революционной печати, позднее член партии социалистов-революционеров.

Рысаков Николай Иванович (1861–1881), вступил в «Народную волю» в 1880 г., вел работу среди рабочих, был привлечен к подготовке покушения на Александра II. Арестован 1 марта 1881 г. после того, как первым бросил бомбу в карету царя. В ходе следствия дал откровенные показания, которые привели к аресту всех участников покушения. Казнен 3 апреля 1881 г.

Саблин Николай Алексеевич (1849–1881), судился по «процессу 193-х». С 1879 г. в «Народной воле», участвовал в подготовке покушений на Александра II. При аресте в марте 1881 г. покончил с собой.

Сабуров Андрей Александрович (1837–1916), в 1880–1881 гг. министр народного просвещения.

Семенов Александр Александрович (1860—?), в 1880–1881 гг. учился в Петербурге в Учительской семинарии. Вел пропаганду среди рабочих.

Семенов Александр Иванович (1855—?), в революционном движении с 70-х гг., участвовал в работе народовольческих кружков в Петербурге.

Сергеева (Тихомирова) Екатерина Дмитриевна (1860—?), член «Народной воли», участвовала в работе Воронежского съезда,

работала в нелегальных типографиях. В 1882 г. эмигрировала и в дальнейшем отошла от политической деятельности. Жена Л. А. Тихомирова.

Серпинский Вульф (Владимир) Самойлович (1859—?), член «Народной воли». Арестован в марте 1881 г., сослан в Сибирь. В 90-х гг. отошел от политической деятельности.

Сидоренко Евгений Матвеевич (1862 — после 1925), студент Петербургского университета, член «Народной воли», участник покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Арестован в январе 1882 г., судим за участие в революционной пропаганде, сослан на 5 лет в Сибирь.

Синегуб Сергей Силович (1851–1907), член кружка «чайковцев», участник «хождения в народ». В 1878 г. осужден на 9 лег каторги. Поэт, автор мемуаров.

Слонимский Леонид (Людвиг) Зиновьевич (1850–1918), публицист, многолетний сотрудник и автор крупнейшего либерального журнала «Вестник Европы».

Смирнов, в 1881 г. студент Московского университета.

Соловьев Александр Константинович (1846–1879), участник «хождения в народ». 2 апреля 1879 г. самостоятельно совершил покушение на Александра II в Петербурге на Дворцовой площади. Казнен 28 мая 1879 г.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), философ, поэт, публицист.

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910), крупный государственный деятель, в 1881 г, Государственный контролер, член Государственного совета.

Станюкович Константин Михайлович (1843–1903), писатель, в 70— 80-х гг. был близок к революционным кругам, с 1881 г. соредактор, а в 1883–1884 гг. издатель журнала «Дело». В 1884 г. был арестован и выслан в Сибирь по обвинению в связях с «Народной волей».

Стефанович Яков Васильевич (1853–1915), член «Земли и воли» и «Черного передела». Арестован в 1883 г., приговорен к 8 годам каторги.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896), литературный критик, публицист и философ, многолетний корреспондент Л. Н. Толстого.

Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), член Государственного совета, сенатор, воспитатель детей Александра II.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), либеральный публицист, позднее один из крупнейших русских издателей, выпускал одну из наиболее реакционных газет «Новое время».

Суворов-Рымникский Александр Аркадьевич (1804–1882), генерал-инспектор пехоты.

Суханов Николай Евгеньевич (1851–1882), лейтенант флота, руководитель военной организации «Народной воли», член ее Исполкома. Участвовал в подготовке покушения на Александра II. По «процессу 20-ти» приговорен к смертной казни.

Терентьева Людмила Дементьевна (1861–1882), в 1880–1881 гг. работала в подпольной типографии «Народной воли» в Петербурге. Арестована в 1882 г. Осуждена по «процессу 20-ти». Умерла в Петропавловской крепости.

Тетерка Макар Васильевич (1853–1883), рабочий, член «Народной воли», участник покушений на Александра II. По «процессу 20-ти» осужден на пожизненное заключение. Умер в Петропавловской крепости.

Тиздель, поручик лейб-гвардии конного полка.

Тимашев Александр Егорович (1818–1893), с 1868 по 1878 г. министр внутренних дел.

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), с 1879 г. член Исполкома «Народной воли». Ее представитель за границей в 80-х гг. Позднее перешел на позиции монархизма. Вернувшись в Россию в 1899 г., сотрудничал в правой печати.

Тихонов Яков Тихонович (1851–1882), в революционном движении с 70 гг., вел пропаганду среди рабочих Петербурга. В 1876 г. был сослан в Архангельскую губернию, бежал из ссылки, перешел на нелегальное положение. В 1879 г. участвовал в подготовке покушения на Александра II. Был арестован и приговорен к пожизненному заключению.

Трепов Федор Федорович (1803–1889), с 1866 по 1878 г. петербургский градоначальник. 24 января 1878 г. был ранен выстрелом В. И. Засулич.

Тригони Михаил Николаевич (1850–1917), член Исполкома «Народной воли», участник покушений на Александра II. Был арестован 27 февраля 1881 г., приговорен к 20 годам каторги.

Тырков Аркадий Владимирович (1859–1924), вступил в «Народную волю» будучи студентом Петербургского университета, участвовал в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Был сослан в Сибирь. В начале 1900-х гг. вернулся в Европейскую Россию, вел научную и литературную деятельность, автор мемуаров.

Тычинин Петр Васильевич, студент Петербургского университета, член «Народной воли», участвовал в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Покончил жизнь самоубийством сразу после ареста в 1881 г.

Тычинский, см. Тычинин.

Уваров, студент Московского университета, позднее предводитель дворянства Саратовской губернии.

Унковский Алексей Михайлович (1828–1893), видный общественный деятель, выступал в качестве адвоката на процессе первомартовцев.

Урсынович Леонтий Владиславович (1856 — после 1926), студент Петербургского университета, участвовал в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881 г. В 1882 г. был административно сослан в Сибирь. После 1917 г. работал в Обществе политкаторжан, автор мемуаров.

Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), главноуправляющий II отделением собственной его величества канцелярии, член Государственного совета.

Успенский Глеб Иванович (1840–1902), писатель, в 70—80-х гг. был близок к революционным кругам.

Цицианов Александр Константинович (1850–1885), активный деятель «Всероссийской социально-революционной организации». В 1885 г. при аресте оказал вооруженное сопротивление. Приговорен к 8 годам каторги.

Чемоданова Лариса Васильевна (1856–1923), жена С. С. Синегуба, участвовала в деятельности «чайковцев» и в «хождении в народ», добровольно последовала за мужем в ссылку в Сибирь.

Швецов Сергей Порфирьевич (1858–1930), в революционном движении с конца 70-х гг. В 1878 г. арестован и сослан в Сибирь. Ссылку отбывал в Тобольской губернии, занимался этнографическими исследованиями, сотрудничал в местной печати. С начала 1900-х гг. член партии эсеров, участник революции 1905–1907 гг. С 1918 г. на научной работе.

Шебалин Михаил Петрович (1857–1937), член «Народной воли». В 1884 г. был приговорен к 12 годам каторги. После 1917 г. литератор, историк.

Шебеко Варвара Игнатьевна (1840—?), придворная дама, входила в окружение княгини Юрьевской.

Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891), деятель освободительного движения, публицист, редактор журнала «Дело».

Шереметьева Елена Григорьевна (1861—?), дочь великой княгини Марии Николаевны.

Шиманский Адам (1852–1916), участник польского

освободительного движения. В 1878 г. находился в ссылке в Сибири.

Ширяев Степан Григорьевич (1856–1881), с 1879 г. член Исполкома «Народной воли», участник ряда покушений на Александра II. Был арестован в конце 1879 г. и приговорен к пожизненной каторге.

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), в 1881 г. чиновник министерства императорского двора. Позднее один из руководителей министерств юстиции и внутренних дел. С 1916 г. — председатель Совета министров.

Щербатов Владимир Алексеевич (1827–1888), гофмейстер двора.

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926), в революционном движении с конца 60-х гг. В 1874 г. эмигрировал за границу. С 1904 по 1910 г. эсер, затем член ЦК Народно-социалистической партии. После 1917 г. принимал активное участие в антисоветской деятельности. Умер в эмиграции.

Чебышев Пафнутий Львович (1821–1894), профессор Петербургского университета, ученый-математик.

Чубаров Сергей Федорович (1845–1879), в революционном движении с конца 60-х гг. При аресте в 1878 г. оказал вооруженное сопротивление. Казнен 10 августа 1879 г.

Халтулари К. Ф., адвокат, выступал на процессе первомартовцев.

Халтурин Степан Николаевич (1856–1882), в 1878–1879 гг. был одним из руководителей «Северного союза русских рабочих». В феврале 1880 г. организовал и осуществил взрыв в Зимнем дворце. С 1881 г. член Исполкома «Народной воли». В 1882 г. убил генерала Стрельникова. Казнен в 1882 г.

Харламов Иван Николаевич (1854–1887), публицист, историк.

Фалин Николай Яковлевич (1852–1902), в революционном движении с 70-х гг. В 1876 г. был сослан в Сибирь.

Федоров Александр Владимирович, генерал-майор, градоначальник Петербурга.

Федоров Анисим, см. Гобст А.

Федорчукова Анна Михайловна (ок. 1860—?), в начале 80-х гг. входила в народовольческие кружки Петербурга. В апреле 1881 г. арестована, в октябре освобождена под подписку. Позднее дело прекращено.

Феоктистов Евгений Михайлович (1829–1898), публицист, чиновник министерства народного просвещения, с 1872 по

1882 г. редактор «Журнала министерства народного просвещения». С 1883 по 1896 г. — начальник Главного управления по делам печати.

Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), входила в руководство «Земли и воли», с 1879 г. в «Народной воле». Участвовала в ряде покушений на Александра II. После арестов весны 1881 г. фактически возглавляла «Народную волю». Арестована в 1883 г., приговорена к пожизненному заключению. После освобождения в 1905 г. участвовала в общественной и литературной жизни страны. Автор мемуаров.

Флоринский Василий Маркович (1834–1899), профессор медицинского факультета Казанского университета.

Франк Розалия Федоровна (1861–1922), активная участница народовольческих кружков Петербурга в начале 80-х гг. Была административно выслана в Сибирь. В 1889 г. за участие в «Якутском протесте» приговорена к 4 годам каторги.

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), генерал-адъютант, командир лейб-гвардии конного полка, позднее, в 1898–1917 гг., министр двора и уделов.

Фроленко Михаил Федорович (1848–1938), член «Земли и воли». С 1879 г. член Исполкома «Народной воли», участник ряда покушений на Александра II. Арестован в марте 1881 г., приговорен к пожизненному заключению. После освобождения в 1905 г. занимался литературным трудом, автор воспоминаний и историко-революционных работ.

Фролов, палач, приводивший в исполнение приговоры многим революционерам конца 70-х — начала 80-х гг.

Фукс Эдуард Яковлевич (1834–1909), юрист, с 1877 г. сенатор, в 1881 г. первоприсутствующий Особого присутствия Сената для суждения дел о государственных преступниках.

Экеспарре Оскар Рейнгольдович фон, с 1876 г. эзельский предводитель дворянства.

Эльцина-Зак М., в 80-х гг. училась в Петербурге на медицинских курсах, участвовала в работе революционных кружков.

Юзефович Владимир Михайлович, вице-директор департамента полиции.

Юрьевская Екатерина Михайловна (1847–1922), любовница Александра II, с 1880 г., после смерти императрицы Марии Александровны, стала второй, морганатической женой Александра II.

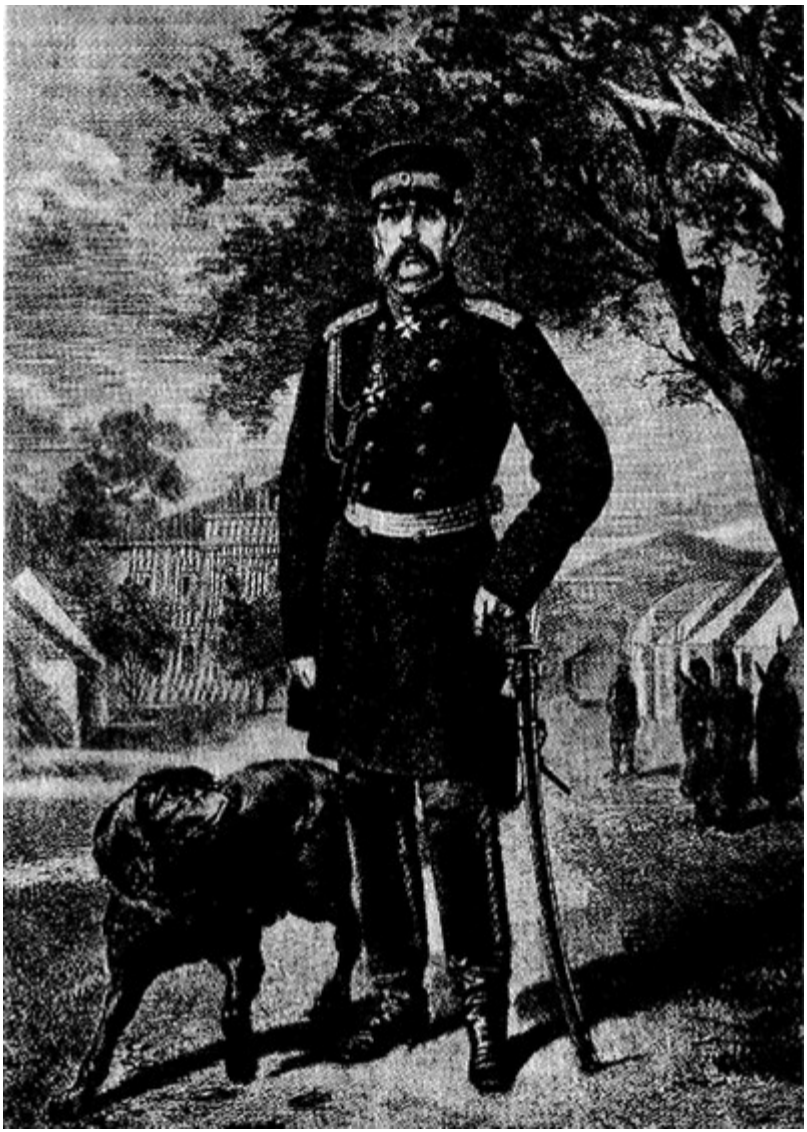
Якимова Анна Васильевна (1856–1942), член «Земли и воли», с 1879 г. член Исполкома «Народной воли», участвовала в подготовке покушения на Александра II, была «хозяйкой» сырной лавки на М. Садовой, откуда велся подкоп для установки мины. Арестована в 1882 г. и приговорена к пожизненному заключению. После 1917 г. входила в Общество политкаторжан, автор мемуаров.

Яковлев, офицер корпуса жандармов, служил в звании поручика в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, позднее в звании полковника, с 1902 по 1906 г. — комендант Шлиссельбургской крепости.

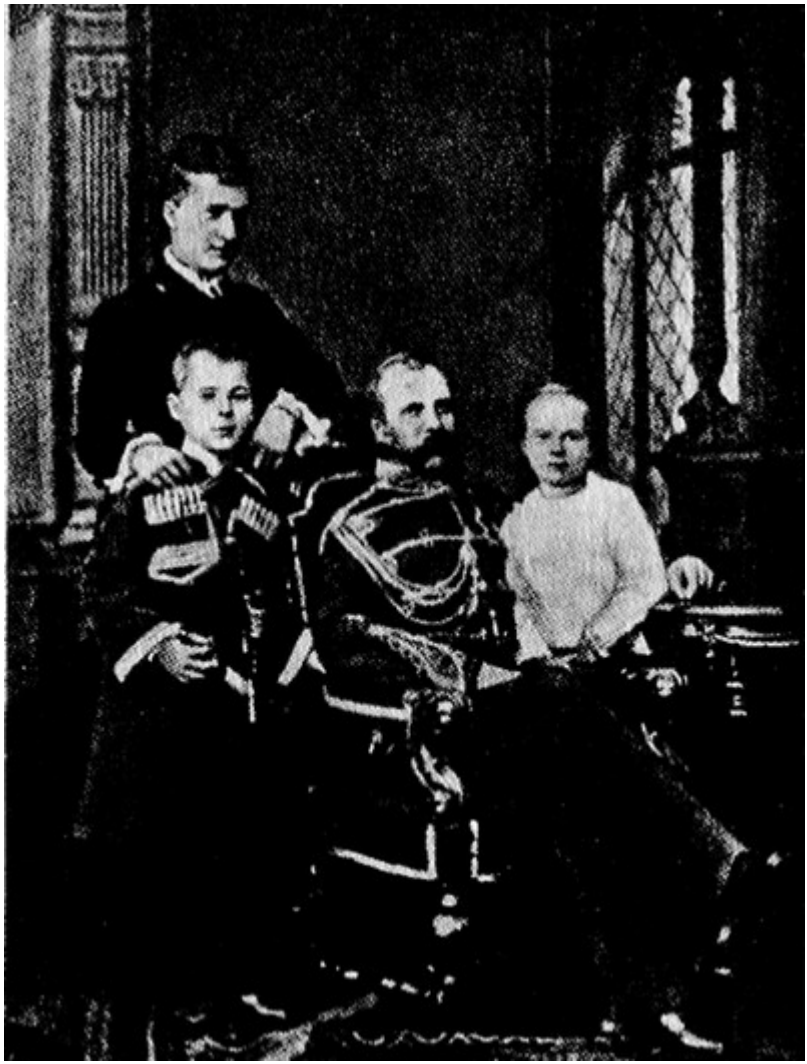
ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ УЛИЦ, ПЛОЩАДЕЙ И МОСТОВ ЛЕНИНГРАДА

Английская набережная — набережная Красного Флота.
Большая Дворянская ул. — ул. Куйбышева.
Большая Итальянская ул. — ул. Ракова.
Большая Морская ул. — ул. Герцена.
Гороховая ул. — ул. Дзержинского.
9-я ул. Песков — 9-я Советская.
Екатерининский канал — канал Грибоедова.
Забалканский пр. — Московский пр.
Захарьинская ул. — ул. Каляева.
Знаменская пл. — пл. Восстания.
Измайловский полк — Измайловский пр.
Казанская ул. — ул. Пестеля.
Кирочная ул. — ул. Салтыкова-Щедрина.
Конногвардейская ул. — Суворовский пр.
Миллионная ул. — ул. Халтурина.
Михайловская площадь — площадь Искусств.
Михайловская ул. — ул. Бродского.
Могилевская ул. — вошла в состав Лермонтовского пр.
Монетная ул. — ул. Скороходова.
Надеждинская ул. — ул. Маяковского.
Николаевская ул. — ул. Марата.
Николаевский мост — мост Лейтенанта Шмидта.
1-я рота Измайловского полка — 1-я Красноармейская.
5-я ул. Песков — 5-я Советская.
7-я рота Измайловского полка —7-я Красноармейская.
Семеновский плац — ныне район, где расположен Театр юного зрителя и ул. Брянцева.
Софийское предместье — район, прилегающий к Софийскому собору в г. Пушкине.
Спасская ул. — ул. Рылеева.
Театральная ул. — ул. Зодчего Росси.
Троицкая ул. — ул. Рубинштейна.
Царицын луг — Марсово поле.
Царскосельский пр. — Детскосельский пр.
Шпалерная ул. — ул. Воинова.

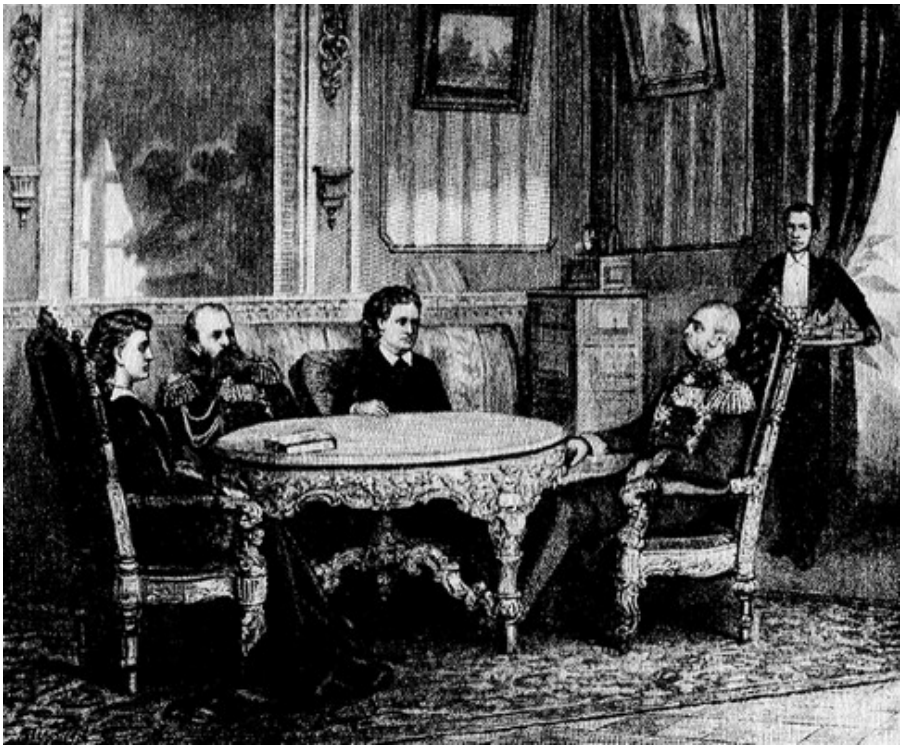
ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Александр II, 1880 г.

Александр II с женой, княгиней Екатериной Юрьевской и детьми

Последний визит Александра II к великой княгине Екатерине Михайловне 1 марта 1881 г.

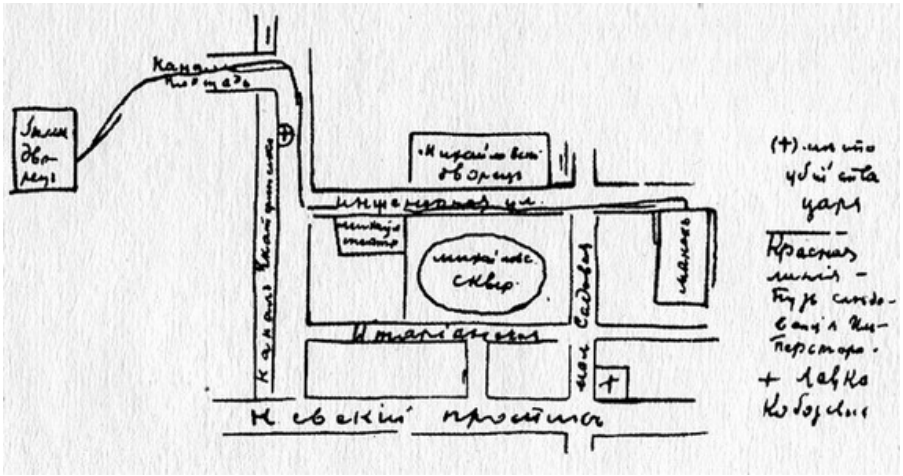

Зимний дворец
Невский проспект
(+) место где был ранен царь
Красная линия – путь следования царского экипажа
+ лавка Кобозева

Схема покушения, восстановленная по памяти А. В.

Якимовой

Андрей Желябов

Софья Перовская

Игнатий Гриневицкий

Николай Рысаков

Тимофей Михайлов

Иван Емельянов

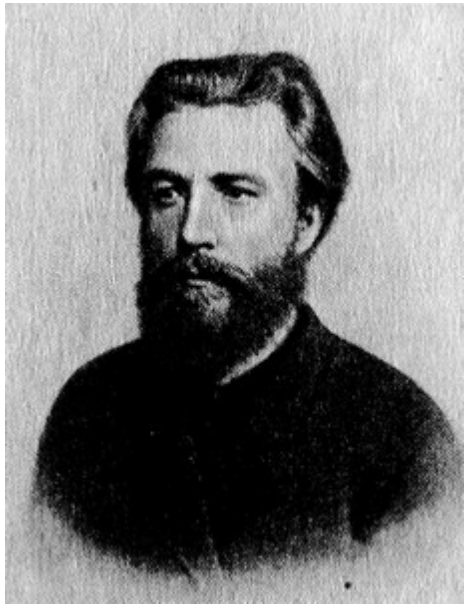
Геся Гельфман

Николай Кибальчич

Михаил Фроленко

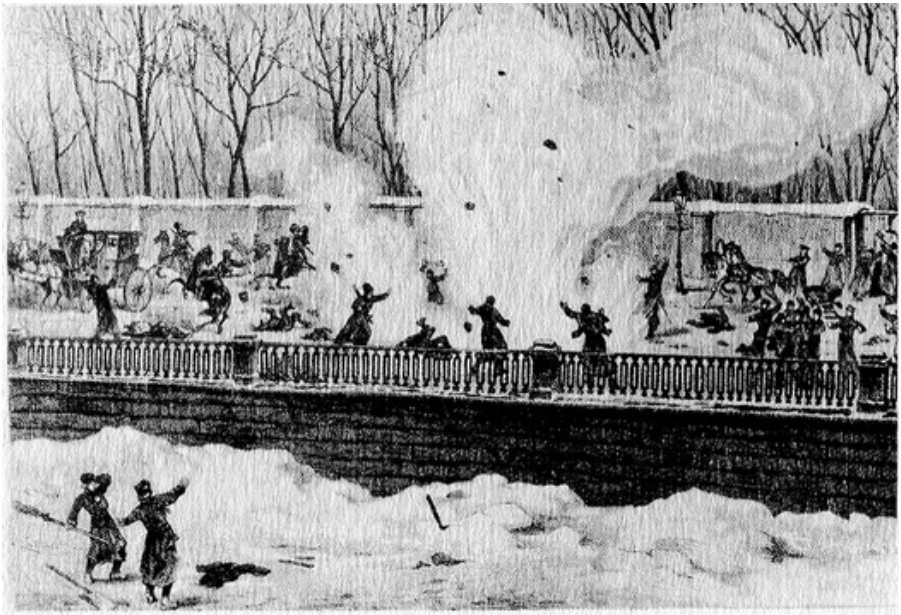

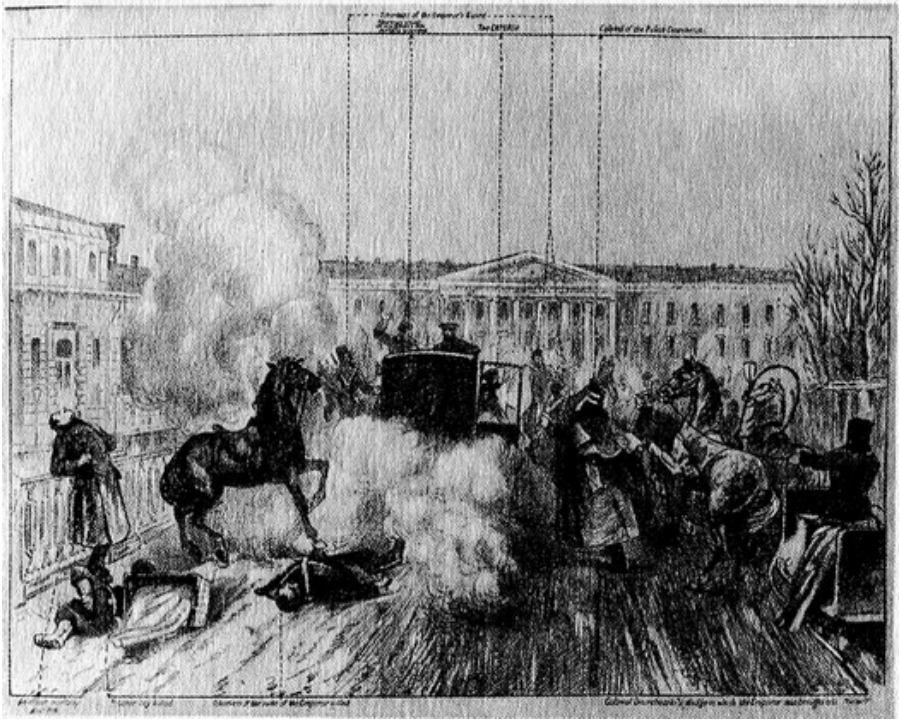
Юрий Богданович

Анна Якимович

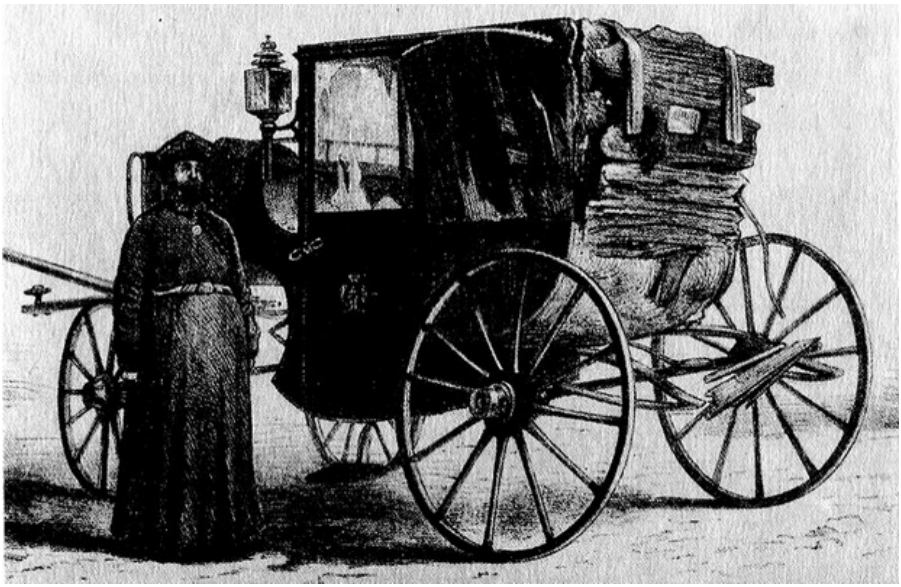

Взрыв бомбы Рысакова

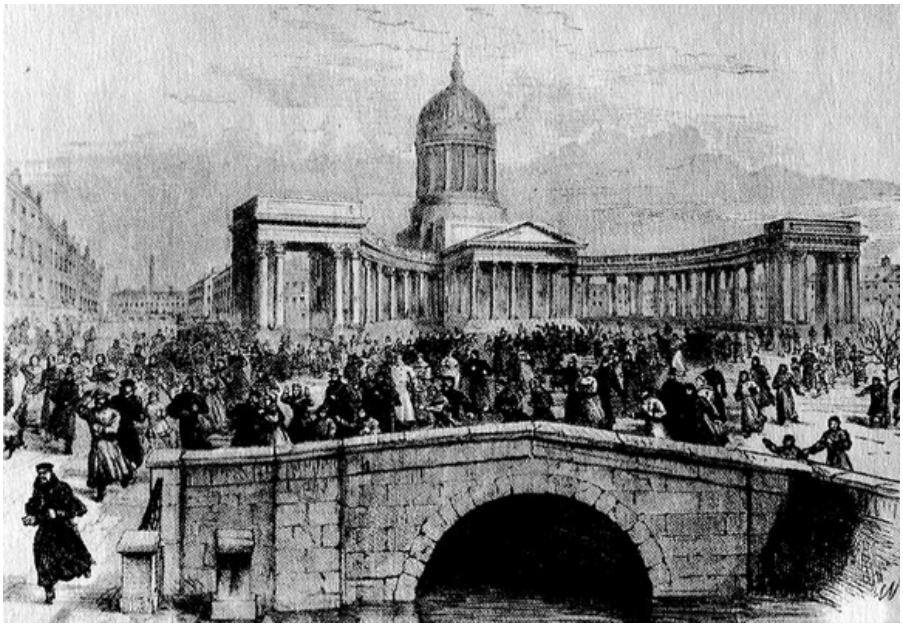
Александр II после взрыва

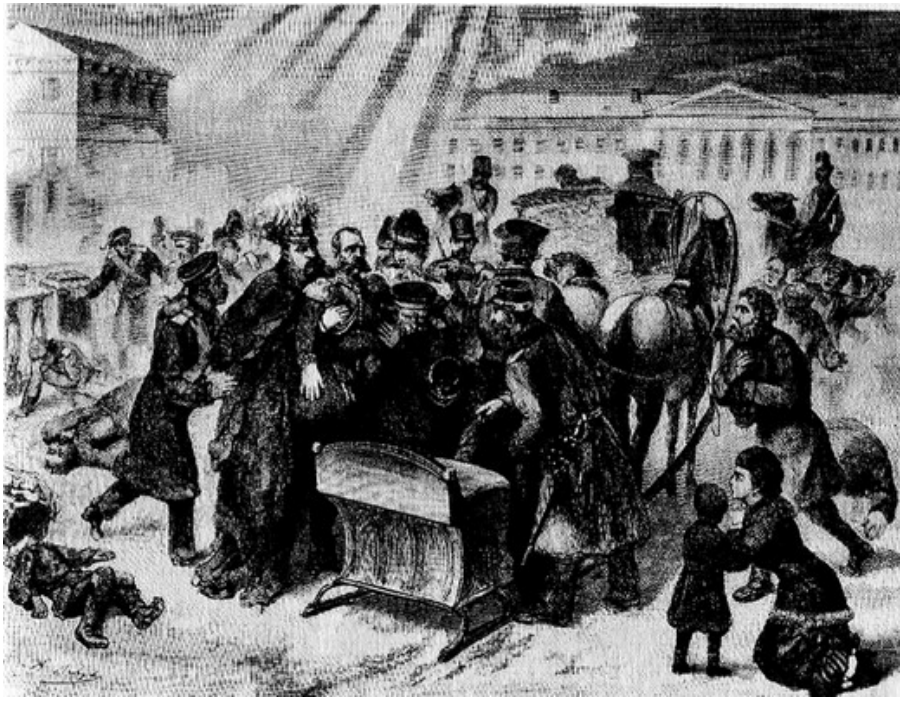
Царская карета, поврежденная бомбой

Взрыв бомбы Гриневицкого

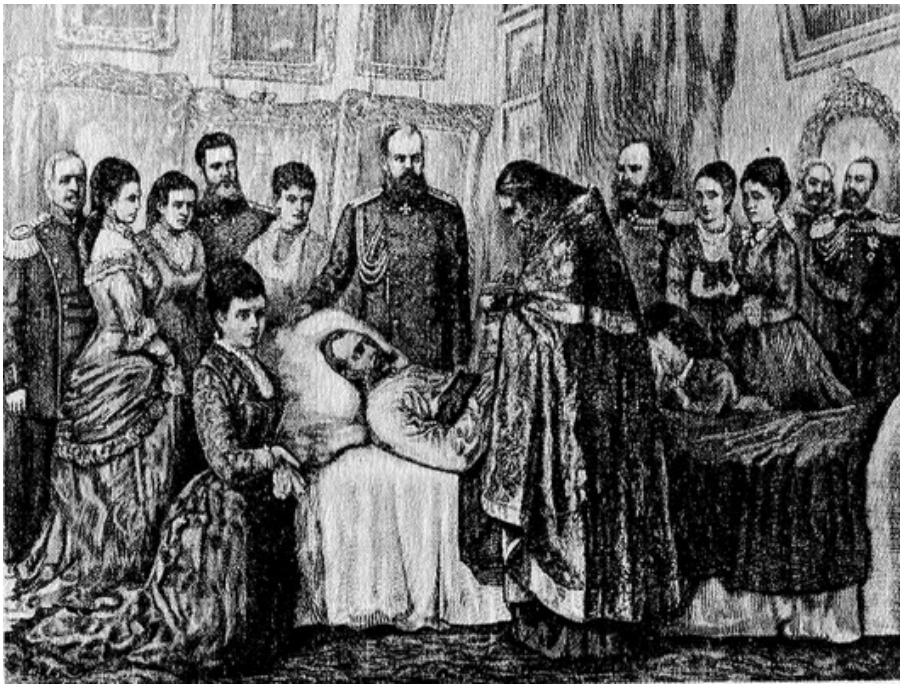
На Невском проспекте через секунду после взрыва

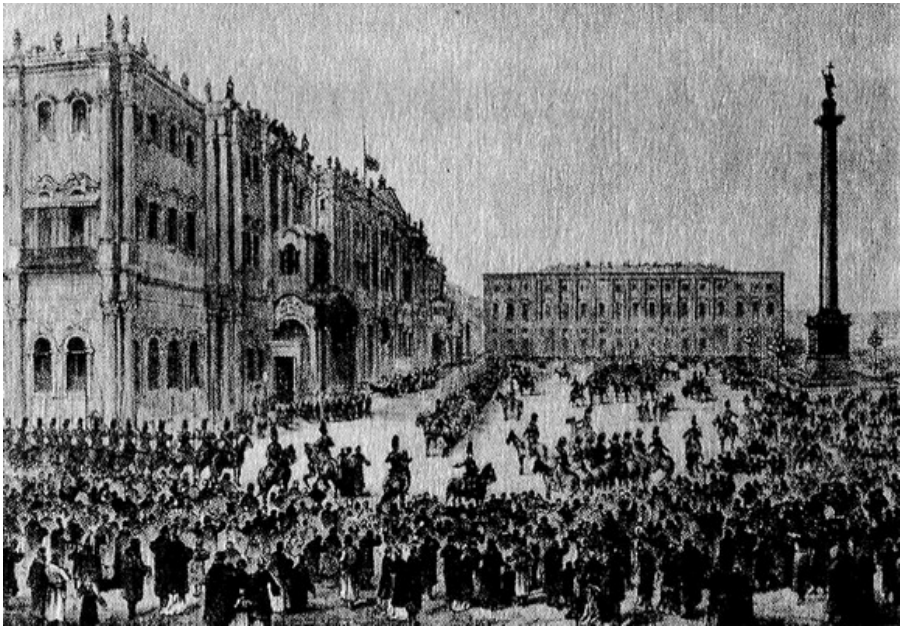
Тяжело раненного императора укладывают в сани

На месте покушения спустя четверть часа

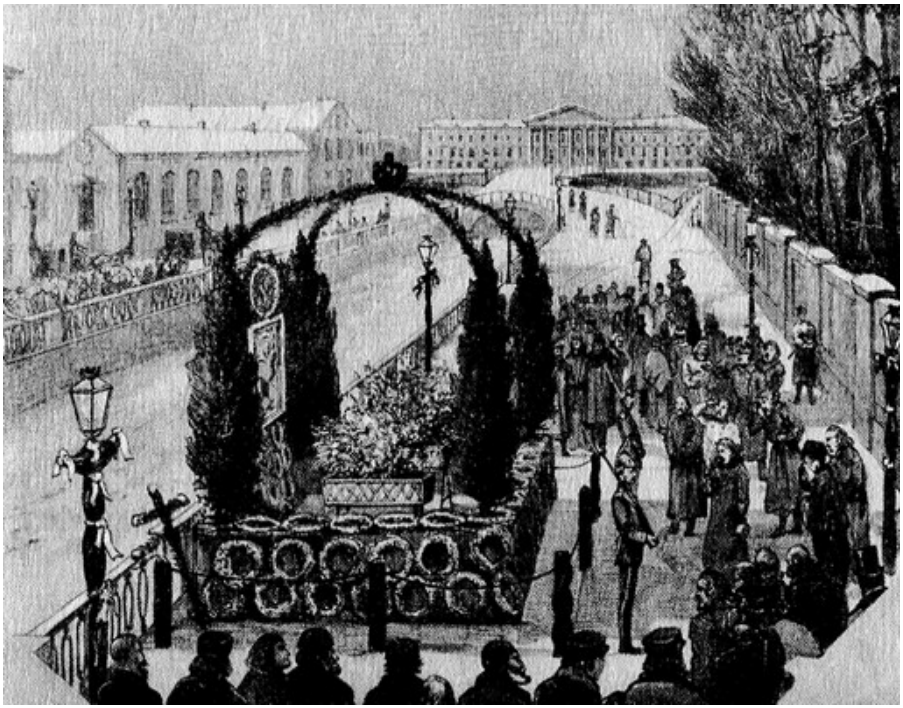
Последние минуты

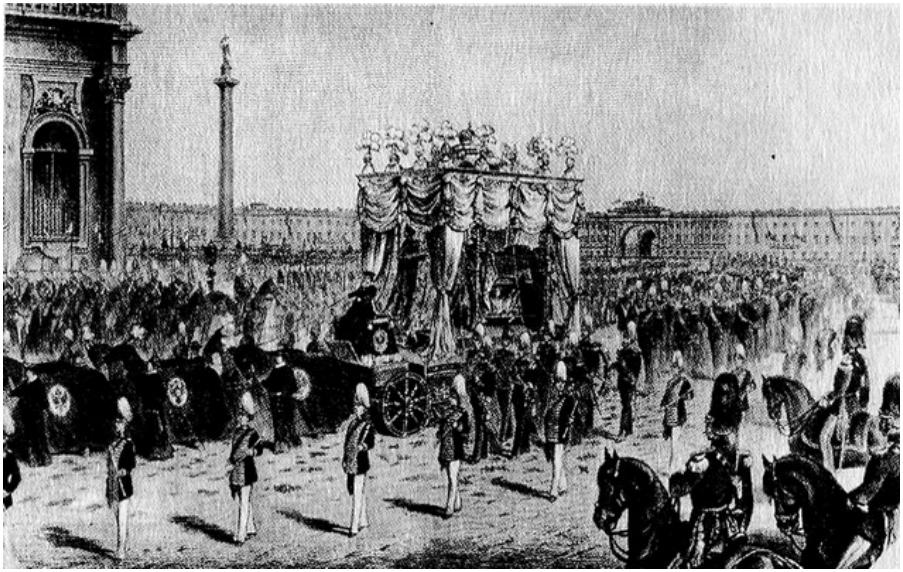
В ожидании известий. Дворцовая площадь 1 марта 1881 г.

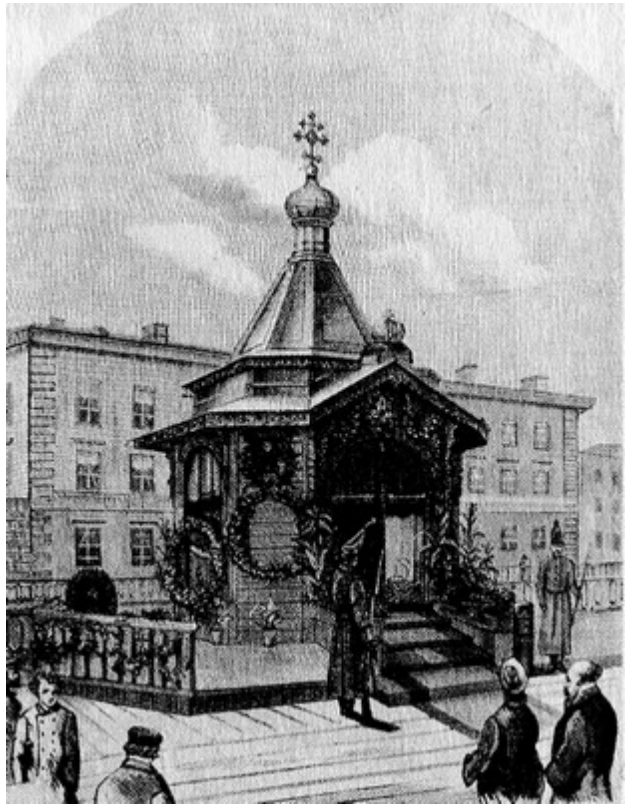
На смертном одре

На месте покушения через несколько дней

Траурный кортеж. Перенесение тела Александра II из Зимнего дворца в Петропавловский собор

Временная часовня на Екатерининском канале

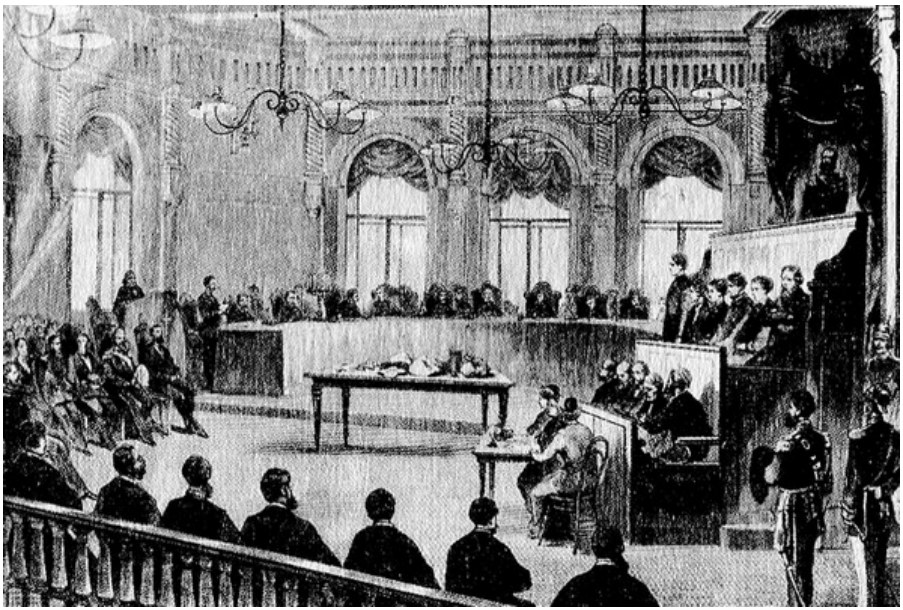
М. Т. Лорис-Меликов

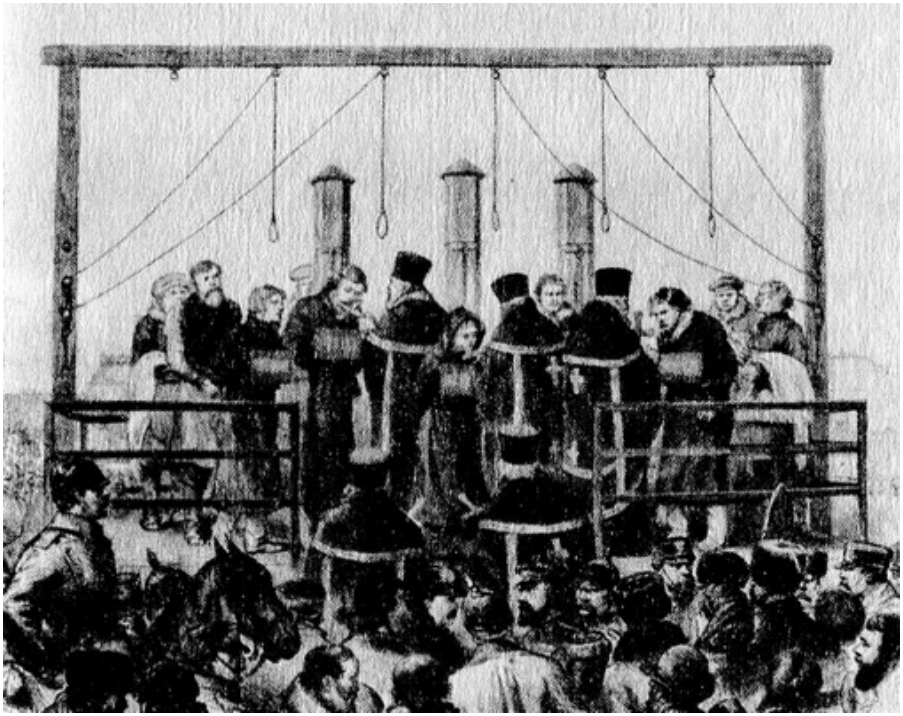
Н. П. Игнатьев, сменивший М. Т. Лорис-Меликова на посту министра внутренних дел

Поиски мины на Малой Садовой

В зале заседаний суда

Казнь

notes

Примечания

1

Ленинский сборник, т. 19, с. 237.

2

Подробнее с сущностью народничества можно познакомиться, обратившись к сборнику «Революционеры 1870-х гг.» (Л., 1986, с. 34–42).

Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М, 1973, с. 157.

Литература партии «Народная воля». М., 1930, с. 4.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 179.

6

Революционное народничество 70-х гг. XIX в. Т. 2. М. — Л., 1965, с. 175.

7

Подробнее об этом см. предисловие к сборнику воспоминаний «„Народная воля“ и „Черный передел“» (Л., 1989, с. 18–24)

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 43.

9

Революционное народничество 70-х гг. XIX в., т. 2, с. 233.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.

11

Архив «Земли, и воли» и «Народной воли», хранившийся у петербургского литератора В. Р. Зотова, был после его смерти передан издателю А. С. Суворину. Известие о сохранности архива обнародовано лишь в марте 1917 г. Сам архив опубликован в 1932 г. Программа «Народной воли» в нем отсутствует.

12

Имеется в виду поражение в Крымской войне 1856–1858 гг. и падение Севастополя.

13

Не подтверждается другими показаниями.

14

Имеется в виду взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., организованный С. Н. Халтуриным.

15

Не подтверждается другими показаниями.

16

Не подтверждается другими показаниями.

17

Бандаж (лат.).

18

Революционные круги не имели связей в высших сферах, и личность наследника Александра II была совершенно неизвестна. А. Соловьев шел на покушение 2 апреля в твердой уверенности, что устранение царя вызовет перелом во внутренней политике правительства и явится возможность деятельности в народе. Только послереволюционная литература осветила и отношение наследника престола к февральскому проекту так называемой лорис-меликовской конституции, и поведение его 8 марта уже как императора на заседании Совета министров (с особо приглашенными лицами — графом Строгановым и Победоносцевым, мнение которого победило). — *Примеч. авт.* (Речь идет о заседании Комитета министров 8 марта 1881 г., на котором вновь рассматривался уже подписанный Александром II проект реформ, предложенных М, Т. Лорнс-Меликовым. Несмотря на то что в его защиту выступили военный министр Д. А. Милютин, министр финансов А. А. Абаза и некоторые другие крупные государственные деятели, реакционному большинству, опиравшемуся на поддержку Александра III, удалось отклонить этот проект. — *Сост.*)

19

Сам Муравьев, после моего ареста, говорил мне это. *Примеч. авт.*

20

Одни из первых в Петербурге женских курсов.

21

Народническая организация, названная так по имени одного из ее создателей — Н. В. Чайковского.

22

Благодаря этому Рысаков, предав Тележную ул., не мог выдать Садовой. — *Примеч. авт.*

23

Навязчивая идея (лат.).

24

Накидка (франц.).

25

Члены революционного кружка во главе с А. В. Долгушиным.

26

Мне Исаев в Шлиссельбурге говорил, что его поставили на стул и в таком положении продержали весь день. — *Примеч. М. Фроленко.*

Очевидно, агент Исполнительного комитета.

28

Имеются в виду аресты участников «хождения в народ» в 1874–1875 гг.

29

О мертвых хорошо или ничего (лат.).

30

Мы прибываем всегда слишком поздно (франц.).

31

Мраморный дворец — резиденция великого князя Константина Николаевича, бывшего в 1881 г. председателем Государственного совета, известного сторонника либеральных реформ.

32

Король умер, да здравствует король (франц.).

33

Так (лат.).

34

Начальные слова религиозного гимна в католической церкви и обозначение одного из видов богослужения, в данном случае — православной панихиды.

35

Как днем (итал.).

36

Накидка.

37

Автор ошибается, — осмотр лавки производил генерал К. О. Мравинский.

38

Имеются в виду особые отношения между морганатической женой Александра II княгиней Юрьевской и молодой императорской четой.

39

Имеется в виду разработанный М. Т. Лорис-Меликовым проект некоторых конституционных реформ.

40

Возможно покушение (лат.).

41

Домашнее (англ.).

42

Так современники называли период правления М. Т. Лорис-Меликова.

43

Принял причастие.

Записки печатались анонимно, хотя предполагается, что их возможным автором был В. П. Булгаков, выпускник Пажеского корпуса, один из представителей «золотой» петербургской молодежи.

45

«Подъезжать на ординарцы» в данном случае означает «быть сопровождающим».

46

О том, что гр. Лор. — Меликов просил Государя не ездить на развод, сообщил мне кн. Ал. Иракл. Багратион-Мухранский, родной племянник графа, слышавший об этом от самого Лор. — Меликова. — *Примеч. авт.*

47

Рядовой конного полка.

48

Он мертв, он мертв (лат.).

49

М. Ф. Фроленко в течение долгого времени именовался в официальных бумагах как М. Ф. Фоменко. Это пошло от оговора Гольденберга, который называл его Фоменкой. — *Примеч. редактора источника.*

50

Приговоренный к смерти за участие в убийстве генерала Мезенцова А. Ф. Михайлов в 1880 г. подал царю прошение и был помилован.

51

Имеется в виду попытка народовольцев взорвать поезд Александра II под Москвой 19 ноября 1879 г.

52

Библиотека генерала Комарова располагалась на Невском проспекте. Ее хозяин, видимо, был связан с полицией.

53

Варвар — конь, на котором С. М. Степняк-Кравчинский и А. Ф. Михайлов скрылись от преследования после убийства Мезенцова в 1878 г.

Слова в скобках, очевидно, принадлежат составителю списка.

Желябов преднамеренно вводит следствие в заблуждение относительно организации «Народной воли».

Здесь и далее: слова, взятые в скобки, очевидно, были зачеркнуты в оригинале.

57

Имеется в виду покушение на Александра II осенью 1879 г. под Москвой.

Имеется в виду покушение С. Н. Халтурина.

59

Непериодическое обозрение, выпускавшееся под руководством П. Л. Лаврова в 1873–1877 г. в Швейцарии и Англии.

60

Газета, издававшаяся «Народной волей» специально для распространения среди рабочих.

На основании этого заявления смертная казнь Г. Гельфман была заменена бессрочными каторжными работами.

Примечание Прибылевой-Корбы: «Привлечение Рысакова к делу 1 марта состоялось при таких обстоятельствах: осенью 1880 года Исполнительному комитету было сообщено, что студент Горного института Рысаков предлагает свои услуги для совершения террористического акта. Узнав, что этому студенту 19 лет, Исполнительный комитет был склонен вовсе не вступать с ним в переговоры, но так как лица, говорившие от имени Рысакова, настаивали на том, чтобы Комитет воспользовался предложением Рысакова для целей партии, то решено было подвергнуть его испытанию. За нравственные качества Рысакова ручались его знакомые, но было необходимо убедиться в его мужестве и стойкости. Однако это испытание вовсе не должно было влечь за собою неминуемую террористическую деятельность Рысакова. Комитету важно было выяснить лишь степень его доверия, которую заслуживал Рысаков. Испытание было организовано так: в октябре 80 г. в Петербурге получились новые принадлежности для большой типографии „Народной воли“, пересылались большой вал, шрифт и еще какие-то тяжелые предметы. Этот груз был отправлен из провинции по двум жел. — дор. накладным. Получка груза, конечно, представляла некоторую опасность: ящики могли разбиться дорогой, могло случиться что-нибудь и другое в этом роде. Рысакову поручили получить груз по одной накладной. Ему было указано, по каким улицам он должен был ехать с ломовым извозчиком. На некотором расстоянии от вокзала, на мосту, его ждало лицо, посланное Комитетом. Лицо это должно было сменить Рысакова для дальнейшего препровождения ящиков. Рысаков оказался мужественным и точным. В назначенное время он уже был на мосту. К нему подошел человек, которого он отрекомендовал в качестве брата, который и поедет с ним дальше. Несколько дней спустя Рысакову дали вторую накладную, и на этот раз доверили ему доставить груз на квартиру Люстига (судился по „процессу 20-ти“). И на этот раз он выполнил поручение превосходно. Так как Рысаков продолжал свои сношения с Комитетом с целью исполнять его поручения, то его привлекли к участию в „наблюдательном отряде“, о чем говорит Тырков в своей интересной и правдивой статье. Приближалась развязка: чем ближе подходило время к 1 марта, тем более события ускоряли свой ход, а на роль 1-го метальщика не было вполне испытанного человека. Молодость Рысакова по-прежнему составляла громадное препятствие к привлечению его к делу, но сила вещей

одержала верх над всеми соображениями».

63

Имеется в виду акция народовольцев в Петербургском университете, когда П. Подбельский нанес пощечину министру просвещения, а Л. М. Коган-Бернштейн разбросал листовки.

Письмо Н. И. Кибальчича было доставлено по назначению и прочитано Александром III. Он положил следующую резолюцию: «Нового ничего нет — фантазия больного воображения и видна во всем фальшивая точка зрения, на которой стоят эти социалисты, жалкие сыны отечества».

65

Суд начался 26 марта 1881 г. Первоприсутствующим был сенатор Е. Я. Фукс, обвинителем — товарищ прокурора Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьев. В качестве защитников выступали А. М. Унковский, Халтари, Герке, В. Н, Герард, Е. И, Кедрин.

В течении (франц.).

67

Видимо, имеется в виду брошюра «Террористическая борьба» (Женева, 1880).

68

Речь идёт о брошюре «Убийство шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцова» (Спб., 1878), которая начиналась словами: «Смерть за смерть!».

В итоге царь распорядился сделать В. Соловьеву внушение и наложил запрет на чтение им публичных лекций.

70

Пропуск в тексте.

71

Коварные замыслы, козни.

На этом письме рукой Александра III написано: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что *все шестеро будут повешены*, за что я ручаюсь».

Помощники палача, а нередко и сами палачи, набирались из отбывших срок уголовников, стремившихся таким образом облегчить свою участь.